

2017 / 53

кому выгодно / cui prodest

проект
байкал /
project
baikal

ВЫГОДНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РЕНОВАЦИИ
ОБРАЗОВАНИЕ
РЕПРЕССИИ
ЗАХА ХАДИД

12+

ALFRESCO™

НАРУЖНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ
www.allfresco.ru

Компания ALFRESCO
Москва, ул. Верхняя Первомайская д.43/24, оф. 27
+7 495 290-31-30, +7 495 290-31-32
E-mail: info@allfresco.ru
www.allfresco.ru

Как утверждал булгаковский Иешуа, злых людей не бывает. Все люди всегда стремятся к добру, к благу. Но вот беда – понимание того, что есть благо, никак не приобретает общечеловеческий характер. Для разных групп, сообществ, отдельных людей понятие добра содержит порой удивительно противоречивые смыслы. И самые кровавые войны и революции, самые тяжкие потери в культурном наследии человечества были вызваны чьим-то искренним стремлением к добру и выгоде.

Знаменитый римский юрист Кассиан Лонгин Равилла в I веке сформулировал логический принцип, позволяющий «вычислить», чьи именно представления о добре и выгоде вызвали к жизни те или иные явления в общественной жизни. С логической точки зрения принцип далеко не безупречен: засуха выгодна зерноторговцу, но не он вызывает засуху. Тем не менее принцип cui prodest зачастую служит верной подсказкой, указывающей на истинного виновника событий и процессов. Другой, гораздо более известный юрист рубежа XIX–XX веков очень любил использовать этот принцип в политических дискуссиях и даже вынес его в заголовок одной из своих полемических статей.

В профессиональном сообществе немало тех, кому безразличны процессы, происходящие в современных городах, кого беспокоит состояние архитектурного и градостроительного образования в нашей стране, кто считает опасной трансформацию статуса архитектора, кого не устраивает то, что на практике происходит в отношении наследия. И мы не хотели бы ограничиваться поисками виноватых в этих негативных процессах. Мы надеемся, что анализ причин и выгод происходящего поможет увидеть его логику и смысл, его цели и движущие причины. А поняв, более успешно влиять на них к нашей общей и долговременной выгоде.

Елена Григорьева

As Bulgakov's Yeshua said, there are no evil people. People always aim for goodness. But the problem is that the idea of goodness has not yet become common to all mankind. Sometimes, the notion of goodness has surprisingly controversial senses for different communities, groups of people, or different persons. The bloodiest wars and revolutions and the heaviest losses in cultural heritage of the mankind were caused by somebody's pursuance of goodness and profit.

In the 1st century AD, the famous Roman lawyer Cassian Longin Ravilla formulated a logical principle that makes it possible to figure out whose ideas of goodness and profit give rise to different phenomena of social life. From a logical point of view, this principle has its drawbacks: drought is profitable for a grain merchant, but he never causes the drought. However, the cui prodest principle often indicates the true causer of events and processes. Another lawyer, who was very famous in the early 20th century, often used this principle in political discussions and even made it a title of one of his polemical articles.

There are a lot of people in the professional community who are very much concerned about the processes occurring in contemporary cities, about the situation in architectural and town-planning education in our country; who think that transformation of the status of the architect is dangerous, and who are not satisfied with the heritage practices. We are not going to limit ourselves to the search of those who are to blame for these negative processes. We believe that the analysis of the reasons and the benefits of all that is happening will allow us to see its logic and sense, its goals and triggers. As soon as we understand this, we'll be able to influence it more effectively, for our common and long-term benefit.

Elena Grigoryeva, editor-in-chief

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала издателю Барту Голдхоорну, издательству **А-Фонд**, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

корректор
Инесса Бражникова

литературные редакторы
Инесса Бражникова
Марина Ткачева

верстка
Татьяна Анненкова

переводчик, редактор раздела «Новости МСА»
Анна Григорьева

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

обложка
Алексей Сергеев

адрес типографии
000 "Типография Принт Лайн",
Иркутск, ул. Сергеева, 3/4
Тираж 300 экз. Заказ 2337
Подписано в печать 26.09.17

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Периодичность 4 раза в год
Цена свободная

12+

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

53
кому выгодно /
cui prodest

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии Google (**Google Scholar**)
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**
- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
коротко		Коротко	7
		INICIAL SYSTEMS на защите рубежей. Уникальный военный объект «Арктический трилистник»	8
		Декоративный камень White Hills для внутренней отделки	10
	Юлия Краковцева	Железнодорожный вокзал Улан-Удэ	11
	Ксения Виноградова	Искусство на краю земли.	
	Ирина Фёдорова	I Международный конкурс геодизайна «Итуруп-стиль»	12
		.....	13
кому выгодно	Константин Лидин	Архитектура, выгодная всем	14
	Марина Ткачева	Дискуссионный клуб «Кому выгодно?».....	22
		Ответы на вопросы ПБ.....	28
	Андрей Боков	Фавориты и изгои.....	31
	Андрей Боков	Менеджеры и архитекторы	32
	Виктор Логвинов	Качество жизни и права	34
	Сергей Зыков	Развивать законы во благо наших городов.....	35
	Александр Раппапорт	Бюрократизация профессии	36
		.....	37
образование	Марк Меерович	Российское архитектурное образование: «Пилите, Шура, она золотая...»	38
	Александр Раппапорт	Радикальный поворот	47
	Петр Капустин	О типах профессионализма в архитектурном образовании	50
	Елена Булгакова	МИТУ-МАСИ. Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт – архитектурная школа нового типа	54
	Елена Багина	Иронический экскурс	58
	Ирина Головицкая	В России есть другие города	62
образование / монитор	Динара Ильина	Общеобразовательная школа в Ленинском районе Иркутска	66
	Надежда Наумова		
	Инна Дружинина	Система энергоэффективных модулей для вахтового поселка.....	68

Special thanks to Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia

proofreader
Inessa Brazhnikova

literary editors
Inessa Brazhnikova,
Marina Tkacheva

upmaking
Tatyana Annenkova

translator, editor of the "UIA News" section Anna Grigorieva

address of the publisher and the editorial board
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,

email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

Cover:
Aleksey Sergeev

printed by
000 "Типография Print Line"
Sergeeva Street 3/4 Irkutsk
print run 300
passed for printing: 26.09.17

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database

12+

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards и Kaira Looor, архитектурного фестиваля «Зодчество» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards and Kaira Looor, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

книга	Андрей Ефимов	Дизайн сегодня: из виртуального пространства к предметно-средовой реальности	70
реновации	Татьяна Павлова Юрий Бержинский	Реконструкция первой панельной серии в Прибайкалье и реновация пятиэтажек в Москве	71
	Екатерина Гладкова Валерий Козлов	Реновация жилого микрорайона Зильберхёэ в Галле (Германия)	76
	Марк Меерович	Сносить нельзя реконструировать	78
репрессии	Марк Меерович Елена Багина	Советская индустриализация и ГУЛАГ	86
	Б. Преловская	О «живых лисах в меховом магазине», пролетарской культуре и мещанском быте	91
	Василий Лисицин	«Лица необщим выраженьем»	96
	Марк Меерович	Гостиница «Сибирь» («Центральная»)	100
выгодное наследие	Марк Меерович Елена Григорьева	О человеке, который построил «Сибирь»	102
	Марина Ткачева	.....	103
	Марк Меерович Елена Григорьева	Дискуссионный клуб «Выгодное наследие»	104
	Козьма Кварталов	По правилам	114
	Фабио Тодескини Лиана Янсен	Мифы 130-го квартала. Продолжение	116
	Анастасия Заступенко	Наследие и развитие города Стелленбос (Западный Кейп, ЮАР) Продолжение. Начало в ПБ52	118
	Ольга Смирнова	Кому выгодны деревья?	124
post scriptum	Виктор Логвинов Ирина Пономарева	Симбиоз приятного и приятного	125
	Илья Лежава	От «зеленого строительства» к природоинтегрированной архитектуре. Принцип использования природных форм	128
наследие	Георги Станишев	Современная архитектура и город	140
		Заха Хадид: между визионерным и прагматическим	150
авторы		.....	160

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
in brief		In brief	7
		INICIAL SYSTEMS Defends the Borders. The Unique Arctic Trefoil Military Base	8
		White Hills Decorative Stone for Inner Decoration	10
	Yulia Krakovtseva	Ulan-Ude Railway Station	11
	Ksenia Vinogradova	Art on the Edge of the World.	
	Irina Fedorova	The 1st International Geodesign Competition "Iturup-Style"	12
cui prodest		.....	13
	Konstantin Lidin	Architecture Profitable for All.....	14
	Marina Tkacheva	Discussion Club "Cui Prodest?"	22
		Answers to the Questions Posed by PB	28
	Andrei Bokov	Favourites and Outsiders	31
	Andrei Bokov	Managers and Architects	32
	Victor Logvinov	The Quality of Life and the Right.....	34
	Sergey Zykov	To Develop the Laws for the Benefit of Our Cities	35
	Alexander Rappaport	Bureaucratisation of the Profession.....	36
education		.....	37
	Mark Meerovich	Russian Architectural Education: "Saw, Shura, It Is Gold..."	38
	Alexander Rappaport	A Radical Switch	47
	Petr Kapustin	The Types of Professionalism in Architectural Education	50
	Elena Bulgakova	Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute Is an Innovative Architectural School	54
	Elena Bagina	Ironical Excursus	58
	Irina Golovitskaya	There Are Other Cities in Russia	62
education / monitor	Dinara Ilyina	Secondary School in Leninsky District, Irkutsk	66
	Nadezhda Naumova		
	Inna Druzhinina	The System of Energy-Efficient Modules for a Shift Camp	68
book	Andrey Efimov	Design Today: from the Virtual Space to the Objective and Environmental Reality	70
renovations		.....	71
	Tatyana Pavlova	Reconstruction of the First Prefabricated Series in Pribaikalie and Renovation	
	Yuri Berzhinsky	of the Five-Storey Houses in Moscow	72
	Ekaterina Gladkova		
	Valeriy Kozlov	Renovation of Silberhöher Residential Neighborhood in Halle (Germany)	76
	Mark Meerovich	Demolition Impossible to Restore.....	78
repressions		.....	85
	Mark Meerovich	The Soviet Industrialization and GULAG	86
	Elena Bagina	On the "Alive Foxes in a Furrier's Shop", Proletarian Culture and Petty-Bourgeois Households	91
		"Uniqueness of the Face"	96
	Vasili Lisitsyn	Hotel Sibir (Tsentralnaya).....	100
	Mark Meerovich	About the Man Who Built "Sibir"	102
profitable heritage		.....	103
	Marina Tkacheva	Discussion Club "Profitable Heritage"	104
	Mark Meerovich		
	Elena Grigoryeva	Under the Rules	114
	Kozma Kwartalov	Myths of the 130 Quarter (Continued)	116
	Fabio Todeschini	Heritage and the Development of Stellenbosch, Western Cape, South Africa.	
	Liana Jansen	Continuation. Beginning in PB 52	118
	Anastasia Zastupenko	For Whose Benefit Are the Trees?	124
	Olga Smirnova	Symbiosis of the Pleasant and the Pleasant.....	125
post scriptum	Victor Logvinov	From "Green Building" to Architecture Integrated with Nature.	
	Irina Ponomareva	The Principle of Using Natural Forms	128
heritage	Ilya Lezhava	Contemporary Architecture and the City	140
	Georgi Stanishev	Zaha Hadid: Between the Visionary and the Pragmatic	150
authors		.....	160

2017 UIA Gold Medal and Prizes: Winners

Created in 1961, the UIA Prizes honour professionals whose qualities, talents, and actions have had an international impact on the diverse sectors of architectural practice. This year, the Secretariat received 46 nominations. The winners selected by the Jury, composed of UIA Bureau members, were presented with their medal at the Awards Ceremony on 6 September, during the 26th UIA World Congress in Seoul, Korea.

The jury has attributed the **Gold Medal**, the highest honour awarded to a living architect by his fellow architects, to leading Japanese architect **Toyo Ito**, nominated by the Japan Institute of Architects.

The **Jean Tschumi Prize** for Architectural Criticism or Architectural Education was attributed to Professor **Ashraf M Salama** (Egypt), nominated by the UIA's Egyptian Member Section.

The **Robert Matthew Prize** for the Improvement of the Quality of Human Settlements went to South African **Carin Smuts**. Ms. Smuts was nominated by the UIA's French Section.

The **Vassilis Sgoutas Prize** recognizing inventive, implemented architectural solutions for reducing poverty and indigence was awarded to Vietnamese **Hoang Thuc Hao**. Mr. Hoang was nominated by the UIA's Vietnamese Section.

This year, the Jury decided not to attribute a prize for the **Sir Patrick**

Abercrombie Prize for Town-Planning or Territorial Development.

The **Auguste Perret Prize** for Applied Technology in Architecture went to **Nikolay Shumakov** (Russia), nominated by the UIA's Russian Member Section.

Nikolay Shumakov is the first Russian architect awarded by the Prize. Nikolay Ivanovich is an honoured architect of the Russian Federation, president of the Union of Architects of Russia, president of the Union of Moscow Architects, chief architect of Metrogiprotans OJSC, academician of the Russian Academy of Arts, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, academician of the International Academy of Architecture

Moscow Branch, member of the Moscow Architectural Board, member of the Union of Artists. He is an author of a number of Moscow landmarks: more than thirty metro stations, the monorail, light-rail metro and others. His most famous works including the Zhivopisny (Picturesque) Bridge, the Terminal A of Vnukovo Airport and the stations of the Lyublinsko-Dmitrovskaya Line of the Moscow Metro were nominated for the Prize.

On 7 September Nikolay Shumakov took part in the UIA General Assembly to represent the interests of the Union of Architects of Russia and Russia as a whole.

More information:
www.uia-architectes.org
<https://ardexpert.ru>

Международные новости архитектуры / International Architecture News

Золотая медаль и другие награды МСА

Начиная с 1961 года Международный союз выбирает архитекторов, оказавших существенное влияние на архитектурную практику во всем мире. В этом году жюри, в состав которого вошли члены Бюро МСА, объявило победителей, отобранных из 46 претендентов. Церемония награждения победителей состоялась 6 сентября 2017 года в Сеуле (Корея) в рамках XXVI Всемирного конгресса МСА.

Золотая медаль МСА – высшая награда, которую вручают практикующим архитекторам по признанию коллег, – досталась известному японскому архитектору **Тойо Ито**.

Премии Жана Чуми за образование и архитектурную критику получил профессор из Египта **Ашраф Салама**.

Премия Роберта Мэтью за повышение качества жизни в городах

досталась **Кэрин Смутс** из Южной Африки.

Премии Василиса Сгутаса за применение новаторских архитектурных решений в борьбе с нищетой и бедностью отдали вьетнамскому архитектору **Хоанг Тхю Хао**.

На **Приз Патрика Аберкромби** за градостроительство и территориальное развитие жюри в этот раз не увидело достойных кандидатов.

Премии **Огюста Перре** за применение современных технологий в архитектуре получил россиянин **Николай Шумаков**.

Николай Шумаков стал первым российским зодчим, удостоенным данной премии. Николай Иванович – заслуженный архитектор РФ, президент Союза архитекторов России, президент Союза московских архитекторов, главный архитектор ОАО «Метрогипротранс», академик Российской академии художеств,

член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, академик отделения Международной академии архитектуры в Москве (МААМ), член Архитектурного совета Москвы, член Союза художников. Он автор знаковых для столицы объектов: более трех десятков станций метрополитена, монорельса, легкого метро и др. На премию были выдвинуты одни из его самых известных работ: Живописный мост, терминал А аэропорта «Внуково», а также проекты станций московского метро на Люблинско-Дмитровской линии.

7 сентября Николай Шумаков принял участие в работе Генеральной ассамблеи МСА, представляя интересы Союза архитекторов и России в целом.

Дополнительная информация:
www.uia-architectes.org
<https://ardexpert.ru>

^ Обладатель Золотой медали МСА – 2017 Тойо Ито (Япония) / 2017 UIA Gold Medal: Toyo Ito (Japan) (<http://www.uia-architectes.org>)

^ Николай Шумаков (Россия), Кэрин Смутс (ЮАР), Ашраф Салама (Египет), Хоанг Тхю Хао (Вьетнам) / Nikolay Shumakov (Russia), Carin Smuts (South Africa), Ashraf M Salama (Egypt), Hoang Thuc Hao (Vietnam)

World Day of Architecture 2017

The International Union of Architects (UIA) representing more than 1 million architects worldwide, announces the theme of the World Architecture Day 2017 "Climate Change Action!"

The threat of climate change is real. Rapid urbanization and building developments are increasing our fuel energy consumption and greenhouse gas emission.

The UIA supports every initiatives following the 2015 Paris Climate Change Agreement to combat the impact of climate change on the environment and humanity. It calls upon all architects and architecture organizations in the world to mobilize efforts to respond to these

initiatives.

The UIA Members worldwide will, on 2nd October, celebrate their achievements and visions of architecture that is responsible, innovative and enriching communities.

The UIA will participate and support the events in COP 23 (Bonn 6-17 November 2017) and the World Urban Forum 9 (Kuala Lumpur 7-13 February 2018) to promote Climate Change Action!

More information:

www.uia-architectes.org

Winners of the American Architecture Prize - Firm of the Year Award 2017 Announced

Los Angeles, United States, 2017-08-03
- The American Architecture Prize (AAP)

has announced the winners of its Firm of the Year Award 2017. Global interest was high for the inaugural award, with applications from over 40 countries all over the world. AAP's jury recognized the work of over 20 visionary companies, awarding titles in the disciplines of architecture, interior design and landscape architecture.

The winners of the Firm of the Year Award 2017 were selected by AAP's esteemed jury, comprised of 32 architecture experts and professionals. The following firms have been chosen as the main category winners in 2017 for their accomplishments and vision, and will be receiving the AAP trophy:

- Allford Hall Monaghan Morris from London, United Kingdom - Architectural

Firm of The Year

- PFS Studio from Vancouver, Canada - Landscape & Urban Design Firm of the Year

- Kossmann.dejong from Amsterdam, The Netherlands - Interior Design Firm of the Year

In addition to the 3 main disciplines, 19 subcategory winners have also been selected.

Winners will be invited to the Winners Event taking place in New York City this October. They will also get extensive publicity showcasing their designs to a worldwide audience, throughout the next year.

More information:

<https://architectureprize.com/>

^ Фото: Kossmann.dejong (победитель в номинации «Лучшая компания по дизайну интерьеров – 2017» Американской архитектурной награды) / Photo: Kossmann.dejong –Interior Design Firm of the Year (<https://www.iawardsinc.com/sendy/uploads/1502196844.jpg>)

Всемирный день архитектуры – 2017

Международный союз архитекторов (МСА), который насчитывает более миллиона архитекторов по всему миру, объявил тему Всемирного дня архитектуры 2017 года: «Изменение климата: наши действия».

Угроза изменения климата реальна. Быстрая урбанизация и развитие строительной индустрии увеличивают потребление топливной энергии и выбросы парниковых газов.

МСА поддерживает все инициативы в рамках Парижского климатического соглашения, принятого в 2015 году и касающегося общих принципов действия стран в связи с проблемой изменения климата и его влияния на человечество и окружающую среду. МСА призывает всех архитекторов и архитектурные организации мира мобилизовать усилия для поддержания этих инициатив.

2 октября, в Международный день архитектуры, члены МСА будут делиться достижениями и инновационными проектами, направленными на развитие экологически ответственной архитектуры, приносящей пользу обществу. Кроме того, в рамках данной темы МСА примет активное участие в таких мероприятиях, как COP 23 (6–17 ноября 2017 года, Бонн, Германия) и IX Международный урбанистический форум (7–13 февраля 2018 года, Куала-Лумпур).

Объявлены лауреаты Американской архитектурной премии «Компания года – 2017»

3 августа 2017 года в Лос-Анджелесе были объявлены лауреаты Американской архитектурной премии (ААП) «Компания года – 2017». Компании со всего мира проявили высокий интерес к данной награде: в конкурсе участвовало более сорока стран. Жюри ААП отметило работы более двадцати компаний в соответствии с номинациями в области архитектуры, дизайна интерьеров и ландшафтной архитектуры.

Почетное жюри, в состав которого вошли 32 эксперта в области архитектуры, выбрало лучшие компании, рассмотрев их проекты и реализации. Главными лауреатами ААП 2017 года стали:

- Allford Hall Monaghan Morris

(Лондон, Великобритания) – лучшая архитектурная компания-2017

- PFS Studio (Ванкувер, Канада) – лучшая ландшафтная и градостроительная компания-2017

- Kossmann.dejong (Амстердам, Нидерланды) – лучшая компания по дизайну интерьеров-2017

Кроме того, были выбраны победители в 19 подноминациях.

Награждение победителей пройдет в октябре этого года в Нью-Йорке. В течение всего следующего года работы победителей будут демонстрироваться мировой аудитории.

Дополнительная информация:
<https://architectureprize.com/>

^ Гостиница «Сибирь»

^ Рустам Минниханов в галерее «ДИАС»

Коротко / In brief

Новости охраны наследия

В июне этого года архитектурные сферы Иркутска взволновала новость о том, что зданию гостиницы «Сибирь» (архитектор К. В. Миталь, конструктивизм) грозит опасность потери статуса, так как новый собственник заказал, а лицензированный Министерством культуры РФ эксперт обосновал документально такую возможность.

Напомним, что 13 марта 1995 года левое крыло здания пострадало от пожара и было разобрано в расчете на скорое воссоздание. В том же году Иркутскгражданпроектом в кратчайшие сроки был выполнен проект восстановления пострадавшей части здания с сохранением функции гостиницы и модернизацией. Несмотря на этот проект и еще несколько проектных предложений, сделанных в последующие годы, ни в 90-е, ни в нулевые воссоздания не случилось.

ВООПИК, Иркутская организация Союза архитекторов России и кафедра архитектурного проектирования ИРНТУ оперативно направили письма в защиту конструктивистского наследия. Однако эти аргументированные обращения архитектурной общественности и Общества охраны памятников истории и культуры не были услышаны: гостиница «Сибирь» теперь не защищена законом: она не включена в реестр объектов культурного наследия

и потеряла статус выявленного объекта наследия.

И еще одна новость из той же области: указом премьер-министра Д. А. Медведева от 10 июля с. г. выведен из реестра объект культурного наследия на набережной ЦЭС в Квартале XXI века, где скоро должен появиться Концертный зал классической музыки и застройка – коммерческая и жилая.

Цитата:

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 июля 2017 года №14-60 Р. Председатель правительства Российской Федерации Д. Медведев.

1. Исключить из единого государственного реестра объектов природного наследия (памятников истории архитектуры народов Российской Федерации объектов культурного наследия федерального значения здания ТЭЦ-2 г. Иркутск, ул., Сурикова, д. 23.

2. Министерству культуры России внести в установленном порядке в единый государственный реестр объектов культурного наследия объектов истории архитектуры Российской Федерации изменения, предусмотренные пунктом 1 настоящего распоряжения.

Номинант на губернаторскую премию

Правление Иркутской организации Союза архитекторов России определило номинанта на

v Храм Покрова Пресвятой Богородицы

премию губернатора в области архитектуры. Им стал храм Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Пивовариха Иркутской области, построенный по проекту архитекторов О. Бадулы и А. Сидорова при участии Ю. Петрука. Постройка стала лауреатом прошедшего в конце июня этого года в Красноярске межрегионального фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2017».

Визит президента Татарстана

26 августа делегация Татарстана во главе с президентом республики Рустамом Миннихановым посетила Иркутск с официальным визитом. Объектом пристального внимания гостей был ставший за последние годы знаменитым 130-й квартал. Гости, сопровождаемые губернатором Иркутской области С. Левченко, руководителем АНО «Иркутские кварталы» С. Маяренковым и авторами-архитекторами Е. Григорьевой и М. Мееровичем прошли от стрелки со скульптурой бабра вдоль всего променада, посетив памятники деревянного зод-

v Президент Татарстана в 130-м квартале

чества, среди которых особняк Черных, доходный дом Готлибова, усадьба Курносова и другие усадьбы. Процессия завершила свой маршрут в галерее «ДИАС» осмотром экспозиции и знакомством с историей регенерации квартала и его коммерческой успешности, презентованной С. Маяренковым.

Татарстанская делегация ознакомилась с опытом Иркутска на примере «Иркутской слободы» (130-й квартал) с целью применения этого опыта в городах республики. Президент Татарстана отметил: «То, что вы сделали, – это уникальный опыт, который надо воплощать по всей нашей стране и в нашей республике. В каждом городе есть такие места, для каждого города его история очень важна. У нас есть элементы такого подхода, но настолько комплексно – пока нет». Рустам Минниханов предложил в ближайшее время провести семинар по обмену опытом с участием татарстанских и иркутских специалистов.

v Ростилев Денис Владимирович,
генеральный директор ООО «Урало-
Сибирская Профильная Компания»

INICIAL SYSTEMS на защите рубежей. Уникальный военный объект «Арктический трилистник» /

«Арктический трилистник» – военная база Российской Федерации на острове Земля Александры в архипелаге Земля Франца-Иосифа, расположенном на Крайнем Севере.

База, построенная в форме трехлучевой звезды, состоит из многочисленных сооружений специального назначения, а также пунктов управления, гаражей, складов и автономного энергоблока. Ее корпуса окрашены в цвет российского флага – это самое северное капитальное здание в мире, которое принадлежит России, его видно даже из космоса.

Никто и никогда не строил военных объектов такого масштаба так близко к Северному полюсу: этот уникальный военный объект на сегодняшний день является единственным в мире объектом капитального строительства, возведенным на 80-м градусе северной широты. Объект был реализован при активном участии подрядной

фасадной компании из Санкт-Петербурга ООО «Кронверк СПб» по проекту тюменского архитектурного бюро «Град». Руководитель проекта, талантливый архитектор Станислав Синица, проектировал здания комплекса военной базы с учетом не только их функций военного назначения, но и с применением **особо теплых энергосберегающих систем INICIAL**, максимально используя возможности светопрозрачного остекления в экстремальных климатических условиях. Ведь достаточное светопропускание и правильная инсоляция здания очень важны для комфортной работы военнослужащих, а суровый климат предъявляет повышенные требования к таким участкам остекления.

Задачи перед архитекторами-проектировщиками и фасадной компанией стояли жесткие: в центре трилистника должен был находиться атриум – пространство, освещенное через светопрозрачную кровлю, а в боковых стенах – витражи. Над центральной опорой атриума – смотровая площадка, защищенная светопрозрачными конструкциями, которая позволяла бы вести визуальное наблюдение за основными объектами военной инфраструктуры. Общий объем остекления – около 1300 кв. м.

Очевидно, что выбор конструктивного решения светопрозрачных систем и их характеристик зависел от климатических условий региона строительства. В данном проекте были заложены особо высокие требования по обеспечению приве-

денного сопротивления теплопередаче ограждающих светопрозрачных конструкций. Сотрудники Научно-технического центра ООО «УСПК» под руководством его директора Романа Константиновича Гоголюка, главного конструктора, кандидата технических наук, смогли предложить эффективное решение сложной задачи, которую поставил перед ними экстремальный климат (температура воздуха зимой опускается до $-52\text{ }^{\circ}\text{C}$) Российской Арктики.

Строительство «Арктического трилистника» производилось с использованием самых современных энергоэффективных технологий и материалов, позволяющих минимизировать расход энергии. **INICIAL Systems – это системы алюминиевых профилей**, которые и были разработаны специально для качественного сокращения тепловых потерь в зданиях через световые ограждающие конструкции, поэтому они прекрасно вписались в требования, предъявляемые к столь ответственному объекту.

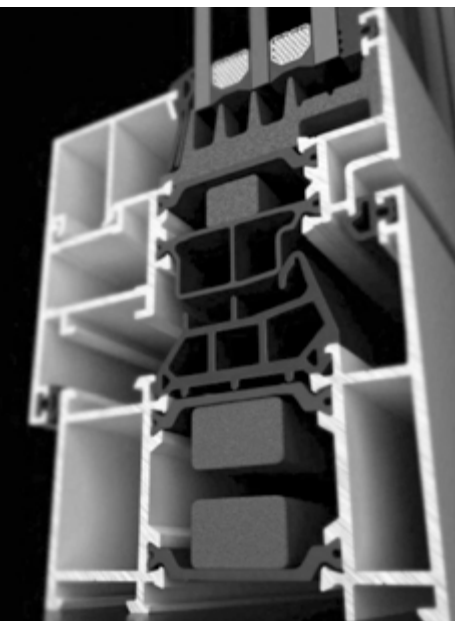
Наши специалисты смогли обосновать тот факт, что применение фасадных и оконных систем, предложенных нами для реализации проекта, позволяет снизить расходы на эксплуатацию сооружения и прежде всего позволяет экономично расходовать энергоресурсы, необходимые для поддержания требуемых условий проживания и работы людей в здании, что чрезвычайно важно в суровых условиях Крайнего Севера, и в итоге фасады, окна и кровля главного здания

INICIAL SYSTEMS Defends the Borders. The Unique Arctic Trefoil Military Base

были успешно реализованы с применением **профильной системы INICIAL**.

Отрадно осознавать, что данный объект не остался засекреченным объектом, а стал известен во всем мире, благодаря посещению его президентом России. Владимир Путин побывал на объекте вместе с премьер-министром Дмитрием Медведевым и министром обороны Сергеем Шойгу.

Мы уверены, что совместно с нашими партнерами построим еще не один военный или гражданский объект с **использованием инновационных и энергоэффективных технологий INICIAL Systems**, так как она уже доказала свое соответствие всем требованиям по строительству объектов специального назначения и получила доверие Министерства обороны

РФ и командования РВСН, в виде успешно реализованных объектов. Виртуальную экскурсию по военной базе «Арктический трилистник» можно совершить непосредственно на сайте Министерства обороны РФ (<http://mil.ru/files/files/arctic/Arctic.htm>).

Хочется отметить, что энергоэффективные теплосберегающие алюминиевые профильные системы INICIAL активно используются сегодня по всей России и в странах СНГ не только на военных и федеральных объектах строительства, но и в массовом гражданском строительстве коммерческих и жилых зданий и сооружений, в частном индивидуальном строительстве и позволяют воплощать любые идеи архитекторов и проектировщиков в современных светопрозрачных оболочках строений.

INICIAL®
systems

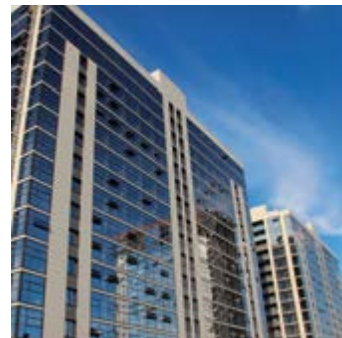
< Сечение «теплой» системы IW70 i3, на которой представлены стеклонаполненные полиамидные термомосты, вспененные экструдированные изоляторы, резиновые EPDM уплотнители

^ ЖК «Небо», Москва, Санкт-Петербург

^ «Зимний сад» премиум-сегмента частного рынка алюминиевых конструкций

^ Аппарт-отель Salut, Санкт-Петербург

^ ЖК «Медалист», Москва

Декоративный камень White Hills для внутренней отделки / White Hills Decorative Stone for Inner Decoration

Продукт White Hills представлен в
Иркутской области компанией
«Фасадные технологии»

Иркутск, ул. Энгельса, 8, оф. 302
Тел. (3952) 484-184
whitehills.ru; nvfstone.ru

Дизайнеры интерьеров давно оценили достоинства искусственного камня для облицовки стен внутри помещений и не только. Многообразие коллекций позволяет использовать разные фактуры и размеры облицовочного материала, с помощью которого можно с легкостью решить поставленные задачи. Наиболее широкий ассортимент представлен компанией White Hills – более 55 коллекций. Они рассчитаны как на классический вкус в интерьере, так и для тех, кто любит сочетать различные стили.

Искусственный декоративный камень производится из литового инновационного бетона с применением модифицирующих добавок и неорганических красителей. За счет тщательной проработки эластичных форм, в которые заливается бетонная смесь, получаются самые разные поверхности, фактуры и размеры: кирпичная кладка, скалистые породы камня, плитка, крупногабаритные булыжники и многое другое. Облицовочный камень практически неотличим от природного материала и внешне во всем копирует натуральный аналог.

Благодаря своей эстетике, искусственный камень часто можно встретить как видное украшение в современных квартирах. Для внутренней отделки стены подойдут преимущественно кирпич и скалистые коллекции. А вот камин, дверной проем и арки украшаются более крупным камнем: можно взять крупногабаритные булыжники или грубую фактуру скалистых элементов. Такая отделка придаст интерьеру образ загородного дома в стиле кантри или прованс.

White Hills

ДЕКОРАТИВНЫЙ ОБЛИЦОВОЧНЫЙ КАМЕНЬ

Для придания романтического образа используйте коллекции светлых оттенков. Не сочетайте более четырех разных фактур одновременно, чтобы не перегружать единый образ. Как и в выборе гардероба, тут важно знать меру.

Искусственный декоративный камень имеет высокий коэффициент прочности, который подтверждается испытаниями официального уровня. Материал сохранит свой внешний вид и прослужит долгие годы. И можно не беспокоиться о микроклимате внутри квартиры: декоративный камень прекрасно подходит для внутренней отделки, так как является экологически безопасным изделием.

В процессе окрашивания искусственного камня используются безопасные неорганические красители, которые не выцветают со временем и не подвержены ультрафиолетовым лучам. Отделочный материал широко используют не только для внутренней отделки, его активно применяют и для облицовки фасадов зданий. Архитекторы работают с искусственным камнем с большим удовольствием. Материал универсален и очень красив.

Железнодорожный вокзал Улан-Удэ / Ulan-Ude Railway Station

Железнодорожный вокзал города Улан-Удэ (Республика Бурятия) – одна из главных станций Восточно-Сибирской железной дороги. Улан-Удэ – крупный железнодорожный узел (главный ход Транссибирской магистрали, линия на Наушки (Улан-Батор), «ворота Байкала».

История железнодорожного вокзала Улан-Удэ началась 15 августа 1899 года, когда на станцию Верхнеудинск прибыл первый поезд. Изначально здание станции представляло собой деревянную постройку, украшенную резьбой. До 1914 года станция Верхнеудинск располагалась на однопутном участке. До 1925 года через Верхнеудинск пропускались один-два грузовых поезда и две пары пассажирских поездов в сутки, где пара поездов – это следование составов в четном и нечетном направлении туда и обратно. В 1936 году началась работа по проектированию современного двухэтажного кирпичного здания вокзала, которое в 1937-м было построено.

В настоящее время вокзал Улан-Удэ представляет собой комплекс, включающий билетные кассы, сервис-центр, комнаты отдыха на 26 мест, кассовый зал, многофункциональный зал повышенной комфортности, зал ожидания на 350 посадочных мест. Ежегодно вокзал обслуживает свыше пятисот тысяч пассажиров. Над путями и привокзальной площадью расположены надземные пешеходные переходы. Вокзал станции Улан-Удэ является транзитным вокзалом берегового типа. Характерной особенностью любого транзитного вокзала является высокая интенсивность пассажирских и грузовых потоков.

Общая площадь вокзала гораздо ниже нормативной при существующем пассажиропотоке. Недостаточны площади для зала ожидания, камер хранения багажа, багажных касс, комнаты матери и ребенка. Один из основных недостатков вокзала – отсутствие мероприятий по обеспечению доступности для маломобильных групп населения.

Авторским коллективом (архитекторы М. А. Щукина, А. В. Галкин, Ю. В. Краковцева и др.) Иркутскжелдорпроект (филиал АО «Росжелдорпроект», входящий в Группу компаний 1520) был разработан проект реконструкции вокзального комплекса, который позволит решить такие задачи, как обеспечение современного

уровня качества обслуживания (в том числе маломобильных групп населения, к которым относятся не только инвалиды, но и пассажиры с детьми и люди преклонного возраста), установка современного инженерного оборудования в части безопасности обслуживания пассажиров и повышение коммерческой рентабельности вокзального комплекса.

Архитектурные решения продиктованы географическим положением вокзального комплекса. При разработке внешнего облика здания в декор фасада вошли элементы народного творчества Республики Бурятия. Чередование разных по фактуре и цвету поверхностей фасада (облицованных керамогранитом частей цоколя, штукатуркой с фасадной окраской, отделкой кассетами из композитного алюминия) создает многогранный и выразительный облик без сложных архитектурных приемов. Над зданием перехода, из города в concorс и на платформы, появляется башня с национальным элементом.

Отделка фасада выполнена в одной цветовой гамме и связывает здание вокзала в единый комплекс. Витражные поверхности и окна заполнены прозрачным стеклом в переплетах пастельно-синего цвета, чтобы с простенками такого же цвета имитировать водную поверхность. Интерьеры оформлены в современном стиле с использованием национальных мотивов в элементах декора покрытия полов, стен, колонн, чтобы придать внутреннему пространству более привязанный к местности стиль. Визуально-стилистические решения выполнены в современном ключе, на контрасте с национальными элементами в отделке. Для придания интерьерам вокзала уникальности и национального колорита институт пригласил для работы над оформлением стен и пола бурятского художника Юрия Мандаганова. Его работами в стиле флорентийской мозаики украшены интерьеры Государственного Бурятского академического театра драмы им. Х. Намсараева в Улан-Удэ.

Вокзал должен «звучать», он должен рассказывать о городе, в котором построен. Авторы постарались избежать стилизации, но при этом создать абсолютно современный вокзальный комплекс, имеющий индивидуальный стиль.

Юлия Краковцева / Yulia Krakovtseva

 **РОСЖЕЛДОР
ПРОЕКТ**
ИРКУТСКЖЕЛДОРПРОЕКТ

664026, г. Иркутск, ул.
Карла Маркса, д. 59
тел.: (3952) 50-51-25,
факс: (3952) 505-126
ipsi@rzdpr.ru, www.rzdp.ru

Небесная жаба

Рожденная из пены

Искусство на краю земли I Международный конкурс геодизайна «Итуруп-стиль» / Art on the Edge of the World The 1st International Geodesign Competition “Iturup-Style”

В июле на острове Итуруп, самом крупном острове Курильской гряды (Сахалинская область), состоялся I Международный конкурс геодизайна «Итуруп-стиль». В течение 17 дней художники, скульпторы и дизайнеры из России и Беларуси создавали арт-объекты под открытым небом. Учредитель и организатор конкурса – АО «Гидрострой» – рыбохозяйственный холдинг, не имеющий аналогов в России, крупнейший на Курильских островах строительный подрядчик.

В жюри конкурса вошли Юрий Светликов, генеральный директор АО «Гидрострой»; Людмила Шапка, помощник гендиректора АО «Гидрострой»; Сергей Симаков, художник, куратор конкурса (Москва); Марина Божко, корреспондент регионального журнала «Дальневосточный капитал»; создатели студии творчества «Дом Солнца» Ксения Виноградова, искусствовед, научный сотрудник Курильского краевед-

ческого музея, и Ирина Фёдорова, художник, преподаватель детской школы искусств Курильска.

Главная задача конкурса – соответствие условиям геодизайна. Находясь в естественной среде, скульптуры должны были говорить со зрителем языком природных материалов. Под руками мастеров камень и дерево оживали и становились частью прошлого, настоящего и будущего.

На первый этап отборочного тура было представлено 178 эскизов от художников и дизайнеров из Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Гомеля, Владивостока, Сочи, Казани, Челябинска, Перми, Омска, Хабаровска, Южно-Сахалинска. Только 12 эскизов прошли во второй тур. В результате выявилось четыре явных лидера. Мнение членов жюри совпало с оценкой конкурсантов.

Проект московских мастеров Артура Шувалова и Владимира Пельдякова «Небесная жаба»,

заяввший первое место, покорила идеей соединения звука, воды и камня. Глядя на эту скульптуру, зритель наслаждается не только ее художественным решением, но и звуком арфы, рождающимся под влиянием ветра.

Лиричная скульптура «Рожденная из пены» Константина Колупаева (Южно-Сахалинск), отличающаяся тонкой философией, заняла второе место. Смелая работа мастера, соединившего природные и искусственные материалы, нашла отклик в сердцах зрителей.

Третье место поделили между собой два совершенно разных арт-объекта. Автор скульптурной композиции «Промысловая магия» Ольга Хан (Москва) говорит языком стилизации о жизни островитян, связанной с добычей рыбы, икры, ритмом конвейера.

Молодые скульпторы Роман Сакович и Евгений Маглыш (Минск), создатели композиции «Курилла»,

преобразили одну из центральных смотровых площадок Курильска. «Курилла» впечатляет своей монументальностью и гармоничным слиянием с общей панорамой местности.

Большая часть скульптур выполнена в символическом и анималистическом жанрах. Используя аллегорию, мастера не только переосмысливают древние легенды, но и создают свои. Метафорическое отражение явлений курильской природы завораживает и притягивает зрителя.

Конкурс подарил уникальную возможность жителям Курил и гостям острова увидеть и почувствовать произведения искусства, которые вдохнули новую жизнь в пространства Итурупа.

**Ксения Виноградова,
Ирина Фёдорова /
Ksenia Vinogradova,
Irina Fedorova**

Промысловая магия

Курилла

кому выгодно / cui prodest

Масштабы развития и даже само существование теневой экономики неохотно признается официальной экономической наукой. Между тем теневая (серая) экономика – это не только способ экономического поведения, но и стиль жизни. Ему соответствует комплекс градостроительных и архитектурных принципов. Творчество некоторых современных архитекторов (таких как Александр Аравена) учитывает широкую распространенность «серого» образа жизни, что создает возможность снижения социальной напряженности.

Ключевые слова: архитектура; теория; теневая экономика; стиль жизни; горожанство. /

The scope of development and even the existence of the shadow economy are recognized by the official economic science rather unwillingly. In the meanwhile, the shadow (“grey”) economy is not only the way of economic behavior, but also a style of life. It corresponds to a complex of urban planning and architectural principles. The creative activity of some contemporary architects (such as Alejandro Aravena) takes into account the wide spread of the “grey” style of life, which makes it possible to decrease the social tension.

Keywords: architecture; theory; shadow economy; style of life; urbanism.

Архитектура, выгодная всем / Architecture Profitable for All

ТЕКСТ

Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Введение

У каждого времени – своя любимая наука. От нее ждут решения самых жгучих жизненных проблем, она выглядит самой романтической и увлекательной, ее представители больше всего похожи на носителей высшей истины. Во времена Жюль Верна это были география и зоология, почти все его герои – путешественники и знатоки животных. Сецессион, ар-нуво, либерти, югендштиль (все, что в русскоязычной литературе обычно сливается в общий «стиль модерн») имеет то же самое происхождение. Извивы модерна отчетливо имитируют облик каких-то экзотических тварей, то ли растительных, то ли животных.

Затем пришел черед химии и психологии, так что даже в персонажах детских книжек рубежа XIX и XX веков отчетливо видна романтика путешествий в глубины бессознательного. Алиса и Винни-Пух, Буратино и Бармалей – все они выглядят как иллюстрации к символическому анализу сновидений (или фантазий наркомана). Архитектура тоже не стояла в стороне, ее будущее однозначно связывалось с прогрессом в области психологии, педагогики и промышленного синтеза материалов. Новый человек должен был поселиться в дворцах из алюминия, стекла и пластмассы.

В начале прошлого века, в череде утопий и антиутопий, революций и переворотов пришел черед социологии. Высшим проявлением этого периода стал конструктивизм с его героической заявкой на изменение образа жизни масс средствами архитектуры и дизайна.

Затем, в середине XX столетия, на передний край вышла физика, а чуть позже – ее дивная «дочь» – кибернетика. От лампочки Ильича до японского унитаза, снабженного искусственным интеллектом, машина для жилья стремительно изменилась, породив «умный дом», архитектуру нулевого баланса и виртуальную архитектуру.

Сегодняшний день вывел на передний край познания экономику. Именно экономика стала основой самого грозного оружия современности (как ядовитые газы в «эпоху химии», или как атомная бомба физиков), и вместо ядерной войны политики грозят друг другу торговыми санкциями. За взлетами и падениями валового внутреннего продукта с волнением следят массы людей, плохо

Introduction

Each period of time has its own favourite science. It is expected to solve the most urgent problems, it looks the most romantic and captivating, its representatives seem to be the possessors of ultimate truth. In the times of Jules Verne it was geography and zoology, and almost all his heroes were travelers or animal experts. Secession, Art Nouveau, Liberty, Jugendstil (all that usually merges into the common “modern style”) have the same origin. The curved lines of the modern style distinctly imitate an image of some exotic plants or animals.

Then it was the turn of chemistry and psychology. The romance of travelling into the depth of unconsciousness can be seen even in the heroes of children’s books at the turn of the 19th century. Alice and Winnie-the-Pooh, Buratino and Barmaley look like illustrations to an analysis of symbolic dreams (or an addict’s fantasies). Architecture was also involved. Its future was directly connected with the progress in psychology, pedagogy and industrial synthesis of materials. A new man was supposed to live in palaces made of aluminium, glass and plastics.

понимающих, что это такое, но уверенных в судьбоносности ВВП, курса доллара и цены на нефть.

Профанация и одновременно широчайшая пропаганда экономического способа мировосприятия особенно заметна в русле массовой культуры. Главный герой голливудских боевиков сегодня – вовсе не решительный ковбой с твердым подбородком. При всей своей несгораемости, он лишь статист на подхвате у центрального персонажа, миллиона долларов (в последнее время, в связи с инфляцией, уже два миллиона или даже сразу миллиард). Битвы машин с человечеством происходят на почве конкуренции за энергетические ресурсы – будут ли люди использоваться в качестве батареек или просто исчезнут, чтобы не потребляли плутоний. Контакт с инопланетными цивилизациями сводится к проблемам налаживания справедливого торгового баланса и так далее. В том же направлении развиваются компьютерные игры, самая динамичная часть масскульта.

И разумеется, такая синтетическая область, как архитектура, не может остаться в стороне от общего увлечения экономикой.

Экономика белая, серая и черная

Экономика как область знания возникла в эпоху Высокого Ренессанса, на фоне бурного роста итальянских городов-государств, гениальных художников и чудовищно алчных, беспринципных, великопленных правителей. Первой идеологией нарождающейся теоретической экономики стал меркантилизм. Согласно этому учению, богатеет то сообщество, правители которого всеми средствами защищают свой внутренний рынок от любого внешнего вмешательства. Тут любые средства хороши – от пошлин на импорт до прямого участия в грабительских набегах на конкурирующие государства. Собственно говоря, предельный (или даже беспредельный) протекционизм и стал основой экономики на длинный период – от пятнадцатого до начала девятнадцатого веков. Государство, правительство брало на себя обязанность управлять всеми экономическими движениями, регулировать рыночные процессы, разрешать противоречия между бедными и богатыми, и так далее.

In the early 20th century, in the sequence of utopias and anti-utopias, revolutions and upheavals, came the turn of sociology. The highest phenomenon of that period was constructivism with its heroic attempt to change the style of life of the masses by means of architecture and design.

Then, in the middle of the 20th century, physics and later its “daughter” cybernetics came to the forefront. From the Ilyich lamp to the Japanese toilet bowl equipped with artificial intelligence, the dwelling machine changed rapidly, giving birth to a “smart” house, zero energy architecture and virtual architecture.

Today, economics is placed in the forefront of knowledge. Economics has become the basis for the most dangerous weapon of present days (like poisonous gases in the “epoch of chemistry” or an atomic bomb made by physicists), and, instead of the nuclear war, politicians threaten each other with trade sanctions. Masses of people watch with anxiety the rises and falls of the gross domestic product, knowing little what it is but believing in the fatefulness of the GDP, dollar rates and oil prices.

Profanation and at the same time wide propaganda of the economic way of world perception can be seen in the mass culture.

The main hero of today’s Hollywood thrillers is not a brave cowboy with a strong chin. He is a mere extra player hanging around the central character, a million dollars (lately, due to the inflation, two millions and even a billion). Machines fight with the humankind because of the competition for energy resources: whether people will be used as batteries or just disappear in order not to consume plutonium. The contact with alien civilizations boils down to the issue of reaching a fair trade balance and so on. Computer games, the most dynamic part of the mass culture, develop in the same direction.

And, of course, such a synthetic field as architecture, cannot stay aside from the common passion for economics.

1. White, grey and black economy

Economics as a field of knowledge emerged in the epoch of High Renaissance, against the background of rapidly growing Italian city-states, brilliant artists and greedy, unprincipled and great rulers. Mercantilism became the first ideology of the emerging theoretical economics. According to this theory, the society becomes rich if its rulers protect their inner market from any outside interference. Here, all is fair – from import duties to

Адам Смит, которого многие почитают как отца-основателя современной научной экономики, предложил прямо противоположную модель саморегулирующегося рынка. Знаменитое выражение о «невидимой руке», которой рынок сам по себе регулирует спрос и предложение, стало лозунгом либеральной экономической идеологии.

Прошло триста лет. С меркантилизмом боролись не только теоретики – последователи Адама Смита. Англичане захватили Индию и уничтожили местную текстильную промышленность (а заодно заметный кусок традиционной культуры), чтобы взломать государственную защиту внутреннего индийского рынка тканей. Опиумные войны повторили тот же прием по отношению к внутренним рынкам Китая. Крымская война под предлогом борьбы с «русским варварством» обеспечила европейским товарам выход на безбрежный русский рынок. Эскадра адмирала Пири «открыла» Японию для товаров из США и так далее.

Но вот, в начале XXI века стали раздаваться голоса – все более громкие и обоснованные – о том, что правительства наиболее экономически мощных современных стран сами заражены меркантилизмом. Только теперь защита любыми средствами (в том числе – самыми антигуманными) обслуживает экономических интересы не нации, не народа, а финансовых элит. Даже в самых богатых странах мира элиты составляют лишь несколько процентов населения, но вся мощь государственной машины работает именно для них, для их безопасности и их дальнейшего обогащения.

Лауреат премии имени Нобеля по экономике Джозеф Стиглиц – автор следующих гневных строк: «Пропасть между истинным предназначением нашей экономики (о котором нам говорили) и ее наличным состоянием стала слишком широка, чтобы игнорировать ее. Правительства по всему миру не обращались к ключевым проблемам

< «Нас – 99 процентов» - популярный лозунг движения «Захвати Уолл-стрит». Движение выдвигает требования более справедливого и равномерного распределения общественного богатства, против «нового меркантилизма». / “We are the 99%” is a popular slogan of the Operation Invade Wall Street. The movement demands a fair and equal distribution of wealth and is against “new mercantilism”.

a direct participation in plundering raids into the rival states. Actually, the limitative (or even unlimited) protectionism became the basis for the economy for a long time – from the 15th to the beginning of the 19th centuries. The state and the government undertook to manage all economic movements, to regulate market processes, to resolve contradictions between the poor and the rich, etc.

Widely esteemed as a father of the modern scientific economy, Adam Smith proposed a directly opposite mode of the self-regulating market. The famous expression about the “invisible hand” used by the market to regulate supply and demand became the motto of the liberal economic ideology.

Three hundred years have passed. Not only theoreticians, the followers of Adam Smith, struggled with mercantilism. Englishmen invaded India and annihilated the local textile industry (and a substantial part of traditional culture) to break the state protection of the Indian domestic textile market. The opium was used the same technique towards the domestic market of China. On the pretext of struggling with the “Russian barbarism”, the Crimea War made the vast Russian market accessible for European

goods. The Admiral Piri's fleet “opened” Japan for the goods from the USA, and so on.

In the early 21st century it began to be discussed more loudly and in a more reasonable way that the governments of the states with the strongest economies are also infected with mercantilism. But now the protection in every way possible (including the most inhuman ways) serves the economic interests of the financial elites, but not the interests of the nation. Even in the richest countries, elites amount only to several percent of the nation, but the entire work of the state machine is focused on their safety and further enrichment.

Joseph Stiglitz, the Nobel laureate in economics, is the author of the following angry words: “The gap between what our economic and political systems are supposed to do—what we were told they did do—and what they actually do became too large to be ignored. Governments around the world were not addressing key economic problems, including that of persistent unemployment; and as universal values of fairness became sacrificed to the greed of a few, in spite of rhetoric to the contrary, the feeling of unfairness became a feeling of betrayal” (Stiglitz, 2012).

^ Иркутск, начало XX века. После большого пожара центральные улицы – Большая и Амурская – были перестроены по принципам «белого» зодчества (на фотографии – перекресток Большой, ныне Карла Маркса и Амурской, ныне улица Ленина) / Irkutsk, the early 20th century. After the great fire the central streets (Bolshaya and Amurskaya) were rebuilt according to the principles of the “white” architecture. The photo captures the view of the crossroad of Bolshaya (now Karl Marx) Street and Amurskaya (now Lenin) Street.

экономики, включая постоянный уровень безработицы. Таким образом, разделяемые всеми ценности справедливости были положены на алтарь жадности немногих, несмотря на провозглашение обратного, и чувство несправедливости переросло в чувство предательства» [1, с. 27].

Законы, принимаемые властными элитами, все больше направлены на обслуживание интересов узкого (и все время сужающегося) круга лиц. Перуанский экономист Эрнандо де Сото пишет так: «Правительства... были полностью антидемократическими, творившими законы за закрытыми дверями и реагиравшими только на интересы отдельных групп, без учета нужд и стремлений большинства населения. Даже когда... проводятся выборы, демократия сводится лишь к возможности голосовать каждые несколько лет за того или иного политического кандидата, давая победителю карт-бланш на время действия его полномочий» [2, с. 38].

Согласно анализу де Сото, во многих странах государственный аппарат работает настолько неэффективно, что его услуги становятся невыгодны значительной части

населения. Скажем, для получения официальной лицензии на мелкое домашнее производство нужно потратить два года, потому что двадцать четыре ведомства последовательно рассматривают вашу заявку, каждое в течение месяца. Коррупционная составляющая в стартовом капитале несоразмерно велика (особенно в таких сферах, как строительство). Законы настолько многочисленны и запутаны, что разобраться в них может только высокооплачиваемый юрист. В результате часть населения предпочитает строить свое экономическое поведение без взаимодействия с государством – без его иллюзорной защиты и поддержки, но и без невыносимого бюрократического бремени. Так между законом и экономикой образуется некий зазор, промежуток – и в ряде случаев, в этом промежутке помещается заметная часть экономики. Эта часть называется «теневой» или «серой» (в отличие от полностью законной «белой» экономики). Серая экономика по большей части не связана с откровенным криминалом (полностью криминальная экономическая активность называется «черной»): «...теневая деятельность отнюдь не синоним хаоса и анархии, как полагают многие. Напротив, у теневиков есть ясные и определенные интересы, их жизнь организована законами, которые они стихийно выработали взамен отсутствующих государственных», – пишет де Сото [2, с. 34]. Теневой бизнес живет не по закону, а по понятиям – и во многих случаях так получается гораздо эффективнее.

Зарплата «в конвертах», неофициальные приработки, заметная часть мелкой торговли (особенно через интернет), самострой и даже выращивание огурцов на даче – все это элементы серой экономики. Очевидно, масштабы этого явления в общей экономической картине довольно трудно определить. Данные сильно различаются. Так, доля российской серой экономики в общем ВВП, по данным Росстата, лежит где-то около 10–14 % (от 50 % в сельском хозяйстве, 16–18 % в строительстве, до 5–6 % в образовании) [3]. По данным Всемирного банка, российская теневая экономика составляет 40–50 % [4], что также выглядит несколько неправдоподобно. Впрочем, в любом случае речь идет о десятках триллионов рублей в год и о десятках миллионов рабочих мест.

The laws adopted by the power elites are focused more on servicing the interests of the narrow circle, which is getting narrower and narrower. The Peruvian economist Hernando de Soto writes about antidemocratic governments that make decisions behind closed doors without the broader public consultation. Such laws are likely to benefit just a small group of insiders. In many countries, even democratic elections boil down to possibility to vote for this or that political candidate every few years, giving the winner carte blanche for the period of his term. Until the next election, the winner is beyond the control of the majority (Soto, 2002).

According to de Soto's analysis, in many countries the government machine works so ineffectively that its services become unprofitable for the majority of the population. For example, it takes two years to obtain an official license for a small household production, because each of twenty-four institutions considers an application within a month. Corruption is great in what is related to the startup capital (especially in the field of construction). The laws are so numerous and complicated that only a highly paid lawyer can make sense of it. As a result, a part of the

population prefers to do without economic relationship with the state, without its illusory protection and support, as well as its unbearable bureaucratic burden. Thus, there is a gap between the law and the economy, and sometimes a considerable part of the economy is located in this gap. This part is called a "shadow" or a "grey" economy (as opposed to the fully legal "white" economy). The grey economy is not obviously related to crime (while the black economy is fully criminal). According to de Soto, the shadow activity is not as close to chaos and anarchy as is generally believed. On the contrary, he thinks that the shadow marketers have their definite interests, and their life is organized according to the laws created by them spontaneously, in the absence of the government laws (Soto, 2002). The shadow business lives not according to the government laws, but according to the unwritten rules, which are often more efficient.

Envelope wages, unofficial extra earnings, a great part of small-scale trading (especially internet trading), squatter development and even growing cucumbers in private gardens are the features of grey economy.

Однако большая часть города была плотно застроена деревянными домами, образуя «серую» городскую среду разнообразных оттенков / However, a big part of the city was densely built up with wooden houses that formed a "grey" urban environment of various shades.

Черная, белая и серая архитектура

Расслоение экономики «по цвету» состоялось не сегодня. Но лишь теперь оно попало в поле зрения научно-теоретической рефлексии и начало порождать осознанные архитектурные движения. Дело в том, что каждый оттенок экономики – это одновременно и образ жизни, и система ценностей (то, что мы ранее предлагали называть «горожанством» [5]). И, следовательно, принципы и приемы зодчества.

Чисто белая экономика поразумевает открытый, прозрачный образ жизни. Все по закону, скрывать нечего, честность – лучшая политика. Отсюда стремление к максимальной проницаемости городской среды, пронизанной прямыми длинными перспективами, обширными общественными пространствами, ясной и четкой навигацией. На уровне здания «белые» принципы выражаются в открытой тектонике, не замаскированной декором, в обилии стекла и ажурных конструкций в духе Сантьяго Калатравы, в четких ритмах и крупных масштабах. В истории архитектуры немало примеров, когда «осветление» проходило под мощным давлением государства. Деятельность Доменико Трезини, барона Османа, Альберта Шпеера или М. В. Посохина в различных политических контекстах приводила, однако к весьма схожим результатам.

Впрочем, движение в сторону «белого» зодчества не обязательно связано с административным давлением. Например, обладатель Гран-при фестиваля «Зодчество

Иркутск с Успенской колокольни

> Макет «Квартала 130», Иркутск, 2012 г. Квартал спроектирован и построен, как пример «белой» застройки. Основной структурный элемент проекта – прямые перспективы, променады, пронизывающие застройку насквозь. Даже на макете видно, что прилегающие кварталы застроены в основном «по-серому».

The model of the 130 Quarter, Irkutsk, 2012. The Quarter was designed and built as an example of the "white" development. The key structural elements of the project are the straight visual axes and promenades that penetrate the development. As is seen even in the model, the neighbouring quarters are built up in a "grey" way.

It is hard to determine the scope of this phenomenon in the overall economic picture. The data are very diverse. For example, according to Rosstat, the share of the Russian grey economy in the total GDP is about 10-14% (from 50% in agriculture and 16-18% in construction to 5-6% in education (Rosstat)). According to the World Bank, the size of the Russian grey economy amounts to 40-50 % (Schneider, Buehn, & Montenegro, 2010), which also seems improbable. Anyway, it is a case of tens of trillions of rubles per year and tens of millions of jobs.

2. White, grey and black architecture

Economy split into different “colors” long ago. But only recently this split has come into view of scholars and theoreticians and began to give rise to different architectural movements. In fact, each shade of economy is at the same time a style of life and a system of values (what we have offered to call “urbanship” (Lidin, 2015), and, consequently, architectural principles and techniques.

White economy often implies an open and transparent way of life. Everything is legal, there is nothing to hide, and honesty is the best policy. Hence the desire for higher permeability of urban

environment penetrated by straight and long visual axes, vast public spaces and clear navigation. On the building level, the “white” principles are manifested in the open tectonics having no decorations to hide behind, in the plentitude of glass and openwork a la Santiago Calatrava, in accurate rhythms and large volumes. There are a lot of examples in the history of architecture when “lightening” was conducted under strong governmental pressure. However, the activities of Domenico Trezzini, baron Haussmann, Albert Speer or M. V. Posikhin in different political contexts resulted similarly.

On the other hand, the movement toward the “white” architecture is not necessarily connected with administrative pressure. For example, the Bridge to Tatyshev Island by A. Myakota et al., the winner of the Zodchestvo of Eastern Siberia Grand Prize 2017, is voluntarily designed in an absolutely “white” style, without any pressure (Myakota, Gribakina, Elizarova, & Rubcov, 2017). Another remarkable example is the project of the 130 Quarter in Irkutsk. This challenging experiment produced a “white” fragment standing out among the traditional “grey” blocks (Grigoryeva, 2017).

в Район Квинта Монрой (Quinta Монрой) чилийского города Икик (Iquique), один из самых цитируемых проектов Алехандро Аравена (фотография с официального сайта студии Elemental, 2001-2004 гг.). Государственная субсидия в рамках программы социального жилья позволила построить только половину дома для каждой семьи. Каждая семья достраивала свой дом по мере своих возможностей и вкусов. В результате квартиры обошлись в рекордно низкую цену – около 2,5 тысяч USD. / Quinta Monroy housing project in Iquique, Chile, is one of the most cited designs by Alejandro Aravena (the photo retrieved from the Elemental official site, 2001-2004). The government subsidy for social housing allowed to build only a half of the house for each family. The rest of the house was accomplished by the families, according to their possibilities and tastes. As a result, the price of the apartments was record-low: about 2.5 thousand USD.

Восточной Сибири» за 2017 год, проект моста на остров Татышев (А. Мякота и др.) решен в совершенно «белой» стилистике, но не под давлением, а добровольно [6]. Еще более яркий пример – проект иркутского 130-го квартала. Этот смелый эксперимент привел к возникновению «белого» фрагмента городской застройки посреди традиционных «серых» кварталов [7].

Чем темнее оттенок экономики, тем меньше архитектура нуждается в государственном участии. Криминальные районы: бразильские фовелы, китайские хутоны и отечественные «нахаловки» - все эти трущобные поселения растут сами собой и демонстрируют одинаковый набор свойств, вытекающих из «черного» образа жизни. Проницаемость застройки крайне низка, множество кривых и прерывистых улочек затрудняют движение. В предельных случаях перемещаться по такому поселению может только «свой» – человек, хорошо знакомый с этим лабиринтом. Для чужих прохода нет. Высокие заборы

The darker economy is, the less architecture needs participation of the state. Such criminal areas as Brazilian favelas, Chinese hutuns and Russian “nakhlovki” are slum settlements that grow by themselves and demonstrate the same set of features coming from the “black” way of life. Permeability of the development is extremely low, and a number of curved and discontinuous streets hinder the traffic. Sometimes only a “local” person familiar with this labyrinth can move around the settlement. There is no access for an alien. High fences separate every building from the others, and even windows tend to look out onto the courtyard instead of the street. Hardly seen from behind the fence, the facades are hidden behind large plants, decorations, shutters and curtains. One cannot look into the house. The general outlook of the buildings is expressly poor, almost deserted, and the colour palette is a mix of dirty and “trash” colours. The dwellers’ level of income is also a secret for a passer-by, who is considered a potential enemy or a spy.

Architecture of the grey zone balances between the white and the black extremes. The network of through streets neighbours inner spaces of courtyards. Public spaces are not large, but

numerous. Facades are neither exposed nor fully hidden, but they are partially covered with trees, front yards and fences. The colour palette is restrained, having mostly the earth tones. The development rhythm is discreet and diverse, but the scale is one and the same.

Historical cities usually demonstrate different combinations of grey and white “economic colours”. The more shades the image of the city contains, the stronger the sense of its historicity and multilayeredness becomes. Irkutsk became like that by the end of the 18th century, after a great fire in June 1879. During the reconstruction of the city, the main “white axis” was formed: Bolshaya (now Karl Marx) Street was densely built up with expensive stone buildings with iron roofs. At the same time, the burnt-out adjacent quarters were built up with traditional wooden houses without any definite plan, in accordance with the grey style of life.

Ideology of the grey architecture can be seen in the works of the Latin American architectural school headed by Alejandro Aravena, the Pritzker Prize winner. His most innovative technique involves taking unauthorized constructions as the basis for planning and realization of development. Aravena’s method in-

отгораживают каждое строение от других, и даже окна предпочитают выходить во двор, а не на улицу. Фасады, если даже они видны из-за забора, визуальны перекрыты крупномерными растениями, декором, ставнями, шторами. Заглянуть внутрь дома никак нельзя. Общий внешний вид зданий подчеркнуто бедный, заброшенный, почти нежилой, цветовая гамма «мусорная», грязно-пестрая. Об уровне достатка жильцов прохожему знать не надо, да и вообще любой прохожий – потенциальный враг или соглядатай.

Архитектура серой зоны балансирует между крайностями белого и черного. Сеть сквозных улиц соседствует с внутренними пространствами дворов. Общественные пространства невелики, но многочисленны. Фасады не обнажены и не скрыты полностью, но частично перекрыты деревьями, палисадниками, оградами. Цветовая гамма сдержанная, земляная. Ритмика застройки ненавязчивая, разнообразная, но единая по масштабу.

Исторические города, как правило, «экономически окрашены» в различные сочетания серого и белого. Чем больше оттенков, тем сильнее ощущение историчности, многослойности образа. Иркутск стал таким к концу девятнадцатого века, после большого пожара в июне 1879 года. При восстановлении города образовалась главная «белая ось» - улица Большая (ныне Карла Маркса), сплошь застроенная богатыми каменными зданиями под железными крышами. В то же время, в непосредственной близости от Большой сгоревшие кварталы застраивались традиционными деревянными усадьбами, без четкого плана – вполне в духе серого образа жизни.

Идеология серого зодчества нашла свое мощное выражение в работах латиноамериканской школы архитекторов – во главе с Притцкером лауреатом Алехандро Аравена. Самый новаторский из его приемов как раз и заключается в том, чтобы ввести самострой в самую основу планирования и реализации застройки. Метод Аравена включает активное сотрудничество с

> Далеко не везде к «серым» принципам застройки относятся позитивно. Район Столипино, Пловдив, Болгария (фотография А. Беленький). В рамках социального эксперимента район, застроенный стандартными панельными зданиями, был предоставлен для компактного проживания самой крупной в стране общины цыган. Восприятие района местными жителями – крайне негативное, район в глазах болгар выглядит, как воплощение позора, смутной угрозы и источник сильного социального напряжения. Принципы сочетания белой и серой застройки все еще встречают сильное сопротивление в общественном мнении. /

Not everywhere the “grey” development principles are treated positively. Stolipino neighborhood, Plovdiv, Bulgaria (photo by A. Belenky). As a social experiment, the area built up with panel housing was provided for the country’s biggest gypsy community. Local people treat the neighborhood negatively, perceiving it as an embodiment of shame and hidden danger, and as a source of social tension. Public opinion still strongly resists the principles of matching white and grey developments.

cludes an active cooperation with future residents – not very rich people that rely on themselves and don't expect much from the government. For example, Aravena describes the following situation: when social housing in Iquique (Chile) was being planned, it turned out that the governmental subsidy was only enough to set up either a bath or a gas boiler, but not both of them. As the majority of the future residents surveyed said, they did not need gas boilers because their family budget was not enough to pay for gas, and, after all, they could do without boilers in the hot climate of Chile. So they set up baths and let the residents buy boilers by themselves (Arkitektura s sotsialnym smyslom. Diskussia Alejandro Aravena i Kirilla Assa, 2015).

This example shows the main principle: respectful attitude towards poor clients. The traditional approach is just the opposite: if these people do not have enough brains to get rich, how they can participate in making design decisions? These decisions should be made by a well-educated and well-to-do person – an architect, a developer or a state official... But grey economy and grey style of life are not necessarily indicative of a loser. It is a refusal to participate in demonstrative consumption and the

related maneuvering through the labyrinth of laws; it is freedom from credit slavery, hypocrisy of the grandees and bureaucratic games. This refusal is often intended. No wonder that the grey economy often becomes more efficient than the white one, and the grey style of life is filled with some deep wisdom.

3. White utopia

It is hard to accept unauthorized constructions, which were planned and designed, and participation of residents in formation and development of the city image as an inevitable and even progressive phenomenon. The persistent desire to simplify the global picture triggers one and the same question: which economy is better? And the answer is at hand: of course, the white one! Let everything be absolutely legal, let all streets be straight, all facades be transparent, all colours be bright, and all people be open and happy. Even if the imperfect laws make our lives difficult, we will patiently wait for their improvement, anyway. If straightening of streets causes demolition of historical monuments, we will keep them in memory. And later, when we have an opportunity, we will build them once again. We will use bright Finnish colours. Although they faint very quickly and do not

будущими жильцами поселения – людьми, как правило, небогатыми, привыкшими полагаться в основном на себя и не ждущими особой заботы от государства. Например, Аравена описывает такой случай: при проектировании социального жилья в городе Икики (Чили) оказалось, что на выделенную субсидию в домах можно установить либо ванну, либо газовый водонагреватель. На то и другое денег не хватает. Опрос будущих жильцов показал – водонагреватели им не нужны, потому что у большинства семей не хватит бюджета для оплаты газа, да и не так уж они необходимы в жарком чилийском климате. Поставили ванны, и пусть сами жильцы докупают нагреватель, если появится такая возможность [8].

В этом примере ясно виден основной принцип: уважительное отношение к бедным заказчикам. Привычный подход совсем иной – раз этим людям не хватает ума, чтобы разбогатеть, то как они могут участвовать в принятии проектных решений? Решения должен принимать образованный, состоятельный человек – архитектор, девелопер, государственный чиновник... Но ведь серая экономика и серый образ жизни – вовсе не признак неудачника. Это отказ от демонстративного потребления, от связанного с ним изматывающего лавирования в путанице законов, отказ от кредитного рабства, от ханжества и лицемерия истеблишмента, от бюрократических игр. Отказ, зачастую, вполне осознанный. Неудивительно, что во многих случаях серая экономика оказывается эффективнее белой, а серый образ жизни наполняется какой-то глубокой мудростью.

Белая утопия

Трудно принять мысль о том, что запланированный, за-проектированный самострой, участие жильцов в формировании и развитии облика города – явление не только неизбежное, но и прогрессивное. Неизбывное стремление упрощать картину мира заставляет опять и опять ставить вопрос: так все-таки какая экономика лучше? И ответ, разумеется, наготове: конечно, белая! Пусть все будет исключительно по закону, пусть все улицы будут прямыми, все фасады – прозрачными, все краски – яркими и звонкими, все люди – открытыми и улыбочивыми. Даже если законы неуклюжие и мешают жить, ну что

же, мы будем терпеливо ждать их улучшения. Если при спрямлении улиц исчезнут памятники истории, ну что же, сохраним память о них. Когда-нибудь потом, когда будет возможность – построим заново. Покрасим все яркими красками финского производства. Правда, они быстро выгорают и плохо сочетаются с традициями цветовой среды нашего города, зато выглядят современно. А людей, которые не хотят жить в этом ослепительном городе, выселим в резервации и лишим основных гражданских прав: на образование, на медицину, на труд, на отдых... пусть вымирают.

Как и любая другая, «белая утопия» очень легко и естественно превращается в антиутопию, стоит лишь начать ее реализацию. Кроме того, любой образ жизни стремится не только сохраниться (даже во враждебном окружении), но и распространиться, вытесняя своими структурами все прочие тона и оттенки. Любой из оттенков серого норовит захватить прилежащие к нему территории, особенно более «светлые по тону»: самострой заполняет общественные пространства и перешагивает красные линии, киоски и уличные прилавки заполняют тротуары и привокзальные площади, на осях генерального плана вдруг каким-то непонятным образом возникают здания... Так попытки игнорировать многоукладность, полистилистичность экономики города становится почвой для непрерывных конфликтов.

Заключение

Времена меняются быстро, мелькают моды и предпочтения, и, возможно, уже в ближайшие годы экономику сменит какая-то другая надежда на всеобщее счастье. Каждый из периодов увлечения тем или иным способом мировосприятия, однако, оставлял свой вклад в инструментарию архитектуры. Биоморфизм модерна не ушел в прошлое вместе со стилем, а продолжает жить и плодоносить. Новые и новейшие конструкционные материалы продолжают возникать практически каждый день. Психология городской среды и интерьера – тема глущее актуальная. Функциональный метод конструктивистов, похоже, только начинает развиваться в должной мере. «Зеленые» и «умные» дома и города – на самом переднем крае современного зодчества.

match our city's traditional colour environment, they look very trendy. Those who do not want to live in this glaring city will be resettled into reservations and deprived of their civil rights to education, medical care, labour, rest, etc... Let them die out.

"White" utopia, like any other one, turns easily into anti-utopia as soon as its realization is launched. Besides, any style of life tends not only to remain (even in a hostile environment), but also to spread, pushing out all other tints and shades. Any shade of grey wants to invade neighbouring territories, especially the "lighter" ones: squatter development sprawls out into public spaces and crosses red lines; kiosks and street stalls occupy pavements and railway station forecourts; buildings surprisingly appear on the axes of the masterplan... Thus, the attempts to ignore multistructurality and polystylistics of the city economy form the ground for constant conflicts.

Conclusion

Times pass very quickly, methods and preferences interchange each other. Probably, in the nearest years, the current economy will be replaced by another believe in overall happiness. However, every period of focusing on one or another way of world

perception has had a certain contribution to the architectural set of tools. Biomorphism of modern art did not become a thing of the past together with the style, but continues to live a fruitful life. New construction materials keep appearing almost every day. Psychology of city environment and interior design is very topical today. It seems that the functional method of constructivists has just acquired its proper development. "Green" and "smart" houses and cities are at the forefront of contemporary architecture.

What legacy will the period of "economic architecture" leave to future generations? Maybe it will be the answer to the eternal question: "To whose profit is every design decision?" Or rather a way of finding the answer. We should pose the question in a proper, constructive and efficient way: of what shade, from white to black, is the style of life of the strata that practically acts as a client? To whose profit and in whose interests does the architect create? Isn't the architect's creative work is used by somebody to suppress other people? Doesn't the architectural decision destroy the diversity of shades necessary for the city's complex organism? What can we do to make architecture profitable for all?

Что оставит будущим поколениям период «экономической архитектуры»? Может быть, это и будет ответ на вечный вопрос: кому выгодно каждое конкретное проектное решение? Вернее не ответ, а способ нахождения такого ответа. Правильная, конструктивная и эффективная постановка вопроса: какого оттенка, от белого до черного, образ жизни той страты, которая фактически является заказчиком? Для кого, для чьей выгоды, чьих интересов творит зодчий? Не стал ли его творческий полет инструментом несправедливого подавления одних людей другими? Не разрушает ли архитектурное решение того разнообразия оттенков, которое так необходимо сложному организму города? Что еще можно сделать, чтобы архитектура становилась выгодной для всех?

Литература

1. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М.: ЭКСМО, 2015. – 720 с.
2. Сото Э. де. Иной путь: экономический ответ терроризму / пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2008. – 408 с.
3. Росстат: доля теневой экономики достигает 10–14 // Вести. Экономика. – <http://www.vestifinance.ru/articles/83306>
4. Schneider F., Buehn A., Montenegro C. E. Shadow Economies All over the World. Policy Research Working Paper 5356. The World Bank Development Research Group Poverty and Inequality Team & Europe and Central Asia Region Human Development Economics Unit. –2010.
5. Лидин К. Л. Горожанство. В поисках универсального определения городской среды // Проект Байкал. – 2015. – № 45. – С. 84–89.
6. Мякота А., Грибакина Л., Елизарова Е., Рубцов А. Велопешеходный мост на остров Татышев // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 28.
7. Григорьева Е. Прогулки по Иркутским кварталам // Проект Байкал. – 2015. – № 46. – С. 82–88.
8. Архитектура с социальным смыслом. Дискуссия Алехандро Аравены и Кирилла Асса // Архсовет Москвы, 24 нояб. 2015 г. – <http://archsovet.msk.ru/article/gorod/arhitektura-s-social-nym-smyslom-diskussiya-alehandro-araveny-i-kirilla-assa>

References

- Arhitektura s sotsialnym smyslom. Diskussia Alejandro Aravena i Kirilla Assa [Architecture with social sense. Discussion of Alejandro Aravena and Cyril Assa]. (2015, November 24). Retrieved from <http://archsovet.msk.ru/article/gorod/arhitektura-s-social-nym-smyslom-diskussiya-alehandro-araveny-i-kirilla-assa>
- Grigoryeva, E. (2017). A Walk around Irkutsk's Quarters. *project baikal*, 12(46), 82-88. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.46.952>
- Lidin, K. (2017). Urbanship: In search for a comprehensive definition of urban environment. *project baikal*, 12(45), 84-89. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.45.896>
- Myakota, A., Gribakina, L., Elizarova, E., & Rubcov, A. (2017). Bicycle pedestrian bridge to Tatyshv Island. *Project Baikal*, 52, 28.
- Rosstat: dolya tenevoi ekonomiki dostigaet 10-14% [Rosstat: the share of the shadow economy reaches 10-14%]. Retrieved from <http://www.vestifinance.ru/articles/83306>
- Schneider, F., Buehn, A., & Montenegro, C. E. (2010) Shadow Economies All over the World. Policy Research Working Paper 5356. The World Bank Development Research Group Poverty and Inequality Team & Europe and Central Asia Region Human Development Economics Unit.
- Soto de H. (2002). *The Other Path: The Economic Answer to Terrorism*. NT: Basic Books.
- Stiglitz, Joseph E. (2012). *The price of inequality: how today's divided society endangers our future*. NY: W.W. Norton & Company.

Анализируются практика проектирования и строительства в Иркутске и регионе. Обсуждается вопрос о выигрышах / проигрышах изменения архитектурной среды города в зависимости от политики региональных властей и застройщиков. Рассматриваются проблемы цветовой среды города, политики сохранения архитектурного наследия, плотности застройки центра, изменения восприятия города в связи с популярностью 130 квартала. **Ключевые слова:** архитектура; город; архитектурная среда; политика; властная воля; социальная стратификация; застройка; 130-й квартал. /

The discussion is focused on the analysis of the design and construction practices in Irkutsk and the Irkutsk region. It raises the question of advantages / drawbacks of transformation of the urban environment depending on the policy of regional authorities and developers. The participants of the discussion review the problems concerning the colouristic environment of the city, protection of the architectural heritage, downtown density, as well as the change in perception of the city in light of the popularity of the 130 Quarter. **Keywords:** architecture; city; architectural environment; policy; authoritative will; social stratification; development; 130 Quarter.

Дискуссионный клуб «Кому выгодно?» /

текст
Марина Ткачева /
text
Marina Tkacheva

15 августа в Доме архитектора состоялось обсуждение темы номера ПБ «Кому выгодно?». В обсуждении участвовали начальник управления культуры Иркутска Виталий Барышников, журналист Александр Гимельштейн, архитекторы Елена Григорьева и Алексей Чертилов, социальный психолог Константин Лидин, культуролог Марина Ткачева, политолог Сергей Шмидт.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Тема обсуждения – «Qui prodest? Кому выгодно?». Выражение ввели в обиход древнеримские юристы, а Ленин даже поставил его в название одной своей работы. Для активных участников наших очных и заочных дискуссий, в первую очередь архитекторов, мы сформулировали несколько вопросов. Для нас сегодня более актуально и интересно то, что касается архитектурной среды города в целом.

Какие явления и процессы выглядят для вас наиболее странными, нелепыми, вредными в современном городе, в частности в Иркутске, в нашем регионе? Что вызывает у вас наиболее негативную реакцию?

Как вам кажется, кому выгодны эти негативные явления и процессы? Какие группы, слои, страты наиболее заинтересованы в том, чтобы эти негативные для нас и позитивные для них явления существовали?

Какие выгоды теряет общество в целом из-за того, что отдельные группы людей преследуют свои эгоистические интересы? Какова упущенная нами выгода?

КОНСТАНТИН ЛИДИН Я приведу пример, который касается цвета города. Меня сильно раздражает то, в какие цвета постепенно перекрашивается город. Цвет очень эмоционально нагружен. И, соответственно, он несет на себе значительную часть эмоционального впечатления от города. Сейчас здания красят очень светлыми, звонкими, чистыми химическими тонами. В городе никогда такого не было: кому пришло бы в голову использовать в Иркутске чистые пигменты из европейской части? Красили цветными глинами, которые можно добыть здесь, причем есть довольно широкий спектр прекрасных цветов. Но это сложные, глуховатые тона, в музыке примерный аналог – звучание классического квартета. Когда же красят «Тиккурилой», получается один тон, очень чистый, как лазерный луч. В результате дом исчезает, превращается в

плоский, как из бумаги вырезанный, силуэт. Понятно, что это надо людям, которые просто не видят, что они делают, это средненькие такие товарищи.

МАРИНА ТКАЧЕВА Им кажется, что так красиво.

КЛ Им все равно, какое впечатление это производит. Их волнует вполне понятная вещь: тиккуриловские краски выгорают в течение нескольких месяцев. В Восточной Сибири очень много солнечных дней и очень много ультрафиолета, а синтетические пигменты его не выдерживают и меняют цвет буквально на глазах. В результате здание можно перекрашивать каждые полгода. Это выгодно.

То же самое, что с благоустройством: мостовые и тротуары, которые безобразной плиткой мостят по два раза за год.

ЕГ Почему нас интересует тема «Кому выгодно»? Архитектору по роду деятельности приходится общаться с чиновником, заказчиком, подрядчиком. В каждом отдельном диалоге он приводит разные аргументы в защиту своей идеи. Доказывая чиновнику – заказчику важного участка городской среды, архитектор говорит о том, что рациональнее в репрезентативном общественном пространстве использовать гранит, а не прессованную плитку. Это будет надолго, и, когда вы поведете по этой лестнице важного гостя, например президента Татарстана, вам не зададут вопрос: «Что же у вас здесь гранит, а здесь прессованная плитка?» В разговоре с подрядчиком архитектор использует другие аргументы, для подрядчика важна стоимость материала... Вопрос «кому выгодно?» в работе архитектора присутствует постоянно. Бывает, конечно, что обстоятельства складываются таким счастливым образом, что судьба проекта зависит исключительно от людей, у которых есть цель оставить в этом городе качественный след и добрую память, их не надо убеждать в пользу гранита.

Застройщику участка вне зависимости от того, в новом ли это происходит районе или на драгоценной территории исторического центра города, нужны квадратные метры, максимальное количество. И в камне, а не в дереве. Ему нет дела до идентичности, и он знает каким способом вывести памятник из реестра. И здесь архитектору остается уповать на регламенты и законы.

Discussion Club “Cui Prodest?”

МТ Надо сказать, что архитекторы тоже не одинодушны, и это мы знаем по иркутскому сообществу архитекторов. По твоим словам, получается, что архитектор – это последний человек, который стоит на страже общественных, общегородских интересов. На самом же деле это не совсем так, а часто совсем не так.

АЛЕКСЕЙ ЧЕРТИЛОВ Получается, если что-то делается, то кому-то это выгодно. Если ничего не делается, то это тоже кому-то выгодно.

СЕРГЕЙ ШМИДТ Например, когда что-то делается из глупости?

МТ Тогда надо задавать вопрос, почему так много глупости сегодня происходит?

КЛ Если присмотреться, то, что кажется глупостью, на самом деле – совсем другое. Но умных людей гораздо больше, чем нам кажется. Я, работая с нашими бизнесменами, должен с сожалением заметить, что их уровень очень низкий. Как только какой-то организатор начинает приподниматься, он норовит съехать куда-нибудь. В результате средний уровень оставшихся безобразно низкий: менеджер, управленец, бизнесмен не видят вариантов. Он видит, как получить выгоду от прессы плитки, и не видит ничего другого.

АЛЕКСАНДР ГИМЕЛЬШТЕЙН Вот Верхнюю набережную достроили. Вроде и дома ничего, и какое-то пространство любопытное получилось, и бульвар. Но цвета меня раздражают безумно. Они не иркутские, это не похоже на Иркутск. И ладно, если бы это сводилось к корысти: быстро выцвело и быстро перекрасили. На самом деле ничего не перекрашивают, в том числе и потому, что, естественно, на это денег потом нет. Это не «закладка» под заработка, а просто нежелание анализировать. Думаю, что это зависит и от грамотной логистики производителей, грамотной скидочной схемы мировых концернов. А попробуйте найти в Иркутске качественную местную краску в промышленных объемах. Подозреваю, что такое производство надо создавать заново. Непонятно даже, умерло ли оно или нет; просто пущено на самотек.

ВИТАЛИЙ БАРЫШНИКОВ Даже этот самотек, мне кажется, тоже кому-то выгоден.

АГ Выгоден с точки зрения комфорта: есть налаженные связи, логика, налаженные кредиты, что тоже немаловажно. У нас же все строительство закредитовано до умопомрачения. Я знаю всего два случая, когда была попытка хотя бы озвучить другое предложение. Архитекторам наверняка известна история с «Мариоттом», попытка сделать стеклянную вставку темно-красного цвета. Авторам тут же сказали: «Зачем? У нас тут Байкал, у нас тут ассоциации с водой». В итоге возникает масса похожих фасадов. Может, красная стеклянная гигантская стела была бы интереснее? А второй пример – это моя попытка на оргкомитете к 350-летию города, во время презентации строящейся библиотеки Молчанова-Сибирского, предложить: «А что у нас опять все одинаковое, все светло-серое? Давайте покрасим библиотеку в виде книги, что-то остроумное сделаем, интересное». Тогдашний мэр Виктор Кондрашов сказал: «Нет, нельзя, мы проект еле согласовали, сроки сорвем». Почему кажется, что если мы примем решение поменять цвета, это сорвет все сроки строительства?

АЧ Все-таки в советское время было четкое направление партии, что строить, существовала схема, как это сделать организационно, потоки финансовые. Была организационная пирамида, единоначальное управление. Профессионалы, как ни крути, были во всех сферах. Сейчас нет ни пирамиды, ни прослойки профессионалов на всех уровнях...

АГ Очень важный момент, которому надо оппонировать. Эта вертикаль была связана с госплановской системой и с фондированием; кто фонды спускал – тот и решение диктовал. Ничего хорошего в этой модели нет. На мой взгляд, хорошая модель – это когда «расцветает миллион цветов», а системно-экспертное и гражданское общество говорит, что подходит для городской среды, а что нет. Конечно, в госплановской системе были профессионалы, просто им больше негде было быть. А чего настроили? Я понимаю, что в хрущевские времена нужно было дешевое жилье, чтобы людей из бараков переселить. Но с точки зрения визуальной, которая не удорожала бы эти проекты никак, можно было что-то сделать. Об этом никтоне думал.

ВВ Сейчас мы имеем ту же массовую застройку. Она не под копирку ведется, но серость та же самая, еще хуже.

АГ Но если сейчас туда государство пустить, будет только хуже. Везде, где государство перехватило контрольную функцию, становится хуже.

КЛ У нас государство в настоящий момент – это чиновники. Их выгода в том, чтобы все было единообразно. Потому, что в этом случае гораздо проще документы оформлять. Они о себе заботятся, их тоже можно понять.

СШ Мне кажется, что, когда речь идет об иркутской ситуации, имеет смысл обратиться к общепринятой концепции некоего сговора иркутских застройщиков, не допускающих на иркутский рынок чужих. Уже лет 10 об этом говорят как об одной из причин особых цен на квадратный метр именно в Иркутске. На это стали обращать внимание и простые граждане: в Новосибирске и Красноярске строят компании из разных городов, а в Иркутске – только свои, местные. Тема выгод в результате сговора олигополии всегда возникает в общественной дискуссии. Поговаривают, что в этом есть определенная иркутская специфика. Иногда это становится причиной политических проблем для некоторых губернаторов...

ЕГ Есть примеры, когда тендеры выигрывают не иркутские фирмы и заваливают весь процесс: библиотека Молчанова-Сибирского, Ледовый дворец...

И в проектном бизнесе тоже тендеры часто выигрывают какие-то посреднические фирмы из Москвы, из Ангарска и т. д., выдают некачественный продукт из-за того, что большая часть денег идет не на проектирование. Мне-то кажется, что при всех недостатках чиновничества и системы наша задача – вести диалог, понимая, что может быть им выгодно и что приведет к хорошей цели для них же. Вот свежий пример: в 130-м квартале возникла угроза превращения в шанхайские кварталы, когда территорию усадеб начали сплошь покрывать якобы временными сооружениями. Нам удалось донести опасность этого процесса до мэра, до председателя комитета. И сейчас заканчивается работа над ПЗЗ (правила землепользования застройки), которые строго прописывают плотность застройки и другие параметры, указывают буквально 4–5 мест, где могут быть временные сооружения, формули-

руют, что это такое. Аргументы, которые приводились высшему чиновничеству, заключались в том, что брендовое место, если оно приобретет качества Шанхайки, перестанет приносить тот миллиард доходов в бюджет, который приносит. Им это интересно. Мы выносим тему уплотнительной застройки 130-го квартала в публичную плоскость. Мы тянем за разные ниточки, апеллируем к разной выгоде. В том числе к будущей. Хотя большинство собственников участков по-прежнему интересуется только размер прибыли сегодня.

СШ Свободного пространства в 130-м стало меньше, а могло стать еще меньше, я правильно понял?

ЕГ Именно. 130-й стал сверхдоходным, сначала его раскрутили искусственно, а потом он стал на самом деле любимым местом горожан, даже с набережной поток людей частично перешел сюда. Место стало настолько доходным, что собственники, чтобы увеличить свои площади, начали покрывать пространство между домами сплошной застройкой – якобы временными верандами. Виталий Владимирович Барышников в статье про 130-й квартал в журнале «Проект Россия» использовал ключевое для понимания этих процессов слово – алчность.

Но в сентябре принимаются новое ПЗЗ, и мы, вводя правила землепользования и застройки, возвращаем ситуацию на уровень, приближенный к первоначальному замыслу. Теперь, если собственники и будут ставить, то именно разборные сезонные сооружения в тех местах, где это можно. Иначе зачем воссоздавались памятники и средняя деревянная застройка, если они загораживаются стихийными самостроениями?

МТ А озеленение?

ЕГ В ПЗЗ отрегулировано и это тоже, причем не только минимальный процент озеленения, но и количество крупномеров. Указано место их расположения с учетом сетей.

ВВ Я бы тоже сказал, что иркутские строители воспринимают город как строительную площадку, и идеальный город для них – это чистая строительная площадка...

СШ Все равно вы заплатите за эти квадратные метры, куда вы денетесь? Таково отношение к горожанам.

ВБ Это первый тезис. Второй тезис связан с рекламой и визуалкой. Огромное количество стендов 3 x 6 – на заборах, на домах, на крышах... Меня поражает количество рекламных конструкций, закрывающих вообще восприятие города. Практически половина из них – чистая самоволка, когда никто никого не спрашивал или согласовал когда-то по принципу «разсогласовал – и живу», хотя все сроки прошли. Кому это выгодно? Рекламному бизнесу? Чиновникам?

Третья тема – озеленение. Иркутск всегда был городом садов, городом, где всегда была зелень. Сейчас у нас строят так, что в принципе отсутствует даже место для зеленых насаждений. А это точно не приносит прямого дохода, понимаемого примитивно.

Четвертое – это тема культурно-значимых организаций: Иркутск в свое время много сделал для того, чтобы у нас не появилось ни академии наук, ни аэропорта.

МТ Ни оперного театра.

ВБ Набор уже классический. Странно говорить, что это было невыгодно жителям. Какие другие интересы? Нежелание делиться властью? Необходимость выстраивать сложные коммуникации с тогдашними федералами? Вот четыре тезиса: стройка, реклама, общественное зеленое пространство и историческая тема. И кому сейчас выгодно не завозить в Иркутск крупные проекты, федеральные, частные корпорации?

АЧ Сдерживающий, сильный фактор – это ненормальная должность мэра. Раньше был человек, который отвечал за город, и ему не надо было обкрадывать бюджет, он еще и свои деньги вкладывал. Сукачев тот же самый.

АГ А обвинение его в коррупции со стороны Городской думы? Никогда у нас не было благодати никакой.

АЧ Сейчас нет человека, который действительно работает над городом, заботится о городе. Это очень сложно делать, раньше проще было: другое законодательство, правила. Сегодня нет большого единоначалия и в ближайшие десятилетия, наверно, не будет. Хозяйствование все больше дробится между структурами, нет единого целого. Тот же генеральный план, инструмент вроде бы правильный и хороший, но не работает. У нас до сих

пор не решен вопрос в комплексе, где какие электрические, водопроводные, канализационные сети лежат; нет единой карты. Каждое ведомство знает только то, что эксплуатирует.

ЕГ Говорят, в 130-м квартале есть сети, которые не принадлежат никому, все от них открешиваются. Как это может быть, непонятно.

АЧ И если даже появится такой мэр, чтобы все собрать в одно управление и управлять процессом, можно жизнь положить, за 20 лет не справиться.

АГ Нынешний мэр руководит два года. До этого во главе города 15 лет был профессиональный строитель, а до этого 10 лет профессиональный коммунальщик. Так что проблема напрашивается более широкая. Полновластия-то у них куда больше, чем в советский период было. Эти люди вообще никому не подчинены. В чем загвоздка-то?

АЧ У нас сейчас несовершенное управление в принципе.

КЛ Оно по-своему очень совершенно. Это не ошибки, это действительно система, рассчитанная на обслуживание серого бизнеса. Был период, когда мы работали с Казаковой, разрабатывали рекламную концепцию для ресторана ее мужа. Но никакой рекламы этого ресторана нет. Сам ресторан отодвинут от улицы и скрыт плотной зеленью, поэтому надо точно знать, где он находится.

А зачем так? У серого бизнеса свои принципы, ему категорически противопоказана прозрачность. Человеческие потоки, спонтанные покупатели ему противопоказаны, потому что лучше один, но свой, чем 10, но неизвестно кто. Если я там торгую, и у меня половина контрафакта, а вторая вообще неизвестно откуда взялась, зачем мне случайные прохожие? А вдруг среди них затешется представитель силовых структур, и от него опять придется откупаться? В Иркутске все так и было, на старых фотографиях видно: плотная, совершенно непроницаемая застройка, лабиринт, в котором вход найти может только свой человек. А человек, который не знает, застрянет на втором шаге. Это очень удобно. В Иркутске есть вполне понятные силы (часть из них даже не особенно маскируется), которые пытаются Иркутск превратить в такую нахаловку, организовать во всем городе такую

среду. Непроницаемую, непрозрачную, внутри которой очень удобно заниматься такими сомнительными...

СШ Это такое антитуристическое сознание. Город, открытый туристам, должен быть по-другому организован.

КЛ Поэтому туристу-то в Иркутске делать, собственно говоря, нечего. Турист сквозь Иркутск пролетает, как нейтринно, и серый бизнес это очень устраивает. Потому что с туриста трудно взять что-то незаконно, это рискованно.

СШ Туристу можно только открыться.

КЛ Да, с туристом нужны прозрачные отношения. Когда прозрачно, это не их стиль. Поэтому их устраивает такая: «Пролетайте, ребята, мы тут сейчас памятники закроем рекламными щитами, чтобы посмотреть не на что было, а вы езжайте себе на Байкал, нам вас не надо». Мне кажется, что это такая довольно мощная социальная сила, богатая, сильная, и, главное, что у нее есть четкий образ города, которого она хочет. Это клановая структура. У них способы получения прибыли полузаконные или совсем незаконные.

АГ Во всяком случае то, что в представительных органах власти куча людей из строительного лобби, безусловно.

МТ Если бы даже его там не было, вспомните сказку про дракона. Богатырь шел-шел, убил дракона, а когда он увидел кучу золота, сам стал драконом.

АГ Как ни парадоксально, для гражданского общества, может, было бы лучше, если бы пробовали покупать готовых, чем ставить своих. Готовые – уже состоявшиеся люди на рынке услуг, они могут кому-то и другому продаваться. А представитель клана никому не продается.

МТ У него выбора нет.

КЛ Мне кажется, что это и есть система, одно с другим складывается. И куда ведет, понятно. Если этих людей перестать сдерживать, они превратят Иркутск в сплошную «шанхайку», внутри которой очень удобно увильвать, там вообще концов не найдешь. Непонятно, где чьи сети, это же классно, можно к ним подключаться безнаказанно.

ВБ Но Иркутск – это уникальный случай?

КЛ Нет, в мире есть аналоги. Экономист Эрнандо де Сото всю жизнь исследует серый сектор. В Бразилии очень большой сектор серый, фавеллы бразильские как раз его порождения.

ВБ А в России?

КЛ Считается, что серый сектор России – это один из факторов, который позволяет противостоять санкциям. По данным де Сото, до 80 % экономики России – это серый сектор. Но парадоксальность ситуации заключается в том, что нельзя однозначно охарактеризовать его как абсолютное зло. У него есть свои плюсы.

ВБ Понятно, что выгодно тем, кто это организует. Но горожанам-то это выгодно?

КЛ Беда-то в том, что если им позволить, они действительно превратят весь город в «шанхайку», и после этого город умрет, потому, что у города должна быть белая часть.

ЕГ Есть люди, которые живут здесь и хотят жить в цивилизованной, комфортной среде. А есть люди, которые в городе только зарабатывают деньги, а сами живут в другом месте или большую часть жизни живут в другом месте. Или стремятся заработать деньги и перебраться в другое место. И им-то будущее Иркутска безразлично. В том же 130-м уже довольно много собственников, которые живут в Москве, а здесь у них просто арендаторы. Им все равно, какая среда в Иркутске, им важно, чтобы отсюда шел постоянный, а лучше постоянно увеличивающийся поток денег.

КЛ Если город умрет, этим людям тоже будет все равно.

ЕГ Совершенно верно. Заработают деньги и откочуют туда, где среда более-менее приемлема.

МТ Больше всего это похоже на саранчу: съедят и улетят.

СШ Ключевский писал, что Россия – это страна, которая сама себя колонизирует; по этой логике Иркутск – это город, который сам себя колонизирует.

ВБ Они уезжают-то тоже в не самые благополучные страны. Я знаю знакомых, которые имеют здесь бизнес и совершенно спокойно живут и работают в Европе, но не в первых странах. А там им тоже комфортен серый сектор? Или просто здесь не вытащили сколько надо?

КЛ Пока мы их воспринимаем как представителей абсолютного зла, демонов, которые все разрушают, сжирают, – шансов нет, мы никогда с ними не договоримся. Это все-таки люди, они в чем-то ограничены, но с ними можно разговаривать.

ЕГ С этим никто не спорит, мы же с ними работаем. Они разные, действительно.

КЛ Они очень разные. Если бы все норвали бы однодневками, все бы и уехали.

СШ Я бы предположил, что вообще в природе человека жить в той среде, которую он хорошо знает и понимает. И в этом смысле малая родина для бизнеса мощный ресурс, потому что она известна и понятна тем, кто этим занимается.

МТ Поэтому они здесь бизнес оставляют, а сами уезжают.

КЛ Но одноцветным город не может быть, он не может быть весь серым. Если белая часть, проницаемая прямо в структуре города (большие длинные каналы, по которым люди и информация могут двигаться), схлопнется, то город посереет, но сразу следом он начнет чернеть, становиться криминальным городом. Такие периоды в истории Иркутска были, а в конце XIX века вышло несколько интересных американских публикаций, где Иркутск рассматривался как образец криминального поселения. В котором вообще никакие законы не работали. Это может и вернуться.

СШ Я позволю себе задать один вопрос, который задавал разным людям. Иркутск – это единственный город, который я знаю, где прямо в центре города есть пустыри, огороженные заборами, на которых вообще ничего не происходит. Почему?

ЕГ В других городах тоже есть, даже в Москве. Я это объясняю тем, что земля в собственности, а у собственника другие дела в других регионах. Меня в связи с этим интересует судьба гостиницы «Сибирь».

АЧ Юридически все начинается с процедуры включения / не включения в Государственный реестр объектов культурного наследия. Новый, московский хозяин нашел «нужного» эксперта, который написал, что здание ценности не представляет. На это мы написали четыре протеста; эти заключения не сработали. В наших документах было доказательно показано, что экспертиза была липовая. «Сибирь» перестала быть памятником. Был издан второй приказ – исключить из списка выявленных объектов культурного наследия на основании того, что здание стало, по чьей-то прихоти, не ценным объектом города.

ЕГ И то, что это Казимир Миталь...

АЧ ...Не было принято во внимание. Это уникальное для России здание в стиле конструктивизма, ничего подобного ни в одном городе нет. У нас в Иркутске конструктивизма очень мало. По-моему, подобных объектов

зафиксировано 13. Московскому собственнику выгодно и на месте «Сибири» возвести многоэтажное здание.

ЕГ Не очень понятна и судьба ЦЭС (Центральной электростанции) на берегу Ангары. Она в реестре объектов культурного наследия?

АЧ Нет. Там только часть из комплекса представляла какую-то архитектурную ценность, потому что это был первоначальный объем от ЦЭС. Объект госохраны. И решение об его исключении мог принять только председатель Правительства РФ. 10 июля этого года председатель Правительства Д. Медведев подписал распоряжение об исключении объекта из Госреестра памятников Российской Федерации. Это первый прецедент в Иркутской области и, наверное, входит в первую пятерку прецедентов по всей стране. Зоны охраны тоже уже изменены.

ЕГ Да, теперь руки развязаны...

АЧ Я не знаю, выгодно ли это только заказчику работы по обоснованию не ценности объекта (а заказчиком выступало Иркутскэнерго) или это выгодно в том числе и городу, и региону.

ЕГ Это выгодно, конечно, владельцу участка. Городу это выгодно косвенно: город не получит концертный зал, если заказчик не получит большого выхода площадей на участке.

АЧ Я не очень верю собственнику. Если освоение этого участка начнется со строительства общественно-делового центра, то никакого концертного зала не будет в принципе: потом окажется, что появились аргументы, отсутствие средств инвестора, смена власти в стране, в регионе. И все договоренности обнулятся. И останется то, что изначально и хотели эти люди – общественно-деловой центр с отсутствующим концертным залом. Примеры имеются. Рычагов управления не так уж много. Это сложный процесс.

СШ У нас все делится на два варианта. Кто-то верит в гражданское общество, кто-то верит в политическую волю. Третьего не дано. Я не буду скрывать, что я уповаю на то, что политическая воля, соединенная с художественным вкусом...

АЧ Проблема в том, что политическая воля тоже организуется странными методами.

ЕГ Если бы только правовыми, без включения административного ресурса и политической воли, 130-го квартала не было бы вообще.

СШ Моя коллега говорит, что сын ее, работающий в управляющей компании, жалуется, что приезжает мэр, требует, орет. А потом приезжает и проверяет. Я думаю: «Это то самое, что нужно». Чтобы приезжал, орал. А потом приезжал и проверял.

АЧ Ну, возможна и другая схема: убеждение, переговоры...

СШ Изменение городской оптики все равно произошло благодаря 130-му кварталу. Будем откровенны, было множество людей, действительно считавших, что Тальцов достаточно, чтобы показать дерево гостям города. Я знаю множество людей, которые благодаря 130-му кварталу смотрят на город по-другому. Какая-то мировоззренческая революция произошла.

КЛ В Иркутских кварталах сейчас идет эта революция: сражение между сторонниками сплошной серой схемы и сторонниками некоего многоцветия, хотя бы в обрамлении черно-белого. Там, конечно, если дать волю серой схеме, никакой революции не будет: снова сделают лабиринт, где можно прятаться; восстановится Шанхайка на новом генетическом уровне.

ВБ Кварталы с Шанхайкой убрали, а люди-то остались.

МТ Их придушили, а они сейчас голову снова поднимают.

СШ Такое ощущение, что город ждет второго большого проекта. Второе пришествие 130-го квартала витает в воздухе. Поскольку пообещали Иркутские кварталы.

ЕГ Масштабы больше на порядок. Площадь Иркутских кварталов – 72 гектара по сравнению с 6 гектарами 130-го. Коренное отличие в том, что в 130-м собственников было изначально раз-два и обчелся, а тут практически все участки в собственности. И политика должна быть другой. Но переосмысление этой территории выгодно городу и горожанам. Это центр города, и он не должен быть ни черным, ни серым.

Тема номера вызвала живой интерес у многих авторов и собеседников нашего журнала. Приводим подборку откликов на несколько вопросов на актуальную тему.

1. Какие явления и процессы выглядят для вас наиболее странными, нелепыми и вредными в современной архитектуре, градостроительстве, архитектурном образовании? Что вызывает у вас наиболее негативную реакцию?
2. Как вам кажется, кому выгодны эти негативные явления и процессы? Какие группы, слои, страты наиболее заинтересованы в том, чтобы эти, негативные для нас (и позитивные для них) явления существовали?
3. Какие выгоды теряет общество в целом из-за того, что отдельные группы людей преследуют свои эгоистические интересы? Какова упущенная нами всеми выгода? /

The topic of the issue aroused a keen interest among many authors of our journal. Below is a selection of their answers to the following topical questions:

- What phenomena and processes in modern architecture, town planning and architectural education seem to you the most strange, absurd or harmful? What causes your negative reaction?
- To whose profit are such negative phenomena and processes? What groups, layers or strata are most interested in the existence of these phenomena, negative for us (and positive for them)?
- What profit does the society lose because of the fact that certain groups of people pursue their selfish interests? What is our common loss of profit?

Ответы на вопросы ПБ / Answers to the Questions Posed by PB

Тимур Башкаев, Москва

1. Для меня самым вредным процессом в нашем архитектурном мире является падение роли и значения архитектора как в процессе строительства так и в социальной жизни общества.

2. Наиболее заинтересованы в этом процессе те строители, которые не могут строить качественно и в необходимые сроки. Для них любое качество – эстетическое или потребительское – превращается в огромную проблему. Они тут же ставят руководство города перед выбором: или качество в общем виде или сроки сдачи объекта (программы). И, к сожалению, очень часто этот выбор делается не в пользу качества. Архитекторы, требующие качественного выполнения проекта, становятся как бы людьми, мешающими выполнению важных программ.

3. От этого негативного процесса проигрывает все общество. Оно вынуждено жить в некачественной среде. Да, строители успели построить в срок важные объекты за небольшие деньги, но низкое качество объекта останется навсегда. Так запускается «негативный» отбор строительных компаний: тех, которые могут сделать максимально быстро, максимально дешево и максимально некачественно.

4. Необходимо вернуть качество строительства в необходимые ценности для общества и тогда значение архитектора вернется само собой, поскольку только он заинтересован во всех видах качества объекта.

Сергей Гнедовский, Москва

1. Наиболее нелепым и вредным в современной отечественной архитектуре является ситуация, в которой профессия стала услужливо подчиняться интересам строительного бизнеса, а не интересам общества. Потеря статуса профессии архитектора. Формируемая строительным бизнесом политика, направленная на извлечение максимальной прибыли и принижающая роль архитектора в жизни общества, превращена в государственную. Жадность застройщика и сиюминутное представление об экономической целесообразности на государственном уровне приводят к серьезным проблемам в системе расселения в стране, утрате облика исторических городов и поселений, подмене государственной

градостроительной политики системой распределения и продажи земельных участков, снижении качества, развития новых технологий и материалов в сфере строительства. Отсутствие стандартов в уровне профессиональной квалификации и минимальной оплаты труда архитектора.

2. Выгодны крупным девелоперским компаниям, финансовым корпорациям, подчинившим себе Минстрой и имеющим сильное лобби в Госдуме.

3. Отсутствие сформулированной стратегии в системе расселения в стране и градостроительной политики. Утрата общественной роли и статуса архитектурной деятельности, формирующей комфортные условия жизни граждан страны, снижение качества проектирования и строительства из-за необоснованного сокращения сроков и стоимости работ.

Сергей Зыков, Кемерово

1. Невостребованность профессии архитектора властями и обществом. Отсюда – снижение роли архитектора, вытеснение его на второстепенные позиции в градостроительном процессе. Как следствие – деградация профессии и упадок архитектуры.

2. Выгодно чиновникам и крупным девелоперам, сливающимся в экстазе коррупции.

3. Теряется качество среды обитания россиян, а это – мы и наши потомки!

Виктор Логвинов, Москва

1. Ужасают всем известные и очевидные явления второго нашествия «дикого» капитализма: хаотичная точечная застройка, разрушение исторического облика центров городов, доведение до аварийного состояния памятников архитектуры с целью их сноса, вырубка парков, лесопарковых поясов и лесов под застройку. Для столиц и городов-миллионников это еще и чрезмерная концентрация населения со всеми вытекающими: транспортными проблемами, застройкой (забутовка) публичных пространств городов – площадей и скверов, нечеловеческим масштабом 25-этажных монстров с дворами колодцами «квартальной» застройки, реновацией типового жилья ужасающего архитектурного качества, по сравнению с которым хрущевские пятиэтажки кажутся шедеврами гуманной архитектуры.

Не в последнюю очередь все это происходит из-за того, что процесс создания качественной среды жизни и деятельности общества намеренно обезглавлен, лишен профессионального контроля и даже сопровождения. Архитекторы и градостроители целенаправленно и повсеместно отстраняются от процесса создания среды путем изъятия их профессиональных, а в последнее время и авторских прав. Весь процесс осознанно отдан государством в откуп бизнесу и его менеджерам.

Баланс частных и общественных интересов в градостроительстве явно нарушен, а «ослепшие» власти всех уровней как бы ни видят всего этого, продолжая разрушительную политику Радикального Рыночного Реформирования России (РРРР) в градостроительстве.

2. Смешной вопрос. Естественно владельцам земель в городах, инвесторам и девелоперам. Нигде в мире нет таких сверхприбылей в строительстве, как в Москве (правда, до кризиса). Нет и такой смычки власти и бизнеса по всей России. Редкий мэр (формально член его семьи) не ведет какой-то строительный бизнес, не торгует землей, не делает тротуарной плитки или на худой конец сидений для спортивных сооружений. Прибыль дороже Родины, а архитектор и градостроитель со своими «устаревшими» взглядами на служение обществу и стремлением к качеству объективно мешают получать сверхприбыль – попросту воровать. Их надо убрать с дороги, заменив «прогрессивными» менеджерами и урбанистами.

Всячески дискредитируя российских архитекторов и градостроителей, которых в мире уважают больше, чем в России, и безмерно превознося иностранных, наша «либеральная» политическая элита в упор не видит, различия в правовом статусе их и наших архитекторов. Любимые западные звезды архитектуры – независимые полноправные специалисты по созданию качественной среды на всех этапах; он главный на стройке. Наши архитекторы (уже более 60 лет) – бесправные рядовые проектировщики, разрабатывающие только проектную документацию и обеспечивающие тем самым интересы строителей и их прибыли.

А «крышует» всю эту систему само государство, через Градостроительный кодекс и иные либерально-рыночные законы. Принято считать, что в России нет государственной архитектурной политики. Это неверно. Она есть, но явно антиархитектурная и антиобщественная! Удивительно не «отставание» нашей архитектуры от западной, а то, что, несмотря на наши порядки, российские архитекторы умудряются создавать качественную архитектуру мирового уровня, что все чаще признается мировой профессиональной общественностью. Но не нашей дорогой элитой.

3. Очевидно, что качественная (безопасная, экологически чистая, социально и духовно полноценная, благоприятная) среда жизнедеятельности нужна всем – от олигарха, до чернорабочего. Разница в том, что олигарх создает свою среду (за высоким забором) на прибыль, полученную от строительства среды для общества. И чем больше эта прибыль «под сению закона», тем выше забор и хуже среда для жизни всех оставшихся, не присосавшихся к трубе членов общества.

Медицинский факт – власть и закон направлены на увеличение прибыли (со всеми исходящими) И поспею уповать на них бесполезно. Коридоры власти забиты «советниками» от бизнеса, которые не позволят принять законы об архитектуре, защищающие права общества и служащей ему профессии. Единственным союзником архитектора в нашем «демократическом» царстве-государстве является само общество, заинтересованное в качественной среде своей жизни – в архитектуре. Ему и надо объяснять «упущенную выгоду».

А она тоже очевидна. Не очевидно другое: бездуховная, безобразная архитектурная среда, вызывая агрессию и вандализм, создает почву для антисоциальных и

криминальных проявлений, а благоприятная, социально и духовно полноценная, напротив, побуждает любовь к своей малой родине – городу, улице, двору. Первая вызывает жгучее желание бежать в богатую столицу или в ухоженную за границу. Вторая побуждает к полноценной плодотворной жизни на Родине, приносящей пользу обществу и налоги государству. Судите сами, что выгоднее. Но прибыль дороже.

Георги Станишев, Болгария

1. В образовании важно учить студентов экспериментировать с окружающим миром, с собой, ведь каждая новая работа изобретает свой собственный язык. Заха Хадид говорила в одном из своих последних интервью, что архитектуре нельзя никого научить – можно только помогать ее изобретать каждый раз в каждом проекте – заново...

2. Каждый текст моделирует образ своего идеального читателя, по мнению У. Эко. Каждая архитектура предопределяет своего идеального заказчика (и потребителя). Для Ле Корбюзье, например, героем времени начала XX века был образованный индустриальный босс, двигающий рычаги прогресса, его здания – для такого персонажа, который представляет мир колоссальным механизмом, в котором каждый делает свое дело, каждый компетентен в рамках своей миссии. Архитектор – в том числе. Сегодняшний заказчик – государство, институция или личность, не только не знает куда идет мир, этого уже никто не знает, но и не в состоянии ощутить пределов своей компетентности. Роли спутаны, мир не артикулирован, архитектор и заказчик танцуют вальс, в котором непонятно, кто кого ведет и слышна ли музыка.

3. Отдельные группы людей всегда преследуют свои эгоистические интересы. По-моему, дело в том, что само общество уже не образует собой организма, в котором эти группы являются частями работающего целого. Общество устало от себя, оно не видит перспективы, в нем не живет идея, что с собой делать, в нем нет идеологии горизонта. Общество не может жить без общего проекта, который бы охватывал разные слои населения, раздавал бы им роли и заставлял бы их чувствовать себя необходимыми, расти в рамках этой необходимости. Может быть, сегодня единственно ислам представляет своим людям идею общего коллективного будущего, строительство их нового мира. Ведь Запад устроен так, что он мобилизуется только, когда где-то вырастает образ врага, от которого надо защищать некие ценности рынка. Проект возникает как проекция чужой инвазии вторжения или хотя бы угрозы. После захода модернизма и при отсутствии иной собственной идеологии Запад живет от угрозы к угрозе... Чем живет Россия после коммунизма – непонятно.

Александр Деринг, Барнаул

1. Начнем с образования. Чему учим – такие архитекторы и получаются, хотя и это спорно. Нужна харизма, упорство и постоянное любопытство. Хороший архитектор учится всю жизнь. Но база во многом закладывается в вузе. И порой студенты получают больше от своих старших товарищей по учебе, чем от преподавателей. Сама система архитектурного образования решительно устарела. Нет практики привлечения к преподаванию реальных архитекторов. И не для курсовых проектов, а для ведения практических занятий на протяжении нескольких семестров. Во многом наши архитектурные вузы не изменили систему образования с советских времен. А времена сильно изменились.

В самой архитектуре и градостроительстве потребность в архитекторах критически упала. Нас все больше привлекают для «тюнинга» уже принятых решений, а в противном случае привлекаются случайные люди, кото-

рые сделают что угодно за любые деньги. Наши города застраиваются бессистемно и привнесены в жертву девелоперам и инвесторам. Разрушаются исторические зоны, сложившиеся ансамбли. Попытки ограничить эти аппетиты воспринимаются как посягательство на экономическое развитие. Архитекторы объявлены врагами прогресса.

У населения сознательно культивируется негативное отношение к архитекторам, и предназначение профессии сводится к примитивному «украшательству». Есть исключения в тех местах, где у руля стоят ответственные руководители и специалисты в области планирования строительной деятельности. В области градостроительства на местах власти сопротивляются разработке Стратегических мастер-планов, которые, по сути, выявляют главные драйверы развития городов и целых регионов, оказывающие положительное влияние на архитектуру.

2. Все эти неприглядные явления, а по сути хамство, – характерная черта зарвавшихся в период строительного бума девелоперов, банкиров и застройщиков, активно поддерживаемых на месте властями. Между этими субъектами существует своеобразный сговор, направленный на исполнение их исключительных интересов. На словах это выглядит как выполнение своих социальных обязательств, налоговое пополнение и занятость в строительной отрасли. Архитекторы для них как вредители, только тормозящие их «благие» дела.

3. Ответ на этот ответ вопрос вытекает из предыдущего вопроса. Теряет все общество, причем это похоже на отложенную катастрофу. Все, а может и не все, знают про снос трущоб в Сент-Луисе, Детройте, Глазго и т. д. Там, наконец, осмыслили тот вред, который был причинен городам, и приняты программы по санации и оздоровлению территорий, приняты новые регламенты, направленные на поддержание гуманной среды, введено в оборот понятие урбанистики. Конечно, этому предшествовали широкие дискуссии и даже компании гражданского населения по этим вопросам. Просто так эти «девелоперы» не собирались сдаваться. Настала эпоха «погони» за головами, государства поняли, что будущее не за «нефтью и газом», а за человеческим потенциалом. А для этого нужно создавать полноценную среду.

Владимир Стегайло, Иркутск

1. Тревогу вызывает жесткое встраивание творческой архитектурной деятельности в систему саморегулирования в области проектирования и строительства. К сожалению, тенденции саморегулирования в проектной деятельности движутся к подавлению малого предпринимательства и преобладанию исключительно интересов извлечения прибыли и обеспечению интересов инвесторов. Происходит размытие роли личности автора-архитектора в процессе создания градостроительных и архитектурных комплексов и строительных объектов. В связи с этим падает личная ответственность архитектора перед обществом за свою деятельность и принятые решения. Архитектурное образование не уделяет должного внимания повышению социальной ответственности архитекторов. Законодательная база инвестиционных торгов, конкурсов при несовершенстве градостроительного кодекса подчинена только коммерческой составляющей. Это вымывает и практически исключает систему проведения творческих архитектурных и градостроительных конкурсов как предварительного этапа, предшествующего рабочему проектированию и строительству. Существующая система СРО не совместима с требуемой и необходимой системой регулирования профессиональной архитектурной деятельности.

2. К сожалению, современные негативные явления выгодны всем участникам проектно-строительного процесса. Государство снимает с себя ответственность и контроль за соблюдением планомерного и управляемого развития градостроительства в комплексе, работает система

прямого управления, что очень удобно для инвесторов. Инвесторы получают неограниченные права и возможности реализовать свои бизнес-интересы и извлекать прибыль из инвестиционного процесса. Архитекторы и проектировщики прикрываются невозможностью контролировать ситуацию и действуют по принципу: «Я не смог повлиять на процесс проектирования и строительства, объект изменен, так получился». Общество и потребители соглашаются с негативными явлениями, считая, что у нас по-другому невозможно, круг замыкается.

3. Общество теряет осознанное поступательное развитие. Часто локальные эгоистические интересы отдельных социальных групп не совпадают с интересами развития общества и городов в целом как единого организма. Упущенная выгода – это «неправильные» неудобные города, некомфортные условия проживания людей. Главное – это потребности потребителя (общества), а не прибыль отдельного инвестора, в этом социальная роль архитектора – увязать все интересы в единое целое.

Кристиан Хорн, Франция / Christian Horn, France

1. Во Франции, да и во всей Европе можно наблюдать, как представители государственной власти отказываются от городского развития. Под предлогом внедрения более эффективных и инновационных идей они перекадывают свою ответственность за городское развитие, строительство и эксплуатацию зданий на плечи частного сектора, используя государственно-частное партнерство и другие механизмы. В ответ на критику чиновники заявляют, что они обеспечивают соблюдение общественных интересов путем грамотно составленных контрактов с частными лицами. Однако на практике это редко подтверждается. Ошибочно полагать, что частный сектор может заменить государственную власть в деле достижения всеобщей доступности города.

2. Данный процесс выгоден разным участникам. В частности, инвесторам, которые могут развивать проекты, имея меньшие ограничения и получая большую выгоду, например, ориентируя программу развития новых городских территорий на состоятельных клиентов и оставляя строительство жилья для населения с малым достатком государственному сектору. Это также выгодно строительным компаниям, которые могут обеспечить себе стабильный доход благодаря долгосрочным контрактам, как в случае с приватизацией автомагистралей во Франции. Когда же возникают финансовые трудности, какие, например, недавно испытал оператор автомагистралей в Германии, все может обернуться не в пользу государственной власти. Выгодно и политикам, которые открывают новые здания, оставляя при этом значительную часть счета к оплате своим преемникам.

3. Одной из самых насущных проблем сегодня является общественное неравенство. Неравенство в мировом масштабе, приводящее к крупнейшей миграции из Африки в Европу. Неравенство в масштабе страны, например между сельскими и городскими территориями, которое приводит к опустыниванию сельских земель. Неравенство в местном масштабе, приводящее к облагораживанию одних кварталов города и упадку других. В сферу ответственности государственной власти входит обеспечение равных условий жизни на всей территории. За последние 30 лет государственные органы совершили немало ошибок, слепо принимая инициативы частного сектора. Сотрудничество между государственной властью и частным сектором, безусловно, важно, но каждая сторона должна понимать свою роль и защищать свою позицию. Разнообразие городских и сельских территорий необходимо для достижения взаимопонимания. Если неравенство продолжит расти и дальше, в ближайшие годы оно станет главной угрозой мирному сосуществованию.

Две статьи А. Бокова объединены общим нарративом. Рассмотрено современное соотношение между архитектурой, строительством, урбанистикой и менеджментом. С тревогой и горечью выделяются тенденции, начало которым было положено реформами Хрущева. Начиная с шестидесятых годов прошлого века архитектор постепенно теряет миссию носителя целостной картины развивающегося города. Девелопмент преследует свои узкие, частные и не всегда законные интересы, навязывая архитектору роль послушного исполнителя.
Ключевые слова: архитектура; градостроительство; девелопмент; урбанистика; строительство. /

Two articles by A. Bokov are bound by the common narrative. The author reviews present-day relationships between architecture, construction, urban studies and management. The author expresses deep concern over the trends launched in the period of Khrushchev's reforms. Starting from the 1960s, architects have been gradually losing their mission of the bearer of the coherent view of the developing city. Developers pursue their own narrow and not always legal interests, while imposing on the architect the role of an obedient executor.
Keywords: architecture; town planning; development; urban studies; construction.

Фавориты и изгои / Favourites and Outsiders

В 2015 году, по данным Минстроя, Россия ввела свыше 80 миллионов квадратов жилья, достигнув или превзойдя рекордные показатели советских времен. Оставим в стороне вопросы, много это или мало (около 0,6 м² на человека), как эта цифра соотносится с показателями ежегодного выбытия жилья, и остановимся на структуре жилья введенного.

Оказывается, что 80 миллионов квадратов практически поровну распадаются на два сегмента, один из которых, по деликатному выражению министра строительства, называется сегментом индустриального жилья, в другом представлено индивидуальное жилищное строительство (ИЖС), которое вполне справедливо может квалифицироваться как кустарное или, проще говоря, разрешенный самострой.

Если вспомнить, что в бывшей РСФСР жило чуть меньше народу, чем в нынешней России, и практически все, что строилось, строилось государством и строилось индустриально (ИЖК и кооперативы обеспечивали ничтожно малую долю вводимых объемов), то успех нынешних наследников советского стройкомплекса выглядит не так убедительно. Точнее, объемы так называемого индустриального строительства, того строительства, которое теперь ведет элита, т. е. крупные застройщики, поддерживаемые властью, снизились вдвое. Единственное, что спасает общую картину, — самодеятельность граждан, усилия общества, опирающиеся в первую очередь на использование собственных средств и собственные представления.

Отмечающиеся в последнее время признаки насыщения рынка и снижения спроса на квартиры и ипотеку могут породить ложное ощущение близости решения жилищного вопроса. Между тем основной девелоперский продукт, который поддерживается властью, имеет ограниченную аудиторию. Это те 10–15 % населения, или приблизительно пятая часть нуждающихся в жилье, которые относятся к категории обеспеченных граждан и могут позволить себе дорогие метры и дорогую ипотеку.

Практически все новое индустриальное строительство – строительство для богатых или состоятельных, некоего меньшинства, опирающееся на особую типологию, которую можно определить как новое точечное строи-

тельство. Точечная застройка не обязательно одинокий дом в старом, сложившемся окружении. Это прежде всего изоляция от окружения, игнорирование интересов соседей и пренебрежительное отношение к зонированию и культурному контексту.

Времена, когда отдельные дома строились на пришкольных стадионах, в скверах и на участках детских садов, прошли. Ныне возводимые комплексы в разы больше, но их природа осталась неизменной. Гигантские жилые образования наших дней по-прежнему выглядят пришельцами. Они подчеркнута изолированы и напоминают средневековые замки, готовые обороняться от любых посягательств. Наличие собственной инфраструктуры, отсутствовавшей у окружающих или недоступной, подземные парковки и высокий уровень благоустройства создают грань, которая резко отделяет богатых от бедных, вновь прибывших от тех, кто жил раньше. Эта грань становится еще более ощутимой, если многоэтажные комплексы возникают на бывших картофельных полях, по соседству с деревнями и дачами.

Под влиянием растущих имущественных различий формируются разные типы сред – старая советская и новая коммерческая. Вслед за жильем складываются параллельные системы медицинского обеспечения, обучения, обслуживания и т. д. Однако парадоксален не сам этот факт, а то, что помыслы и заботы исполнительной и местной власти часто связаны именно с коммерческими сегментами, а не с социальными. Страна, заплатившая огромную цену за обретение социального равенства, в одночасье забыла обо всех уроках истории, выводы из которых делают хитрые европейцы. Швейцарским девелоперам кантональной властью нынче жестко предписывается в пределах одного комплекса треть площадей продавать, треть сдавать в коммерческую аренду, а треть – в социальную. Цель – сгладить социальные различия и дать жилье тем, кому оно необходимо в первую очередь.

Главный продукт российского стройкомплекса – квартира в многоквартирном доме, приобретаемая по ипотеке, – не является инструментом решения жилищного вопроса, да это и не задача девелопера, который выступает главным партнером власти в работе с городом. Ничем, кроме влияния крупнейших девелоперов или за-

текст
Андрей Боков /
text
Andrei Bokov

стройщиков, нельзя объяснить практическое отсутствие крайне необходимого социального жилья, доступной официальной аренды, поддержки жилищных кооперативов и индивидуального строительства.

Россия, где еще недавно основной массив жилого фонда находился в социальной аренде, оказывается не в состоянии хотя бы частично восстановить этот институт, дающий единственную надежду на улучшение условий почти половине нуждающихся, тем, кто многие годы пребывает в очередях. Не более популярна и коммерческая аренда, обеспечивающая остро необходимую подвижность населения, доминирующая в целом ряде европейских стран, известная в предреволюционной России под именем меблированных комнат. Коммерческая аренда нынче пребывает за пределами официальной экономики, в «серой» и «темной» зонах. Государство не поощряет развитие аренды, а бизнес не склонен вкладываться в проекты со сроками окупаемости от 12 до 27 лет (по данным газеты «РБК» от 30 июня 2016 года). Построить и немедленно продать много легче, чем связываться с «длинными» и «дорогими» деньгами в отсутствие налаженной системы эксплуатации арендного фонда.

Власть безразлична и к судьбе кооперативного строительства, где в роли застройщика выступают сами граждане и где обеспечивается полная прозрачность расходов, ясная себестоимость и цена, размеры которой порой разительно отличаются от цены девелоперов.

Но труднее всего приходится тем, кто строит сам,

причем строит практически половину вводимого в стране жилья. Самостоятельно взять ипотечный кредит на постройку, застройку или ремонт собственного дома сложнее, чем оформить с помощью крупного застройщика ипотеку на приобретение у него квартиры. Банки и государство на стороне девелопера, в нем и только в нем, а не в индивидууме, который нуждается в жилье, они видят своего основного партнера.

Приход современных технологий, поддержка строительства собственных усадебных домов, не зависящих от девелоперов и ЖКХ, не в интересах элиты. Тем не менее в условиях крайней затрудненности индивидуального строительства на всех этапах, от отвода земли, обеспечения подъезда и подключения к сетям до собственно стройки, цена квадрата собственного дома в 2–4 раза ниже цены квартир. Также соотносятся и цены эксплуатации.

Массовое индивидуальное жилищное строительство в развитых странах давно ведется индустриальными методами, а производительность труда на заводе и производительность на строительстве любого, в том числе малого, дома отличаются все меньше. Однако приход новых, современных технологий в область индивидуального жилищного строительства крайне нежелателен для крупного российского застройщика, справедливо опасющегося конкуренции с очень вероятным финалом не в свою пользу.

Менеджеры и архитекторы / Managers and Architects

текст
Андрей Бокон /
text
Andrei Bokov

Переход от онтологии к видению и далее к реальным действиям любая элита не в состоянии осуществить самостоятельно — ей нужны союзники. И одним из главных и традиционных союзников элиты является архитектор, готовый превращать в нечто видимое и осязаемое многое из того, о чем другие говорят словами. Он владеет обширнейшим арсеналом существующих образцов и приемов и одновременно наделен способностью к созданию новых.

Мир физических реалий, мир пространств и форм, с которым работает архитектор, наделен самостоятельностью и склонностью к самодвижению. У этого мира свои законы, а у архитектора, его создающего, своя особая миссия.

В отличие от множества персонажей, предлагающих элите свои услуги взамен архитектора, последний в состоянии видеть целое, понимать и контролировать взаимосвязи и взаимоотношения. Это сообщает ему возможность работать с объектами особого рода, определяемыми как «среда» или «культурный ландшафт». Эти способности и умения позволяли архитектору руководить и координировать работу других. Он готов выполнять большие, сложные и комплексные проекты, радикально меняющие окружающий мир, и делать это, избегая излюбленного нынче метода деления единого и большого на множество независимых и несвязанных малых дел.

Присутствие архитектора предполагает проведение предпроектных исследований, уважительное отношение к проекту и действенный авторский надзор. Более того, архитектор разбирается в деньгах, сметах, ценах и объемах, что многими расценивается как прямое посягательство на священное, в понимании элиты, только ей принадлежащее право.

Но главной чертой архитектора является склонность к созданию собственной системы целей и ценностей.

В соответствии с международными стандартами, уставами национальных организаций архитектор является лицом социально ответственным, как юрист или медик. Он обязан думать о последствиях своих шагов, отвечать за свои решения. Его относительная самостоятельность и независимость обеспечиваются принадлежностью к профессиональной корпорации со своими правилами и нормами. Хотя в российской жизни не все получается так складно и архитектор едва ли с достаточным основанием может считаться представителем свободной профессии, нынешняя элита предпочитает относиться к нему с известной настороженностью и недоверием.

Власть и бизнес опасаются самостоятельности архитектора, обвиняя в неклиентоориентированности, склонности к усложнению задач и ответов. Большой московский строительный начальник в одном разговоре прямо заявил, что его интересует не архитектура, а скорейшее получение разрешения на начало производства работ.

Подчинение архитектора советскому строителю, состоявшееся шестьдесят лет назад по инициативе Н. С. Хрущева, быстро перешло в подчиненность современному девелоперу. Это переподчинение не было мягким и сопровождалось очевидными качественными изменениями и состояния профессии, и ее взаимоотношений с элитой.

По воле Хрущева российская архитектура потеряла многое, прежде всего право руководить строителем, который из исполнителя в одностороннем порядке стал главной фигурой в деле градорегулирования и носителем новой парадигмы. Эта потеря компенсировалась для архитектуры уходом из-под идеологического контроля, охватывавшего все закоулки советской культуры. Архитектор был зависим от строителя, во многом ограничен, но одновременно более свободен, чем художник или скульптор. Он имел право быть современным и цитировать зарубежных коллег, осо-

бо не боясь наказания. Более того, новое, прогрессивное, неомодернистское видение мира, то, которое якобы приносили строители и Госстрой, создавалось архитекторами, многие из которых с энтузиазмом откликнулись на призыв партии и правительства. И если положение профессии изменилось, то ее природа, система профессиональных ценностей и самоощущение архитектора во много сохранились.

Изменения, последовавшие за возвратом к капитализму, не сопровождались официальными заявлениями, но носили не менее радикальный характер. Все, кто оказался связан с реальной экономикой, в частности со строительством, впервые за многие годы стали получать столько, сколько не готово было платить советское государство. Расплатой за благополучие стало массовое превращение архитекторов из людей миссии в исполнителей дизайн-проектов, мечтающих понравиться заказчику. В итоге слабый духом архитектор, полностью подчинивший себя застройщику-бизнесмену, стал отвечать не только за свои, но и за его грехи, моментально превратившись в фигуру, ненавистную публике и неуважаемую властью.

Одни архитекторы отказались от миссии, претензий на собственное видение и утратили в глазах элиты право на авторитетное высказывание, другие, напротив, храня верность профессии, пугают элиту своей независимостью. В итоге российские архитекторы стали вытесняться из практики другими. В числе этих других оказываются самые разные люди: иностранцы, лица, называющие себя урбанистами, дизайнерами, менеджерами и т. д. Сообщество «других» подвижно и изменчиво, что в глазах элиты выглядит несомненным преимуществом по сравнению с костными, неповоротливыми и несговорчивыми институтами и академиями. Эти «другие» отмечены одной общей

чертой: они, как правило, люди вне профессии, вне корпоративных правил, вне конвенций и договоренностей, которыми ограничена обычная профессиональная практика в тех странах, откуда многие из них приезжают. И именно они успешно заменяют архитектора как в роли создателя картины мира, так и в роли тех, кто эту картину воплощает.

Непрофессионал, в отличие от профессионала, готов на все и берется за все, что обеспечивает ему решающие преимущества перед профессионалом в глазах элиты. А лидером непрофессионалов становится современный менеджер, комиссар нового типа, способный заниматься чем угодно в бизнесе, власти, проектировании и строительстве.

В отличие от великих недоучек Мис ванн дер Роэ и Ле Корбюзье, ставших практиками и стремившихся реформировать профессию, усилить ее значимость и вес, менеджмент видит в профессионалах исполнителей. Основная методика российского менеджмента сводится к тому, чтобы поделить сложную задачу на множество простых, раздать простые задачи исполнителям и собрать решения. Исполнительность при этом оказывается важнее результативности, формат важнее содержания, процедура важнее смыслов, а новая лексика важнее понятий. И если методами такого рода можно решать рутинные технические задачи, то с задачами уникальными без Туполевых и Королевых даже в условиях шарашки, где методы управления самые серьезные, удастся справиться не всегда.

Неопределенность и сменность приоритетов, принципиальная незавершенность, расчлененность, фрагментированность картины мира породили множество занятий, объединенных в некую неопределенную, особую дисциплину, именуемую урбанизмом или урбанистикой. Урбанизм не наука и не практическое ремесло, не профессия и не система правил и норм, ему не интересны и не близки комплексные исследования и масштабные проекты. Урбанисты предпочитают работать не с физическими реалиями, не с пространством и временем, не с чертежами и точными изображениями, а с цифрами, схемами, графиками и словами.

В рядах урбанистов – журналисты и историки, экологи и экономисты, юристы и географы, т. е. те, кто раньше в той или иной мере помогал архитектору, а сегодня строит свое собственное представление, точнее множество представлений о городе. Одни верят в велодорожки и тротуары, другие – в сохранение памятников, третьи – в цифровые технологии и т. д. Урбанизм родился на западе как защитник интересов локальных сообществ от алчных девелоперов и безответственных чиновников, как инициатор малых дел и альтернативных предложений, не претендовавший на исключительное право судить о городе. Этот урбанизм на российской почве утратил этический пафос и превратился в последовательного борца с архитектурой и градостроительством, в необходимого элите активного исполнителя и адвоката.

У российского урбанизма своя история. В 1970–1980-е годы это понятие объединяло скрытых критиков советских моделей города и расселения, тех, кто отвлеченным, утопическим доктринам и предписаниям предпочитал предпроектные исследования и объективные знания о движении городской ткани и процессах средоформирования. Сегодня урбанистами называются иные лица самого разного свойства, как правило, не являющиеся носителями сколько-нибудь целостного и внятного отношения к предмету.

В докладе на ежегодной конференции Союза московских архитекторов по теме «Пространство качества» прослеживается связь между качеством среды жизнедеятельности и профессиональными правами архитекторов как специалистов по созданию этой среды. Дается обзор истории вопроса и анализ нынешнего правового положения архитекторов в России в сопоставлении с положением профессии в мировой практике и в международных документах, а также делается прогноз состояния среды, если это положение останется неизменным.

Ключевые слова: качество жизни; качество архитектурной среды; архитектурная политика; профессиональные права; профессиональные услуги. /

The report presented at the Annual Conference of the Union of Moscow Architects on the theme "Space of Quality" traces the connection between the quality of the environment and professional rights of architects as the specialists creating this environment. The author reviews the history of the issue and analyses the current legal status of architects in Russia in comparison with the status of the profession in the world practice and international documents. The author forecasts the condition of the environment in case if this situation remains unchanged.

Keywords: quality of life; quality of architectural environment; architectural policy; professional rights; professional services.

Качество жизни и права / The Quality of Life and the Right

текст

Виктор Логвинов /

text

Victor Logvinov

В понятие «качество жизни», наряду с безопасностью, качественным образованием, здравоохранением, качественными продуктами, товарами и услугами, не в последнюю очередь входит понятие «качество среды», в которой всю свою жизнь живет и активно действует современный человек, преимущественно житель города.

Пространственная организация среды жизнедеятельности, обладающая комплексом определенных качеств называется архитектурой, или безопасной, социально и духовно полноценной архитектурной средой. На протяжении тысячелетий триада Витрувия воспринималась как перечень обязательных качеств, которыми должна была обладать архитектурная среда. Но сегодня, в эпоху глобальных тектонических сдвигов цивилизации, польза, прочность, красота уже не являются целью созидательной деятельности человека по обустройству своего жизненного пространства, все чаще уступая свое место новому «рыночному» идеалу, цель и смысл которого – количество полученной прибыли.

Профессия разделилась на «старых профессионалов» и «новых менеджеров», обслуживающих интересы новой элиты, а архитектура – на архитектуру дворцов и храмов для новой элиты и ее новых культов и архитектуру для остального общества рыночного потребления. Родился новый, коммерческий стиль, худшие образцы которого тяготеют к образам свинарников, бараков и фанерных домиков, а лучшие используют методы дизайна, при которых самым простым и дешевым формам домов-коробок с гастарбайтерским качеством строительства придается товарный вид с помощью яркой разноцветной «обертки-шахматки» на фасадах.

В этих условиях архитектура, с ее древними ценностями и «устаревшими» идеалами служения обществу, испытывает беспрецедентные в истории внешние угрозы и внутренние напряжения «на разрыв». Качество работы архитектора оказалось не востребованным ни бизнесом, обустроившим с помощью небольшой группы иностранных и отечественных звезд свой маленький комфортный мир за высокими заборами, средства на который заработаны на некачественной застройке для переселенцев, ни государством, волей-неволей обслуживающим интересы крупного строительного бизнеса.

Под лозунгом сокращения административных барьеров и уменьшения расходов на проектирование, воспринимаемых бизнесом не иначе как «издержки производства», которые надо свести к нулю, государство уже второе десятилетиеводит политику исключения стропитивой профессии из процесса контроля за качеством строительства, прежде всего планомерно ограничивая права архитекторов, используя дубину закона.

Благо, что Н. С. Хрущев в борьбе с излишеством в архитектуре уже давно разжаловал архитектора из главного строителя в рядового наемного проектировщика, ответственного только за соблюдение государственных норм при разработке проектно-сметной документации. Но даже при полном засилье типового и стандартного у архитектора по инерции оставались права на разработку рабочих чертежей, авторского надзора, участия в приемке здания в эксплуатацию. Оставалось право авторства на типовой и тем более индивидуальный проект и, главное, право авторства на построенное по этому проекту здания.

Даже в роли «проектанта» архитектор, заинтересованный в качестве строительства, стал помехой в получении максимальной прибыли. Проще говоря, он стал мешать бизнесу воровать, и Градостроительный кодекс РФ, а затем законы о закупках повели массивное системное наступление на оставшиеся еще у архитекторов права, доказательством чему служит:

- ликвидация творческой стадии проектирования «Эскизный архитектурный проект» и архитектурно-градостроительной стадии «Проект застройки»;
  - изъятие разработки объемно-планировочных решений у архитектора и передача ее недоумевающему и не готовому к этому конструктору;
  - низведение роли архитектора к составлению «схем планов» и «отображению фасадов»;
  - исключение архитекторов из состава приемочных комиссий;
  - отмена обязательного авторского надзора, который сегодня может вести любой;
  - фактический запрет на проведение публичных творческих конкурсов на лучшие архитектурно-градостроительные решения и их замена на тендеры на проектные работы;
  - отъем исключительных авторских прав на использование архитектурных, градостроительных и садово-парковых проектов и права авторов на участие в реализации такого проекта, сначала при государственном и муниципальном заказе, затем (проект закона уже внесен в Госдуму) и при заказе отдельных юридических лиц.
- Можно ли после этого утверждать, что в России нет архитектурной политики? Казалось бы, случайные действия государства оказались звеньями осознанной антиархитектурной политики, результаты которой легко спрогнозировать.

Внешняя политика не может не привести к внутренним деформациям в профессии. Сегодня появилось уже целое поколение бакалавров и магистров, которые называют себя архитекторами, но на вопросы: «А как это построить, а сколько это строит, а это не рухнет, не сгорит, отвечают: «Это не к нам – это вам к проектировщикам...»

Новое поколение «архитекторов» понятие не имеет, что в Германии, например, как и во всем мире, кроме России, как и в России до 1955 года, архитектор ответственен не за ПСД, не за дизайн-проект и отображение фасадов, а за комплексное качество построенного архитектурного объекта. Он является и композитором и дирижером «оркестра» проектировщиков и строительных подрядчиков.

Архитектор – незаменимый универсальный специалист по созданию качественной среды для жизни человека, и, чтобы выполнять эту миссию, он должен обладать и соответствующий компетенцией и необходимыми правами. Профессиональные права архитектора – это инструменты, необходимые для получения качества среды.

Отсюда и авторитет профессии, и гонорарная оплата труда архитектора. Отсюда в той же Германии восемь видов (этапов) профессиональных услуг по созданию архитектурного объекта, включая предпроектные исследования, трехстадийное проектирование, организацию тендеров строительного подряда, контроль качества

выполняемых строительных работ, приемку здания в эксплуатацию, составление инструкций и рекомендаций по оборудованию и эксплуатации зданий.

В документах ООН и ВТО – пять видов профессиональных услуг в области архитектуры, которые во всех классификаторах находятся аккурат между не менее уважаемыми юридическими и медицинскими услугами. Старый надоевший спор с архитекторами-художниками о неприемлемости применения термина «профессиональные услуги» к художнику-творцу в мире давно разрешен.

Понятие «профессиональные услуги» (по созданию качественной среды жизни) неизмеримо шире и важнее для общества, чем понятие «разработка ПСД» или «самовыражение художника». Слово «услуга» однокоренное со словами «служба» и «служение» – своему делу, человеку, обществу, государству. Профессионал должен сам выбирать между служением обществу и прислуживанием хозяину. А законодательство должно обеспечивать возможность такого выбора при приоритете интересов общества над частным интересом бизнесмена.

В Соглашении МСА «О международных стандартах в архитектурной практике» прямо указывается на приоритет служения обществу над интересами бизнеса. И именно эта миссия является первопричиной ведения необъявленного наступления на права архитекторов, ведущегося во всем мире. Просто Россия, как самое слабое звено, оказалась первой жертвой наступления бизнеса на интересы общества.

Знает ли об этом власть? Но все это не нужно, если целью является не качество, а прибыль и только прибыль! И было бы безумием рассчитывать на подъем архитектуры при такой политике.

Сегодня при несоизмеримых правах западных и отечественных архитекторов (пример права архитекторов в Германии) российские архитекторы, сохраняющие профессиональную честь и квалификацию, еще могут составить им конкуренцию, создавая качественную архитектуру. Но уже лет через 10–15 новое поколение архитекторов будет вытеснено заграничными звездами из процесса создания архитектуры для богатых, а архитектура для бедных будет делаться вообще без архитекторов.

Национальной идентичности нации, культуре России, материальной основой которой всегда была и будет отечественная архитектура, близорукая эгоистическая политика нынешней либерально-рыночной элиты уже нанесла огромный вред, и это обязательно отразится на обвальном падении качества архитектурной среды российских городов, а следовательно, и качества жизни российского народа.

Доведя архитекторов до полного бесправия и получив в результате архитектуру нетерпимо низкого качества, государство будет вынуждено болезненно и долго восстанавливать неразрывную цепь: права архитекторов – качество архитектурной среды – качество жизни человека.

Развивать законы во благо наших городов / To Develop the Laws for the Benefit of Our Cities

Показана необходимость кардинальной реформы Градкодекса. Это касается законов об архитектурной деятельности, об авторском праве на объект архитектуры, о госзакупках и других нормативных актов, которые должны быть приведены в единую систему.

Ключевые слова: Градкодекс; реформирование; федеральные законодательные акты; качество архитектуры и градостроительства. / The article indicates the necessity for a fundamental reform of the Town Planning Code. It involves the laws on architectural activity, architectural copyright, the state procurement and other regulatory acts, which should be thoroughly systematized.

Keywords: Town Planning Code; reforming; federal regulatory acts; quality of architecture and town planning.

текст

Сергей Зыков /
text

Sergey Zykov

Последние изменения в Градкодексе и связанная с этим реформа в саморегулировании, по моему мнению, по мнению моих коллег, руководителей саморегулируемых и проектных организаций, не приносит ничего, кроме необходимости проведения определенных формальных мероприятий, требующих дополнительных ресурсов рабочего времени и материальных средств на всех уровнях: Национального объединения изыскателей и проектировщиков (НОПРИЗ), саморегулируемых организаций (СРО), организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих подготовку проектной документации. Возможно, эта реформа упростит деятельность субподрядных проектных организаций, но вряд ли улучшит качество их проектной продукции.

К сожалению, все изменения в Градкодексе носят поверхностный характер. По-прежнему, деятельность СРО направлена лишь на создание безопасности объекта проектирования, а не на формирование полноценной комфортной среды жизнедеятельности человека, в которой вопросы безопасности (надежности) сбалансированы с функциональностью и эстетикой. Архитектура оперирует этими терминами. Но сам термин «архитектура» не используется в Градкодексе. Такое ощущение, что этот важнейший законодательный документ создается чиновниками и юристами без участия профессиональных архитекторов, градостроителей и проектировщиков.

Необходима кардинальная реформа Градкодекса. Нужно срочно разрабатывать и принимать новый закон об архитектурной деятельности, концепция которого разработана Союзом архитекторов России и НОПРИЗом.

Необходим закон об авторском праве на объект архитектуры и другие нормативные акты. Всё это должно быть приведено в единую систему. Очень важно законодательно закрепить статусы главного архитектора города, градостроительных советов, Союза архитекторов – профессиональной общественной организации, одной из основных задач которой является защита общества от непрофессиональных действий в области архитектуры.

Необходима реформа закона о госзакупках, по которому ведутся торги на максимальное снижение стоимости проектных работ, вместо конкурса на качественные оригинальные архитектурные и инженерные решения. Экономия на предпроектных и проектных работах, заказчик теряет многократно больше на строительстве, эксплуатации и рыночной стоимости объекта недвижимости.

Реформирование федеральных законодательных актов – процесс небыстрый. Можно и в русле существующего законодательства принимать местные законодательные акты, позволяющие осуществлять правильную градостроительную политику в регионе. Этого можно достичь при активном сотрудничестве властей с профессиональным сообществом (саморегулируемыми организациями проектировщиков, Союзом архитекторов). Но как мы видим, у чиновников нет такой потребности, как нет понимания всей важности комплекса этих проблем, напрямую связанных с качеством архитектуры и градостроительства. Сегодня игнорируя мнение профессионального сообщества властям удобно и выгодно келейно решать вопросы городского строительства.

Бюрократизация профессии / Bureaucratization of the Profession

Архитектурная наука и институты, которые призваны ее поддерживать, бюрократизированы и находятся в глубоком кризисе. Начальству требуются отчеты и награды. Содержание работы никого не интересует. Отсутствуют новые идеи. Отсутствуют научные дискуссии.

Ключевые слова: архитектурная наука; бюрократизация; безразличие к содержанию; отсутствие дискуссий; отсутствие новых идей. /

Architectural science and the institutions that are meant to support it are bureaucratized and sunk into a deep crisis. The authorities demand reports and awards. Nobody is interested in the content of the work. There is a lack of new ideas and scientific discussions.

Keywords: architectural science; bureaucratization; indifference to content; lack of discussions; lack of ideas.

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

В НИИТИАГе РААСН проводится очередная (раз в пять лет) аттестация сотрудников, на мой взгляд с головой выдавая подлинный статус всей так называемой архитектурной науки. От работников института требуют представить составленные по определенной форме данные о публикациях, открытиях и наградах. Можно подумать, что все эти показатели достоинства соискателей никому не известны. Но ведь и фактически они никому не известны. А неизвестны потому, что не интересны и не нужны. Начальству требуются не идеи, а отчеты и награды, а читателям уже не нужно ничего в принципе. Порой еще начальство поощряет издания книг на бумаге – то есть имеет место культ книги, идущий от Библии. Но уж содержание этих книг совершенно несущественно. У нас демократия – свобода мнений. Потому интересуются ими только те, кто из текстов этих чужих книг путем «выделить и вставить» составляет собственные книги. И в этом трагический парадокс бюрократизированной профессии и науки.

Скажем, я за последние пять лет опубликовал в блоге около двух тысяч текстов. Из нашей институциональной сферы их практически никто не читал. Что может добавить сводка названий этих текстов для соответствующей аттестационной комиссии? Их что, оценят по названиям или кто-нибудь наконец прочтет? Ровным счетом ничего.

Да и кто такая эта комиссия? Мы все работаем в отделах, которыми руководят те или иные люди, которые прекрасно знают своих сотрудников, их достоинства и недостатки, даже если и он не читают текстов своих коллег. Почему аттестация не может быть основана на их мнениях? Скорее всего, потому, что на деле администрация не доверяет их мнениям и не считается с ними. Поэтому процедура аттестации приобретает формальный и безличный характер. То есть становится совершенно бессодержательной. И власть бюрократии поддерживается только самим механизмом формального принятия решений.

Но таковы же все мероприятия академии и институтов. Например, планово проводимые конференции или чтения, в которых авторы «зачитывают» свои тексты за 20 минут. Ни о каком серьезном обсуждении этих текстов не идет речи – ни споров, ни дискуссий на таких конференциях не возникает, в редчайших случаях задается пара вопросов и точка. Теперь новая символика: молчание – знак согласия, а аплодисменты – знак безразличия. Эти два символа и чередуются. Таковы же и защиты диссертаций – ни дискуссий, ни полемики. Голосование ученых советов, вероятно, диктуется какими-то скрытыми причинами. Не будем пытаться их раскрыть.

Сегодня и сами авторы строят свои тексты так, чтобы вопросов не возникало – они не провоцируют дискуссий и не продуцируют непривычных, то есть новых концепций, либо излагают их в такой обобщенной форме, которая не позволяет начать их конкретный анализ. Научные работы становятся вариантами либо повторения общеизвестного, либо декларациями о намерениях, которые если и не сбудутся, никто не пострадает.

Вот шумная история с разоблачениями фальшивых диссертаций (ДИССЕРНЕТ), то есть диссертаций, построенных на простом копировании чужих текстов. Ведь если бы советы и защиты имели какой-то смысл, эти факты немедленно были бы обнаружены без всяких диссернетов, в процессе обсуждения, на защите. Но защита, как и парламент (от глагола «парле» – говорить) у нас не место для дискуссий, это место для докладов и жидких аплодисментов. Но в научном сообществе, где никто никого не читает, это невозможно.

Отсутствие интереса к самому содержанию научной работы – раковая и роковая опухоль нашей интеллектуальной жизни. Но она никого не беспокоит: главное – наличие «корочек» – дипломов. Даже если сегодня они уже ничего не дают, кроме пособия по безработице, именуемой зарплатой.

Таким образом, в нашей сфере, в архитектуре и ее теории (о других областях не буду говорить, их я не знаю), вся эта научная работа если и проводится, то только по частной воле самих исполнителей и их прямого руководства, и основана она, как правило, на личном доверии. А с внешней стороны она напоминает хореографическую пантомиму. Как и когда эта пантомима лопнет – никто не знает, так как все ее участники связаны общими принципами молчания.

В итоге, конечно, тотальная интеллектуальная деградация, кумовство, коррупция и формализм. Бесперспективность. Но эта система поддерживается аналогичными институтами во власти, в сфере юстиции, сфере массовых коммуникаций, избирательных компаний – так что нигде не возникает никаких поводов для беспокойства. Повсюду стабильность надежных связей и дружеских отношений.

Так зачем же эти аттестационные комиссии, их формальные нормы и пр.? Видимо, это просто декорации спектакля. И публика, где надо, соблюдает тишину, а где требуется, производит жидкие аплодисменты. Грустная картина.

Сегодня она еще чудом держится на каких-то остатках совести, Но совесть выходит из моды со скоростью, превышающей скорость света, во всяком случае в области просвещения.

В гербе Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзора) изображены скрещенный свиток (символ знаний) и так называемый фасций, ликторский топорик и пучок розог, стянутых ремнем. Символ, надо сказать, довольно зловедей: римляне переняли этот символ у этрусков, и означал он право властей казнить и наказывать своих подданных. Этот же символ присутствует в гербах еще двух государственных структур – Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы судебных приставов.

Не вспомнить ли, что от слова «фасций» происходит слово «фасцизм»?

Современная политика государства по отношению к системе высшего образования в значительной степени несет карательный характер. Все новые запреты, ограничения, требования бурным потоком льются из властных кабинетов. Цель, как всегда, вполне благая – повысить качество образования, прекратить «торговлю дипломами», вывести российские вузы на уровень высоких международных рейтингов.

Насколько эффективна такая политика? Способствует ли она обновлению системы высшего образования? Помогает ли передовым вузам в борьбе за абитуриента, за преподавателя высшей квалификации, за авторитет российской школы архитектурного образования? Куда ведет отечественную архитектуру сегодняшний тренд в профессиональном образовании и есть ли ему альтернативы?

Как обычно, материалы раздела «Образование» полны вопросов – жгучих, болезненных, актуальных.

Константин Лидин

образование / education

The emblem of the Federal Education and Science Supervision Service contains a crossing of the scroll (a symbol of knowledge) and the so-called fasces, Lictor's axe and a bundle of rods. The Romans borrowed this sinister symbol from the Etruscans. It meant the right of authorities to execute and punish their people. The same symbol can be seen in the emblems of two more government agencies: Federal Penal Service and Federal Bailiff Service.

It comes to mind that "fascism" derives from "fasces", doesn't it?

The character of the present-day government policy towards the system of higher education is rather penal. The flow of new prohibitions, restrictions and demands coming from the power structures is very strong. As usual, the purposes are good: to raise the quality of education, to stop "selling diplomas", and to bring Russian institutions of higher education to the level of high international ratings.

How efficient is this policy? Does it encourage renovation of the system of higher education? Does it support the leading universities in their competition for a student or a highly qualified professor, as well as for the prestige of Russian architectural school? Where does the current trend in professional education lead? Does it have any alternatives?

As usual, the materials of the Education section are full of urgent and thorny issues.

Konstantin Lidin

Анализируется современная ситуация в архитектурном образовании, связанная с изменениями в способах усвоения информации, с обилием знаний, возможностью дистанционного получения образования и проч. Формулируются проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: современное архитектурное образование в России; традиции и инновации; предпринимательство и изобретательство в архитектуре; бакалавриат; магистратура. /

The article analyses the current situation in the architectural education concerning the changes in the way of acquiring information, the abundance of knowledge, the possibility to get a distance education, etc. The problems are formulated, and their solutions are proposed.

Keywords: contemporary architectural education in Russia; traditions and innovations; business and inventive activities in architecture; bachelor's degree; master's degree.

< https://yandex.ru/images/search?text=выпускники%20вузов%20в%20россии&img_url=https%3A%2F%2Fnika-media.ru%2Fsites%2Fdefault%2Ffiles%2Foriginal_nodes%2Ffrf-vypuskniki.jpg&pos=0&rpt=simage

Российское архитектурное образование: «Пилите, Шура, она золотая...» /

ТЕКСТ
Марк Меерович /
text
Mark Meerovich

О традиционных формах педагогической деятельности

Сегодня произошли тектонические сдвиги в процессах потребления информации – молодежь автоматически отторгает все, что навязывается ей в централизованном порядке «авторитетами», – образ жизни, стиль поведения, шаблоны делового языка, стереотипы формирования карьеры, льющиеся из телевизора потоки официальной информации... знания. Даже приходя на учебу в вуз, который призван транслировать профессиональные знания, молодежь отвергает их, сама формируя свое информационное поле. Причем по большей части делая это интуитивно.

Поколение интернета атомизировано и обособлено в личном плане, но при этом гораздо более коллективизировано и структурировано по «горизонтали». Сеть интернета формирует соответствующую (сетевую) самоорганизацию общества и, как следствие, специфический тип коммуникации, неблиблотечные способы сбора информации, свободную кооперацию в осуществлении инициатив и даже отдельных видов деятельности.

Молодежь чувствует себя крайне некомфортно в рамках традиционной авторитарно-иерархической вертикали трансляции знаний в стенах вуза. И я не знаю ни одного отечественного вуза, в котором организация учебного процесса хоть как-то учитывает этот феномен и реагирует на него. Не знаю ни одного вуза, где в учебный процесс официально введена форма группового выполнения проектных заданий или научно-теоретической проработки материала, которая, к слову сказать, активно практиковалась в 1920-е годы в форме так называемого бригадного способа обучения и доказала свою эффективность. Правда, лишь в отношении тех, кто шел учиться осознанно и целеустремленно.

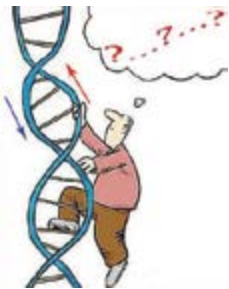
Об устарелости традиционности роли преподавателя в условиях информационной революции

За последние 50 лет отечественная система архитектурного образования не ввела никаких инновационных подходов в традиционную иерархическую вертикаль взаимодействия преподаватель – студент. Хотя ситуация изменилась за это время фактически диаметрально образом. Если в советский период преподаватель был основным источником знаний, то сегодня он случайный

сгусток плохо систематизированных сведений, причем из книжек, прочитанных им 25–30 лет назад, или собственного проектного опыта, давно и безнадежно устаревшего. Он не только не способен конкурировать с Google или Yandex, которые мгновенно и в точном соответствии с запросом подберут в интернете информацию и изображения по любой теме, он даже воспользоваться им не в состоянии, так как компьютер для него – непостижимое техническое устройство.

Для студентов же именно поисковые системы интернета становятся основным материалом в процессе самостоятельного формирования ими собственной профессиональной позиции. И от этого важнейшего процесса мы, преподаватели, увы, оказывается, как правило, полностью отстранены. Как следствие, все наши последующие попытки наложить на этот крутой замес случайных цитат, изображений шедевров современной архитектуры (без понимания природы их появления), «мудрых» мыслей современных архитектурных гуру и проч. хоть как-то теоретически упорядоченные профессиональные представления о предмете и методах проектного творчества приходят в прямое несоответствие с уже сформированной «позицией» и с неизбежностью отторгаются. Обычно в форме молчаливого сопротивления – с преподавателями не спорят, их терпеливо выслушивают, иногда даже кивают головой, чтобы симитировать взаимопонимание, но... ничего не делают из того, что те предлагают сделать...

А мы, чтобы сохранить стабильность своего психического состояния и самомнения, стараемся не замечать, как практически на наших глазах до предела истончается потребность в нас, преподавателях, как в лекторах. Студенты посещают занятия «биорепродукторов» с научными степенями и без оных только потому, что их за пропуски лекций журят в деканате или из-за опасения получить неуд, иногда (редко) – из-за привитой родителями дисциплинированности. А многие и не посещают вовсе... Но мы упорно продолжаем читать лекции, которые молодые люди, взрощенные в рамках интернет-культуры, абсолютно не в состоянии воспринимать, так как 15 минут – это для них предел концентрации

^ Рис. 1. Диалог на лекции. Преподаватель: – Развитие профессионального мастерства у студентов-архитекторов осуществляется по спирали... Голос с последнего ряда: – Это в смысле: спирали, спираем и будем спирать?..

^ Рис. 4. Источник: Архитектор, дизайнер интерьера и декоратор о профессиональных секретах. <http://diz-by.biz/architektor-dizajner-interera-i-dekorator-o-professionalnyix-sekretax.html> (10.05.2017)

< Рис. 2. «О, сплошняк!..» Источник: Юмор и карикатуры про архитекторов и их проектные дни. http://syndyk.by/article/gurnal/yumor_i_karikaturi_pro_arhitektorov_i_ih_proektnie_dni_17_foto-21992.html (10.05.2017)

< Рис. 3. «Сплошняк! О-о-о!..». Источник: Юмор и карикатуры про архитекторов и их проектные дни. http://syndyk.by/article/gurnal/yumor_i_karikaturi_pro_arhitektorov_i_ih_proektnie_dni_17_foto-21992.html (10.05.2017)

Russian Architectural Education: “Saw, Shura, It Is Gold...”

слухового внимания. После чего либо преподаватель должен осуществлять «взбадривание» аудитории ярким, необычным иллюстративным примером-образом, шуткой или анекдотом, либо подавляющая часть студентов начнет проваливаться с помощью своих телефонов в содержательно гораздо более насыщенное информационное пространство.

Об отрыве процесса обучения от источника знаний

Развитие дистанционных образовательных технологий предельно ослабило территориальную привязку знаний к местам их трансляции – к вузам. Сегодня ведущие учебные заведения мира предлагают любому желающему различные сертифицированные и платные, и бесплатные онлайн-курсы. В течение ближайших 5–10 лет это приведет к тому, что основной упор в образовательном процессе будет перенесен на выработку форм освоения практических умений и навыков. Преподаватели станут передавать учащимся свой уникальный опыт (который по большому счету невозможно транслировать через лекции) посредством ситуативного взаимодействия с ними в ходе совместных практических исследований, коллективной (бригадной) проектной деятельности, инновационных опытно-конструкторских разработок и т. п. Кстати, такое соучастие позволит объективно и на основе практических критериев оценивать продуктивность процесса развития профессионализма у студентов, а не проверять, как сейчас, способности запоминать на короткое время значительные объемы сведений.

И следует констатировать, что проверять эффективность участия обучающегося в практических исследованиях, групповой проектной деятельности, концептуальных разработках и проч. мы не умеем. Проверять качество мышления, понимания и рефлексии студентов не в состоянии никто из преподавателей. А кроме того, учебными и рабочими программами подобное совершенно не предусмотрено, несмотря на повсеместное массовое употребление новомодного слова «компетенция», которое означает именно это: знания, умения и навыки, «сплавленные» до способности человека к практическому осуществлению конкретного аспекта того или иного вида деятельности.

О самоопределении студентов и преподавателей в отношении процесса учения

Сегодняшние студенты в значительной степени ориентированы на усвоение готового «объективного» знания, на восприятие утверждений, высказанных авторитетами или обнаруженных ими в «Ютубе» и «Твиттере», и, как следствие, процесс формирования и развертывания внутри их «творческого существа» профессионально-теоретического содержания часто выливается в запоминание некоторого количества бессвязных тезисов из мудрых мыслей очередного «теоретика» или обрывков текстов из модной книжки, на некоторое время внезапно ставшей популярной. Но вовсе не через самостоятельную систематизацию информации, самокритику, сопоставительный анализ представлений, самостоятельное размышление об уместности или неуместности применения того или иного методического приема или теоретического подхода... Личная профессиональная позиция и язык их «теоретической» рефлексии лишены, как правило, мировоззренческого базиса, а порой, к сожалению, и здравого смысла.

О том, что это такое: «обеспечивать условия формирования студентами личного знания» – и в каких формах этот процесс следует осуществлять, подавляющее большинство преподавателей даже не задумывается. Мы, преподаватели, вообще не замечаем тех трансформаций, которые произошли за последние десятилетия в способах обретения умений и навыков: в системе архитектурного образования мы по-прежнему заставляем учащихся чертить планы и разрезы, рисовать фасады, почему-то именуя этот процесс «проектированием». Мы, как и пятьдесят лет назад, проводим индивидуальные консультации, указывая на неправильности планировочных структур... Правда, сейчас тыкая карандашом уже не в бумагу, а в экран...

И еще дурнее: мы предлагаем студентам самостоятельно читать учебники, перебрасывая пласти знания на так называемую самостоятельную работу, не сформировав при этом у них хоть какого-то навыка к подобному типу самообучения, не осуществив никакой переработки старых учебных материалов, не обеспечив никакой дистанционной или непосредственной диалоговой системы,

обеспечивающей осмысление и критику получаемых знаний, не обеспечив включения «самоосваиваемых» знаний в учебное проектирование в целях проверки глубины и правильности их усвоения.

Мы просто говорим: «Идите в библиотеку и прочитайте вот этот список учебников...», даже не подозревая о том, что «единицей» концентрации визуального внимания для современной молодежи является не книжная страница текста, состоящего из букв, а визуальный «кадр», собранный из предельно сконцентрированных разъясняющих изображений, снабженных поясняющими короткими тезисами (лучше всего, если представленных средствами инфографики). И мы не желаем замечать, что студенты-архитекторы в массе своей читать буквы уже не в состоянии, потому что экранный формат восприятия информации еще на школьной скамье лишил их способности долго двигаться по тексту, вникая в его смысл. Экранный формат приучил их (и не только их) к единомысленному схватыванию содержания визуального кадра, в котором, если отсутствует конкретный ясный тезис с таким же конкретным смыслом, то мозг тут же этот кадр отбрасывает, выбраковывает, стирает, забывает. Те же из числа молодых людей, кто обладает способностью к вдумчивому, размеренному чтению буквенных текстов, поступают учиться на другие специальности: история, журналистика, филология, социология, психология – потому что у них иной психотип личности...

Конечно, сейчас появились самые широкие возможности проводить в учебном процессе занятия в виде ролевых, деловых, организационно-деятельностных игр, дискуссий, диспутов, круглых столов и проч., т. е. тех форм профессионального диалога и проектной практики, которые наиболее эффективным образом обеспечивают усвоение самостоятельно начитанных знаний. Но кто из преподавателей умеет это делать так, чтобы студенты получили хоть какой-то практико-методический или концептуально-теоретический результат, а не просто «поболтали» или «поклазурили»? В каком из вузов рабочие программы сформированы таким образом, чтобы содержание дискуссии или игры затем нашло непосредственное воплощение в параллельно (или с небольшим «отступом» по времени) идущем проекте или в разделе магистерской диссертации [1–5]?

О сопутствующих дисциплинах

Многие профессиональные качества архитектора традиционно формировались через рисование и практическое пространственное моделирование в макетах. Но макетных мастерских в вузах давным-давно уже нет. А нынешние предметы рисунка и живописи давно утратили способность формировать эти качества. Вместо них студент годами натаскивается на изображение городских пейзажей, натюрмортных красотей или отработок техник владения углем, сангиной и пастелью, совершенно не связанных с пространственным мышлением.

«Сплошняки», которые тренировали способность продолжительной концентрации трудовых усилий, давно исчезли, отблесками памяти подогревая ностальгические воспоминания представителей старших поколений (рис. 1, 2).

Смежные дисциплины инженерной направленности, которые в подавляющем большинстве провинциальных вузов читают технические специалисты, никак (за прошедшие десятилетия) не преобразованы в соответствии с сегодняшней спецификой содержания работы архитектора. Их основой по-прежнему являются абстрактные расчеты по строительной механике, сопромату, материаловедению, которые архитекторам абсолютно не нужны, а внятные и наглядные непосредственные разъяснения того, как работает конструкция, как ведет себя под нагрузкой тот или иной материал, так и не появились,

несмотря на стремительное развитие компьютерных изображений, способных моделировать и демонстрировать любые процессы в их динамике (рис. 3).

Если студенты изучают экономику, то выполняя расчеты стоимости работ по устаревшим ЕНПРам и ЕРЕРам, которые никакого отношения к реалиям и фактическим рыночным ценам давно уже не имеют...

Безусловно, живой интерес к профессиональным идеям, смыслом, реалиям деятельности присутствует у сегодняшних студентов и, скорее всего, сохранится и у завтрашних. Особенно на первых порах учебы, потому что первокурсники, в силу своей возрастной живости, интересуются всем, что попадает в зону их внимания.

Сегодня подавляющее большинство российского профессионального архитектурного сообщества даже приблизительно не понимает, по каким законам, в каких формах, с какими смыслами, в каких реальных взаимоотношениях с властью, строительным бизнесом, инвесторами реализуется архитектурно-проектная деятельность у нас в стране. Этому никто не учит, потому что этого никто толком и не знает. А те архитекторы, которые знают – испытали на своем личном опыте, по вполне понятным причинам об этом публично не распространяются...

Об архитекторе как демиурге и соучастующем проектировании

В советский период архитектор был полностью отстранен от учета конкретных потребностей персонифицированного потребителя. В послереволюционный период переход от работы с конкретным заказчиком к «обслуживанию огромных масс трудящегося населения» был мучителен для профессии, поскольку он кардинально изменял и мировоззрение, и методологию, и принципы творческого самоопределения. В советский период проектирование велось под усредненного потребителя, «портрет» которого задавался архитектору через нормативы, но мог быть легко конкретизирован и дополнен за счет наличия огромного комплекса прикладных исследований, которые постоянно вели научные институты, как в рамках архитектурной специальности, так и в смежных дисциплинах (рис. 4).

Сегодня профессия столь же мучительно переживает обратный перелом. И необходимость восстановления живого контакта с заказчиком / будущим потребителем вновь ставит профессию перед пустотой – мировоззренческой, методологической, основ творческого самоопределения. Ах, как много в предыдущие годы было произнесено умных слов о том, что архитектору необходимо обладать профессиональным умением вступать в непосредственный контакт с конкретным потребителем, чтобы в реальной, живой коммуникации извлекать знания о нем, выявлять его запросы. И вовсе не только при проектировании отдельно стоящего коттеджа на одну семью, но и при проектировании офиса, торгового здания, разработке документов территориального планирования. Об этом говорились и писалось многие годы, даже несколько магистерских диссертаций было защищено в нашей сфере по теме «соучастующего проектирования»... И абсолютно ничего за эти годы не изменилось в практике обучения и реальном проектировании. Ничего не произошло в отношении корректировки содержания учебных курсов и реформирования рабочих программ в целом – только неуслышанные никем призывы и мало кому известная персональная активность нескольких энтузиастов...

И вот совершенно неожиданно Министерство строительства РФ внезапно провозгласило в прошлом году Приоритетный проект «Комфортная городская среда», причем в качестве обязательного условия выделения финансирования выставило требование проведения

^ Рис. 5. «Работа с персонифицированным потребителем – светлое будущее архитектуры!» Источник: Демотиваторы и приколы. <https://demotos.ru/karikatury?page=9> (10.05.2017)

^ Рис. 6. Источник: https://yandex.ru/images/search?text=карикатуры%20об%20архитекторах&noreask=1&img_url=https%3A%2F%2Favt-13.foto.mail.ru%2Flist%2Fgeoniks%2F_avatar180%3F1453876406&pos=11&rpt=simage&lr=63

соучаствующего проектирования. И все разом «вдруг» прозрели и осознали, что «да-да, это действительно, важно!», но что... никто этого делать так и не умеет, потому что никто и никогда никого этому не учил. В итоге сейчас позицию «организатора соучаствующего проектирования», как это уже не раз бывало в новейшей отечественной истории существования архитектурной профессии, займут представители других специальностей, а мы будем продолжать на научных конференциях и круглых столах уныло сообщать друг другу, что «статус нашей профессии сегодня упал... мы обществу не нужны...».

О целенаправленности советского образования и неопределенности современного

Высшее образование в СССР централизованно формировалось для удовлетворения «реальных запросов практики». Руководство страной, сначала через наркомат просвещения, а потом через министерство образования требовало от системы подготовки кадров перестраивать программы, отменять старые и формировать новые учебные предметы, открывать новые специальности и проч. в строгом соответствии с очередным разворотом государственной политики. И система архитектурного образования в СССР не являлась исключением в этом процессе: она функционировала точно так же – как структурный элемент «народного хозяйства», предназначение которого заключалось в том, чтобы проектно обеспечивать строительные программы в соответствии с очередным изменением направленности архитектурной или градостроительной.

Партия и правительство требовали разворота экономики на «развитие новых отраслей», как следствие, формировались новые сферы строительного производства, появлялись новые направления проектной деятельности – открывались новые специальности. Закрывались отрасли промышленности, свертывались устаревшие виды строительного производства – закрывались специальности. Архитектурное образование и сейчас остается плотно «вшитым» в сферу «народного хозяйства», и появление или исчезновение тех или иных отраслей деятельности с неизбежностью приводит к возникновению или исчезновению целых направлений образования:

испарилась «архитектура сельских населенных мест» – сократилась соответствующая специальность, исчезла «промышленная архитектура»... зато оформились задачи разработки документов территориального планирования различного территориального масштаба, проектов зон охраны, правил землепользования и застройки и т. п.

Понять причины сегодняшнего кризиса профессии только изнутри – из внутренней логики развития отечественной архитектурно-градостроительной мысли и практики – невозможно, потому что изменения, которые претерпевала профессия архитектора в СССР, определялись «наружными» обстоятельствами – тем давлением, которое оказывала власть на профессию архитектора, превращая ее в послушное средство достижения партийно-государственных целей, а вовсе не эволюцией внутренних смыслов профессиональной культуры. В результате архитекторы были отстранены от решения огромного количества вопросов, предопределявших качество среды обитания. Авторы планировок соцгородов и проектов конкретных построек не способны были влиять на выбор типологии жилого фонда или параметры генплана. Потому что выбор фундаментального содержания архитектуры и градостроительства – определение характера структурирования поселения на части, формирования системы общественных пространств, определение функционального состава объектов обслуживания, и их вместимости, выбор способа заселения квартир и домов, установление количества квадратных метров жилья, предназначавшихся человеку (или семье) и даже стилистика архитектуры фактически лежали вне их компетенции, задавались свыше через предписания программ проектирования или постановления о лимитировании стоимости квадратного метра жилья, через указания на типологический состав жилого фонда; через ограничения на использование определенных видов строительных материалов и конструкций, через указания на обращение к тем или иным образным прототипам и т. п.

Проектировщикам (и прямо, и косвенно) уже в готовом виде задавались: зоны размещения и градостроительные принципы формирования селитбы, расчетная численность населения соцгородов, показатели баланса территории, плотность застройки, вид планировочной структу-

^ Рис. 7. «Градкодекс уже затем знать нужно, что он ум в порядок приводит!» Источник: Каталог Российской карикатуры. <http://caricatura.ru/art/mazabellini/url/parad/mazabellini/19577/> (10.05.2017)

^ Рис. 8. «Ну, что вам тут надо отреставрировать?» Рисунок Г. и В. Караваевых (<http://www.stihi.ru/pics/2010/09/30/3607.jpg>)

ры (строчная, периметральная, регулярная, живописная), иерархия планировочных единиц, уровень инженерного оборудования территории, ориентация пешеходных связей, количество озеленения, виды городского транспорта и проч. Ничего из этого они не были вольны определять самостоятельно. Все перечисленные выше параметры в повседневную практику проектирования внедрялись через нормативные предписания, а также через распространявшиеся образцы проектных решений, которые вырабатывались, либо непосредственно в ходе проектирования, либо на специально организуемых конкурсах, итоги которых широко популяризировались потом через архитектурную печать.

Изменить что-либо в этой системе было нечеловечески трудно. А если изменения и случались, то точно не потому, что «архитектурная теория подсказала верное решение». Изменения в советской архитектуре осуществлялись всегда сверху и были подобны, по образному выражению А. Иконникова, повороту «все разом», осуществляемому эскадрой по приказу командующего. Понять причину этого маневра, сидя в трюме одного из «судов» (т. е. в проектной или научно-исследовательской конторе), было абсолютно невозможно. Только лишь через призму официальной расселенческой, жилищной, промышленной, миграционной, градостроительной политики и то лишь сегодня – отстранившись во времени – можно ответить на вопрос о причинах резких изменений курса советской архитектуры. Потому что только с «капитанского мостика» становятся понятными те действия (а также их мотивы и способы осуществления), которые власть целенаправленно и методично прилагала к профессии архитектора с целью изменения ее в нужном для себя направлении.

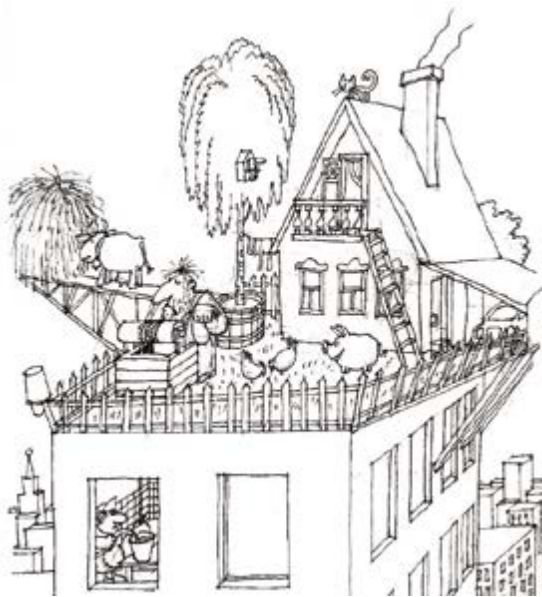
В связи с этим историческим осознанием встает вопрос: кто сегодня, вместо государства, выступает в роли заказчика на работу по реформированию содержания и форм подготовки специалистов в системе высшего архитектурного образования? Никто! Попытка навязать эту функцию профессиональному сообществу в лице Палаты или Союза архитекторов, или СРО – бессмысленна: это лишь очередная система поборов за сдачу «профессионального экзамена» и получения лицензии.

Сегодня инициатором локальной трансформации системы архитектурного и градостроительного образования, согласны мы с этим или нет, должен выступать сам вуз – факультет, кафедра... И формально вузы обладают правом самостоятельно определять содержание учебных дисциплин, самим решать каким образом следует «развивать человеческий капитал», формировать в молодом поколении желание и способность строить лучшее будущее, проявляя личную инициативу, умение самостоятельно искать и использовать знания, готовность и способность кооперироваться с другими людьми в ходе решения трудовых и социальных проблем. Но готовы ли к этой миссии мы сами? Готовы ли к этому заведующие кафедрами и деканы со средним возрастом за 60 лет? Готов ли к инновациям профессорско-преподавательский состав, которому в среднем 50 с небольшим (рис. 4-1)?..

Современное урбанистическое образование

Современное архитектурное и урбанистическое образование современным вовсе не является. Сегодня обучение градостроительству сводится к тому, что преподаватели под лозунгом о том, что профессия архитектора основана на пространственно-планировочном воображении и пространственном моделировании, неустанно приговаривая, что планировка – это «искусство пространственной организации среды», сводят содержание проектов к композиционной расстановке домиков на подоснове по принципу: «козявочка туда, козявочка сюда». К тому же и многие заведующие кафедрами, «верные традициям», отвергают необходимость подготавливать студентов к разработке проектов межведования, правил землепользования и застройки, к формированию таких градостроительных регламентов, которые способны обеспечивать, например, сохранение исторической среды и т. п. – эти «нетворческие», и поэтому «неблагородные» занятия, по их мнению, лежат за границами предмета профессиональной деятельности (рис. 5).

В современном российском архитектурном образовании основой интеллектуального обеспечения учебной проектной деятельности является мифология. Она почти полностью заменяет объективное осознание реалий. В этой идеологически трансформированной действительности, такие предметы, как социум, потребитель,

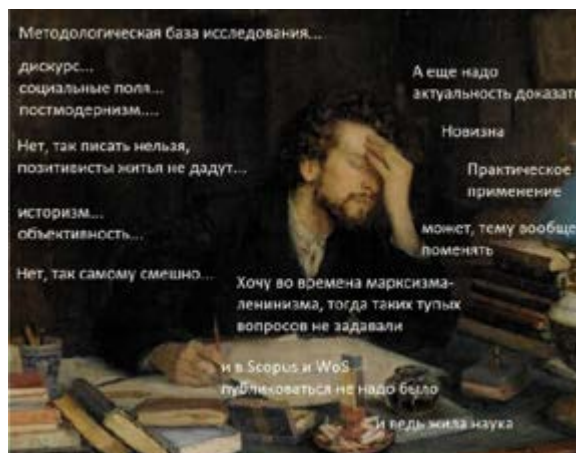
^ Рис.9. Из призывов к абитуриентам: «Мы научим вас совмещать преимущества загородной жизни с высоким качеством жизни городской!..» Автор карикатуры – А. Б. Некрасов, член-корреспондент РААСН, заведующий кафедрой архитектуры жилых зданий МАРХИ, кандидат архитектуры, профессор. Источник: Новогодний фестиваль карикатур из жизни архитекторов, дизайнеров и декораторов. <https://salon.ru/news/novogodnij-festival-karikatur-iz-zhizni-arhitektorov-dizajnerov-i-dekoratorov-37962> (10.05.2017)

ценности бытия, смыслы жизни, идентичность исторической среды и т. п. представлены очень своеобразным образом... В результате многие реалии устройства российского общества, особенности проявления его культуры, характер принятия архитектурно-градостроительных решений до сих пор остаются для студентов и их педагогов катастрофически закрытыми для рефлексии и описания. А без этого реалистичность как теоретических построений, так и учебных проектов оказывается сильно искаженной, а их практическая употребимость почти нулевой.

О современных проблемах городской среды и решении их в учебном проектировании

Студентов не учат проектированию массового жилья – по-настоящему дешевого, но при этом технологически оборудованного, комфортного, основанного на осмыслении и решении широкого круга существующих социально-культурных и функциональных проблем. Студентов не учат решению задач регенерации, ревитализации, реконструкции городской среды. Задачи реконструкции исторической среды давно вылились в ее тотальное уничтожение. В Советском Союзе проблемы развития сложившейся городской среды решались легко: надо было снести очередной памятник архитектуры, мешающий расширению улицы, – его сносили. Надо было уничтожить квартал исторической застройки, чтобы возвести новый административный или торговый комплекс, – пожалуйста.

Отношение к памятникам и исторической городской среде в целом как к «пережитку прошлого», негативно-му явлению, «трущобам», от которых нужно побыстрее избавиться, – остаток от советской градостроительной доктрины, который из прошлого незаметно переполз в настоящее и вслед за практикой обучения, увы, постепенно перемещается в будущее. От него не только образование, от него и нынешняя власть не может освободиться: дескать, историческая застройка – вред, обуза, ненавистный элемент в современном городе. Чем быстрее удастся вывести объекты культурного наследия из списка памятником, чем меньше их будет, чем быстрее получится снести всю эту «гниль» под разными предлогами – сечь,

^ Рис.10. Архитектурная наука живет и побеждает! Рисунок представлен Я. Ю. Лисициной

развалить; тем скорее можно будет занять освободившиеся территории «новостройками из стекла и бетона». Прогресс видится именно в этом, а не в сохранении архитектурного антиквариата и, как следствие, исторической памяти.

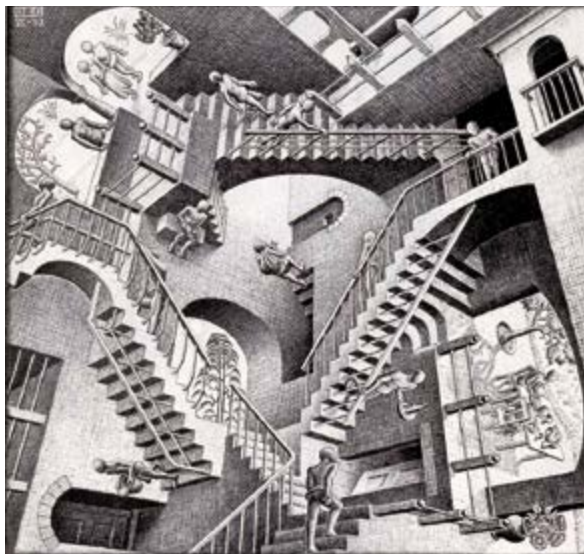
«Комплексное и устойчивое развитие застроенных территорий» – современный мифологизированный слоган, прикрывающий ковровый снос всей существующей на данном месте застройки (как правило, не приватизированной из-за ее ветхости) и возведение на ее месте частными инвесторами коммерческого жилья (рис. 5-1).

Сейчас практика добралась до еще более крупного масштаба передела собственности – хрущевских пятиэтажек, на которых надвигается неминуемый, бессмысленный и тотальный снос, цель которого предельно далека от архитектурно-градостроительного содержания и является лишь следствием стремления московских властей поддержать крупные столичные строительные компании, переживающие серьезный кризис, за счет приобретения у них на средства бюджета нераспродаваемых новостроек для формирования городского «маневренного фонда» и передачи им территории в центральной части города под переосвоение.

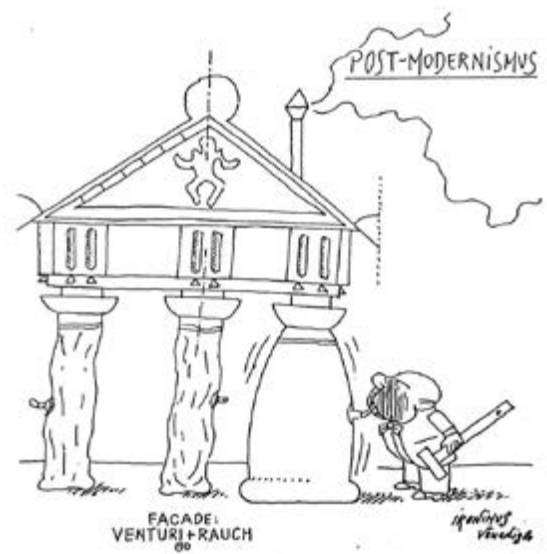
И опять, как в СССР, к мнению архитекторов относительно целесообразности таких решений никто из властей предрешающих не прислушивается.

Преподаватели. Их творческий и интеллектуальный потенциал, компетенции, способность к постановке реалистичных учебно-проектных задач

Студенты полностью лишены знаний о современных процессах трансформации среды обитания, о реальных механизмах улучшения ее качества. Им даже подосновы для разработки проектов новых жилых районов выдают в границах существующей малоэтажной, городской усадебной застройки, правда, неблагоустроенной и поэтому малоценной. А когда студенты спрашивают, как нам ее учитывать, преподаватели отвечают: «Рельеф учесть, а существующую застройку считать, что ее не было...» А когда кто-то из студентов недоуменно спрашивает: «Я именно в этом месте живу. И мы с отцом своими руками новый дом построили, скважину пробурили – есть

^ Рис. 11. На экзамене преподаватель спрашивает у студента: – Что такое нелинейная архитектура? – Мы этого не проходили! – Правильно! Давайте зачетку.

^ Рис.12. «Нам золотое сечение ведомо!.. Нас, педагогов, не надуеть!..» Источник: Архитектурный Иронимус: карикатуры Густава Пайхля. <https://salon.ru/news/novogodnij-festival-karikatur-iz-zhizni-arhitektorov-dizajnerov-i-dekoratorov-37962> (10.05.2017)

вода, канализационный бункер, наполняется – вызываем машину выкачивать... сад, огород... Я здесь всю жизнь жить планировал... Что же мне теперь своими руками разрабатывать проект, который узаконит снос моего дома?», то в ответ педагоги начинают долго рассказывать о «несомненных преимуществах многоэтажной городской жилой застройки перед индивидуальным усадебным городским жилищем, которое занимает слишком большую площадь городской территории...»

Все вопросы студентов о критериях того высокого «качества среды обитания», обеспечение которого на словах требуют от них их преподаватели, прикрываются пустоопорожной болтовней последних, не способных сформулировать ни одного внятного и конкретного параметра. В итоге студенты в большей степени научаются оперировать возвышенными словестными лозунгами, а не параметрическими показателями качества проектируемой среды (рис. б).

О профессиональном мышлении и архитектурной теории

Профессиональное мышление – это субстанция из тех реальностей, в которых за него платят. У нас же архитектурные идеи никому не нужны. А проявление мышления воспринимаются как ненужная заумь. Эта традиция также тянется своими корнями из советского прошлого. Ни одна архитектурно-градостроительная доктрина, возникшая в умах архитекторов в советский период – начиная со сталинской эпохи, затем в хрущевский период, потом в брежневскую эру застоя, вплоть до кончины Андропова, и заканчивая отказом от власти Горбачева, никак, абсолютно никак не повлияла на партийно-правительственные решения в отношении формирования системы расселения, разработки генпланов населенных мест, расширения типологии жилища и объектов социокультбыта, формообразования зданий и сооружений, придания художественно-образных качеств среде обитания. Напротив, псевдодоктрины (вроде метода социалистического реализма) были специально придуманы властью для идеологического манипулирования архитектурным сознанием и даже ухитрились оказать огромное влияние на профессию.

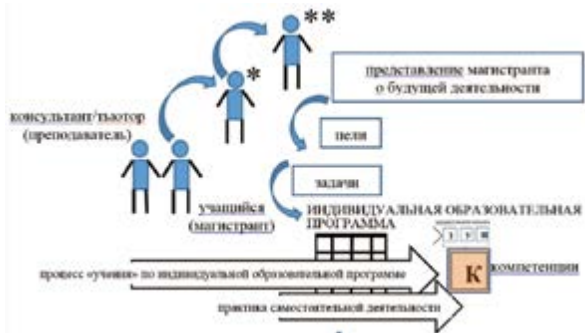
Теория архитектуры и градостроительства – это продукт профессионального мышления, рефлексированного над профессиональной деятельностью. От практики возведения построек она отличается тем, что выражается в словах и текстах, а не в лепнине и перекрытиях. Она – редкий продукт еще более редкой способности – способности к теоретизированию, утраченной (а точнее, так и неприобретенной) подавляющей массой современных представителей профессии. Способности, отсутствующей не только у проектировщиков-практиков, но даже и у многих современных ученых, которые владеют широким спектром качеств, необходимых исследователю, – умения выявлять и собирать материал, его систематизировать, обобщать, сопоставлять, исследовать, анализировать, выстраивать процедуры исследования, формулировать выводы. Ученых, которые подчас способны разрабатывать концепции, грамотно ставить цели, последовательно и точно переводить их в задачи проектирования, трезво оценивать ситуацию, сопоставлять варианты эскизов, выбирать лучшие решения и многое другое... Но не умеют порождать теоретических текстов. И соответствующих мыслей... Откуда при этом подобным этим способностям возникнуть у студентов?

О свободной независимой профессии, о госслужащих и предпринимательстве

Во всем мире не прерывалась практика существования независимой, самоуправляемой, постцеховой профессии Архитектора, основанной на частной инициативе, толкавшей своими инновациями в формообразовании развитии строительных технологий, методов расчета конструкций, способов проектирования, инициировавших появление абсолютно новых конструктивных систем. Советская власть архитектурную профессию из свободной самоорганизующейся предпринимательской деятельности на многие десятилетия превратила в сферу государственных услуг.

Если в архитектуре Запада первой половины XX века маховиком прогресса являлась проектная мысль, которая продвигала предпринимательство в строительных технологиях и формообразовании, то в стране, где прогресс архитектуры и градостроительства определялся

^ Рис.13. Схематическое изображение процесса формирования персональных индивидуальных образовательных программ в современной магистратуре

^ Рис. 14. Хорошо, что мы не авиаконструкторы... Источник: Золотые авиабилеты: грядет отмена чартерных рейсов. <http://rovego.livejournal.com/7655649.html?media> (01.08.2017)

функционированием государственной системы массового проектного дела, подобное было невозможным.

В СССР любые массовые изменения в профессиональном мышлении и характере творческой деятельности архитекторов происходили под воздействием распоряжений партии и правительства. Корни самых весомых поворотов к самым мощным переменам в массовом профессиональном сознании советской эпохи, лежали не в теории, а в политике. Базисом периодических изменений направленности массовой проектной деятельности, причинами осуществления реформ в жилищной и градостроительной политике, мотивами трансформации содержания образования являлась не естественная эволюция теоретического знания, а спускаемые свыше приказы. И изменения в самой архитектурной теории были следствием сначала начальственных команд, а затем целенаправленно организуемых, направляемых и планомерно осуществляемых идеологических компаний, запрещавших и уничтожавших одни книжки (идеи, смыслы, проекты) и стимулировавших появление других. Новые конструктивные решения, теоретические доктрины, проекты, порожденные индивидуальной мыслью, после прохождения через жернова цензуры либо уминались до дозволенного вида и содержания, либо отвергались, продолжая покоиться в полной неизвестности в щелях «между ошибкой и террором».

Архитектурная наука была полностью интегрирована в этот процесс. И сегодня полное разрушение этой включенности – одна из причин той растерянности, которую она переживает, будучи не в состоянии обрести новые смыслы своего существования: совершенно непонятно кому, зачем, в каких целях нужны «ученые от архитектуры» (рис. 8). Они востребованы исключительно сферой высшего образования и исключительно для обеспечения самоотчетности к очередной аттестации вуза по параметру «научной острепенности».

Сегодня на смену прежней традиционной профессиональной культуре незаметно, но всеохватывающе пришла новая. В ее условиях архитектор давно превратился из «певца прекрасного» в «коммерсанта-предпринимателя»: он не ждет, когда земная слава и очередной заказ отыщут его; он сам настойчиво предлагает свои услуги. А это означает, что у него есть что предложить: дешевле, про-

грессивнее, комфортнее, чем это было вчера и чем это предлагают другие... Такой архитектор заинтересован в науке, инновациях, теории, технических, экономических, пространственных эффектах, формотворчестве... Именно его амбициями и его интересом иницируются, а часто и финансируются научные разработки по созданию новых строительных и отделочных материалов; инженерных систем с новой эффективностью; технических устройств с новыми свойствами, экономящих все, что потребляется; возобновляемых источников энергии; «умных городов»; новых подходов в управлении, организации и даже самоорганизации проектных и строительных процессов... Архитектор сегодня сам иницирует разработку программ автоматизированного изготовления чертежей, уменьшающих его трудозатраты и экономящих время и средства оплаты труда, нанимаемых им исполнителей, дающих лично ему персональное свободное время для размышлений и поисков в областях перечисленных выше...

Сегодня, в условиях существования в нашей стране архитектуры в финансово-экономических реалиях государственного капитализма «с человеческим лицом», частное предпринимательство формально вернулось в профессию. Но ухитрившись сохранить при этом все родовые травмы советского прошлого, вплоть до государственного распределения средств на крупные проекты, которые по замыслу должны являться «экспериментальной площадкой внедрения новейших технологий в строительство и инженерии», а на деле превращаются в механизм перекалывания государственных средств в частные карманы. В итоге не инженерно-технологические инновации, проектно-строительные эксперименты, прогрессивные формы организации проектирования и строительства оказываются целью и смыслом архитектурно-планировочной деятельности, а та же экономия денег, что и в СССР, и по тому же самому принципу: «дешевле построишь, больше положишь на свой личный счет».

Студенты-архитекторы, как и в СССР, продолжают учиться рисовать красивые картинки для начальства, распоряжающегося деньгами. Только именуется эти картинки по-современному – презентациями и визуализациями. Правда, потом под давлением строительного заказчика все в проектах упрощается до предела, а потом

еще и на стройке начинает происходить стандартный процесс: выполняется не то, что нужно, а то, что там делать умеют и что делать проще. Роль архитектора как «главного строителя» сохранилась лишь в романтических исторических воспоминаниях о древней Греции и Риме, да еще в идеологически лживых мифах о советском периоде, когда система функционировала одним образом, а словестно-идеологически вещала о «высокой роли архитектора на советской стройке» (рис. 9).

Мы, преподаватели, в большинстве своем вовсе не предприниматели. Мы продолжаем привычно плакаться друг другу о незаслуженном принижении своей роли в обществе или укорять всех и вся за непонимание «высокого предназначения Архитектуры»... Мы даже не ставим вопросов о наших реальных способностях определять перспективы формирования городской среды в условиях, когда она сама выступает в отношении нас «заказчиком». Мы не в состоянии очертить круг отсутствующих пока профессиональных знаний, необходимых для того, чтобы хоть чуточку соответствовать будущему, которое в некоторых странах уже успело превратиться в прошлое. Мы не умеем формировать в студентах профессиональное мировоззрение, способное побеждать в конкуренции в том мире, где архитектор все в большей степени совершенно не нужен, где его место уже прочно заняли строитель, девелопер, инженер-технолог, дизайнер... Мы даже не в состоянии внятно и убедительно разъяснить хотя бы самим себе, кто мы в еще столь далеком от нас, но уже давно наступившем для многих других будущем (рис. 7).

И преподаватели, и заведующие кафедрами, и деканы, и директора институтов – все мы в одинаковой степени совершенно не представляем, чему хотели бы научиться студенты в условиях, когда переживающие глубокий кризис сферы архитектурного и градостроительного проектирования вполне обходятся уже имеющимися специалистами. Мы вообще не даем им организационных возможностей говорить об этом и практически влиять на содержание процесса учения. При разработке учебных планов и рабочих программ преподаватели исходят исключительно из того, что они сами знают и умеют, а не из того, в чем нуждаются и чего хотят бакалавры и магистранты. И это несмотря на то, что именно собственные представления магистранта о будущей деятельности (которой сегодня, возможно, еще и не существует) должны быть с помощью тьютора оформлены в индивидуальную образовательную программу, способную обеспечить в ходе учения не только приобретение магистрантом специфических знаний, умений и навыков, но и «сплавить» их до вида компетенций, т. е. способности к реальному осуществлению инновационных практик (рис. 8-1).

Обращение к размышлению о будущем профессии возможно только после того, как мы сами себе зададим главный вопрос нашего профессионального самосознания: кто мы есть в нашем профессиональном мире, который в нас – таких, какие мы есть, уже не нуждается...

Если мы постараемся рассказать (хотя бы самому себе), что мы «изобрели» за последние 10 лет; какой новый контент создали; какое проектное новшество внедрили; к какому количеству инвесторов обратились с конкретным предложением удешевить строительство или проектирование, одновременно существенно повысив его качество; какие качественно новые пространственные впечатления сформировали в своих проектах (постройках); какое новое качество среды обитания создали (хоть на самом крошечном клочке территории)... то, возможно, ответы на эти вопросы и наше осознание наших компетенций изменят содержание текущего архитектурного образования мощнее, чем ФГОС-4...

Литература

1. Меерович М. Г., Ямова Е. В. Магистратура как индивидуальная программа самоподготовки в системе архитектурно-художественного образования // Современные технологии и методики в архитектурно-художественном образовании : материалы междунар. науч.-метод. конференции. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та архитектуры, дизайна и искусств, 2016. – С. 97–99.
2. Меерович М. Г. Международный Байкальский Зимний градостроительный университет – 2010 // Проект Байкал. – № 22. – 2010. – С. 98.
3. Меерович М. Г. Международный Байкальский Зимний градостроительный университет – экспериментальная практико-методическая и теоретическая площадка специальности «урбанистика» // Архитектурное образование на перепутье: выбор траекторий : материалы междунар. научн. конференции. – Вологда, 2007. – С. 140–144.
4. Меерович М. Г. Проблемы градостроительного образования [Электронный ресурс]. – <http://gradoforum.novo-sibirsk.ru/?eo=docs&id=8>.
5. Меерович М. Г. Дизайн-коды для Иркутска исторического // Проект Байкал. – 2015. – № 45. – С. 128–133.
6. Лидин К. Л., Меерович М. Г. Клиенто-ориентированный дизайн интерьеров // Архитектурное образование на перепутье: выбор траекторий : материалы междунар. науч. конференции. – Вологда, 2007. – С. 211–215.

References

- Lidin, K.L., & Meerovich, M. G. (2007). Klientno-orientirovannyi dizajn interierov [Client-oriented interior design]. Proceedings from the international research conference: Arkhitekturnoe obrazovanie na pereputie: vybor traektorii. Vologda, 211-215.
- Meerovich, M. G. (n.d.). Problemy gradostroitel'nogo obrazovaniya. Retrieved from <http://gradoforum.novo-sibirsk.ru/?eo=docs&id=8>
- Meerovich, M. G. (2007). Mezhdunarodnyi Baikalskii Zimnii Gradostroitelnyi Universitet – eksperimental'naya praktiko-metodicheskaya i teoreticheskaya ploshchadka spetsialnosti "urbanistika" [International Baikal Winter University of Urban Planning Design as an experimental practical, methodical and theoretical platform for urban studies]. Proceedings from the international research conference: Arkhitekturnoe obrazovanie na pereputie: vybor traektorii. Vologda, 140-144.
- Meerovich, M. G. (2010). Mezhdunarodnyi Baikalskii Zimnii Gradostroitelnyi Universitet [International Baikal Winter University of Urban Planning Design]. Project Baikal, 7 (22), 98. DOI: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.22>
- Meerovich, M. (2017). Design Codes for Historical Irkutsk. project baikal, 12(45), 128-133. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.45.904>
- Meerovich, M. G., & Yamova, E. V. (2016). Magistratura kak individual'naya programma samopodgotovki v sisteme arkhitekturno-khudozhestvennogo obrazovaniya [Master's degree as an individual program of self-training in the system architectural and art education]. Proceedings from the international research and methodological conference: Sovremennye tekhnologii i metodiki v arkhitekturno-khudozhestvennom obrazovanii. Novosibirsk: izd-vo Novosib. Gos. Un-ta arkhitkтуры, dizaina i iskusstv, 97-99.

Архитектура – наиболее уязвимая часть культуры, чуть ли не обреченная на разрушение своих основ, в то время когда требуется небывалое повышение ее интеллектуального и творческого уровня. Не спасает ни обращение к постмарксистской французской философии, ни перенесение в архитектуру результатов развития науки и техники, ни компьютеризация, ни изыски параметризма и деконструктивизма. Можно констатировать, что в начале третьего тысячелетия архитектура и архитектурное образование зашли в тупик. Выход видится в «радикальном» повороте от осмысления пространства объектов ко времени и к процессам мышления, проектирования и исторического изменения профессионального менталитета. В центре интересов должен быть не объект, а процесс, позволяющий использовать также и возвратные рефлексивные ходы.

Ключевые слова: архитектура; проектирование; архитектурное образование; тупиковая ситуация; имитация образцов; радикальный поворот от объекта к процессу; темпоральные схемы. /

Architecture is the most vulnerable part of culture, almost doomed to destruction of its fundamentals, while the rise of its intellectual and creative level is badly needed. However, neither the resort to postmarxist French philosophy nor bringing the results of development of science and technology into architecture, neither computerization nor peculiarities of parametricism and deconstructivism are helpful. It can be stated that in the beginning of the third millennium architecture and architectural education are in stalemate. The way out is in a “radical” switch from comprehension of object space to the time and to the processes of thinking, designing and historical change in professional mentality. The interests must be focused not on the object, but on the process enabling the use of return reflexive strokes as well.

Keywords: architecture; design; architectural education; stalemate; imitation of models; a radical switch from the object to the process; temporal patterns.

Радикальный поворот / A Radical Switch

Речь пойдет об архитектурном образовании, которое в настоящее время зашло в тупик и не пытается выбраться из него, так как связано по рукам и ногам скороспелыми методами авангарда и модернизма, утратило возможности старой академической школы и надеется теперь только на «намоленность» стен МАРХИ или на чудо обретенной, но не завоеванной свободы.

Поставив вопрос об архитектурном образовании в центр всей методологической и теоретической проблематики архитектуры, мы несколько лет тому назад смогли обнаружить целую серию дефектов, в числе которых насилие над архитектурным свободомыслием. Это насилие принесено и авангардом, и его гонителями – в равной степени нечувствительными к процессам изменений внутри самой архитектуры и архитектурного мышления. Связано оно с попыткой внешним воздействием укрепить внутреннюю инициативу и свободу архитектурного творчества.

К такого рода внешним агентам стимулирования проектной работы нужно отнести идеологию партийных властей, навязывавших архитектуре свои собственные представления о прекрасном, которые сводились к инертной имитации классики в форме разных видов китча. Когда эта политика идеологического руководства себя изжила, на смену ей, за неимением лучшего, пришли идеалы науки и научного исследования, имеющие некоторые точки соприкосновения с архитектурой или искусством, но, в принципе, строящиеся на совершенно других основаниях.

Перенесение в архитектуру результатов развития науки и техники свелось к попыткам внедрить экспериментальный подход и математический языканализа, и описания ситуаций.

Вся эта затея медленно обнаруживала и продолжает обнаруживать свою бесплодность, так что реальный процесс «развития» и творческих инициатив идет по пути имитации уже готовых проектных идей и образов, и незаметно для самих теоретиков и критиков – к подражанию, принципиально отрицавшемуся и авангардом, и соцреализмом.

Альтернативные способы освоения проектной и художественной культуры остались благими надеждами. Это

было незаметно в силу реального отставания советской архитектуры от западных и японских образцов в 70–90-х годах прошлого века.

Новый век принес совершенно неожиданные условия: образцы западной архитектуры, которым с относительным успехом подражали отечественные архитекторы, перестали демонстрировать интенсивное развитие и оказались в глубоком творческом тупике.

Ни компьютерная технологи, ни французская постмарксистская философия из этого тупика архитектуру вывести не смогли и, скорее всего, не смогут, – во всяком случае, никаких признаков такого выхода пока не видно.

Ситуация сегодня по своей «тупиковости» очень напоминает ситуацию начала 20-го века с одним отличием – сто лет назад она родила бешеную творческую активность авангарда со всеми его прозрениями и утопиями, эффектами и несуразностями.

В наши дни и в РФ, и в США второе десятилетие в профессии мертвая гладь и повторение устаревших тезисов функционализма, конструктивизма и плюрализма.

Их бессмысленность искупается привычкой видеть в них давно испарившийся смысл.

Ясно, что сегодня был бы уместен новый радикальный поворот, не повторяющий безумств и утопий авангарда прошлого века, и новый эксперимент. Несколько десятков лет тому назад такой поворот мерещился архитекторам в ориентации на методологию проектирования, которая ограничилась несколькими важными принципами, подчеркивающими несводимость проектирования к науке, но не сумевшую развернуть новый подход в виде реализованных образцов.

Вторая, не реализовавшаяся в архитектуре новая идеология, связанная с компьютеризацией, напротив, сделала огромные практические шаги и во многом просто радикально перестроила технологию проектирования. Оставаясь в стороне от архитектуры, она снабдила ее новой машинной техникой, скорее всего, лишь способствующей консервации утративших свой смысл приемов проектирования и самого профессионального мышления.

Кажущиеся инновации параметризма или деконструкции можно рассматривать пока как тупиковые и внешние

текст

Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

по отношению к архитектуре, как неудачные попытки сдвинуть дело с мертвой точки. На самом деле радикальных сдвигов они не принесли, хотя возможность таких сдвигов подспудно содержат в себе.

Некоторые догадки о возможности таких сдвигов мне удалось сформулировать в работах 2010–2015 годов. К их числу относится констатация подавления архитектуры дизайном, односторонний перевес исторических исследований над теоретическими, ориентация архитектурного образования на знания и недоразвитость методов понимания, новый консервативный формализм так называемых пропедевтик, неспособность предложить новый способ понимания современной ситуации вследствие односторонней ориентации на философские концепции современности, лишь отчасти позволяющие воссоздать ситуацию в архитектуре. Все это на фоне новой потребительской культуры просто не воспринимается ни обывательским, ни бюрократическим, ни в итоге профессиональным сознанием.

В этой заметке хотел бы сформулировать новый принцип как, возможно, первый шаг к новой ориентации теоретической и методологической мысли.

Шаг этот состоит в перенесении акцента с объекта проектирования и обуславливающих его внешних обстоятельств, на процессы как самого проектирования, так и творческого мышления и исследовательских инициатив. Этот поворот от объекта к процессу отчасти уже сказался и в методологическом повороте 70-х годов и в актуализации категории времени, противопоставленной ставшей доминирующей категории пространства.

Новый поворот ставит в центр интересов не объект, а процесс его появления – от замысла, разработки его в качестве задания и программирования его реализации и до процессов творческого мышления, которое не столько следует этим этапам, сколько разворачивается параллельно и пересекается с ними в нескольких узлах.

Важнейшим препятствием к такой переориентации был и остается интуитивный акт откровения.

До сих пор этот акт остается в тени рационализации или иного понимания, и его пытаются «усилить» внешними знаниями. Но эти попытки на деле ведут не столько к стимуляции творческого акта, сколько к его замедлению и торможению. Этот непродуктивный итог во многом определяется новыми формами разделения труда, в том числе разделением исследовательской, проектной и художественной мысли.

Кооперация этих разных видов деятельности и, соответственно, воспроизводство в мысли их связи друг с другом, постоянно сводится к синхронной структуре пространственных, а не темпоральных схем. В частности, во временных (темпоральных) схемах, где есть феномены отставания и опережения, синхронизации, интенсификации и ослабления, наконец, развития и рефлексивных возвратов. И все эти временные ходы и движения образуют сложнейшую полифонию.

В этой полифонии ведущую роль играет последовательность периодов от начала – первого проблеска замысла – до последней точки на рабочем проекте. Сколько таких временных отрезков входит в общую линию процесса работ, зависит и от сложности объекта проектирования, и от сложности понимания архитектором всех условий и влияний на проектное мышление.

Это количество и типы последовательно строящихся этапов – предмет самостоятельного теоретического исследования, которое должно учитывать и типы объектов, и условия проектирования, и квалификационный уровень проектировщика.

Но сейчас, в коротком очерке всей системы проектного мышления мы должны перейти к следующему уровню

анализа, а именно к исследованию рефлексивных возвратных колец в развертывании этого линейного процесса.

Рефлексивные возвратные ходы

Рефлексивным обратным ходом мы назовем возвращение мысли проектировщика к предшествующим этапам и изменение принятых на них решений. Необходимость такого возвратного хода очень редко может считаться абсолютной. Такое возможно только в случае упущения важнейших условий и параметров проекта. Наиболее важным и интересным вариантом такого возврата оказывается столкновение проектировщика с настолько сложной проблемой очередного этапа, что поиски ее автономного решения кажутся либо слишком трудными и дорогими, либо возникает новая идея, согласно которой изменение стратегического плана работ, принятого ранее, можно не только обойти, но и облегчить решение этой проблемы. Либо – одновременно – резко поднять качественный уровень самой идеи.

Опыт творческой работы часто показывает, что даже на последнем, завершающем этапе проектирования становятся очевидными почти непреодолимые проблемы, и выход находится в радикальном изменении всей стратегической схемы и идеи. При этом достигается очень быстрое разрешение всех промежуточных проблем. А уровень проекта в целом вырастает в несколько раз.

Но рискнуть пойти путем радикальных возвратных ходов может только гений или очень талантливый и опытный проектировщик, которому уже приходилось совершать такой маневр, и он имеет внутреннюю уверенность в том, что риски этого возврата меньше возможностей поднять уровень проекта на новую высоту.

В деталях такие рефлексивные возвраты и их влияние на общую синхронизацию должны исследоваться в особом разделе методологии проектирования и архитектурного мышления.

Перейдем к некоторым осложняющим эти процессы ситуациям и прежде всего к условиям кооперации проектного мышления и деятельности.

Кооперативные обстоятельства мысли

Проектировщик редко работает в одиночку, в том числе и архитектор. Он работает либо в бригаде соавторов-архитекторов, что случается не всегда, и с коллективом смежных проектных профессий: инженеров-конструкторов, технологов, экономистов, а также исследователей – социологов, климатологов и пр.

Выработка последовательности этапов проектной работы тесно увязана с работой смежников, и в случае необходимости рефлексивного возвращения это может изменить, усложнить или разрушить исходные условия кооперации.

В наших целях стоит заметить, что такое, на первый взгляд, затрудняющее процесс возвращение, втягивание в переосмысление проекта смежников и соавторов может только разрушить работу. Но рефлексия – загадочная вещь, и именно это новое усложнение часто приводит к альтернативам, которые без него не могли бы стать заметными и выгодными.

Пожалуй, наиболее сложными эти формы рефлексии и возвратных ходов становятся при вовлечении в рефлексию заказчиков и административный аппарат властей. Здесь процесс выходит за рамки собственно проектирования и оказывается вовлеченным в сложную систему социально-экономических, политических и идеологических конфликтов.

Заранее предсказать, как сложится это новое состояние сложной кооперации архитектора или группы архитекторов с внешними кооперантами, невозможно. Хоро-

шо известно, что чаще всего победа остается на стороне властей, но и это не значит, что автоматически проект разрушается и уровень его понижается. Во многом это зависит от массы побочных культурных, экономических и политических обстоятельств, открывающих широкий диапазон новых вариантов и новых выборов.

Теория может пытаться типологизировать такие конфликтные рефлексивные ситуации, но практически они неповторимы, и архитектурное мышление, пытаясь найти вход, должно не забывать, что они бывают не только разрушительными, но и продуктивными.

Театр и сюжеты процесса проектной мысли

Здесь, пожалуй, было бы уместно вспомнить разговоры о театральности и театрализации, как в самой архитектуре, так и в процессах архитектурного мышления и проектной деятельности. Ведь фактически противоречия этой ситуации имеют возможность выразиться в новых схемах проекта, которые могут снять возникающие недоумения и различия точек зрения и, тем самым, превратить драматургию мысли в новую драматургию самой проектной схемы и композиционного мышления. Этот синтез организационного конфликта профессий и композиционно-формальной схемы замысла и воплощения, как мне кажется, следовало бы поместить в самый центр всей пресловутой идеологии синтеза (в том числе, и синтеза «искусств»). Привычка мыслить синтез в позитивно-конструктивных формах есть одна из традиционных иллюзий методологии проектной мысли. Но, если бы мы владели способами драматургической интерпретации проектно-мыслительного и предметного конфликта, проектирование вышло бы на совершенно новый уровень профессионализма, который, как мне кажется, остро востребован растущей индивидуализацией культуры третьего тысячелетия, в которой схемы типового разрешения ситуаций должны уступить место локальной драматизации ситуаций.

Конфликтология темпоральных масштабов

Сложившееся представление о доминантах и средовом фоне, в частности, становится со временем все более устаревающим. Ситуация экспансии дизайна в архитектурное проектирование приводит к тому, что сооружения большого пластического значения и масштаба, которые в истории оказывались своего рода историческими маяками, то есть способами сохранять свой доминирующий смысл веками, в условиях короткого дизайнерского времени моды стареют чуть ли не быстрее рядовой застройки.

А это значит, что новая полифоническая синхронизация и драматургия масштабных уровней вступает в новые игры и совершенно по-новому преломляется и в коллективном восприятии, и в индивидуальном мышлении.

Возникает историческая диахрония и синхрония, пересекающаяся с судьбами стран, городов и идеологий, в том числе приводящая к диалогу религий и мифов. Такого рода диалог в масштабах сезонов, эпох и модных символов делается своего рода новой смысловой инфраструктурой ориентации, где синхронизация и десинхронизация среды и доминантных объектов в виртуальных и реальных сферах культуры обретает совершенно новый, практически музыкальный смысл.

Опыт музыкальной полифонии XVII–XVIII веков тут может пригодиться лишь как общая методологическая схема, так как в новой полифонии исчезает или может исчезнуть общий для традиционной полифонии гармонический ладовый строй, и в игру вступят диссонансы.

Примеры такого положения дает нам эклектика и китч XIX–XX веков. Но этот опыт, сохраняя свои крити-

ческие аспекты и подходы к инвективам вкуса, остается неисследованным и непонятым, отчего сам критерий вкуса, выдвигаемый, например, Е. Ассом, может оказаться устаревшим.

Типология образовательных форм

Коротко изложенные наблюдения необходимо теперь соотнести с практикой работы учебных заведений, их уровнями и типами – от школ до докторантуры. А далее оценить и переосмыслить возможности и потребности новой многосложной системы образовательных институтов с квалификационным и интеллектуальным уровнем педагогов, от которых сегодня, в еще большей мере завтра, потребуется не только частный проектный опыт и вкус, но и способность к постоянной адаптации и перестройке.

Ныне сложились три типа профессиональной подготовки: планировщики, занятые проектами территориального устройства больших районов, скорость изменения которых можно считать наименее переменчивой; специалисты по проектированию отдельных зданий и комплексов, которые подвержены большей исторической изменчивости, как в системах восприятия, так и процессах перестройки; а также аранжировки средовых архитектурных комплексов, как синтез архитектуры и средового дизайна, в котором драматургия ситуаций наиболее подвижна и неустойчива. Именно этот, третий тип профессиональной подготовки становится все более массовым в системах досуга, туризма; он наиболее прост в сфере дизайна типовых интерьеров и некоторых популярных мест в городах. Возможность проектировать такого рода дизайнерские комплексы не требует длительного обучения и с годами становится все более доступной, особенно с применением компьютерной графики. Кажется, что для такого массового проектирования полугодового курса было бы достаточно.

Но это касается только самой «скоростной» сферы проектирования, с которой архитектура уже практически не относится. Сферы же большого исторического времени остаются вне финансового и квалификационного обеспечения.

Архитектура – наиболее уязвимая часть культуры, чуть ли не обреченная на разрушение своих основ, как раз в то время, которое требует небывалого повышения его интеллектуального и творческого уровня.

Вот почему обсуждение радикального поворота архитектуры к идее времени и дополнения пространственных схем темпоральными во всей их колоссальной сложности становится вопросом жизни и смерти и архитектуры, и всей современной культуры.

Кажется, что почти абсолютная неспособность современного архитектурно-профессионального истеблишмента, погрязшего в слепом бюрократизме и рыночной конъюнктуре, понять и оценить эти вызовы времени начала нового тысячелетия постепенно становится все более одиозным феноменом современной культуры, который должен привлечь к себе внимание не только в профессиональной среде, но и за ее пределами.

Риски деградации проектной и архитектурной культуры с каждым десятилетием становятся все более угрожающими вымиранием мировой цивилизации. Пора обратить внимание не столько на статический образ новых мегаполисов, который едва ли удастся подвергнуть «реновации», сколько на самый процесс их культурной деградации.

В этом суть «радикального» поворота от пространства объектов ко времени и к процессам мышления, проектирования и исторического изменения профессионального менталитета.

Строящаяся заново или обновляющаяся профессия нуждается не в «сближении с практикой», а, напротив, в резком отрыве от нее. «Архитектурный профессионализм» не однородное и инертное тело, Расслоение произошло давно, Перед нами не единая профессия, а сложное гетерогенное поле, требующее в работе с ним многослойных стратегий.

Ключевые слова: архитектурное образование; профессионализм; типы профессионалов; субпрофессионалы; профессионалы; квазипрофессионалы; антипрофессионалы; транспрофессионалы; метапрофессионалы. /

Being rebuilt or renovated, architectural profession does not need to 'move closer to practice'. On the contrary, it should break away from it. 'Architectural professionalism' is not a homogeneous or inert body. It split up long ago. It is not a single profession, but a complex heterogeneous field that demands multilayer strategies.
Keywords: architectural education; professionalism; types of professionals: 'subprofessionals'; 'professionals'; 'quasiprofessionals'; 'antiprofessionals'; 'transprofessionals'.

О типах профессионализма в архитектурном образовании / The Types of Professionalism in Architectural Education

ТЕКСТ
Петр Капустин
text
Petr Kapustin

Существует красивая идея: образование есть практика объективного идеализма. То есть идеи – чистые и новые – не напрямую воплощаются в вещах и прочих обманчивых и ненадежных «тенях», как говорил Платон, а реализуются на людях – на новых поколениях носителей, а уже те осуществляют (придают существование) и материализуют идеи. Так строилась педагогика Нового времени, осознающая себя как революционная, преобразовательная и истинная, а потому и начинающая с чистого листа. Об этом пресловутом «чистом листе» или «чистой доске» (*tabula rasa*) сказано немало, напомним лишь один крайне любопытный факт: преподавателям французской королевской Академии архитектуры (XVII век) было высочайше запрещено заниматься практическим строительством, в обязанности же им вменялось открытие «вечных законов» архитектуры, теоретизирование и обучение «новых адептов профессии» [1]. Так создавалась новая профессия, резко противопоставляющая себя традиционной ремесленной деятельности: требовалась идейная стерильность и концептуальная независимость от прежнего опыта. И если прежний опыт во всеуслышание признается негодным, то не есть ли это вообще единственно верный путь? Спроектировать и построить вдали от порочной практики новую, альтернативную, идущую ей на смену. И чем в таком начинании могут быть полезны кондовые «профи»? Ведь единственное, на что они способны в вузе, – на воспроизводство самих себя в умах и навыках молодого поколения. Строящаяся заново или обновляющаяся профессия нуждается не в «сближении с практикой», а, напротив, в резком отрыве от нее – за счет этого и возможен скачок вперед (или по крайней мере «вбок» – на новые рельсы). Последним, но наиболее ярким образчиком такого идейного сектанства является Баухауз, в котором дух противостояния существующей модели деятельности (объявленной лживой) был велик, а нравы близки к монастырским (вплоть до введения всеобщего и обязательного вегетарианства). Гропиус именно так и манифестировал задачи своей школы: готовить не специалистов на существующие рабочие места («подготовка кадров»), а диверсантов-подрывников, которые от существующего не оставят камня на камне, но создадут новую практику – истинную, современную и вечную.

Но красивые романтические идеи успели многожды показать свою ущербность и нереалистичность. «Чистая доска» – абстракция недопустимо упрощенная, далекая от жизни – будь то персональное сознание современного студента или модель образовательной системы. И, вместе со всяким иным, на сегодняшней нечистой, плотно записанной «доске» архитектурных школ, наличествует несколько различных и даже противоборствующих типов личностной, «образоженной» и профессиональной ориентации. Они различаются не только самоопределением, но и воспроизводственными механизмами, то есть способом сохраняться в новых поколениях и, соответственно, вызывать различие в профессиональной ориентации студенческой аудитории: поэтому речь идет не о различных кредо, а именно об устойчивых типах. Часть из них генетически и исторически связана с возникновением и становлением профессии: высокие напряжения Нового времени, его «бури и натиска», сказываются «искровыми разрядами» в характерах некоторых людей и до сих пор.

Другая часть – продукты эволюции самой профессии – ее взлетов и падений, величия и кризиса. Третья – разнообразные по своей природе маргиналии: от классицизирующих рудиментов «вечных истин архитектуры» до освоения иных миров жизни и деятельности, от внедрения чуждого опыта и знания до распространения архитектуроцентрического самосознания на все и вся. Вероятно, еще сохраняется и сугубо ремесленный, допрофессиональный опыт (в особых, весьма специфических формах, не подавляемых доминирующей организацией деятельности и нормой образования, что требует отдельного изучения), и его носители изредка попадают в штат вузов, но если ограничится только типами профессионализма и «вокруг» него, то можно предложить следующие шесть основных позиций. Перечислим их, дав развернутую экспликацию ниже:

1. Субпрофессионалы.
2. Профессионалы.
3. Квазипрофессионалы.
4. Антипрофессионалы.
5. Транспрофессионалы.
6. Метапрофессионалы.

Подчеркнем, что речь идет только о типах архитектурного профессионализма и в стороне оставлены непростые вопросы о, например, специальном педагогическом профессионализме архитекторов-преподавателей или о дифференциации самого архитектурного профессионализма на специальности и специализации, в том числе новые и довольно экзотичные для России. Также в стороне мы оставим явления некомпетентности и непрофессиональности: о них можно много не говорить, их надо просто ликвидировать. Нас будут интересовать лишь довольно крупные и ясно выраженные позиции и мотивации в позитивном поле профессии и особенно профессионального образования, а также их взаимодействие – конкуренция, сотрудничество, конфронтация.

Субпрофессионалы (лат. *sub* – под, подчиненно) в целом представляют собой тип, который можно считать отошедшим в историю, поскольку его назначение – подготовка профессионализации деятельности, создание условий для возникновения основных профессиональных институтов: объективного знания, массового образования, крупных и нормированных оргструктур. Именно субпрофессионалы – адресаты упомянутого выше королевского указа по Академии. Центральным антропологическим образом этого типа, его символом может служить так называемый гражданский инженер – госслужащий, представитель гражданской государственной мегамашины деятельности, организованной, однако, на сугубо военный лад. Строгая униформа и уставной кортик на боку – его неперемные атрибуты. Впрочем, приписка архитекторов к военным частям также была вполне обычным делом в XVIII–XIX веках, да и в XX веке. Это «подкорка» и «подоснова» профессии, ее романтическая масонская молодость, когда «свободные занятия» перестают быть частными практиками *par excellence*, унифицируются и переводятся в разряд служб, а «свободные искусства» – в разряд прикладных наук. Однако это – не более чем яркая иллюстрация, ведь профессионализация архитектуры происходила столетиями и, по мнению многих исследователей, не завершилась вполне и к нашему времени. Поэтому «внешне» (морфологически) «субпрофессионалы» разнолики, и не все они носили униформу, хотя именно о ней и об обслуживаемых ею «дисциплинарных пространствах» (М. Фуко) традиционно не принято вспоминать, по неведомым причинам смещая акцент на «искусства». Однако профессия выросла вовсе не из искусства, а из долгих, методичных и упорных усилий армии субпрофессионалов, воинов научно-технического прогресса и порождаемых им профессий.

Поскольку упомянутые выше институты все же были созданы, этот тип и можно считать не самым актуальным сегодня. Но поскольку становление профессии все еще продолжается и проблем у нее больше, чем удовлетворительных ответов, то тип не исчезает вовсе. Сегодня он существует и воспроизводится в форме традиционного самоопределения: некто находит себя принадлежащим традиции, видит себя современным продолжателем славных дел отцов-основателей и действует соответственно. Поэтому общее, что объединяет субпрофессионалов всех эпох, включая и нашу, это апологетика профессионального строительства, акцентированная забота о профессиональной норме и почтение перед любой иерархией – как социальной, так и композиционной. Во всем этом, заметим, нетрудно видеть отголоски цеховых норм и требований, ведь ремесленные цеха и гильдии заложили начальный, но мощный фундамент традиции нормирования деятельности, подхваченной потом профессией и ставшей основой профессиональной культуры. Понятно, что способ решения проблем архитектурной деятельности и образования у субпрофессионала один – усиление профессионализма, укрепление дисциплины и совершен-

ствование профессиональной культуры. Такие призывы и требования можно было очень и очень часто слышать во второй половине XX века, нередко они и сегодня.

Профессионалы (или истинные профессионалы), по нашему убеждению и наблюдению, представляют собой, увы, весьма малочисленную группу среди тех, о которых у нас тут речь. Интересно, что собственно профессионал (эпитет «высокий» излишен – иных не бывает, иные относятся к следующей группе) отнюдь не носит с идеей профессионализма как с писаной торбой. Скорее напротив: он знает пределы профессии и ограниченность профессионализма (здесь излишним уже является эпитет «узкий» – плох тот профессионал, для кого рамки профессии не узки!). Ведь развитая профессиональная культура организована значительно сложнее, чем представляется ее озабоченным апологетам. Помимо прочего – это не только система норм и правил, которым надо следовать, но и совокупность культуросообразных способов нарушать правила и дискредитировать представления о норме.

По поводу оксюморона «творческая профессия» также сказано уже много, да воз и ныне там. Но основной вывод в нашей теме таков: сколь бы ни были противоречивы характеристики профессии как исторически преходящей формы организации архитектурной деятельности, высокий профессионализм – качество личностное, персональное. Это – вершина достижений в профессии. Кто ее достигает, тот занимает почетное, но странное место героя и искупительной жертвы одновременно: профессия лишь благодаря появлению таких ярких личностей сохраняет право на звание творческой. Их всегда считанные единицы и их знает вся страна, «город и мир». Лишь благодаря наличию таких единиц остальная масса может жить эпигонством и жить хорошо. Профессионал существует и действует не «внутри» контура профессии, а на стыке разных и многих стратегий, профессий, деятельностей, культур и традиций. Его творчество – не эклектика, но синтез или симбиоз новых органичных социальностей. Его мышление достигает высот философской и поэтической рефлексии и находит (создает) себе соответствующие формы выражения. Если спросить профессионала о путях развития архитектуры и способах решения ее проблем, он скажет скорее о чуде, чем о правиле, будет апеллировать к вашей чувственности и воображению, но не к долгу и дисциплине. В системе архитектурного образования представители этого типа – центры уникализации образовательного процесса, центры выраживания школ, а также, как правило, образец исполнения профессионального и культурного долга и личной дисциплинированности.

Квазипрофессионалы (лат. *quasi* – как будто, как если бы), напротив, – самое многочисленное племя. Они пребывают около (одно из значений латинского «квази») «истинных профессионалов» в организационном и идейном смысле, даже если не хотят этого признавать. Это нормально для массовой деятельности – она, видимо, просто не может быть организована иначе (по крайней мере, идеи и попытки иной организации пока остаются в области методологической эзотерики). Мотивация прихода на преподавательскую работу в высшее образовательное учреждение (исключительно совместителями), как правило, лежит в области социально-коммунальных стереотипов: престижно иметь «своих учеников» (хотя реальный образовательный процесс во многом обезличен), удобно набирать молодые кадры на производство, модно иметь ученые звания, а не просто «делать деньги» на основном рабочем месте.

Основное достоинство этой категории на преподавательской работе – достаточный опыт и интеграция в текущие дела, что, будучи помножено на массовость,

снимает большую часть головной боли организаторов учебного процесса, как правило, испытывающих дефицит кадров. Но это же оборачивается и крупным недостатком, поскольку ведущая интенция квазипрофессионалов в качестве преподавателей – трансляция своего опыта, но никак не его пересмотр, рефлексия и развитие. Они приходят с установкой на действие в режиме мастер-класса (даже тогда, когда не имеют для этого достаточных оснований) и склонны догматизировать как собственный опыт, так и сложившуюся конъюнктуру проектно-строительного рынка, в которой это опыт получен. В отличие от профессионалов (см. выше), они «рабы одного мира», их опыт частен и ситуативен, а склонности к теоретическому обобщению и абстрагированию они, как правило, не обнаруживают. Они позиционируют себя как если бы они были мэтрами, что не добавляет здоровых нот в моральный климат учебных аудиторий и кафедр. Их основная характеристика – беспроblemность восприятия и изложения профессионального содержания. Но где нет проблем, там нет и развития.

Антипрофессионалы (греч. anti – против), в отличие от предыдущей категории, напротив, ориентированы на выявление и острую постановку проблем. Они – агенты развития, по крайней мере его первый, атакующий эшелон. Они «анти» не из оппозиции профессионалам и не от неспособности ими стать; скорее напротив, часто они выходцы из рядов полноценных и состоявшихся профессионалов. Это профессионалы, окончательно вышедшие за узкие рамки профессиональных ограничений, поэтому оппозиционны они не профессионализму, а... профессии, как конкретно-исторической совокупности норм, знаний, представлений, фундаментальных допущений и негласных договоренностей. Это – наиболее динамичный и революционный слой в совокупной системе деятельности, объективно необходимый, ведь устоявшиеся конструкции «творческой профессии» надо время от времени встряхивать и пересматривать. Развитие противостоит функционированию, воспринимается представителями последнего крайне болезненно – отсюда и префикс «анти».

Антипрофессионалы (а это не всегда самоназвание, часто их так называют квазипрофессионалы, полагая, что это эпитет ругательный) первыми чувствуют неблагополучие, вскрывают недостатки и открывают ресурсы развития деятельности. Они не критиканы, но проблематизаторы; не аутсайдеры, а экспериментаторы. Чаще всего, они не теоретики и мыслители, но социальные активисты. Они действуют часто там, где для профессии еще нет места, где она не способна развернуться в силу громоздкости и косности. Это «профессионалы без границ» – такие, как известно, есть не только в архитектуре. С антипрофессионализмом неразрывно связаны партиципативное проектирование и контестация, обращение к нуждам маргинализированных групп и веер иных альтернатив, на которые была столь богата вторая половина XX столетия. Антипрофессионалы создают новые средства, принципы и модели деятельности, очень часто и скоро становящиеся достижением профессии в целом. Например, едва ли не весь итальянский «Новый дизайн» вырос из контркультуры и сопротивления засилью профессиональных модернистских маршанов. Сегодня и эта позиция присутствует в деятельности и образовании, но она стремительно сокращается количественно и ее концептуальный напор слабеет – тает, как альпийские ледники. Вино тому не столько отсутствие новых идей, сколько стремительное расширение легитимного поля профессиональной активности за последние 20–30 лет, ее известная всеядность – противопоставить ей что-то такое, чтоб не переварила, становится все труднее. Подобные затруднения испытывает и современное искусство, где процесс расширения легитимного поля просто взрывоподобен,

а новый истеблишмент, получающий профессиональное или квазипрофессиональное признание, формируется очень быстро.

Транспрофессионалы (лат. trans – сквозь, через) – самая пестрая и диффузная группа. К ней мы относим носителей различных видов знания и опыта, неспецифичных для архитектуры или расположенных на периферии ее центрального корпуса знаний, методов, представлений. Однако то, что несут и стремятся развернуть в контуре профессиональной архитектурной деятельности транспрофессионалы может оказаться плодотворным и полезным для эволюции деятельности (но также может оказаться и бесплодной прививкой или вредным вирусом). Транспрофессионалы – агенты влияния других профессий, мировоззрений, видов проектных, научных или художественных традиций. Именно через них в первую очередь проходит импульс влияния на архитектуру различных наук (в XX веке это биология, кибернетика, математическая формализация, системотехника, семиотика, социология, теория деятельности, et cetera). Они могут успешно совмещать архитектурный профессионализм с теми или иными «сторонними» концепциями, усвоенными ими в силу самых различных обстоятельств. Как и антипрофессионалы, транспрофессионалы – экспериментаторы и развиватели – склонны к постановке неожиданных проблем и их неортодоксальным решениям, но, в отличие от первых, их мышление аспектно, узко и предметно, они, как и квазипрофессионалы, едва ли не фанатично держатся своих убеждений. Недооценивать эту «пятую колонну» нельзя, как нельзя и отрицать потенциальный ресурс ее присутствия. Архитектурная профессия вот уже столетие, если не больше, пронизана разноприродными влияниями и силами, что придает ей динамику и необходимую для эволюции избыточность, но уже требует постановки проблемы аутентичности (или, используя выражение А. Г. Рапппорта, автономии) архитектуры как суверенной интеллектуальной практики [2, 3]. Здесь надо напомнить, что сами профессионализм и профессия в своем становлении были отнюдь не безгрешны в плане сохранения и развития автономии архитектуры, в них немало наносного, исторически случайного, конъюнктурного. Но не может ли сам транспрофессионализм как позиция или стратегия, достаточно независимая от стереотипов профессии, способствовать прояснению автономии, возрождению суверенитета? Ведь в рассматриваемом типе принципиально возможна трансляция неких аутентичных преданий и мифов (например, предания о «Дионисийских зодчих» и других эзотерических agraphadogmata – неписаных знаний зодческой традиции), вытесненных новоевропейским рационализмом с «дневного» поля профессиональной практики и мышления. В любом случае влияние транспрофессионалов на архитектурное образование может быть креативным и расширяющим границы, но может и приводить к опасным перекосам.

Метапрофессионалы (греч. meta – над, после) – самая редкая и малочисленная группа. Их почти невозможно заметить, они становятся видны лишь тогда, когда сам наблюдающий выходит в метапозицию – поднимается над горизонтом функционирования и над горизонтом методического обеспечения функционирования. Иначе представители этого типа неразличимы с некоторыми другими из нашего списка, да они и сами себя нередко позиционируют отнюдь не в метапозиции. Но только с метапозиции открывается историческая картина существования профессии, ее зарождения, становления, торжества и упадка. Метапрофессионал принадлежит не столько профессии, сколько тому Потоку Всеобщей Деятельности, временными завихрениями которого являются те или иные исторически преходящие организованности;

он имеет дело с тканью, в которой завязываются и развязываются узелки – профессии. Он имеет методологические основания оценивать жизнеспособность «узелков» и прогнозировать их эволюцию. Он может даже проектировать новые, перспективные, или пытаться это делать. В ситуации кризиса, например, суб- и квазипрофессионалы (из ответственных) сразу же начинают говорить о нормировании и новых законах; анти- и транспрофессионалы указывают на альтернативные техники и технологии; «истинный профессионал» продолжает заниматься своим делом (но, быть может, с большей долей критичности и рефлексии, чем обычно), а метапрофессионал начинает... проектировать! Проектировать новые деятельностные формы, новое содержание деятельности и образования, новые конструкции значений; ценностные, концептуальные конструкции, категории и понятия, средовые образы и метафоры, наконец: ведь выход из кризиса возможен путем радикального пересмотра всего этого набора, а не за счет введения новых ограничений и табу или внедрения новых (например – импортных) технологических линий. Именно так «...в холодном мире методологических абстракций» [4] был спроектирован в свое время средовой подход. Масштаб не обязательно должен быть глобальным: точное построение фразы о насущных проблемах профессии уже есть вклад в продвижение вперед, в отличие от шумных лозунгов и оргмероприятий.

Разумеется, предложенные здесь типы – идеализация, как и любая другая типология. В жизни все сложнее, границы размыты, люди способны меняться и осваивать новые позиции. К тому же большую роль играет и совмещение позиций. Так, подлинные профессионалы понимают смысл и ценность антипрофессионализма, интересуются трансценденциями и способны выйти (и выходят) в метапозицию. Но смысл предложенной типологии – в понимании того факта, что мы имеем дело вовсе не с однородным и инертным телом, когда произносим словосочетание «архитектурный профессионализм» и ориентируемся на него в разработке образовательных моделей любого уровня. Расслоение произошло давно, что частично отражено в ссылках на литературу и события. Перед нами не единая профессия, а сложное гетерогенное поле, требующее в работе с ним многослойных стратегий. Иначе происходит «естественное» и неуправляемое расслоение самих идей, что случилось со средовым подходом [5].

Расслаиваются и смыслы концепций и понятий, которые мы стремимся внедрять в образовательный процесс. Например, важнейший вопрос, совсем недавно обсуждавшийся архитектурно-педагогическим сообществом, – компетенции архитектора. В субпозиции их обсуждать бессмысленно, поэтому, наверное, они вообще там оказались не понятны и автоматически отождествлены с квалификационными характеристиками. А в квазипозиции они не опознаются и легко редуцируются, поскольку нужны там лишь в привычном урезанном объеме. Точно также обстоит дело с такими образовательными услугами, как повышение квалификации: массы приходящих туда квазипрофессионалов меньше всего заинтересованы в смене своей профессиональной позиции, своего типа, не стремятся стать «истинными профессионалами» (в том сугубо условном и контекстуальном смысле, который мы придали этому слову в настоящей статье, разумеется) и того меньше – кем-то еще. Они предпочли бы остаться собой, но освоить что-то новое («то же самое, только чуть больше» – формула, диаметрально противоположная категории развития), а это – уже вчера морально и интеллектуально устаревшая позиция. Идеология образовательных услуг ничего этой потребительской, «супермаркетной» установке противопоставить, разумеется, не может. Значит, требуется изменение самой концепции

повышения квалификации (которую, кроме прочего, надо переименовать в «развитие компетенций» с соответствующими задачами и тренингами [6]). Возможны и другие выводы и следствия из предложенной картины стратификации профессии, что, мы надеемся, делает ее небесполезной для осмысления ситуации в сегодняшней архитектурной деятельности и архитектурном образовании.

Литература

1. Буряк А. П., Яровой А. В., Горожанкин В. К. Архитектурный вуз и производственная сфера // Вопросы методологии. – 1994. – № 1–2. – С. 75.
2. Рappaпорт А. Г. Об интеллектуальном суверенитете архитектуры // Архитектура и культура : материалы Всесоюзной науч. конфер. ВНИИТАГ. – М. : ВНИИТАГ, 1990. – Т. 1. – С. 43–48.
3. Рappaпорт А. Г. Автономия архитектуры. – [http:// papardes.blogspot.com./2010/1](http://papardes.blogspot.com./2010/1)
4. Глазычев В. Л. Непростое будущее архитектуры // Архитектура СССР. – 1988. – № 1. – С. 19.
5. Капустин П. В. «Средовой подход» и перестройка профессии // Городская среда : Материалы Всесоюз. науч. конференции ВНИИТАГ и СА СССР «Современные проблемы формирования городской среды», г. Суздаль. – М. : ВНИИТАГ, 1989. – Т. 2. – С. 17–25.
6. Капустин П. В. Компетенции архитектора (о новой парадигме проектного образования) // *Almamater. Vestn. vysshei shkoly.* – 2005. – № 6. – С. 13–16.

References

- Buryak, A. P., Yarovoi, A. V., & Gorozhankin, V. K. (1994). *Arkhitekturnyi vuz i proizvodstvennaya sfera* [Architectural university and industrial field]. *Voprosy metodologii*, 1 – 2, 75.
- Glazychev, V. L. (1988). *Neprostoie budushchee arkhitektury* [Challenging future of architecture]. *Arkhitektura SSSR*, 1, 19.
- Kapustin, P. V. (1989). “Sredovyi pokhod” i perestroika professii [“Environmental approach” and rebuilding of the profession]. *Gorodskaya sreda. Proceedings from VNIITAG and UA of the USSR All-Union conference “Sovremennye problem formirovaniya gorodskoi sredy” in 2 vols. (Vol. 2, pp. 17-25).* Suzdal.
- Kapustin, P. V. (2005). *Kompetentsii arkhitekatora (o novoi paradigme proektnogo obrazovaniya)*. *Alma mater. Vestnik vysshei shkoly*, 6, 13-16.
- Rappaort, A. G. (1990). *Ob intellektualnom suverenitete arkhitektury* [On intellectual sovereignty of architecture]. *Arkhitektura i kultura. Proceedings from VNIITAG All-Union Conference in 2 vols. (Vol. 1, pp. 43-48).* Moscow: VNIITAG.
- Rappaort, A. G. (n. d.). *Avtonomia arkhitektury* [Autonomy of architecture]. Retrieved from papardes.blogspot.com./2010/1

Статья раскрывает опыт МИТУ-МАСИ в области создания современной модели архитектурной школы, в которой упор сделан на инновационный подход обучения, в целях интенсификации образовательного процесса. Затрагиваются вопросы герметичности профессии архитектора и возможности выхода посредством введения новых форм обучения и междисциплинарного подхода. Ключевые слова: архитектурная школа; интеграция в проектную деятельность; культурно-образовательная среда; инновационные тенденции; технологии обучения; творческая деятельность; междисциплинарный подход. /

The article presents the experience of Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute (MITU MACI) in creating an advanced model of architecture school focused on an innovative approach in education to intensify the educational process. The article touches upon “impermeability” of the architectural profession and the possible ways out with the help of introduction of new forms of education and an interdisciplinary approach.

Keywords: architecture school; integration into project activities; cultural and educational environment; innovative trends; educational technology; creative activity; interdisciplinary approach.

МИТУ-МАСИ

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт – архитектурная школа нового типа /

ТЕКСТ
Елена Булгакова /
text
Elena Bulgakova

На сегодняшний день на рынке образовательных услуг в России практически отсутствуют архитектурные школы нового типа, особенно в сегменте коммерческого образования. Московский архитектурно-строительный институт (МАСИ) – негосударственный вуз, который был создан в 2005 году. Сейчас он активно развивается и уже получил солидный рейтинг в образовательной системе России. В целях создания нового типа образовательного кластера в 2016 году был создан консорциум, в который вошли три вуза (Московский университет государственного управления, Московский архитектурно-строительный институт и Международный гуманитарно-лингвистический институт). Итогом слияния стало появление (в рамках приоритетного проекта Минобрнауки «Экспорт образования») автономной некоммерческой организации высшего образования «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт» (МИТУ-МАСИ).

Таким образом, МИТУ-МАСИ объединяет традиции отечественной и европейской школ, стараясь заимствовать лучшее из каждой, и является уникальной площадкой для реализации современных образовательных программ. Вуз реализует полный цикл обучения по программам «архитектура», «строительство» и «дизайн» – от среднего профессионального образования до магистерских программ.

Объединенный вуз представляет собой кластер, внутри которого создан современный научно-технический комплекс, позволяющий развивать новые формы совместных образовательных программ (в том числе на английском языке), дистанционное образование и летние программы обучения (в том числе для иностранных студентов).

В качестве основных целей развития были обозначены:

1. Достижение качества исследовательского института по основным академическим направлениям вуза.
2. Укрепление связей с ведущими зарубежными вузами и развитие программ международного обмена студентами и преподавателями.
3. Укрепление позиций института как передового центра подготовки кадров для государственных органов.
4. Расширение количества качественных баз практик студентов и привлечение заказов на выполнение практических задач силами студентов и преподавателей.

5. Формирование адекватной материально-технической и информационной базы.

Поскольку МИТУ-МАСИ является продуктом слияния и обладает улучшенной материально-технической базой, он вполне соответствует европейским стандартам с точки зрения набора дисциплин, их структуры и содержания. В отличие от классических архитектурных школ, программа МИТУ-МАСИ составлена с учетом практико-ориентированного обучения с рассредоточенными по всему семестру практиками и готовит молодых архитекторов для реального проектирования.

МИТУ-МАСИ выдает диплом государственного образца, и стандартными остаются следующие позиции: срок обучения (5 лет), три основных цикла основной образовательной программы и выпускная квалификационная работа с обязательной защитой. В то же время программа во многом отличается от классического подхода российской архитектурной школы, в первую очередь наличием гуманитарной и управленческой составляющей в гораздо большем объеме. Зачастую в российском архитектурном образовании на этот аспект практически не выделяются часы, из-за чего выпускники не могут аргументированно обосновывать свои решения, опираясь только на техническую область и игнорируя социологию и аналитику [1].

В МАСИ гуманитарный блок основывается на курсах философии, социологии, климатологии и истории архитектуры, которые позволяют встроить архитектуру в широкий культурный контекст. Основной задачей стало создание нового типа архитектурной школы, синтезирующей обучение, проектную деятельность и исследовательский компонент.

Сегодня МИТУ-МАСИ активно включен в социокультурный контекст городской жизни, где ежедневно происходят мероприятия различной направленности. На территории расположен образовательный музейно-выставочный центр – площадка, где реализуются уникальные культурно-образовательные программы университета и студентам читаются курсы лекций по истории искусств и архитектуре. Еженедельно в рамках открытых лекционных курсов проходят встречи с известными людьми, такими как президент РААСН, народный архитектор РФ А. В. Кузьмин, представителями политической элиты и духовенства.

Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute Is an Innovative Architectural School

На базе МИТУ-МАСИ в декабре 2017 года начинается свою работу детский технопарк, где студенты, наравне с другими обучающимися, будут иметь возможность работать в оборудованных лабораториях, используя высокие технологии для проектной деятельности и непривычные для академической архитектурной школы средства. Мы предусматриваем для студентов возможность пользоваться в процессе учебы теми ресурсами, которые предоставляет технопарк. Студенты могут заниматься техническим 3D-моделированием, снимать видеоролики, заниматься веб-дизайном и др.

При обучении на кафедре архитектуры в МИТУ-МАСИ особое внимание уделяется интеграции в проектную деятельность разных специалистов [2]. Большая часть дисциплин программы включает проектные задания, и средовой подход становится отправной точкой в курсовом проектировании, где аналитике посвящено достаточно много времени.

Тем самым исследовательская часть позволяет погрузиться в действительность, в рамках которой студент становится активным участником процесса создания действительно мотивированной архитектуры. Опыт партнеров МИТУ-МАСИ (зарубежных высших архитектурных школ) помог активизировать работу по внедрению исследований в архитектурное проектирование и расширению исследовательской составляющей в проектной деятельности. Использование когнитивного подхода в архитектурной профессии основано на внешних вызовах и, несмотря на экономический кризис, требованиях объединения архитектурной практики, строительного производства и предпроектного анализа, что обеспечит новые возможности для архитекторов [3].

В рамках соглашения о сотрудничестве, заключенного с крупными проектными институтами, такими как ГУП МО «НИИпроект» и АО «ЦНИИЭП жилища», студенты проходят производственную практику, в ходе которой знакомятся с прогрессивным отечественным опытом, Градостроительным кодексом города Москвы, нормативными и правовыми актами Российской Федерации, требованиями при проектировании и строительстве.

Одной из ключевых проблем сегодняшнего архитектурного образования является своеобразная цеховая

герметичность профессии, и, к большому сожалению, классическое архитектурное образование в вузах это только культивирует. Сегодня на рынке труда требуется полифункциональный специалист, который должен быть воспитан в системе междисциплинарного подхода, отсутствующего в данный момент.

Архитектурное образование в нашей стране принято считать очень специфическим, поэтому новации (типа дистанционного обучения) не могут быть применимы. И это привело к отрыву от реальности, когда архитекторы находятся в пространстве, отгороженном от других сфер знаний. Им этого вполне хватает, но когда речь идет о крупных задачах, становится понятно, что рамки тесны.

Именно эти принципы (в рамках междисциплинарного подхода) и были положены в основу стартовой в этом году магистерской программы по направлению «архитектура». Магистерская программа МИТУ-МАСИ ставит себе целью подготовить экспертов-аналитиков в области архитектуры, которые в будущем могли бы занять соответствующую нишу в проектной организации.

Учебные модули построены таким образом, что специализация задается через ядро дисциплин программы и ограниченного набора элективных курсов. Целевой аудиторией становятся не только выпускники бакалавриата, но и работающие люди, нацеленные на карьеру эксперта в области проектирования и строительства.

В попытке расширить географию абитуриентов (не только Московский регион) и дать возможность студентам совмещать работу и учебу, магистерская программа имеет очно-заочный формат и длится два года и пять месяцев.

Магистерская программа состоит из нескольких двухнедельных очных модулей и модулей дистанционной работы. Очные модули предназначены для постановки заданий и обсуждения результатов, дискуссий с приглашенными экспертами, интенсивных вводных лекций. Интенсивность деятельности и коммуникаций студентов в дистанционной форме обучения сохраняется за счет групповых заданий [4].

Поскольку речь идет о коротком интенсиве, в программе предусмотрены ведущие российские и зарубежные архитекторы-практики. Таким образом достигается

уникальное сочетание практического опыта и знания российского контекста с достижениями зарубежных архитектурных школ.

Итогом обучающей программы становится разработка исследовательского кейса, который положен в основу выпускной квалификационной работы [5].

Поскольку архитектуру нельзя рассматривать только как блок искусств или развивать только техническую составляющую, чем зачастую грешат многие прославленные архитектурные школы, основной вектор развития был направлен на междисциплинарность и комплексность архитектурного образования.

Учитывая сегодняшние реалии, можно говорить об интеграции архитектурного образования в новый контекст, который, в случае МАСИ, создан благодаря концентрации на одной площадке нескольких разных по направленности вузов.

На площадке МИТУ-МАСИ открыты учебные центры таких компаний, как «ТехноНиколь» и «Кнауф», что позволяет студентам не только пройти строительно-технологическую практику на базе вуза, но и при желании получить сертификат и освоить дополнительные программы обучения, которые ориентированы на профессиональный рост будущих архитекторов.

МИТУ-МАСИ – это современный учебно-научный комплекс, реализующий концепцию классического обучения студентов в особой культурно-образовательной среде с разным набором функций. Это и образовательный музейно-выставочный центр, который состоит из музея «Дворянское собрание», где представлены предметы русского и европейского искусства XV–XX веков. В здании учебного корпуса действует студенческий домовый храм Введения во Храм Пресвятой Богородицы, где проходят занятия по предмету «Основы духовно-нравственного воспитания», а также факультатив по религиозному просвещению. Это послужило катализатором храмоворческой деятельности на кафедре архитектуры МИТУ МАСИ и нашло отражение в конкурсных и выпускных квалификационных работах. Доброй традицией стало проведение Кирилло-Мефодиевских чтений в стенах университета.

Образовательный музейно-выставочный центр включает и Музей истории внешней разведки, где собраны уникальные материалы о работе советской разведки в военное и мирное время, Музей Битвы под Москвой (1941–1942) и галерею современного искусства, в которой проходят выставки художников, скульпторов, фотографов. Музейно-выставочный центр – площадка, где реализуются уникальные культурно-образовательные программы университета и где студенты могут передать полученные ими знания, участвуя в ежегодной программе «Ночь искусств в Москве».

В институте созданы все условия для того, чтобы студенты получали отличные знания, практические навыки и смогли полностью освоить выбранную специальность. Этому способствует новейшее материально-техническое обеспечение: учебные проектные аудитории, современные поточные лекционные аудитории, оборудованные компьютерные классы, возможность широкоформатной печати и инструментов для макетирования (в центрах макетирования и прототипирования), художественные мастерские (печатная графика, скульптура, живопись), видеолaborатории, лаборатория архитектурно-строительной физики. Расширенные пространственные характеристики учебных помещений позволяют трансформировать аудиторный фонд в зависимости от функционального назначения.

МИТУ-МАСИ активно сотрудничает с зарубежными учебными заведениями, проводит совместные исследования в области внедрения дистанционных методов образования в технологию обучения архитекторов, участвует в разработке комплексного подхода, направленного на интеграцию интерактивных приемов освоения архитектурной специальности в традиционную методику, что является средством интенсификации образовательного процесса. Все это позволит российскому архитектурному образованию стать более интегрированным в общемировую систему, а российским архитекторам даст возможность работать на одном уровне с европейскими коллегами, опираясь на европейские стандарты.

Литература

1. Петрова Л. В., Булгакова Е. А. Востребованность деловых игр в технологии интерактивного обучения архитекторов // Рос. науч. журн. – 2014. – № 4 (42).
2. Ильвицкая С. В., Петрова Л. В., Булгакова Е. А., Конева Е. В. Формирование инновационных качеств методики обучения в системе подготовки архитекторов // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование». – 2015. – № 8–9 (75–76). – С. 58.
3. Булгакова Е. А. Интегрирование инновационных методов образования в систему подготовки архитекторов // Электронное обучение и дистанционные технологии в образовании: опыт и перспективы развития. – 2015. – № 1. – С. 10–13.
4. Булгакова Е. А., Буркин В. П. Дистанционные образовательные технологии как инновационный метод преподавания архитектурных дисциплин // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2016. – № 8-4 (50). – С. 6–8.
5. Булгакова Е. А., Меерович М. Г. Учебное пособие для преподавателей вузов по разработке дистанционных курсов обучения по направлению «архитектура» // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование». – 2016. – № 5 (84). – С. 41.

References

- Bulgakova, E. A. (2015). *Integrirovanie innovatsionnykh metodov obrazovaniya v sistemu podgotovki arkhitektorov* [Integration of innovative educational methods into the system of training of architects]. *Elektronnoe obucheniye i distantsionnye tekhnologii v obrazovanii: opyt i perspektivy razvitiya*, 1, 10-13.
- Bulgakova, E. A., & Burkin, V. P. (2016). *Distsantsionnye obrazovatelnye tekhnologii kak innovatsionnyi metod prepodavaniya arkhitekturnykh distsiplin* [Distance education technologies as an innovative method of architectural training]. *International journal of scientific research*, 8-4(50), 6-8.
- Bulgakova, E. A., & Meerovich, M. G. (2016). *Uchebnoye posobie dlya prepodavatelei vuzov po razrabotke distantsionnykh kursov obucheniya po napravleniyu "Arkhitektura"* [University professor's manual for elaboration of distance learning courses in Architecture]. *Chronicles of the joint fond of electronic resources "Science and Education"*, 5(84), 41.
- Ilvitskaya, S. V., Petrova, L. V., Bulgakova, E. A., & Koneva, E. V. (2015). *Formirovaniye innovatsionnykh kachestv metodiki obucheniya v sisteme podgotovki arkhitektorov* [Formation of innovative qualities of the

teaching methods in the system of training of architects]. *Chronicles of the joint fond of electronic resources "Science and Education"*, 8-9(75-76), 58.

Petrova, L. V., & Bulgakova, E. A. (2014). *Vostrebovannost delovyykh igr v tekhnologii interaktivnogo obucheniya arkhitektorov* [Demand for business games in the technology of interactive architectural education]. *Rossiiskiy nauchnyi zhurnal*, 4(42).

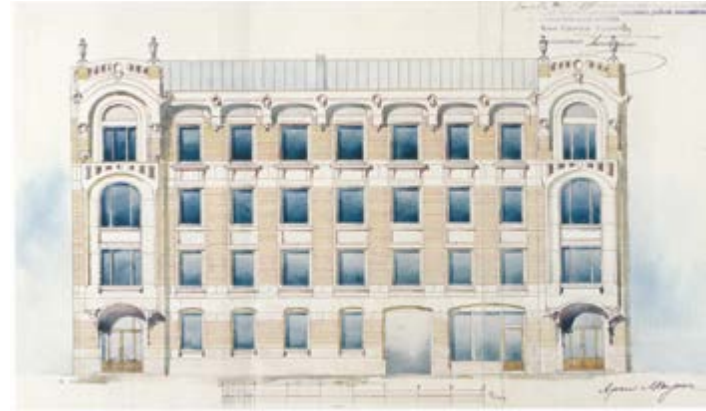
В конце XIX – начале XXI века в архитектуре происходили революционные перемены. Несколько раз менялись профессиональные парадигмы, внутри которых формировались разные представления о целях и задачах архитектуры, наборе необходимых в профессии знаний и умений, выработывался новый категориально-понятийный аппарат. Соответственно, менялись представления об архитектурной форме. Менялся и сам тип профессионала.

Ключевые слова: профессиональное сознание, профессиональные знания и умения, революционная смена архитектурных парадигм XX–XXI веков, авангард, сталинский ампи́р, советский модернизм, постмодерн. /

In the late 19th – early 21st centuries architecture experienced revolutionary changes. Professional paradigms changed several times. Inside those paradigms, there was a formation of different comprehensions of goals and tasks of architecture, of necessary professional knowledge and skills, and of a new framework of categories and concepts. The vision of an architectural form changed correspondingly. The nature of a professional also changed.

Keywords: professional consciousness; professional knowledge and skills; revolutionary shift in architectural paradigms of the 20th -21st centuries; avant-garde; Stalin's Empire; Soviet Modernism; Post-Modernism.

в Л. Н. Кекушев. Проект доходного дома А. Ф. и Н. Ф. Бочаровых на бульваре. 1902

Иронический экскурс / Ironic Excursus

текст

Елена Багина /

text

Elena Bagina

Что знает Ганс, то знает и маленький Гансик.

Немецкая пословица

Что знал и умел Ганс-архитектор в начале XX века? Много знал и много умел.

Мы в России, поэтому назовем его лучше Иван. Пусть немецкое имя нас не смущает. Впрочем, в архитектурной профессии в России на рубеже XIX–XX веков немцев было необыкновенно много. В журнал «Зодчий» заглянешь – почти одни немцы и писали: В. Эвальд, Е. Баумгартен, В. Шреттер... Они переживали за судьбу архитектуры, думали о том, что происходит на их глазах. Вот, к примеру, тезисы доклада профессора Корнелиуса Гурлитта, («Зодчий», 1904, № 8, с. 90) : «Классицизм отцвел, как отцветают листья на дереве к осени, как стареется человек, переживший молодость, период возмужания и подходящего волей судеб к старости. Новый стиль должен был родиться, потому что это должно было случиться, и было неизбежно. Вопрос в том, чтобы все признали красоту новых форм, может решиться лишь в тот момент, когда этот стиль победит, и все инстинктивно почувствуют, что именно это и есть прекрасное, которое отвечает нашему идеалу. <...> Городам приходится ждать столетия, когда их общая физиономия изменится, а в это время все пошлое и вульгарное продолжает давить чувство зрителя. Вот только почему лучше было во время, когда для всех существовал известный архитектурно-художественный идеал, или, то же, шаблон, когда всякий неспособный работник, как по рецепту мог кроить приличные ренессансные фасады и когда не было того сильного ощущения индивидуальности мастера, который

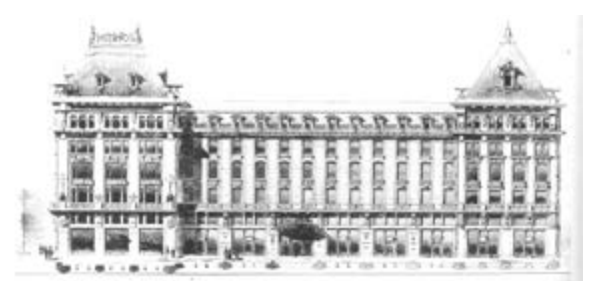
сам создает и желает передать свои субъективные понимания об искусстве и форме ему одному понятной. Не подлежит осуждению, однако, что ощущения, получаемые при удачном самородном произведении, которое стало возможно с появлением нового стиля, может быть много сильнее тех, которые могли явиться при постоянном повторении все тех же прекрасных, благородных мотивов классицизма, – конечно, в более слабой форме, чем это было во времена Анджело и Рафаэля».

У нашего Ивана было четкое представление о том, что такое архитектура. Еще на первом курсе Института гражданских инженеров (или Академии художеств) он заучил наизусть: «Архитектуру можно принимать в значении науки изящного искусства и строительного искусства... Расположение и украшение здания, относясь собственно до рисунка, составляет предмет Архитектуры начертательной. Понятия прочности, безопасности и экономии совокупляются в теории строительной» (Связев И. И. Руководство к архитектуре... (СПб., 1833). То же самое написано и в других учебниках, по которым учили архитекторов на рубеже XIX–XX веков).

Иван, чтобы стать хорошим архитектором не ограничился Санкт-Петербургским институтом гражданских инженеров. Он учился и в России, и за границей (в Парижской академии изящных искусств, Тулузской архитектурной школе, Миланской академии художеств). Мог учиться и в других учебных заведениях, но мы выбрали для него именно эти. Кстати, Моисей Яковлевич Гинзбург лет на десять позже учился в этих же заграничных академиях.

> В. Валькот. Конкурсный проект гостиницы «Метрополь». Фасад по Театральной площади. 1899

> Л. Н. Кекушев, С. С. Шущман, Н. Л. Шевяков, В. В. Воейков. Конкурсный проект гостиницы «Метрополь» под девизом «РС». Фасад по Театральной площади. 1899

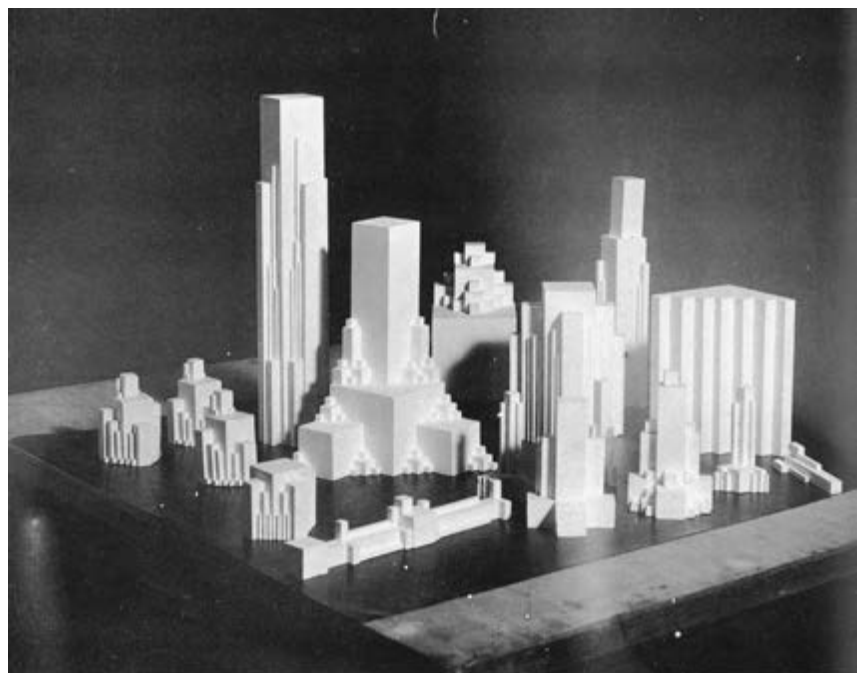
< Николай Ладовский. Вестибюль станции «Красные ворота». 1935

Иван работал ни один год помощником в мастерских практикующих архитекторов. Прекрасно разбирался в тончайших нюансах стилей. Хорошо умел рисовать. На практике постиг премудрости строительного производства, понимал толк в конструкциях и расчетах нагрузок. Верил в технический прогресс. Увлекался (или не увлекался, что редкость) модерном (сецессионом, ар-нуво). Был начитан. Интересовался литературой и философией. Любил Бальмонта и Блока. Читал Ницше и Шопенгауера в оригинале, восхищался смелостью их суждений, но не верил, что «Бог умер» и Европа переживает свой закат. Знал немного из греческого и латыни (в пределах гимназического курса). Ходил на публичные лекции Густава Густавовича Шпета. Посещал театры и концерты. Имел суждения о Станиславском, Евреинове, Мейерхольде, Рахманинове, Баксте... Его трогала красота Веры Холодной. Он умел играть на фортепьяно. Элегантно одевался. Желал обновления России, но опасался «грядущего Хама». Много видел. Изучал историю архитектуры не по мутным фотографиям и увражам, а путешествуя по свету. К сорока годам был уважаемым, состоятельным человеком. Водил автомобиль. Имел представление о том, что красиво, что безобразно. Любил ампирную мебель из карельской березы и картины в тяжелых позолоченных рамах. Собрал хорошую библиотеку. Читал по-немецки сочинения Г. Вельфлина, А. Ригля и Г. Зедльмайера. Мог не соглашаться (или соглашаться) с Алоизом Риглем по поводу его идеи, что каждая нация имеет «художественную волю». Считал, что молодой Людвиг Мис ван дер Роз мог бы для Алоиза Ригля и интереснее дом построить. Знал о новейших достижениях физики, Эйнштейне и энергетических теориях. Удивлялся концепции «всеобщей организационной науки» Александра Богданова-Малиновского. Слышал о Зигмунде Фрейде. Толковал с коллегами о бессознательном. Знал о Марксе и марксистах. Осуждал бомбистов, но презирал власть. В общем-то, времени у него не хватало, чтобы чем-то, кроме архитектуры, глубоко заниматься. Забот было много: проекты, подрядчики, заказчики, стройки, семья... Конечно, он хотел, чтобы его сыночек Ванечка получил хорошее образование и тоже стал архитектором.

Но вот беда – Первая мировая война и революция в России. Уплотнения, голод, стрельба на улицах. Красный террор. Отсутствие работы. Затем НЭП. Нужно как-то жить и сыну где-то учиться. Все разрушено.

Где можно в советской России получить архитектурное образование? Не к немцам же мальчику ехать. К тому же это и невозможно. Да и у них, у немцев, не все ладно. В Веймаре Баухаус открыли. Русские авангардисты им подражают. Вот и Франц Осипович Шехтель лекции о синтезе искусств читал в Первых свободных государственных художественных мастерских. Свободных от чего? От азов профессии? Как там у них в манифесте Веймарского Баухауса: «Давайте создадим новую гильдию ремесленников без классовых различий. Давайте вместе придумаем и построим новое здание будущего, в котором архитектура, скульптура и живопись сольются в единое целое и

в К. Малевич. Вертикальные архитекторы. Профилировка Н. Суетина. Гипс. 1929–1931

^ К. С. Алабян. Неосуществленный проект Театра Советской армии

которое руки миллионов рабочих поднимут к небесам как хрустальный символ новой веры». Возрождение масонских традиций, что ли? Так и без чертежей, и без расчетов скоро обходиться начнут. Bauhaus – Bauhutte? Туда же. Масыны. Мастера – подмастерья. Синтез искусств.

ЖИВСКУЛЬПТАРХ. ОБМАС. ВХУТЕМАС. Запутаться. Кто там преподает на архитектурном факультете? Чему учат? И. В. Жолтовский – да, мастер. А. В. Щусев – прекрасно. Чему может научить Виктор Веснин? Что могут о живописи сказать Василий Кандинский и Казимир Малевич? Все очень сомнительно. Супрематизм? Беспредметное искусство? Новый мир... Новый человек... Вон он, новый человек, по улицам с револьвером ходит. Павел Флоренский? София Премудрость Божия? Да, как говорят, «у водораздела мысли».

Что знал и умел сын Ивана Гансовича?

Ванечка получил хорошее домашнее и гимназическое образование. Его учили музыке, рисованию, языкам. Он увлекался теннисом. Зачитывался Генриком Ибсенем и Оскаром Уайльдом. Работал в мастерской отца чертежником, помогал ему на стройках. К революции отнесся восторженно. Грезил футуризмом и новым искусством. Восхищался Райтом и Корбюзье. Презирал эклектику. Решил учиться во ВХУТЕМАСе. Поступил в мастерскую к Николаю Ладовскому. Иван Гансович ворчал: «Что за пропедевтика. Почему архитектуре не учат?» К ужасу отца, рисовал, как зачарованный, какие-то кубы, цилиндры, шары... «Выявлял» под руководством своих учителей ритм, тектонику, массу, пространство... Рассуждал о психологии и всеобщем законе экономии энергии, о расчленении и синтезе... Мечтал познакомиться с Пикассо. Вельфлина не читал. Штудировал по ночам «Тектология» Александра Богданова...

Пролеткульт. ЛЕФ. Массовые действия. Дзига Вертов... Сергей Эйзенштейн. Пространство, аттракционы в искусстве, параллельный монтаж. Старый Иван Гансович сокрушался: «Пространство-пространство... А что такое это пространство – сам не знает. Нарисуй прекрасный гармоничный разрез – вот тебе и пространство. А тут, в этих кубах и цилиндрах, где красота? Где изящество? Где постижение прекрасного? Игра в кубики. Глазомер разбивает в «черной комнате» своего профессора. Лучше

бы к Щусеву пошел. И научился бы чему-нибудь путному, и иронии бы набрался. Без иронии в этом мире с ума сойдешь».

Но Ивана Гансовича Ванечка не слушал. Отец, построивший двадцать домов, для него уже не был авторитетом... Обижался только, когда его Иван Гансович называл Иваном, родства не помнящим... сиротой». Пытался что-то доказывать. Говорил, что новая архитектура начнется с ноля. О космизме рассуждал, о плоскостях, уходящих в бесконечность... О смысловых координатах...

Старому Ивану Гансовичу казалось: побалуют молодые и перестанут. На бумаге их безумные мечтания останутся. Решения ведь принимают лица не слишком образованные, у которых дома коврики с замками и лебедями висят. Скоро им аскетизм наскучит и, как старухе в пушкинской сказке, «богачества» и пышности захочется.

Что случилось – то случилось. Авангардисты строили и верховодили почти десять лет. А потом, в 30-м году, их не то чтобы всех запретили – им предложили заняться наукой в объединении со странной аббревиатурой ВАНО (Всесоюзное архитектурное научное общество) и ознакомиться с историческим опытом. Говорил мудрый Иван Гансович своему сыну: изучай увражи. Как в воду глядел.

Так или иначе, эксперименты, основанные на попытке перенести на почву архитектуры выводы энергетической теории, А. Богданова и В. Оствальда, бесследно не прошли. Не прошли даром для архитектуры и конструктивистские теории жизнестроительства, и мельниковские эксперименты. Постройки и проекты советских авангардистов 20-х годов XX века стали образцами стиля, который называют конструктивизмом, не особенно разбираясь в тонкостях авангардистских направлений и теорий. Вслед за конструктивизмом было 30 лет «косвенного наследия» – сталинский ампир.

В 1934 году ученики и сподвижники Николая Ладовского В. Ф. Кринский, И. В. Ламцов и М. А. Туркус выпустили с покаянным предисловием книгу «Элементы архитектурно-пространственной композиции» с мутными фотографиями исторических памятников. И – о, смелость! – рядом со схемой палатки Вальмарана поместили фотографию дома в Штутгарде Корбюзье, Днепрогэс,

^ В. А. Павлов. Жилой дом ВСЖД по ул. Российской в Иркутске. 1986

^ Московский постмодерн

Весниных, мельниковский клуб на Стромынке в Москве. Правда, стыдливо имя авторов советских построек забыли указать. Вот и на страницах 94–95 с одной стороны – палаццо Дожей в Венеции, с другой стороны – Голосовский клуб на Лесной в Москве... В чем же каялись авторы, почему проявили такую забывчивость имен своих товарищей: конечно, в формализме и недопонимании значения изучения исторического наследия. Нет, они исправились и зареклись вспоминать о ВХУТЕМАСе. В предисловии у них указан только ВХУТЕИН (Высший художественно-технический институт, образованный в 1926 году на базе ВХУТЕМАСа). Экая забывчивость, неужели авторы не знали, что в 1923 году ВХУТЕИНА еще не было? Могли бы у Н. А. Ладовского спросить. Еще жив тогда был их учитель (умер в 1941 году).

Ванечка во ВХУТЕМАСе чему-то научился. Потом исправно читал журнал «Современная архитектура» Моисея Гинзбурга, пока он выходил (1926–1930 годы), затем «пересмотрел свои позиции» и в начале 30-х стал изучать наконец книги Ивана Гансовича. Потом, в зрелом возрасте, ему вновь пришлось вспоминать абстрактные композиции из глины, доставать из сундука журналы «Современная архитектура» и... учиться формализму на Западе. Хорошо, что кукуруза в стране не прижилась: он ее не любил. Увы, целостного и ясного представления о том, что такое архитектура, после стольких перипетий у него не сложилось. Слово «излишество» он ненавидел. Считал, что задача архитектуры – организация пространства

Что знал и умел внук Ивана Гансовича?

Внук Ивана Гансовича учился в МАРХИ у престарелого Михаила Александровича Туркуса. Он учил его чертить архитектурные ордера, делать отмычки фрагментов, разрезов, планов и перспектив архитектурных шедевров. У Бархина он осваивал проектирование, увлекался НЭРом. Неплохо рисовал. Любил большой теннис. Листал дедовские и отцовские книги. Верил в возможность проектирования без прототипов и в семиотику. Читал Юрия Лотмана. С придыханием говорил слово «среда». Что-то переводил из журнала L'architecture d'aujourd'hui... Слушал The Beatles, Pink Floyd и Rolling Stones... Толковал

об энергетике пространства... Иногда спрашивал отца о ВХУТЕМАСе. После окончания института проектировал панельные микрорайоны и типовые турбазы... По вечерам чертил конкурсные проекты. Старое дедовское фортепьяно не открывал с детства, брэнчал на гитаре. Философией не интересовался, любил стихи Андрея Вознесенского и турпоходы... Портил глаза, разбирая тексты Стругацких с бледных фотографий. Что-то читал из самиздата, ходил в Ленком. Слушал Моцарта. Слыл интеллигентным человеком. Повесил дореволюционный портрет прадеда над рабочим столом. Денег у него никогда не было, и за границу он не ездил. Однако любил рассуждать Райте и Корбюзье. Филиппа Джонсона не уважал. Мис ван дер Роэ ему казался слишком сухим. Луис Кан завораживал. Другой профессии для своего сына, кроме архитектуры, он не представлял.

Что знал и умел правнук Ивана Гансовича?

Правнук Ивана Гансовича поступил в МАРХИ в начале XXI века. Он изучал все те же, пусть и несколько видоизмененные, «элементы архитектурно-пространственной композиции», но не понимал зачем нужно клеить какие-то бумажки, когда на компьютере все делается быстрее, нагляднее и чище... Уважал Илью Георгиевича Лежаву, но на его лекции ходил редко. Рисовать не научился. Экзамены по строительным конструкциям сдавал с трудом. Увлекался постмодерном и деконструктивизмом. Любил Заху Хадид и Фрэнка Гери. Играл на прадедовском фортепьяно джазовые композиции. Ездил на сборища ЕАСА (Европейская ассамблея студентов-архитекторов). Неплохо зарабатывал, делая интерьеры богатым заказчикам в стиле неоклассики. Говорил, что любит Умберто Эко, но читал в основном фэнтези и детективы. Шатался с друзьями по всему миру и изредка открывал прадедовские книги, когда нужно было найти, как рисовать ту или иную деталь. Отца совершенно не понимал, хотя работал в его мастерской. Отцовские рассуждения о пространстве и архитектурной семиотике не любил. Зарабатывать деньги эти рассуждения не помогали. А старые уражи помогали. Вслед за Робертом Вентури считал, что архитектура – укрытие с декорацией на нем. Его сын еще маленький мальчик...

Освещаются итоги работы мастерской урбанистики всероссийского проекта «Летняя Школа». Представлены два варианта развития набережной реки Волги на савеловской стороне города Кимры в Тверской области. Концепции развития были разработаны двумя командами студентов и молодых профессионалов. В работе принимали участие не только архитекторы, но и политологи, философы, географы, экономисты и математики. Ключевые слова: урбанистика; летняя школа; развитие; набережная; парк. /

The article reviews the results of the urban studies workshop of the All-Russian Project "Summer School". It presents two variants of the Volga waterfront development on Savelovskaya side of Kimra in the Tver region. The development concepts were worked out by two teams of students and young specialists. Not only architects, but also politologists, philosophers, geographers, economists and mathematicians took part in the workshop. Keywords: urban studies; summer school; development; waterfront; park.

В России есть другие города / There Are Other Cities in Russia

текст
Ирина Головицкая /
text
Irina Golovitskaya

Завершила свою работу мастерская урбанистики «Летней Школы»¹. Лозунг мастерской – «В России есть другие города», она посвящена малым городам, и в частности Кимрам. Кимры – город в Тверской области с 45-тысячным населением, который в старину славился сапожных дел мастерами, а сейчас – уникальным деревянным модерном.

Кимры стоят на берегу Волги, которая служит не только физической, но и символической границей между двумя берегами. На первом – бывшее сапожное царство, деревянный модерн, каменные особняки позапрошлого века и память о былом величии, на втором – том, что именует себя Савелово, – станция, Савеловский машиностроительный завод, советская застройка и самолет Ту-124 на набережной. Если вы спросите у кого-то на станции, как добраться до центра, вас обязательно переспросят: «Вам до Кимр?»

В Савелово есть набережная – та самая, на которой стоит самолет. Один из ее участков неблагоустроен и пока представляет собой не самое приятное место для прогулок: все поросло травой, которая изредка перемежается полумаргинальными лежбищами и стихийными площадками для чистки ковров. Есть на набережной и два песчаных пляжа, и новая жилая застройка, дома, возведенные в том числе под расселение из аварийного жилья.

В 2018 году администрация планирует эту набережную благоустроить, поэтому возник логичный вопрос: чем наполнить территорию и как привлечь туда посетителей? На него в течение двух недель с короткими перерывами на лекции и консультации экспертов пытались ответить участники мастерской.

Анализ территории

Территория была проанализирована в двух разных масштабах: в контексте города и в приближении к конкретному «кусочку» – участку от моста через Волгу до памятника Ту-124. Были проанализированы исторический контекст, активность пользователей социальных сетей, природный ландшафт, связь рассматриваемого участка с различными точками притяжения, статистические показатели.

Демографические индикаторы характеризуют Кимры как малый город, в котором средний возраст жителя равен 41 году, а дети и подростки составляют 13,8 % населения. Кроме того, анализ данных, охватывающих период с 2006 по 2017 год, показал, что объем инвестиций в сферу социальной и культурной политики города постепенно снижался; эта тенденция одновременно сопровождалась общим снижением числа организаций, обеспечивающих культурный досуг, спортивных объектов.

В масштабе набережной были проанализированы функциональные зоны, регламенты использования, существующие сценарии использования и основные пользователи. Две междисциплинарные команды разработали две разные концепции развития прибрежной территории, наполнив ее разным символическим содержанием.

Концепция 1. Авиапарк

При размышлении о будущем набережной в Савелово невозможно пройти мимо ее главной достопримечательности – самолета Ту-124. Согласно концепции, он задает тон всей прибрежной зоне, которая становится масштабной взлетно-посадочной полосой. Таким образом создается достопримечательность городского масштаба: сюда не зарастет тропа жителей всех районов и гостей города.

Спускаясь с моста, желающий увидеть чудо гения Туполева оказывается в рощице, которая призвана защитить рекреацию от машин и их негативного влияния. Погуляв здесь, горожанин попадает на площадку, которая увенчана пирсом, с настольными играми, выставочным пространством, прокатом и точками питания. Насладившись этими развлечениями, посетитель выходит на взлетно-посадочную полосу, которая ведет к самолету, открывая на него великолепный вид. По мере приближения к Ту-124 насыщенность активностями возрастает: здесь появляются и спортивные площадки, и каток, и точки питания.

Впрочем, пойти можно и в обратную сторону – от самолета к мосту, погрузившись сначала в вереницу всевозможных активностей, постепенно успокаиваясь и продвигаясь к тихим пляжам и рощице.

Все физические объекты призваны поддерживать тему аэропорта и самолетов: концепция освещения основной пешеходной магистрали повторяет освещение взлет-

1. «Летняя Школа» – всероссийский некоммерческий проект, который собирает студентов, молодых профессионалов и состоявшихся экспертов. Никто из организаторов и преподавателей не получает гонораров за свою работу, организация строится на идее свободной передачи знаний и опыта. В этом году на «Летней Школе» было открыто около 30 мастерских с абсолютно разным наполнением – от документального и художественного кино до медицины. Проводится Школа в пионерлагере «Волга» между Дубной и Кимрами, в сосновом лесу на берегу Волги.

^ Авиапарк. Визуализация

авторский коллектив

Ирина Головицкая
 Вадим Кохтев
 Андрей Лямин
 Анастасия Князева
 Максим Куклин
 Полина Кириенко
 Дарья Исаева
 Дарья Рязанова
 Виктория Бродская
 Сурайя Шилькова
 Максим Сергеев
 Мария Шумиловских
 Сергей Ухов
 Аглия Трофимова
 Анна Лукачук
 Константин Беляев
 Илья Левашев

но-посадочных полос, лавочки намекают на сидения в залах ожидания, пирсы – на рукава, ведущие к самолетам.

Реализация разбита на три этапа:

– 2017–2018 годы. Перенос самолета, строительство

взлетно-посадочной полосы, создание дорожно-тропиночной сети, установка освещения и работа с озеленением (государственные программы, муниципальный бюджет);

– 2018–2020 годы. Установка спортивных и детских площадок, привлечение малого и среднего бизнеса к созданию точек питания, установка пирсов (государственные программы, муниципальный бюджет, Программа поддержки местных инициатив);

– с 2021 года – дополнительные работы по благоустройству набережной по инициативе горожан. Этот этап не имеет предела, так как жители могут вносить свои инициативы в любое время (Программа поддержки местных инициатив).

преподаватели мастерской

Ярослав Ковальчук, архитектор, градостроитель

Михаил Алексеевский, руководитель Центра городской антропологии КБ «Стрелка»

Мария Бобринская, руководитель ГИС лаборатории КБ «Стрелка»

Стас Дервеедов, Дарья Дордина, архитекторы, бюро Wowhaus

Илья Аксарин, руководитель общественной организации «Правила взлета»

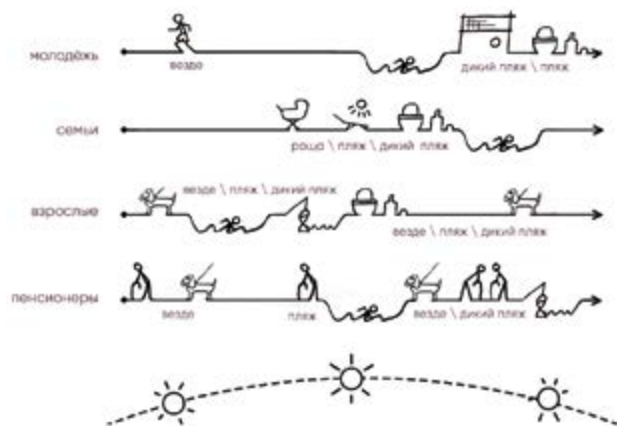
Рената Наконечникова, ботаник, СПбГУ

Оксана Веселкова, архитектор, КБ «Стрелка»

^ Авиапарк визуализация

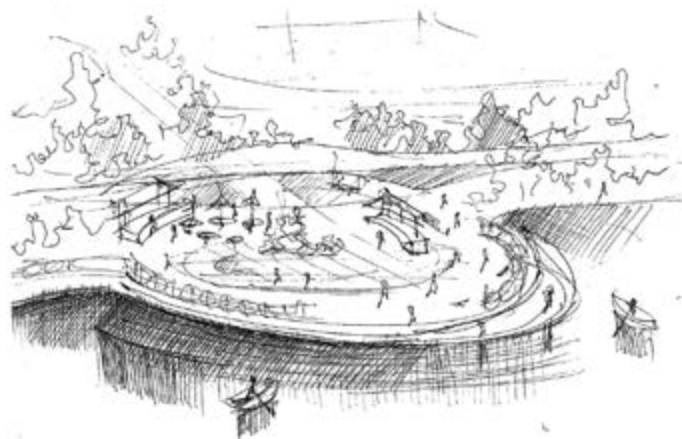
^ Активность

Концепция 2. Ландшафтный парк

Концепция заключается в создании на набережной районного ландшафтного парка, в котором могут проводить время все жители района – от маленьких детей до пенсионеров. Разветвленную сеть тропинок и велодорожек венчает большой амфитеатр у моста, где можно устраивать мероприятия.

Набережная предполагает контакт с водой, растительность по максимуму сохраняется – все экологично и ответственно. Амфитеатр является не только зрительной доминантой, но и основной точкой притяжения: именно там сосредоточены все «шумные» зоны и основные активности – уличный кинотеатр, прокат спортивного снаряжения и кафе. На спуске с амфитеатра расположена основная смотровая площадка для любования панорамой противоположного берега и фамильная аллея, на которой семьи, живущие неподалеку, могут посадить дерево, вписав себя в историю района. По мере удаления от моста вглубь жилой застройки пространство становится более камерным: там расположены песчаные пляжи, детские площадки и уединенные беседки. Всю территорию пронизывает сеть тропинок и велодорожек.

Скамейки, лежаки, настилы, кабинки для переодевания и временные павильоны предлагается сделать из натуральных местных материалов в простых формах.

Реализация проекта разбита на три этапа:

- 2017–2019 годы. Создание дорожно-тропичной сети, удаление больных растений, установка фонарей, что создает ощущение безопасности и комфорта (государственные программы, муниципальный бюджет);

- 2020–2022 годы. Высадка новых растений, установка туалетов, лавок, урн, кабинок для переодевания (государ-

> Доступность функций в 8 утра

> Доступность функций в 14 часов

> Доступность функций в 21 час

Синие точки обозначают функции, доступные только в будние дни, красные – в выходные, фиолетовые – круглосуточно.

ственные программы, муниципальный бюджет, Программа поддержки местных инициатив);

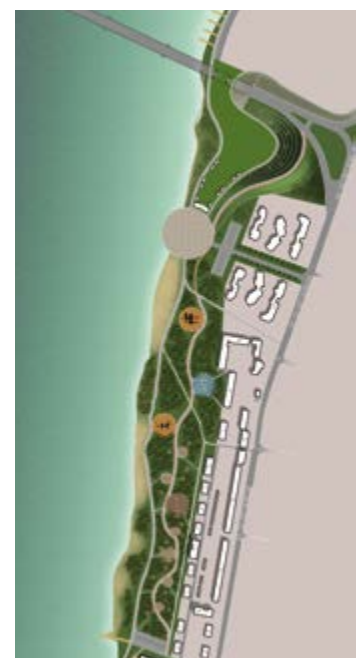
– 2022–2032 годы. Формирование ландшафта для амфитеатра, открытие точек общественного питания и проката инвентаря, запуск открытого летнего кинотеатра и других форм активности. Это сформирует новые сценарии использования набережной и привлечет дополнительные средства (государственные программы, муниципальный бюджет, Программа поддержки местных инициатив, налогообложение).

Пространство набережной нуждается в импульсе, старте преобразований вне зависимости от того, какая концепция там будет реализована. Поэтому на мастерской было решено совершить «партизанскую» вылазку и из старой мебели, которую принесли туда местные

жители, собрать новые функциональные объекты для набережной.

Объектов получилось четыре: лавка из двух старых стульев и кусков фанеры, столик из кухонного шкафа и ножек старого стула, которые вместе образовали гарнитур для пикников у воды и отправились в тихий уголок, окруженный кустарниками. На оживленном пляже появился концептуальный объект «Поймай кадр». Рамка, сквозь которую можно смотреть на храмы противоположного берега, и лежанка из двух паллет уже облюбованы юными посетителями для селфи; сквозь рамку люди уже фокусируют взгляд на живописных берегах матушки-Волги, столик ломится от шашлыков и помидорчиков. Нулевой этап пройден.

Теперь администрации совместно с жителями предстоит выбрать, какой они хотят видеть набережную.

Общеобразовательная школа в Ленинском районе Иркутска /

дипломный проект

автор проекта

Динара Ильина, студентка
Института архитектуры и
строительства ИРНИТУ

руководитель проекта

Р. А. Селиванов

Согласно демографическим прогнозам, количество обучающихся в Иркутской области возрастет более чем на 70 тыс. чел. Начиная с 2016 года планируется реализация программы «Содействие созданию в субъектах Российской Федерации новых мест в общеобразовательных организациях».

Одна из выделенных площадок под строительство общеобразовательного объекта – участок в 6-м микрорайоне Ново-Ленино Иркутска. Площадь участка составляет 3,5 га, вместимость школы – 825 учеников.

Проект школы выполнен на основе концепции перехода на трехступенчатое обучение и других тенденций, без которых трудно представить образ современной школы. Уклон рельефа к северо-западу диктует размещение здания на более равнинном высоком участке. Учебные блоки, имеющие схожую структуру и форму, развернуты на юго-восточную сторону для наилучшей инсоляции кабинетов. Блок общешкольных занятий обращен длинной стороной на юг, поблизости от спортивной зоны школьного участка.

Важной составляющей проекта является архитектурный облик здания школы, который напрямую влияет на качество процесса обучения школьников. Применение гибких и плавных форм, органично входящих в интерьер школы, дает ощущение безопасности, создает дружелюбную атмосферу. Большое количество остекления на фасадах и на кровле здания делает пространства внутри наиболее светлыми и открытыми.

По своей структуре школа похожа на город со своей четкой системой иерархии пространств. Так, три учебных блока, предназначенные для разных возрастных групп, и блок общешкольных занятий представляют «районы» со своей инфраструктурой. Объединяет эти блоки «центральная площадь» с лестницей-амфитеатром на первом этаже, выполняющая коммуникативную функцию. На втором уровне центральное ядро занимает библиотека с открытым фондом прямо в атриумном пространстве. Центральный атриум перекрыт большепролетной светопро-

зрачной конструкцией, переходящей на главный фасад здания, что выделяет входную группу.

Атриумное пространство есть и в центре каждого учебного блока, для обеспечения освещения рекреаций. Соотношение рекреационных пространств и учебных кабинетов составляет 1:2, поэтому центральное расположение рекреационных пространств позволяет разместить наибольшее количество освещенных учебных кабинетов и с большей пользой использовать сами рекреации.

Обязательным условием при проектировании было обеспечение самостоятельного существования всех блоков. Выполнение данного условия дает возможность пользоваться функциями блока общешкольных занятий всем жителям микрорайона, а также разделить ученические потоки разных ступеней обучения.

Блок общешкольных занятий включает в себя спортивный зал с трибунами, актовый зал на 360 зрителей, мастерские трудового обучения и студии эстетического воспитания. В блоке имеется два лестнично-лифтовых узла с выходом наружу.

Автономное функционирование учебного блока обеспечено размещением столовой на первом этаже каждого блока со своим местом загрузки, кухней и вспомогательных помещений. Также для этих целей из каждого блока предусмотрено два выхода на улицу – через эвакуационную лестницу и непосредственно на игровую площадку.

Учебные кабинеты представляют собой конструктивный модуль 9 x 8 м, что позволяет организовать на его основе гибкие пространства. Стандартный класс, имеющий прямоугольную форму, рассчитан на 24 ученика и предназначен для фронтальных форм занятий. Внутри кабинетов радиальной формы нет капитальных перегородок, здесь предусмотрена вариативная расстановка мебели за счет мобильной и трансформируемой мебели. Смена обстановки в течение дня способствует активизации процесса обучения.

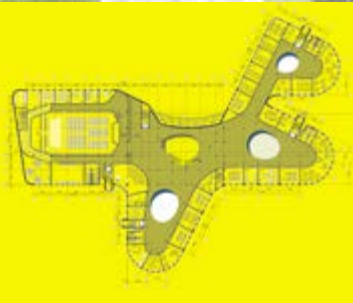
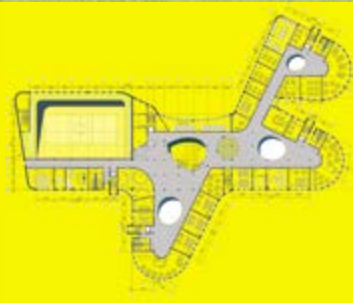
Динара Ильина / Dinara Ilyina

Secondary School in Leninsky District, Irkutsk

разрез в осях 1'-20 M1:200

фасад в осях 20-1' M1:200

Система энергоэффективных модулей для вахтового поселка /

дипломный проект

автор проекта

Надежда Наумова,
студентка Института архи-
тектуры и строительства
ИРНИТУ

руководитель проекта

И. Е. Дружинина

Все большую популярность при возведении вахтовых поселков для добывающей отрасли приобретают быстровозводимые модульные конструкции зданий и сооружений. Основной задачей дипломного проекта было создание вахтового поселка на базе принципиально новой системы модулей, которая обеспечивает оперативность и комбинаторность возведения поселков, высокий уровень комфортности проживания рабочих, имеет высокие показатели энергоэффективности.

Концепция проекта заключается в разработке компактной и функционально комфортной планировочной структуры, главной формообразующей идеей которой является использование различных алгоритмов как в плоскостном решении, так и в объемном. Заложенный

принцип позволит реализовать более организованную, динамичную и адаптивную архитектуру.

Скелетом для системы модулей служит прочная конструкция, основу которой составляют пространственные панели со встроенным шарнирным металлическим каркасом. Форма панелей и узлы крепления перекрестно-стержневых конструкций позволяют монтировать блок-модули в различных вариациях, а высокая степень заводской готовности элементов обеспечит минимальные сроки возведения зданий.

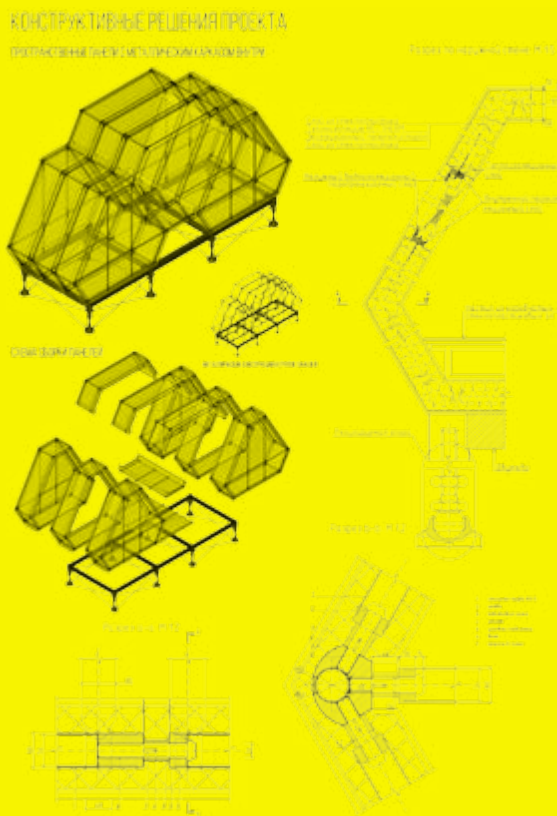
Варианты блокирования модулей представлены на примере вахтового поселка на 150 чел. на территории промбазы Нючакан в зоне Ковыктинского ГКМ в 100 км от поселка Жигалово.

Обеспеченная системой предлагаемых модулей гибкость формообразования позволяет:

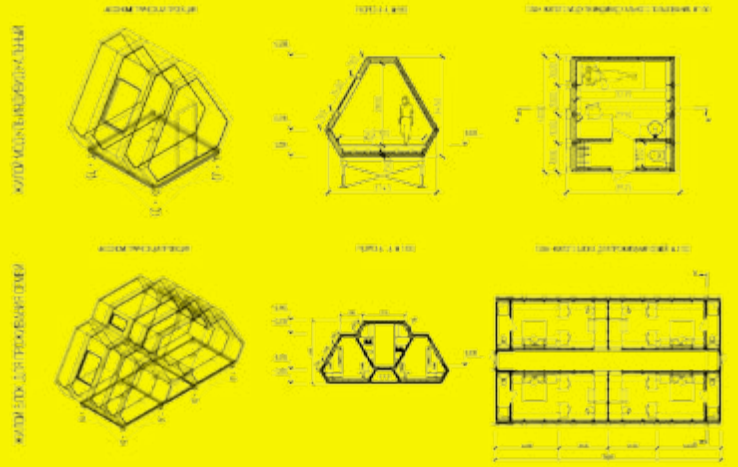
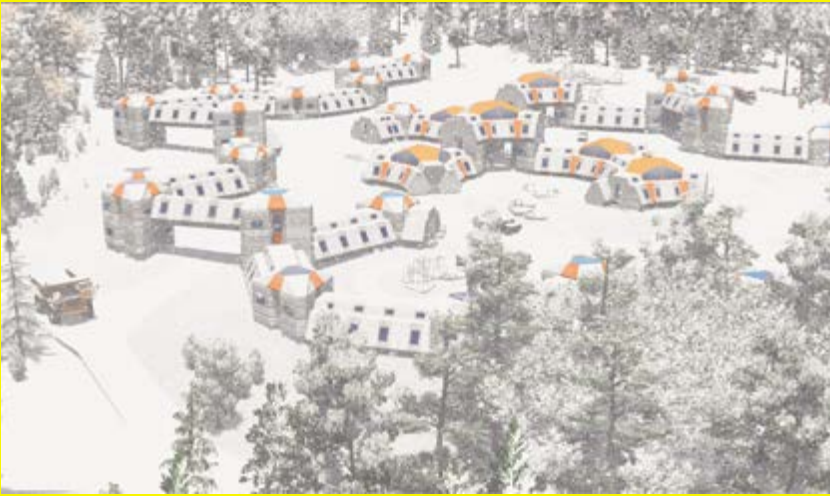
- учитывать особенность места возведения (огнуть, «перешагнуть» элементы ландшафта – деревья, овраги и т. д.), что снижает негативное воздействие на экологию;
- создавать микроклимат за счет пространственной конфигурации зданий, регулирующих воздействие господствующих направлений ветров;
- организовывать теплые переходы между объектами различного функционального назначения в суровых климатических условиях;
- получить полифункциональную структуру как за счет комбинаторики, так и за счет вариативности модулей (от одного модуля – жилой ячейки – до сложных общественных помещений, собранных из большого количества блоков);
- создавать уникальное, присущее именно этому месту, своеобразное объемно-планировочное и композиционное решение поселения.

Комплекс мероприятий по повышению энергоэффективности каждого модуля, собираемых конструкций и поселка в целом представлен в таблице. Предлагаемые проектом решения позволяют повысить автономность функционирования поселка, что особенно актуально при существенном его удалении от базовых поселений и в условиях слаборазвитой транспортной инфраструктуры.

Надежда Наумова, Инна Дружинина /
Nadezhda Naumova, Inna Druzhinina

The System of Energy-Efficient Modules for a Shift Camp

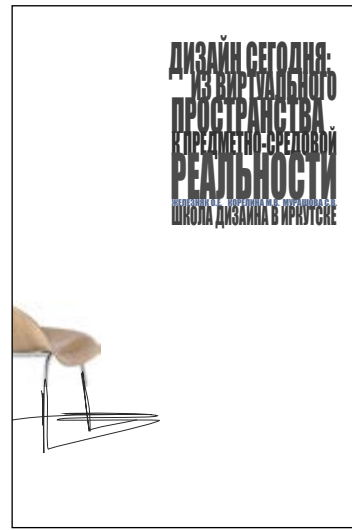

Статья посвящена монографии О. Железняк с соавторами «Дизайн сегодня: из виртуального пространства к предметно-средовой реальности. Школа дизайнера в Иркутске». В центре внимания исследователей – актуальная проблема современного дизайна – взаимодействие виртуального пространства и предметно-средовой реальности. Интерпретация дизайна как системы идентификации региона и брендинга города, имидж-дизайн в пространстве виртуального и материального раскрываются через обсуждение имиджевых особенностей территории и региональных трендов в дизайне, которое сопровождается научно-проектными разработками кафедры дизайна ИРНИТУ.

Ключевые слова: виртуальное; реальное; дигитализация профессионального сознания; художественно-проектная культура; дизайн; идентичность; имидж; школа дизайнера. /

The article reviews the monography "Design today: from the virtual space to the objective and environmental reality. Design school in Irkutsk" written by O. Zheleznyak and her co-authors. The researchers focus on the urgent problem of the contemporary design concerning the interrelation between the virtual space and the objective and environmental reality. Design is interpreted as a system of identification of the region and branding of the city through discussion of the peculiarities of the image of the territory and regional trends in design. The same technique is used for featuring the image design in the virtual and material space. The monography provides the examples of scientific and design works elaborated by the Design Department of Irkutsk National Research Technical University.

Keywords: virtual; real; digitalization of professional awareness; art and design culture; design; identity; image; school of design.

Железняк О. Е., Корелина М. В., Мурашова С. В. Дизайн сегодня: из виртуального пространства к предметно-средовой реальности. Школа дизайнера в Иркутске : монография / под общ. ред. О. Е. Железняк. – Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2017. – 282 с. / Zheleznyak, O. E., Korolina, M. V., & Murashova, S. V. (2017). Design today: from the virtual space to the objective and environmental reality. Design school in Irkutsk. Monography [Zheleznyak, ed.]. Irkutsk: Izd-vo IRNITU.

Дизайн сегодня: из виртуального пространства к предметно-средовой реальности / Design Today: from the Virtual Space to the Objective and Environmental Reality

ТЕКСТ
Андрей Ефимов /
text
Andrey Efimov

Тенденции виртуализации, фактически означающие «замещение» реального мира виртуальным, все очевиднее проявляются в современном обществе, вовлекая в сферу «замещенного» больше различных явлений, усложняя пространство взаимодействия виртуального и актуально существующей предметно-средовой реальности. При этом пребывание одновременно в двух пространствах – в реальной жизни дизайнера и виртуальных мирах интернета, компьютерных презентаций, рекламных миражей и пр. – создает специфический эффект «удвоенности», отражающий развитие «киберпространства», его экспансию в современную жизнь, художественно-проектное сознание и в реалии профессиональной практики.

Обращение к идеалам идентичности становится одним из важных средств самоопределения и своеобразной «привязкой» к месту, культуре и личности в ситуации виртуализации общества и профессии, способствующих сохранению исторических и современных территорий и культур, их «выживанию» в глобальном мире и формированию системы знаковых мест и образов среды.

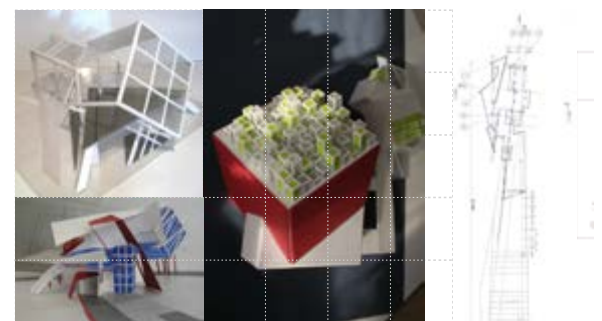
Необходимость исследования всех этих явлений и предопределяет актуальность и научную значимость монографии О. Железняк, М. Корелиной и С. Мурашовой. Высшая школа трактуется в работе как часть профессиональной реальности, как одна из определяющих структур этой системы, которая формирует профессиональный менталитет будущих специалистов. Для Иркутска такую роль в профессиональной художественно-проектной реальности города играет школа дизайнера ИРНИТУ, на примере анализа которой авторы показывают состояние современного дизайна. Представленный материал включает авторские курсы, а также научные и проектные разработки в рамках дипломного проектирования и научно-методических исследований, что имеет самостоятельную художественно-проектную ценность.

Монография состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и иллюстративных приложений. Первая глава посвящена исследованию специфики современной художественно-проектной культуры и включает изучение процессов виртуализации профессионального сознания, анализ образов идентичности, взаимодействия пространств архитектуры и

дизайна и номадического дискурса как характеристики нового качества жизни. Вторая глава, рассматривающая дизайн как систему идентификации региона на примере научно-проектных разработок кафедры дизайна ИРНИТУ, ориентирована на изучение имиджевых особенностей территории (собственно Иркутска и знакового объекта региона – озера Байкал) и анализ форм культурной идентичности (на примере праздничного пространства как виртуально-материальной системы культуры и профессиональной деятельности). Третья глава представляет собственно образовательные методики кафедры дизайна, показывая целостность художественно-проектного образования и миссию кафедры, демонстрируя широкий диапазон возможностей, предоставляемых предлагаемыми авторскими методиками, техническую оснащенность авторов-студентов, творческий потенциал и способность к нестандартному мышлению-видению, оригинальным интерпретациям.

В целом монография «Дизайн сегодня: из виртуального пространства к предметно-средовой реальности. Школа дизайнера в Иркутске» представляет собой оригинальный авторский труд, завершённый и методически выстроенный и может быть рекомендована как научное издание для специалистов в сферах архитектуры, дизайна, искусств и культуры, а также в качестве учебного пособия для высших учебных заведений, готовящих специалистов по архитектуре и дизайну, монументально-декоративному декоративно-прикладному и искусству.

ГЛАВА 2. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕТОДИКИ В ДИЗАЙНЕ: ПОГРУЖЕНИЕ В ВИРТУАЛЬНОЕ И ОСОЗНАНИЕ ПРЕДМЕТНО-СРЕДОВОЙ МАТЕРИАЛЬНОСТИ. ОПЫТ КАФЕДРЫ ДИЗАЙНА ИРНИТУ

Есть такое латинское изречение cui prodest (кui prodest) – «кому выгодно?» Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?»»

В. И. Ленин. Кому выгодно?

Тревожная тема грядущего обновления целого поколения жилого фонда возникла в конце весны в столице и моментально распространилась по городам и весям всей России – что-то, а хрущовки есть везде. Однако в разных частях страны необходимость реновации ощущается по-разному. Вопрос, где ставить запятую в предложении: «Сносить нельзя реконструировать» – в Москве решается голосованием жителей. В Прибайкалье, районе с высокой сейсмической активностью, вопрос о реконструкции первых панельной серии стоит чрезвычайно остро.

«Проект Байкал» возвращается к теме, которую поднял, предвостыщая всеобщий интерес, еще в начале весны, в позапрошлом номере (см.: Опыт реновации панельной застройки 1960–1980 годов в Германии // ПБ 51. С. 154–161).

Елена Григорьева

реновации / renovations

There is a Latin tag “cui prodest?” meaning “who stands to gain?”. When it is not immediately apparent which political or social groups, forces or alignments advocate certain proposals, measures, etc., one should always ask: “Who stands to gain?”.

(V. I. Lenin, Who Stands to Gain?)

An unsettling problem of the future renovation of the certain generation of houses aroused in the late spring in Moscow and spread immediately around Russian cities, since, as you know, khrushchevki can be found everywhere. However, the need for renovation is felt differently in different parts of the country. The question where to put the comma in the sentence “Demolition impossible to restore” is solved in Moscow by voting among residents. In Pribaikalie, a region of high seismic activity, the problem of reconstruction of the first prefabricated series is very acute.

Project Baikal returns to the question which was raised in one of the previous issues in the early spring, anticipating a surge in interest (see PB 51, pp 54-161. Renovation of the Panel House-Building of the 1960-1980s in Germany).

Elena Grigoryeva

Активное обсуждение программы реновации панельного фонда в Москве заставило по-новому взглянуть на способы решения региональной проблемы в городах Прибайкалья. Становится очевидной необходимость замены узкотехнического подхода к проблеме на широкий градостроительный подход с учетом социальных аспектов проблемы, связанной с трансформацией городской среды обитания. Рассматривается вопрос сейсмоусиления жилищного фонда серии 1-335с, представляющий собой серьезную социально-экономическую проблему Байкальского региона. На примере Ангарска и Иркутска рассмотрены варианты дальнейшей эксплуатации жилищного фонда серии 1-335с. Показано, что если Москва, как город с максимальным панельным фондом, послужит полигоном для реализации программы реновации застройки в условиях мегаполиса, то на примере Байкальского региона можно было бы отладить приемы реконструкции и сейсмоусиления панельного фонда с учетом специфики сейсмических условий строительства.

Ключевые слова: Иркутская область; сейсмическое районирование; сейсмоусиление зданий; паспортизация зданий, физический износ; реконструкция панельного жилищного фонда; программа реновации. /

The active discussion of the program of renovation of the prefabricated housing stock in Moscow has caused reconsideration of the solutions for the regional problem in the towns of Pribaikalie. It is obvious that the narrow technical approach should be substituted by a broad town-planning approach that takes into account social aspects of the problem related to transformation of the urban environment. The article speaks about seismic retrofit of the 1-335c-series housing stock, which is a serious social and economic problem for the Baikal region. The variants of the further use of the 1-335c-series housing stock are viewed in the case of Angarsk and Irkutsk. As is shown in the article, if the housing renovation program is realized in Moscow (in the context of the city with the largest prefabricated housing stock), the Baikal region may serve as an example of reconstruction and seismic retrofit of the prefabricated housing stock, taking into account the peculiar seismic conditions.

Keywords: the Irkutsk region; seismic risk zoning; seismic retrofit of buildings; certification of buildings; physical deterioration; reconstruction of the prefabricated housing stock; renovation program.

Реконструкция первой панельной серии в Прибайкалье и реновация пятиэтажек в Москве /

текст

Татьяна Павлова
Юрий Бержинский /
text

Tatyana Pavlova
Yuri Berzhinskiy

Лучше действовать, чем знать, но для того, чтобы действовать, – надо знать.

Карл V (1500–1558), испанский король

Средства у нас есть, у нас ума не хватает.
Кот Матроскин, деревня Простоквашино

Общее количество жилых домов серии 1-335с в сейсмических районах Иркутской области (7–9 баллов) оценивается в 1800 объектов, в том числе в Ангарске 500 и Иркутске около 400 зданий. Общая площадь составляет 4,5 млн кв. м, в них проживает 250 тыс. человек, или 10% населения области. Высота жилых домов в основном 5 этажей (встречаются в застройке 4-этажные здания), в Байкальске (9 баллов) – 3 этажа.

Первый крупнопанельный жилой дом серии 1-335с на 12 квартир высотой 3 этажа построен в 1959 году в Ангарске по адресу ул. Восточная, 23. Дом находится в ветхо-аварийном состоянии. Жилые дома серии 1-335с обладают рядом конструктивных особенностей, неблагоприятных с точки зрения сейсмостойкости и долговечности. Материал наружных стен – газозолобетон – проявил себя в климатических условиях Восточной Сибири как ненадежный и недолговечный материал с фактическим сроком службы около 50 лет.

Вопрос о сейсмоусилении жилищного фонда серии 1-335с далеко вышел за технические рамки и превратился в серьезную социально-экономическую проблему Байкальского региона.

Различают два конструктивных типа жилых домов серии 1-335с: 1-й тип – с наружными несущими стенами из газозолобетона без пристенных колонн (годы постройки 1960–1965); 2-й тип – с наружными стенами из газозолобетона с пристенными колоннами (годы постройки 1965–1975).

В обоих типах домов наружные стены воспринимают сейсмические нагрузки в продольном направлении здания. Разница между указанными типами домов заключается в том, что в первом типе вертикальные нагрузки от прогонов и плит перекрытий передаются на ослабленные наружные стены из газозолобетона. Во втором типе

домов вертикальные нагрузки передаются на пристенные колонны из тяжелого бетона. Соотношение между 1-м и 2-м типами домов по Ангарску составляет 180/320. Ремонтпригодность домов 2-го типа значительно выше, чем у домов 1-го типа.

Наибольшую опасность представляют 5-этажные жилые дома постройки 1960–1965 годов без пристенных колонн с передачей вертикальных нагрузок от перекрытий на ослабленные наружные стены из газозолобетонных панелей. За 50 лет эксплуатации прочность наружных стеновых панелей из газозолобетона уменьшилась в три раза.

Из городов области наиболее проблемным является Ангарск, сейсмичность территории которого была с 2000 года повышена с 7 до 8 баллов согласно карте общего сейсмического районирования ОСР-97. Город, расположенный в 8-балльной зоне, с населением 240 тыс. жителей и жилищным фондом серии 1-335с в 1,25 млн кв. м общей площади имеет 7-балльную застройку (теоретически). Фактически уровень сейсмостойкости серии 1-335с за счет ее физического и сейсмического износа ниже 7 баллов. Сейсмический риск этого жилищного фонда оценивается величиной 20х10⁻⁵ при уровне приемлемого риска 1х10⁻⁵ – 5х10⁻⁵, т. е. с десятикратным превышением. Уровень сейсмического риска 1х10⁻⁵ означает, что в течение года от землетрясения пострадает один человек из 100 тыс. жителей.

Градостроительную деятельность в городах Иркутской области с установленной нормативной сейсмичностью территории, разработку документов территориального планирования – генеральных планов городов, правил землепользования и застройки, местных нормативов градостроительного проектирования, проектов планировки и межевания предлагается вести с учетом реконструкции районов (кварталов, микрорайонов) жилой застройки первыми массовыми сериями. Реконструкция включает:

- регенерацию застройки в исторических городах области, т. е. сохранение и восстановление объектов культурного наследия и исторической среды;
- установление территориальных зон ограниченных и активных градостроительных преобразований с частичным или полным изменением качеств городской среды.

Reconstruction of the First Prefabricated Series in Pribaikalie and Renovation of the Five-Storey Houses in Moscow

Основные примагистральные территории в Ангарске, активно застраивавшиеся в 1960–1970 годах жилыми домами серии 1-335с, характеризуются наибольшим по области дефицитом сейсмостойкости, низкой плотностью застройки (170–200 чел/га) при отсутствии резервов территории под многоэтажную жилую застройку, растянутыми инженерными коммуникациями, т. е. неэффективным использованием городской территории. Недостаток современных объектов обслуживания привел к массовому переводу квартир первых этажей в нежилой фонд, ослаблению несущих конструкций – стеновых панелей жилых зданий, деградации и засорению городской среды немасштабными, мелкими объектами (киоски, павильоны), уменьшению площади озеленения.

Таким образом, в Ангарске центральные в градостроительном отношении территории застроены панельными четырех-, пятиэтажками, что явно не соответствует местоположению площадок в системе города. Комплексный подход к решению градостроительных проблем и повышению сейсмической надежности жилого фонда при соответствующем технико-экономическом обосновании позволит повысить инвестиционную привлекательность центральных городских территорий, привлечь к реконструкции городов области как государственный, так и частный капитал.

В отношении дальнейшей эксплуатации жилищного фонда серии 1-335с высказывались различные предложения:

- снос серии 1-335с и строительство нового жилья, соответствующего действующим нормам (вариант 1);
- игнорирование превентивных мероприятий (вариант 2);
- сейсмоусиление жилищного фонда серии 1-335с с учетом остаточного срока службы зданий (вариант 3).

Институт земной коры СО РАН рассчитал сейсмический риск, что позволило получить количественные оценки предпочтительности вариантов на примере Ангарска. Наилучшую стратегию с предпочтительностью в 50 % показал вариант 1, однако его реализация связана со значительными финансовыми затратами. Если результаты

расчета для 500 жилых домов в Ангарске экстраполировать на весь объем жилищного фонда серии 1-335с в Прибайкалье (1800 объектов), то стоимость реконструкции панельной застройки составит около 350 млрд руб., что соответствует трем с половиной годовым бюджетам Иркутской области. Наихудшую стратегию – игнорирование превентивных мероприятий – предлагает вариант 2 с уровнем предпочтительности 15 %, который не гарантирует жителям обеспечения сейсмобезопасности в случае стихийного бедствия. Эта наихудшая стратегия фактически реализуется в сейсмических районах Иркутской области на протяжении последних двадцати лет.

При выборе стратегии не следует сбрасывать со счетов вариант сейсмоусиления жилищного фонда серии 1-335с – вариант 3 с уровнем предпочтительности 35 %, который мог быть реализован в рамках федеральной целевой программы по сейсмобезопасности территории России на 2009–2018 годы (утверждена постановлением правительства РФ № 365-пп от 23.04.2009). Уровень сейсмического риска жилых домов в результате сейсмоусиления может быть понижен до приемлемой величины 2×10^{-5} .

В основу предлагаемой концепции положено деление жилищного фонда серии 1-335с на две категории с точки зрения его сейсмической надежности и долговечности. Первая категория – жилые дома без пристенных колонн – конструктивная схема с неполным каркасом (1960–1965 годы). Вторая категория – жилые дома с пристенными колоннами – конструктивная схема с полным каркасом, воспринимающим в основном вертикальные нагрузки (1965–1975 годы). По результатам паспортизации некоторые жилые дома первой категории, вероятно, будут демонтированы.

Министр строительства РФ М. Мень заявил, что об использовании опыта московской программы сноса пятиэтажек для регионов речи не идет. Главный архитектор Москвы С. Кузнецов оценил срок реализации московской программы реновации в течение 30 лет, т. е. до 2050 года. Правда, мэр Москвы С. Собянин оценил наименьший срок реализации программы реновации в 10–15 лет при условии одновременного запуска программы сноса пятиэтажек по всем районам Москвы и веерной схемы переселения. Последовательная схема реализации, по

1. В качестве обобщенной единицы измерения принят 5-этажный жилой дом на 60 квартир с общей площадью 2500 кв. м.

> Рис. 1. Пилотный проект 1. Иркутск, квартал 196, улицы Партизанская, Александра Невского, Трилиссера и 4-я Советская

> Рис.2. Пилотный проект 2. Ангарск, квартал 178

мнению мэра, может занять до 40 лет. Профессиональное сообщество Москвы (градостроители, архитектурная общественность) выступили резко против тотального сноса пятиэтажек, отметив необходимость дифференцированного подхода к проблеме. Специалисты отмечают также, что значительная часть пятиэтажных жилых домов в Москве обладает еще достаточными резервами несущей способности.

Несмотря на категорическое заявление Минстроя, шкала общественного мнения и законодательных инициатив сдвигается в сторону рамочного законопроекта на федеральном уровне. Ряд регионов уже обозначили свой интерес к программе сноса панельных пятиэтажек. В одном из интервью мэр С. Собянин высказался в том духе, что Москва, как город, имеющий максимальный по объему панельный фонд, может послужить полигоном для отработки программы реновации панельной застройки, и лет через 10 можно будет говорить о распространении московского опыта на регионы. Весь вопрос будет заключаться в несопоставимости финансовых возможностей Московского мегаполиса и региональных бюджетов. И потом это еще вопрос, согласятся ли заинтересованные регионы ждать своей очереди десять лет, в течение которых физический износ 50-летних панельных пятиэтажек превратит их в 60-летнее ветхо-аварийное жилье.

Столичные власти заявили, что программа реновации будет построена на принципах самокупаемости. Для этого будет возведен вдвое больший объем нового жилья, чем требуется для переселения жителей из хрущевок. Вложения в реновацию планируется вернуть за счет реализации избытка квартир на первичном рынке жилья. Таким образом, в рамках реновации возведут примерно вдвое больший объем жилья, чем снесут. Этот избыточный (коммерческий) объем жилья оценивается примерно в 4 млн кв. м общей площади, что соответствует годовому вводу жилья в Москве в советский период. Затраты столичного бюджета на программу реновации панельного фонда определены на ближайшие 5–6 лет в размере 100 млрд руб. (годовой бюджет Иркутской области). Вторым фактором самокупаемости послужит продажа девелопе-

рам части площадок, освободившихся в результате сноса хрущевок. Землю планируется выставить на торги.

Существует принципиальное отличие проблемы сноса пятиэтажной застройки для Москвы и для Иркутской области. И если для Москвы это вопросы политики и престижа: столица ведь реализовать программу может в безопасном режиме (при резервах несущей способности строений), то для Иркутской области, где вероятность 7-балльного землетрясения до 2050 года приближается к единице (последнее 7–8-балльное землетрясение, Култукское, произошло в 2008 году), это прежде всего вопрос обеспечения безопасности жизнедеятельности людей. Проблемы очень разные: у кого щипы пустые, у кого жемчуг мелкий!

Кроме того, треть иркутских пятиэтажек не обладает резервом несущей способности подобно московским домам, их сейсмостойкость в лучшем случае может быть оценена на уровне 6 баллов (рис. 1). Таким образом, дефицит сейсмостойкости для них составляет 2 балла. Существует также различие и в схеме реализации принципа самокупаемости. Дело в том, что экономический эффект от сейсмоусиления части жилищного фонда серии 1-335с, в виде так называемых предотвращенных убытков, реализуются лишь после сейсмических событий. Таким образом, специфика строительства в сейсмических условиях накладывает свой отпечаток и на схему финансирования программы реконструкции и сейсмоусиления панельного жилищного фонда в Байкальском регионе.

Два обстоятельства: активная деятельность москвичей по сносу пятиэтажек и безрезультативность усилий (а чаще всего просто бездеятельность и непонимание проблем) муниципальных властей по реконструкции панельного жилищного фонда серии 1-335с в Иркутске и Ангарске позволяют сделать однозначный вывод: необходимо заменить узкотехнический подход к проблеме сейсмоусиления или сноса хрущевок серии 1-335с обоснованным градостроительным подходом к реконструкции жилой застройки кварталов и микрорайонов.

При градостроительном подходе объектом комплексной реконструкции становится не отдельный дом, а жилой квартал (микрорайон), застроенный с применением жилых домов серии 1-335с, т. е. территориально

< Рис.3. Жилой дом серии 1-335с в Ангарске. Разрушение торцевой стены: расслоение стеновых панелей (слева); торцевая панель на уровне 4-го этажа (справа)

обособленный архитектурно-планировочный элемент генерального плана города. Логическим продолжением нового подхода является переход к реализации пилотных проектов на основе проектов планировки и межевания, натурных технических обследований и испытаниях, формат которых в большей степени соответствует современным финансовым реалиям по сравнению с планами тотального сноса существующего панельного фонда.

Целью территориального планирования реконструкции районов городов должно стать обеспечение градостроительными средствами роста качества жизни населения, учета интересов юридических и физических лиц при определении назначения территорий, исходя из совокупности социальных, экономических, экологических и иных факторов.

В качестве таких пилотных проектов по регенерации двух кварталов жилой застройки с применением серии 1-335с можно указать:

- для Иркутска – квартал, ограниченный улицами Партизанской, Александра Невского, Трилиссера и 4-й Советской (рис. 2); объем пилотного проекта 10 пятиэтажных жилых домов (годы застройки 1961–1963);
- для Ангарска – квартал 178 (рис. 3); объем пилотного проекта 14 пятиэтажных жилых домов (годы застройки 1960–1965).

В составе пилотных проектов предполагается застройка переменной этажности (в том числе повышенной этажности) с использованием освободившихся площадок после демонтажа жилых домов серии 1-335с первой категории. Полученные в результате демонтажа технические пригодные для дальнейшей эксплуатации сборные изделия реализуются на коммерческой основе для использования при высокоплотной малоэтажной застройке и возведении хозяйственных построек на других участках городской территории. Экономический эффект может быть достигнут, как и в столице, за счет повышения плотности застройки, что, разумеется, увеличит нагрузку на инженерную инфраструктуру и городскую транспортную сеть.

Соблюдение прав граждан при сносе жилых домов, сейсмоусиление которых признано экономически нецелесообразным с учетом остаточного срока службы зданий, должно решаться на муниципальном уровне в соответствии с действующим законодательством.

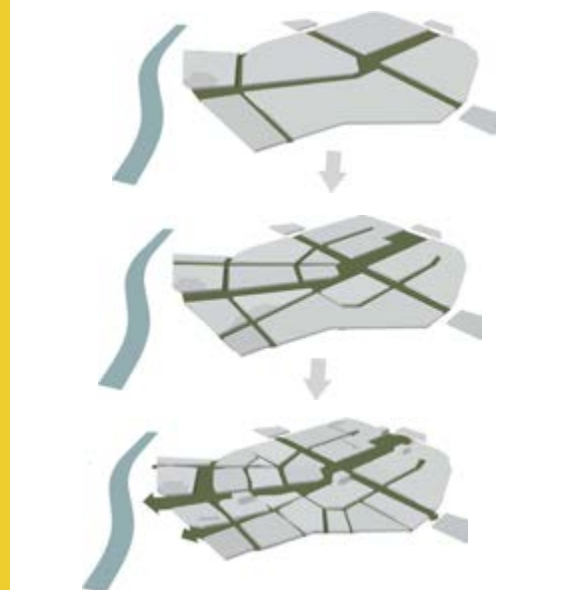
Необходимо также учитывать фактор времени. Процесс реконструкции панельного жилищного фонда растянется на годы. Еще несколько десятилетий в домах серии 1-335с будут проживать люди, подвергаясь сейсмическому риску, многократно превышающему его приемлемый уровень. В силу этого необходимо располагать информацией об остаточном ресурсе сейсмостойкости жилых домов серии 1-335с, которая может быть получена только экспериментальным путем. Для этого необходимо будет провести натурные испытания зданий, отслуживших 50-летний срок эксплуатации.

Планируемые конечные результаты реализации программных мероприятий в соответствии с предложенной концепцией сводятся к следующему:

1. Снижение сейсмического риска жилищного фонда серии 1-335с в результате реконструкции панельной застройки 1960–1970 годов до приемлемого уровня 5х10-5.
2. Формирование четкой градостроительной политики в отношении дальнейшей эксплуатации жилищного фонда серии 1-335с на основании экспериментальных данных об остаточном ресурсе жилых домов серии с точки зрения их сейсмостойкости и долговечности.
3. Включение в хозяйственный оборот городских территорий, освобожденных в результате частичного сноса жилищного фонда серии 1-335с.

В заключение следует заметить, что если Москва, как город с максимальным панельным фондом, послужит полигоном для реализации программы реновации застройки в условиях мегаполиса, то на примере Байкальского региона можно было бы отладить приемы реконструкции и сейсмоусиления панельного фонда с учетом специфики сейсмических условий строительства. Расположение девяти субъектов Сибирского федерального округа из двенадцати в Байкальской и Саяно-Алтайской сейсмических зонах определяет актуальность этой задачи.

Реновация жилого микрорайона Зильберхёэ в Галле (Германия) /

дипломный проект
автор проекта
 Екатерина Гладкова,
 студентка Института архи-
 тектуры и строительства
 ИРНИТУ
руководитель проекта
 В. В. Козлов

Первоначально реновация проводилась для объектов, имеющих историческую ценность, так как казалось нерентабельным обновление объектов, не имеющих эстетической и исторической ценности. Однако теперь проводится реновация построек 1960–1980-х годов. Сегодня это стало выгодным, потому что приходится учитывать цену сноса, вывоза мусора, расселения. Но это не только вопрос денег и экологии – это вопрос изменения культурной парадигмы, того, как личность воспринимает существующее положение вещей. Человеку свойственно желание поселиться в новом здании, как более чистом, удобном и отвечающем современным потребностям, однако сегодня все большую ценность получают такие понятия, как историческая значимость, сложившийся образ жизни, психологический комфорт.

Главной целью дипломной работы было создать жилую среду, в которой человек приобретет не просто одну из квартир, а определенное качество жизни, где зона комфорта значительно шире границ его квартиры, подъезда и даже двора.

Микрорайон Зильберхёэ находится в городе Галле, в Восточной части Германии. Во времена ГДР здесь было построено большое количество панельных жилых микрорайонов. Зильберхёэ был построен в конце 70-х для рабочих химического комбината, расположенного между

Лейпцигом и Галле. Закат предприятия пришелся на начало XXI века. Тогда же стремительно начало сокращаться население микрорайона. Город обладает зелеными массивами в акватории реки – это своеобразный зеленый диаметр города, к которому примыкает основная группа панельных микрорайонов.

Близость к воде и обширные зеленые территории – хороший потенциал для устойчивого развития района. Эти две составляющие микрорайона и были положены в основу градостроительной концепции его развития.

На первом этапе предлагается сохранить планировочную структуру и разместить базовые градообразующие функции на внешнем контуре районной кольцевой магистрали, а именно спортивный комплекс, административно-деловой, научно-образовательный и оздоровительный центры. Планируется привлечение разных социальных и возрастных групп населения.

На втором этапе предлагается усилить связь микрорайона с рекой путем создания ландшафтно-планировочных осей, соединяющих остановку скоростного трамвая с рекой, а также заложить пути к планировочным общественным центрам.

Далее происходит формирование жилых единиц и развитие общественных функций на главных планировочных осях (культурно-развлекательный центр, торговый центр, различные сервисы). На этом этапе развивается и социальная инфраструктура (две общеобразовательные школы, четыре детских сада, медицинский центр, пансионат для пожилых людей) в шаговой доступности.

Основной процент застройки нынешнего микрорайона составляет 5–6-этажная жилая панельная застройка. В настоящее время в микрорайоне насчитывается около 65 % пустующих квартир, при том что 30 % панельных жилых домов уже демонтировано. Численность населения упала с 39 тыс. жителей в 1989 году до 13 тыс. в 2016-м. В районе высокий уровень бандитизма и безработицы.

Район характеризуется такими идентификационными признаками, как монотонность; обширные неиспользуемые зеленые территории, частично полученные за счет сноса большого количества зданий; слабая функциональность – отсутствие центров притяжения; слабая инвестиционная привлекательность.

Renovation of Silberhöher Residential Neighborhood in Halle (Germany)

На современном этапе проводится реновация жилой застройки 1960–1980-х годов. В проекте предлагается создать компактные жилые единицы, интегрированные в ландшафт с повышением плотности в два раза и понижением этажности до трех-четырёх этажей, в то же время комфортной застройкой и жилой средой, выполненной на основе сочетания кварталообразующей, линейной и точечной застройки. Предлагаемое жилье разных типов в микрорайоне поможет привлечь разные социальные группы.

Панельная застройка микрорайона основывалась на базовых морфотипах: ячеистом, живописном, линейном, усадебном. Для уплотнения жилой застройки были применены новые морфотипы. Предлагается уменьшить размер базового квартала, образованного сетью улиц ортогональных внешним магистралям, для лучшей проницаемости.

Доминанты предлагается разместить на центральной оси и понизить этажность микрорайона к периферии.

Сейчас Зильберхёэ – это спальный район, необходимо же создавать целый город, насыщенный жизнью с утра до вечера. Одна из задач – не только обеспечить безопасную интересную и содержательную жизнь жителей, но и создать места приложения труда в микрорайоне. Смешанная функция и круглосуточное использование обеспечивает безопасность в районе.

Микрорайон Зильберхёэ занимает площадь в 220 га, находится в хорошей транспортной доступности от центра города (15 минут на общественном или личном транспорте) и является одним из приоритетных объектов в рамках федеральной программы реновации жилой застройки «Социальный город». Данный проект предлагает комфортную жилую среду в условиях реновации панельной застройки 60–80-х годов.

**Екатерина Гладкова, Валерий Козлов /
Ekaterina Gladkova, Valeriy Kozlov**

Программа реновации, объявленная в Москве столичным правительством, анализируется с позиций истории советской архитектуры и общества; подвергается критике с позиций несоответствия существующему законодательству, нарушения процедур признания зданий аварийными, непроработанности программы в экологическом, процедурном, социальном и других аспектах, отказа от использования опыта других стран по реконструкции пятиэтажных крупнопанельных зданий, в частности опыта Германии. Выявляется и фиксируется несоответствие российским законам проекта Федерального Закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О статусе столицы Российской Федерации"...», который призван регулировать процессы реновации жилищного фонда в Москве.

Ключевые слова: жилищная реформа; пятиэтажки; реновация; реконструкция; аварийный жилой фонд; переселение. /

The restoration program launched by the Moscow authorities is analyzed in terms of the history of Soviet architecture and society. It is criticized for its nonconformity with the current legislation, breaches of procedures of declaring buildings in disrepair, weak ecological, procedural, social and other aspects of the program, refusal to use international experience in reconstruction of five-storey buildings, in particular, the German experience. The article reveals that the Draft Federal Law, amending the Federal Law "On the status of the capital of the Russian Federation" and serving to regulate the processes of renovation of the housing stock in Moscow, does not comply with the Russian laws.

Keywords: housing reform; five-storey buildings; renovation; reconstruction; dangerous housing stock; resettlement.

Снести нельзя реконструировать / Demolition Impossible to Restore

текст
Марк Меерович /
text
Mark Meerovich

В 1954 году в Советском Союзе произошла революция. Особая революция – жилищная. Ее осуществил Н. С. Хрущев – первый секретарь Центрального комитета коммунистической партии. В ходе этой революции в СССР было построено более 400 заводов крупнопанельного домостроения и 200 с лишним полигонов, которые изготовили за десять лет (1956–1965 гг.) более 13 тысяч жилых домов. Ежегодно строилось 110 млн квадратных метров панельных домов, что в итоге в три раза подняло показатель количества жилой площади, приходившейся на одного человека, – с 5,3 кв. м в 1950 г. до 16 кв. м в 1990 году.

Но самое главное – хрущевская жилищная реформа дала возможность сотням тысяч людей перебраться из неблагоустроенных бараков, из коммуналок и подвалов, где они вынуждены были обитать совместно с совершенно посторонними людьми, в индивидуальные благоустроенные квартиры новеньких пятиэтажных панельных домов. Пусть без лифтов и мусоропроводов, с крошечными кухнями, совмещенными санузлами... но переезд в них был колоссальным достижением! Это было подлинным счастьем для всех тех, кому хрущевская реформа вернула право распоряжаться недвижимостью, которой они были лишены первыми же послереволюционными декретами.

Хрущевская реформа проходила под социально-демократическими лозунгами обеспечения достойного образа жизни для основной массы населения страны. На фоне советской идеологической пропаганды, когда говорилось – одно, думалось – другое, а делалось – третье, она привнесла в повседневную жизнь населения страны, в само мироощущение людей огромной силы позитивный эффект, продемонстрировав, что у власти слова не расходятся с делом, что правительство не только с высоких трибун заверяет граждан страны о своей заботе о них, но и воплощает свои слова практически.

Сегодня, как и в советский период, на поверхность публичных заявлений выносятся заверения в заботе о населении, о благе рядового гражданина, обещания улучшить жилищные условия более чем полутора миллионам москвичей. Однако эти лозунги не подтверждены и не обеспечены никакими законодательными гарантиями. А подлинный мотив, заключается совершенно в ином – в спасении московского строительного комплекса и,

одновременно, кредитовавших его банков. Сегодняшняя проблема московского стройкомплекса заключается в огромных объемах построенного, но не распроданного жилья («строительного неликвида») – по разным оценкам составляющего около 7 млн квадратных метров [1]. А у банков, кредитовавших стройкомплекс – в серьезном, из-за этого, замедлении оборотов.

В случае принятия и реализации программы тотального сноса кварталов с пятиэтажками, стагнирующая строительная отрасль получит гигантский муниципальный и, одновременно, коммерческий заказ (поскольку новое строительство на месте снесенных пятиэтажек будет осуществляться за деньги дольщиков – будущих жителей застраиваемых зон так называемой «реновации»). Он не только позволит активизироваться, собственно, строительным компаниям и даст работу и средства к существованию почти 1,5 миллионам членов семей московских строителей, но еще и 6 «смежникам» на каждого строителя, прямо или косвенно связанных с этой сферой деятельности. Именно поэтому сносу и застраивать мэрия стремится не отдельными зданиями, действительно находящимися в аварийном состоянии, а целыми кварталами, какие бы сооружения и в каком бы состоянии в эту зону не попадали. И это притом, что даже в Москве, несмотря на ее благополучное, в сравнении с другими городами, состояние жилого фонда, до сих пор существуют и коммуналки, и совершенно непригодных для проживания дома, не попавшие в предварительный список программы реновации из-за своего точечного расположения, и очередники, состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий более четверти века.

Главный довод сторонников сноса, фальшиво именуемого «реновацией», состоит в том, что хрущевки безнадежно устарели, как морально, так и физически.

Под моральным износом понимается несоответствие планировок квартир массовой панельной застройки первого периода индустриального домостроения потребностям современной семьи. Это, действительно так, если рассматривать обитание в хрущевках через призму советской формулы заселения: $N=K+1$ (где N – количество жильцов; K – количество комнат в квартире). Согласно этой формуле, количество проживавших расчетно всегда было больше на одного человека количества комнат в

^ Рис. 1. Динамика изменения количества жилой площади, приходящейся на городского жителя в СССР. Источник: Количество жилой площади на городского жителя РСФСР (<http://kryaker.dwg.ru/wp-content/uploads/2011/12/0009410g.png>)

квартире. То есть, в однокомнатную квартиру – вселяли семью из двоих человек, в двухкомнатную квартиру – троих, в четырехкомнатную – семью из пятерых или даже шестерых человек, если дети были однополые. При повсеместном наличии в планировках первых серий проходной комнаты, это означало, что один из членов семьи обязательно обитал в общей комнате за шкафом или на диване. Безусловно, современному человеку подобное существование представляется некомфортным.

Но если взглянуть на это хотя бы через принципы заселения социального жилья в Германии, то картина кардинально изменится. «Однокомнатная» квартира, по нормативным представлениям германского законодательства – это квартира с одной спальней. При этом, гостиная (вне зависимости от того проходная она или нет), кабинет или хозяйственное помещение (кладовая), даже если оно с окном, жилыми комнатами не считаются. Таким образом, если смотреть на заселение хрущевок через эти нормативы, то в двухкомнатной квартире должен обитать один человек, в трехкомнатной – два и т. д. Под таким углом зрения, обитание даже в хрущевках любому россиянину покажется вполне комфортным.

Но предлагаемая московским правительством «реновация» не приводит к изменению показателей обеспеченности населения жилой площадью. Все разговоры о некомфортности стесненного обитания в хрущевках и улучшении жилищных условий переселенцам – не более чем демагогическая уловка, поскольку семьи, перемещаемые из сносимого жилья, получают в новостройках ровно столько же метров жилой площади, сколько у них было.

Власти не скрывают того факта, что количество квадратных метров жилой площади, которые рядовой москвич получит вместо снесенной квартиры в пятиэтажке, не увеличится [2]. Ни на метр! Возможно, увеличится лишь площадь подсобных помещений – кухни, прихожей, встроенных шкафов (если таковые будут) и проч.

Но в этих условиях новоселы тут же обретут серьезные неудобства, так как планировка хрущевок – это «нарезка» мелких комнат с крохотной кухней (5,5 7 кв. м) – хоть в какой-то степени обеспечивала распределение многочисленных обитателей квартиры по отдельным комнатам. Но, в отличие от хрущевок, в новостройках комнаты далеко не крохотные. На них и падет эквивалент квадратных метров

жилой площади. А потом кому-то из новоселов придется ночевать уже не к гостиной, как в хрущевке, а на кухне или в прихожей, потому что заверения властей о том, что новые квартиры будут иметь такое же количество комнат, что и старые [2] – невыполнимо. При условии предоставления жилья «метр за метр», переселяемым придется въезжать в те квартиры, которые им дадут – с той же суммарной жилой площадью. Обещание, записанное в проекте Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О статусе столицы Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей реновации жилищного фонда в столице Российской Федерации – городе федерального значения Москве» [3] о том, что количество комнат, которые получит переселенец, будет соответствовать количеству комнат в его старой квартире (если оно будет выполнено), приведет к тому, что московским властям придется специально проектировать и строить новостройки с практически точно такими же планировками, что и в сносимых хрущевках.

Под физическим износом в современных понятиях понимается: а) износ несущих и ограждающих конструкций, б) износ внутреннего оборудования, коммуникаций и отделки (полов, стен во влажных помещениях), изредка – отсутствие спецоборудования (лифтов, кондиционеров в квартирах и проч.). Но при определении степени физического износа вопрос не может решаться «огоульно» – по отношению ко всей территории так называемой «зоны реновации», как это предлагается делать сейчас. Далеко не все здания здесь являются «ветхими» или «авариными», поскольку в этих зонах расположены и сталинки, и даже пятиэтажки «несносимых» серий первого периода индустриального домостроения, названные так потому, что их снос был остановлен в 1999 году. Правительством Москвы [4]. Это: а) крупнопанельная (515), б) крупноблочная (510), в) кирпичные (511, 1-447). Но именно они и подпадают сегодня под тотальное уничтожение. А кроме того, в списках сноса огульно оказываются и многие другие: а) крупнопанельные дома серий I-515, 1605AM, 1МГ-300, К-7, II-32, II-35, б) дома с неполным каркасом серии I-335, которые, в отличие от иркутских, не имеют газозолотонбетонных панелей и при отсутствии иркутской расчетной сейсмичности находятся вполне в благополуч-

ном состоянии, в) дома с кирпичными несущими стенами I-513, II-34 серий и др. Далеко не все они являются ветхими или аварийными.

И далеко не все их жильцы умоляют о расселении и переезде в новостройку [5]. И их позиция защищена Конституцией РФ (ч. 3 ст. 55): принудительно переселить человека или снести его жилище можно только, если это необходимо в целях: 1) защиты основ конституционного строя, 2) нравственности, 3) здоровья, 4) прав и законных интересов других лиц, 5) обеспечения обороны страны и безопасности государства. Снос перечисленных выше многоквартирных жилых домов, многие из которых не являются ни аварийными, ни ветхими, этим положениям не соответствует.

Если у основной массы пятиэтажек сносимых серий ресурс выработан на 60 %, то у несносимых серий – лишь на 20%. В этих домах есть возможность убрать часть внутренних поперечных стен, расстояние между этими стенами от 8,4 до 9,6 м позволяет можно увеличить кухню или комнату, объединить квартиры, сделать любую перепланировку. Эти дома смогут физически простоять еще 100 лет. Более того, многие из несносимых пятиэтажек обладают запасом прочности и несущей способностью, достаточным даже для того, чтобы увеличить их этажность на 1–2 этажа, причем, без усиления существующих конструкций стен и фундаментов. Кстати, прирост общей площади в этом случае, может достигать 30 %, а жильцы дома получают приоритетное право приобрести по льготной цене дополнительные квадратные метры жилой площади.

Что же касается внутридомовых коммуникаций, оборудования, то и оно далеко не всегда находится в аварийном состоянии и часто без гигантских капложений может быть заменено новым. Тем более, что Фонд капитального ремонта уже длительное время собирает средства, в том числе и с жителей хрущевки, для осуществления именно такого рода работ. Причем, вполне возможно проводить работы по капитальному ремонту дома без отселения жильцов. Если подобное повсеместно осуществляется в Германии, где в массовом порядке ведется кардинальная реконструкция и реновация жилого фонда 1960–1990-х годов без отселения жильцов, то и у нас организовать этот процесс вполне возможно [6]. Нужно лишь проявить административную волю и приложить определенные организационно-управленческие усилия к достижению нормального уровня производственной культуры и обеспечению дисциплины исполнителей работ.

Подобное решение является куда более экономически целесообразным, нежели снос, так как стоимость жилой площади, наращиваемой в результате надстройки или пристройки объемов при реконструкции, оказывается на 20–40 % ниже [7], чем при новом строительстве.

Следует особо подчеркнуть, что комплексного технико-экономического обследования хрущевки не было осуществлено. Хотя именно оно – независимое и верифицируемое профессиональное заключение, а не принудительное распоряжение властей или мнение какой-то части жителей – должно является основанием для принятия подобных решений. Для обеспечения объективности необходимо иметь конкретные результаты обследования каждого здания и очевидные, внятные, доказуемые технические заключения по каждому из домостроений. А также сравнение различных вариантов действий, чтобы определить, что выгоднее – сносить или все же реконструировать.

Подобные дома, строились во многих странах Европы и их практически нигде не сносили – их реконструировали. В частности, в Восточной Германии по специальным программам комплексной реконструкции, они получали новую жизнь. Этажность домов снижалась, к кухням отдельными конструктивными блоками пристраивались большие лоджии, участки перед домами передавались

жильцам первых этажей в частное пользование [8, 9]... Есть примеры реконструкции пятиэтажек и в России: к дому с внешней стороны пристраивается лифт, расширяются кухни и проч.

Градостроительная и земельная политика сегодняшних московских властей, как впрочем, и городских властей подавляющего большинства муниципальных образований страны, следует интересам крупных застройщиков, а не населения. В результате этого в генпланах городов, целые районы одноэтажной застройки теряют свою категорию и перекрашиваются в зону многоэтажной, тут же становясь материалом для их законосообразного планомерного сноса, дачные кооперативы «накрываются» измененными границами природоохранных зон, гаражные – ликвидируются, а зоны хрущевки объявляются главной проблемой, с которой нужно незамедлительно начинать бороться также лишь одним способом – за счет их тотального сноса... Да, осуществляя ковровый снос на десятки гектаров, строить дешевле! Но может быть, нужно принимать крупные муниципальные и государственные решения не только на основе одной лишь экономики...

Власть уже апробировала осуществление «больших» проектов как «драйверов роста» в которых выгодополучателем оказывались те, кому было дозволено освоить процедуру перевода средств из государственного бюджета в собственный карман. Московский десятилетний проект сноса всего подряд на территориях, частично занятых пятиэтажками-хрущевками, также имеет конкретных заинтересованных – крупных столичных застройщиков. Именно они получают наибольшие преференции, потому что у них:

- 1) сначала будет выкуплен плохо продаваемый или вообще «непродаваемый» фонд возведенного и стоящего сегодня нераспроданным жилья (в размере около 7 млн. квадратных метров) под «маневровый» фонд для переселения;
- 2) потом застройщики получают возможность поточно-конвейерно сносить старые дома десятками кварталов;
- 3) затем крупные строительные компании станут возводить новое жилье... И все это – за бюджетные деньги в размере предварительно заявленных 3,5 трлн рублей;
- 4) плюс стройкомплекс получит прибыль от продажи того жилья, которое будет возведено на месте снесенных пятиэтажек в объеме, минимум в три раза превосходящем снесенное (для того чтобы якобы окупить расходы по сносу).

И еще следствие – у переселяемого населения резко повышается мотивация к ипотечному кредитованию для приобретения дополнительных квадратных метров жилья, что также «взбодрит» экономические процессы.

Улучшать условия жизни для населения, а не заниматься реанимацией стройкомплекса

Профессиональная точка зрения на эту ситуацию заключается в том, чтобы до принятия каких-либо решений, осуществить мыслительную проверку их правильности. Тем стандартным способом, который законодательно предписан для всей страны Градостроительным кодексом – корректировкой генерального плана, разработкой проектов планировки и застройки, расчета численности населения жилых комплексах, которые будут построены на месте пятиэтажек, потребности в объемах обслуживающей инфраструктуры, разработкой ПЗЗ.

Необходимо осуществить расчеты будущей транспортной, инфраструктурной, эксплуатационной и прочих нагрузок на территорию, определить конкретные границы и будущую плотность застройки, этажность, количество и качество объектов обслуживания, принципы их размещения, характер подземной урбанистики. Главное – оценить экономическую выгоду от того или иного подхода в целях качественного улучшения «реновируемых» фрагментов существующей городской среды.

На бумаге сделать это тысячекратно дешевле, чем нащупывать верные решения методом проб и ошибок.

Сегодня в Москве плотность застройки выше, чем в западных столицах. Сравнительный анализ распределения населения показывает, что в Москве на сам город приходится 80–85 процентов населения, а на пригород – 15–20, это так называемое центростремительное развитие. В развитых странах Запада тенденция прямо противоположная – города развиваются центробежно. Если плотность населения в Москве в пределах МКАДа 13 тысяч человек на гектар, то в Берлине этот показатель 4,5 тысячи, в Лондоне – 5 тысяч, в Риме – 2,3 тысячи.

По заключениям специалистов, человеку лучше жить не выше дерева, то есть не выше 8–9-го этажа. Есть данные, к примеру, по росту числа нервных заболеваний: они находятся в прямой зависимости от того, на каком этаже живет человек: чем выше, тем хуже. Более того, чем выше этаж, тем у жильцов больше проблем с перепадами давления, микровибрациями от ветра и проч. Российские врачи в какой-то момент стали изучать эту связку этажности и здоровья, но затем такие исследования свернули. Прибавьте к этому уязвимость высотных зданий в случае ЧП: при возгорании на лестницах сразу же возникнет давка, а пожарные лестницы достают далеко не до каждого из этажей. Словом, для гостиницы или офиса небоскребы подходят, но жилыми их лучше не делать. Весь западный мир сегодня идет по пути малоэтажного строительства, и только в России, напротив, повышают этажность.

Проблемы размещения новой застройки в Москве заключаются еще и в том, что господствующие ветра дуют на Москву с юго-запада, но сегодня территория застраивается именно в этом направлении, уничтожая новой высотной застройкой зеленый защитный пояс столицы. В результате аэрация и юго-западной части города, и, как следствие, центра блокируется – меньше воздуха, меньше зелени, смог, заболевания...

Легализация нового предела собственности на недвижимость

Хрущевская жилищная реформа превратила две трети населения страны из временных постояльцев ведомственного жилища в постоянных обитателей собственного жилища. Московская программа сноса пятиэтажек сгоняет людей с обжитых мест. Проект закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей реновации жилищного фонда в столице Российской Федерации – городе федерального значения Москве» попирает законы РФ.

Так, например, решение о включении дома в программу реновации с последующим сносом, которое может быть принято двумя третями от общего количества собственников (наимателей) помещений в жилом доме, грубо нарушает право частной собственности остальной трети обитателей дома, не согласных с отчуждением своего имущества и переездом в другой жилой дом. То, что будет происходить с ними далее, должно быть квалифицировано как «принуждение к переселению», что законодательно недопустимо.

Согласно закону, проект планировки и застройки, который будет разработан девелопером для «зоны реновации», может не соответствовать нормативно-законодательным требованиям Российской Федерации [3]. Для всех без исключения застройщиков и органов власти на территории России предписания технических регламентов и различных правил (санитарно-эпидемиологических, пожарной и иной безопасности) должны неукоснительно выполняться, а для тех, кто получит лакомый кусочек территории Москвы под застройку – нет: «...если для подготовки документации по планировке территории и проектной документации... требуется отступление от этих

требований...», то «...по решению уполномоченного органа исполнительной власти города Москвы допускается выдача специальных технических условий...» [3].

В результате застройщик может даже не следовать требованиям «земельного законодательства Российской Федерации требований» [3]: «для выдачи разрешения на строительство объекта капитального строительства... предоставление правоустанавливающих документов на земельный участок... не требуется». Это значит, что распоряжаться землей под домами и квартирами московская власть может абсолютно произвольно. То есть обитатели панельных домов, ничего не подозревая, могут однажды проснувшись, обнаружить, что земля, на которой стоит их дом, своевольно передана городскими властями кому-угодно и непонятно по какому принципу, так как в законе этот процесс не прописан. Более того, строить на этом месте также можно будет что угодно – то, что возжелает застройщик, или то, что «настоятельно порекомендуют» ему из мэрии. Поскольку, согласно проекту закона, то, что будет возведено на этом месте, имеет право не соответствовать ранее разработанному, публично обсужденному и официально принятому генплану: «В целях реализации решений о реновации подготовка документации по планировке территории осуществляется без учета ранее утвержденной документации по планировке территории» [3].

Закон отменяет все регулятивы российского законодательства в отношении а) жилищных прав граждан, б) градостроительных и земельных отношений, в) отношений, связанных с государственным кадастровым учетом объектов недвижимого имущества, г) государственной регистрацией прав на объекты недвижимого имущества и сделок с ними, д) технического регулирования в сфере строительства и проч. – отменяются. С момента принятия данного закона, они будут определяться исключительно самим законом¹.

Закон, обеспечивающий программу тотального сноса кварталов пятиэтажек, маскировочно прикрытый романтическим термином «реновация»,² – это закон, принудительно лишаящий людей их законных прав на недвижимость. Принудительного, потому что житель теряет свою недвижимость из-за того, власть так решила. Или потому что некоторое количество его соседей проголосовало «за» снос и переселение (или проголосовало «против», но результаты голосования были подделаны тем же самым проверенным и до автоматизма отлаженным способом, с помощью которого подделываются результаты выборов).

Причем свое право оспаривать этот произвол в законном порядке – через суд – гражданин может использовать вместе с семьей на улице его несогласие не отменяет: «Оспаривание в суде актов... об освобождении указанного жилого помещения его собственником, о прекращении права собственности на жилое помещение... не является препятствием для... принятия судом решения о понуждении к заключению договора о переходе права собственности на жилое помещение, об освобождении указанного жилого помещения его собственником, о прекращении права собственности на жилое помещение...». Данное положение дает прямую возможность создаваемому органу – «Фонду содействия реновации жилищного фонда в городе Москве», как новому «субъекту» перешедшего ему права распоряжения землей и недвижимостью обращаться в суд о вынесении решения о «понуждении» несогласных [3]. И пусть потом граждане с семьями – после того, как их дом снесут, так как их несогласие этого процесса не остановит – продолжают оспаривать решение суда в том же самом суде (?!), обитая при этом на вокзалах или прямо в поле в палатках (если им это позволит полиция).

Сложно даже просчитать насколько широкий простор несет данный Закон для практического использования его в качестве основания для различного рода злоупотребле-

1. «Особенности регулирования на территории города Москвы градостроительных и земельных отношений, жилищных прав граждан, связанных с государственным кадастровым учетом объектов недвижимого имущества и государственной регистрацией прав на объекты недвижимого имущества и сделок с ними, технического регулирования в сфере строительства в целях реновации жилищного фонда в городе Москве (далее также – реновация), а также информационного взаимодействия при предоставлении государственных и муниципальных услуг и исполнении государственных и муниципальных функций устанавливаются настоящим Законом, отдельными федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними законами и иными нормативными правовыми актами города Москвы» [3].

2. Никаких разъяснений содержания состава практических работ, стоящих за этим термином, кроме сноса и нового строительства, в проекте закона не приведено.

ний. Одно лишь освобождение Фонда от обязанностей налогоплательщика по налогу на прибыль организаций и налогу на добавленную стоимость (а кто их будет платить?), а также освобождение учредителей Фонда от ответственности по его обязательствам (а кто будет отвечать?) в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения фондом своих обязательств по договорам участия в долевом строительстве многоквартирных домов, задает широчайшие возможности для различного рода отклонений от правовых основ. Даже те допустимые Законом последствия, которые лежат на поверхности, подталкивают к постановке очевидного вопроса: с какими целями этот явно недоработанный, зияющий пробелами Закон так мощно и стремительно продавливается, чтобы регулировать предотвращать коррупцию или наоборот?

Московская программа сноса пятиэтажек является крупнейшим за последние десятилетия переделом собственности на недвижимость в границах городской территории. Причем в общегосударственном масштабе, потому что вслед за Москвой все то же самое произойдет в провинциальных городах, где стройкомплекс находится в еще более удручающем положении и где во власти тоже есть немало желающих переформатировать в своих интересах использование городских земель в результате внеконституционного принудительного массового изъятия квадратных метров жилья у населения.

Очевидны лишь благоприятные последствия для состояния муниципальных бюджетов в условиях кризиса, о котором мы предпочитаем помалкивать. Они заключаются в том, что земля под домами, которая в Москве в массе своей находится в муниципальной собственности и в отношении которой городские власти сегодня несут законодательную ответственность поддержания ее в нормальном состоянии (обязанности инженерного оборудования, финансовое бремя хозяйственного содержания и проч.), будет после осуществления «реновации» оформлена в долевую собственность ТОСов, сформированных в новострое на месте снесенных домов. А это позволит переложить бремя финансового обеспечения содержания территории уже на самих жильцов. И приведет, кстати, к многократному увеличению величины налогов на землю.

Социальная несправедливость сегодняшней ситуации в том, что в очередной раз в стране реализуется принцип социального неравенства в отношении перераспределения жилого фонда: у прежних обитателей районов, ставших почти центральными по отношению к прочей территории города и поэтому чрезвычайно привлекательными, отнимают места их привычного многолетнего существования, которые будут заняты новыми владельцами построенной на этом месте элитной недвижимости. Рядовому москвичу, проживающему в зоне сноса, имеющей «зону реновации», решение о массовом сносе пятиэтажек не несет ничего, кроме крайнего раздражения от факта незаконного изъятия прав собственности, а основными выгодополучателями от нынешней компании по сносу пятиэтажек станут новые владельцы элитной недвижимости, возникшей на месте пятиэтажек, строительные бонзы и лица, приближенные к процессам передела собственности на недвижимость.

«Реновировать» – значит реконструировать или капитально ремонтировать, а не сносить

До любого решения о сносе, реконструкции или капитальном ремонте необходимо адресно – в каждом доме – обследовать состояние основных несущих конструкций: фундамента, стены, перекрытий, и коммуникаций. А далее экономическими расчетами, которые следует выкладывать в открытый доступ, чтобы широкая общественность с участием различного рода экспертов могла осуществить проверку их правильности, обосновывать тот или иной подход к улучшению качества: а) менять коммуникации, б) заменять балконы на лоджии (одновременно, снима-

ющие часть нагрузки с существующих стен и фундаментов, если это необходимо), в) надстраивать 1–3 этажа и добавлять лифт, г) или, наоборот, разбирать 1–2 этажа и повышать качество домостроения без лифта, д) облицовывать фасады с целью повышения теплоэффективности, е) осуществлять сонацию или реконструкцию, ж) менять планировочные решения квартир, з) добавлять мусоропровод, консьержку и все остальные атрибуты современного жилья или нет...

Решать, что конкретно нужно сделать для улучшения качества домостроений, без выселения (даже временно) должны сами жильцы. Стопроцентным собранием собственников, как это предусмотрено Жилищным кодексом. В пятиэтажной застройке середины 1950-х – конца 1960-х годов при решении вопросов ее адресной реконструкции, повышения теплоэффективности зданий, улучшения потребительских качеств и проведении иных мероприятий, улучшающих состояние домостроений, можно комфортно существовать еще долгие годы. А если и сносить здания, то при обеспечении надежных законодательных гарантий обретения переселяемыми действительно кардинально лучшего качества жилой среды в результате нового строительства на этом месте действительно инновационного типа застройки – с комплексным обслуживанием, с использованием всего спектра передовых технологических решений мирового уровня по устройству инженерных и транспортных коммуникаций, со спортивными сооружениями, с озелененными фасадами и кровлями-садами, с развитым подземным пространством.

Совершенно непродуманными и нерешенными остаются вопросы экологии. По ориентировочным подсчетам после сноса 4,5 тысяч домов, обреченных на это программой «реновации», образуется 11 с половиной миллионов кубических метров строительного мусора³. Программа реновации не отвечает на простой вопрос: куда девать эти миллионы кубометров строительного мусора? У нас что, уже возведены заводы, способные переработать такие объемы в новые строительные материалы с улучшенными свойствами? Проверены технологии утилизации, апробированы, демонстрируют высокие экономические показатели? Или о таких очевидных вещах никто не подумал? Где результаты экологической экспертизы программы под которую продавливается новый закон?

В условиях и без того непростой экологической ситуации старательное замалчивание этого аспекта планов тотального сноса вызывает крайнюю обеспокоенность!

Управлять не через принуждение, а в результате соучастия

Для осуществления всего комплекса работ по «реновации», создается специальный административный орган – монополярная госкорпорация, которая в проекте закона именуется Фондом содействия реновации жилищного фонда в городе Москве. Фонд концентрирует в себе все мыслимые и немыслимые функции: заказчика, генподрядчика, проектировщика, риелтора... вершителя судеб. Он своевольно принимает решение о выводе из эксплуатации многоквартирного дома, сам решает, куда переселить прежних жильцов, направляет им письменное уведомление, своевольно перенимает права собственности на недвижимость и право распоряжения земельным участком, самостоятельно определяет меру отступления от нормативных требований – выдает сам себе специальные технические условия, далее без оформления правоустанавливающих документов на земельный участок выдает разрешение на строительство и сам начинает вести это строительство, обладая правом выступать застройщиком и привлекать денежные средства будущих новоселов нового многоквартирного дома – граждан или юридических лиц – для строительства [3].

Первыми же декретами, сразу после прихода к власти, большевики обеспечили законодательные условия для формирования своей организационно-управленческой

3. Как рассчитывается объем вывозимого «лома»-мусора при сносе зданий, см.: <http://forum.dwg.ru/showthread.php?t=97291>; http://www.stroymir.com.ua/index.php?page=article_det&id=25; <http://www.rbc.ru/society/02/05/2017/5908a6a49a7947f7061a5a9e>

4. 12 января 1918 года была принята декларация «О правах трудящегося и эксплуатируемого народа»: «В осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования» [10, с. 29].

5. 27 января 1918 года был принят декрет ВЦИК «О социализации земли»: «Всякая собственность на землю ... отменяется навсегда. Земля без всякого выкупа отныне переходит в пользование всего трудового народа» [10, с. 33].

политики. 26 октября 1917 года II Всероссийский Съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял декрет «О земле», согласно которому «право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть не продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждается. Вся земля: государственная, удельная, кабинетная, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная, крестьянская и т. д. – отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней» [10]. 12⁴ и 27⁵ января 1918 года выходят еще два постановления, которые фактически повторяют это важнейшее положение: земля перестает быть предметом купли-продажи, становясь предметом исключительно государственного владения и распоряжения.

Еще два декрета конца 1917 года также задали законодательные основания передела прав собственности на жилище. Первый, принятый СНК в виде проекта декрет «Об отмене прав частной собственности на недвижимость в городах» опубликован в Газете Временного рабочего и крестьянского правительства 25 ноября (9 декабря) 1917 года. Окончательно утвержденный 20 августа 1918 года, декрет отменял право частной собственности на все без исключения участки, как застроенные, так и незастроенные, принадлежащие частным лицам и промышленным предприятиям, ведомствам и учреждениям, находящимся в пределах всех городских территорий, а также предписывал: «в городах с населением свыше 10 тыс. отменяется право частной собственности на все строения» [11, с. 113]; «бывшие собственники недвижимости уравниваются во всех отношениях с прочими нанимателями» [Там же]; «все права и обязанности, связанные с владением недвижимостями и управлением ими... с момента перехода недвижимости в распоряжение органов местной власти переходят к таковым органам ...» [11, с. 114]; «органам местной власти предоставляется право с разрешения центральной государственной власти делать постановления о распространении действия настоящего декрета также на поселения, имеющие менее 10 тыс. жителей» [Там же].

Второй – декрет СНК от 14 декабря 1917 г. «О запрете сделок с недвижимостью» предписывал приостановить с 18 декабря 1917 г., в виду предстоящего обобществления городской земли, какие бы то ни было сделки по продаже, покупке, залогоу и т.п. всех недвижимостей и земель в городах. Советам рабочих и солдатских депутатов предписывалось установить наблюдение за исполнением данного постановления и подвергать лиц, продолжающих продажу и покупку недвижимых имуществ, денежным взысканиям вплоть до конфискации имущества [11, с. 152].

Этими действиями советская власть сознательно и целенаправленно превратила крышу над головой в средство принуждения к труду и послушанию под угрозой выселения из жилья, переданного теперь в ведомственно-государственную форму владения.

Ведомственное жилище обеспечивало крышей над головой лишь трудящихся. Причем предоставлялось оно только во временное пользование – на период работы на данном предприятии: поступил на работу – получи место в общем или семейном общежитии, уволился – освободи жилплощадь. Человек попадал в тотальную зависимость от власти, потому что в условиях России, где под пальмой не переживешь, жилье играло ключевую роль. А строить его самостоятельно было практически запрещено («нахаловки» не в счет). Именно поэтому автономный дом на своем клочке земли был так ненавистен большеверемистой власти: она не умела управлять рассредоточенными массами и лишалась способности принуждать к труду и требуемому образу жизни граждан, которые могли хоть как-то перебиться без работы, питаясь с собственного огорода и выращивая собственную домашнюю скотину.

Жилище в руках власти оказалось мощнейшим средством манипулирования людьми, так как теперь поучить его можно было только по месту труда – от администрации фабрики, завода или советского учреждения. При увольнении – за прогулы, лютотрясничество, пьянки, нарушения трудовой дисциплины и проч. человек выселялся из ведомственного жилища (общежития, коммунальной квартиры, барака) и обязан был освободить жилплощадь. Страх потерять крышу над головой заставлял людей мало-мальски продуктивно трудиться.

В 1933 году эта исправно функционирующая модель была дополнена еще одной «функцией» – борьбы с любым инакомыслием и даже словесным противодействием власти: несогласием с политикой партии и правительства, критикой некомпетентного руководства, возмущением качеством жизни и проч. Так, в законодательстве, кроме конкретного понятия «прогульщик», появляется еще один совершенно расплывчатый адресат, подлежащий увольнению – «злостный дезорганизатор производства». За счет этого нечеткого и неконкретного определения под действие постановления подводятся не только те, кто плохо трудится и, в частности, пропускает работу без уважительных причин, но и те, кто, возможно, даже очень хорошо и старательно работает, но чем-то недоволен, открыто и громко это недовольство высказывает и в итоге своими действиями, словами или иными проявлениями характера и мысли приводит, по мнению администрации, к противостоянию ей. Эти лица теперь вполне законно могут быть названы «дезорганизаторами» производственной деятельности (а при повторяющихся проступках – «злостными дезорганизаторами») и на вполне законном основании уволены и выселены прямо на улицу «немедленно по их увольнении» [12].

Сегодня в результате принятия Закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О статусе столицы Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей реновации жилищного фонда в столице Российской Федерации – городе федерального значения Москве» власть получает право произвольно выселять людей из любого принадлежащего им жилья в любом месте города. Никакое свидетельство о праве собственности теперь не будет играть роли. Потому что отнять собственность по этому закону можно будет без решения суда – по результатам голосования соседей или распоряжением местной управы, назначившим дом под «реновацию».

в Снос пятиэтажек в Москве.
Источник: Сухов О. 3 главных мифа о сносе пятиэтажек: взгляд юриста. URL.: <http://www.vao-mos.info/wp-content/uploads/2017/06/renovatsiya.jpg>

> Далеко не все пятиэтажки находятся в аварийном состоянии ....

Источник: Что такое «ресиновация» URL: https://newizv.ru/article/general/19-05-2017/chtotakoe-resinovatsiya?ind=1&page=1&show_dt=1

Каких внутренних угроз боятся современные московские власти, возвращая сталинские механизмы руководства людьми через страх потерять крышу над головой? Зачем у граждан отнимается право собственности на землю и недвижимость? Зачем целенаправленно миллионы их превращаются в послушных исполнителей любых распоряжений свыше из-за угрозы остаться без крова?

Механизм, не менее мощный, чем в сталинскую эпоху, формируется на наших глазах и при нашем молчаливом непротивлении.

Литература

1. Закон примут: Шульман, Буанов и Ревзин в большом разговоре о реновации. – <https://daily.afisha.ru/cities/5813-renovaciya-shulman-revzin-baunov/> (дата обращения 01.06.2017)
2. Мы вместе сделаем шаг вперед. Стартует программа снова пятиэтажек // *Вечерняя Москва*. – 2017. – № 58 (27608). – С. 5.
3. Проект Федерального Закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О статусе столицы Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей реновации жилищного фонда в столице Российской Федерации - городе федерального значения Москве». – <https://rg.ru/2017/03/10/proekt-fz-moscow-dok.html> (дата обращения 01.06.2017)
4. Постановления Правительства Москвы от 6 июля 1999 г. № 608 (с изменениями на 1 ноября 2005 года № 860-ПП) «О задачах комплексной реконструкции районов пятиэтажной застройки первого периода индустриального домостроения до 2010 г.»
5. Здесь у меня появилась кошка и кончилось детство // *Новая газета*. – 2017. – № 34.
6. Меерович М., Малко А., Козлов В., Козлова Л., Гладкова Е. Реновация панельной застройки 1960–1980 годов в Германии // *Изв. вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. – 2017. – № 1 (20). – С. 111–119.
7. Государственный комитет Российской Федерации по жилищной и строительной политике. Подпрограмма «Реконструкция жилых домов первых массовых серий» Государственной целевой программы «Жилище». – М., 1995. – 54 с.
8. Меерович М., Малко А., Козлов В., Козлова Л., Гладкова Е. Опыт реновации панельной застройки 1960–1980 годов в Германии // *Проект Байкал*. – 2017. – № 51. – С. 154–161.
9. Меерович М., Францева Ю. Проблемы комплексной регенерации жилой среды районов крупнопанельной застройки. Возможность адаптации германского опыта к социально-экономическим и правовым условиям стран СНГ // *Изв. вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. 2017. – № 1, Т. 7. – С. 120–130.

10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1967. – Т. 1. – С. 15

11. СУ РСФСР. – 1918. – № 62. – Ст. 674. – С. 113.

12. СЗ СССР. – 1935. – № 59. – Ст. 483.

References

Code of Justice of the RSFSR. (1918), No 16, art. 674, p. 113.

Collection of Laws of the USSR. (1935). No 59, art. 483.

Draft Federal Law amending the Law of the Russian Federation "On the status of the capital of the Russian Federation" and other legislative instruments of the Russian Federation for definition of peculiarities of renovation of the housing stock in the capital of the Russian Federation, the city of federal significance Moscow. Retrieved June 1, 2017 from <https://rg.ru/2017/03/10/proekt-fz-moscow-dok.html>

Gosudarstvennyi komitet Rossiiskoi Federatsii po zhilishchnoi i stroitelnoi politike. Podprogramma "Rekonstruktsiya zhilykh domov pervykh massovykh serii" Gosudarstvennoi televoi programmy "Zhilishche" [The State Committee of the Russian Federation on housing and building policy. Subprogram "Reconstruction of houses of the first mass series" of the State special-purpose program "Dwelling"] (1995). Moscow.

Meerovich, M., Malko, A., Kozlov, V., Kozlova, L. & Gladkova, E. (2017a). Renovation of the Panel House-Building of the 1960-1980s in Germany. *Project Baikal*, 14(51), 154-161.

Meerovich, M., Malko, A., Kozlov, V., Kozlova, L. & Gladkova, E. (2017b). Renovatsii panelnoi zastroyki 1960-1980 godov v Germanii [Renovation of the panel house-building of the 1960-1980s in Germany]. *Izv. Vuzov. Investitsii. Stroitelstvo. Nedvizhimost*, 1(20), 111-119.

Meerovich, M., & Frantseva, Yu. (2017). Problemy kompleksnoi regeneratsii zhiloi sredy raionov krupnopanelnoi zastroyki. Vozmozhnost adaptatsii germanskogo opyta k sotsialno-ekonomicheskim usloviyam stran SNG [The problems of the complex regeneration of the living environment of the large-panel development areas. Possibility to adopt the German experience to the socio-economic and statutory conditions of the CIS countries]. *Izv. vuzov. Investitsii. Stroitelstvo. Nedvizhimost*, 1, vol. 7, 120-130.

Moscow City Government Decree № 608. (1999, July 6). (Amendments as of 1 November, 2005 № 860-PP). On the tasks of the complex reconstruction of the five-storey development areas of the first period of the industrial house building until 2010.

My vmeste sdelaem shag vpered. Startuet programma snosa pyatietazhek [Together we will make a step forward. The program of demolition of five-storey buildings launched]. (2017). *Vecherniyaya Moskva*, 58 (27608), 5.

Resheniya partii i pravitelstva po khozyaistvennym voprosam [Economic decisions of the party and the government]. (1967). (Vol.1, p. 15). Moscow.

Не в их добрых намерениях (у кого есть таковые) дело, а в объективном значении их политики, т. е. в том, что из нее выходит, cui она prodest, кому полезна, какую мельницу на деле эта вода вертит.

В. И. Ленин. Беседа о кадетоедстве

Кажется, страшную страницу Большого террора в нашей истории давно перелистнули. Можно забыть и идти дальше. Но нет, не получается. Никак не переводятся в нашей стране люди, которые придерживаются принципа «Нет человека (памятника, объекта культурного наследия) – нет и проблемы». Террор, направленный против ценностей культуры, длится и в наши дни.

А новая книга о репрессированном архитекторе Казимире Митале выходит в свет как раз накануне уничтожения его конструктивистского детища: гостиница «Сибирь» в центре Иркутска целенаправленно выводится из списка наследия.

Елена Григорьева

репрессии / repressions

The point at issue is not their good intentions (of those who have any), but the objective significance of their policy, i.e., what its results are, cui prodest – whom it benefits, to whose mill it actually brings grist.

(V. I. Lenin, A Talk On “Cadet-Eating”)

It seems that a terrible page of the “Big Terror” was turned over long ago. We can forget it and move on. But it fails. There are still certain people in our country who keep to the principle “no man / monument / cultural heritage site – no problem”. The terror aimed against cultural values still exists in our days.

A new book about the purged architect Kasimir Mital was published just before annihilation of his constructivist offspring: the Hotel Sibir located in the center of Irkutsk is being purposefully deleted from the heritage list.

Elena Grigoryeva

Бердинских В. А., Меньковский В. И. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. – Сыктывкар: Изд-во ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. – 132 с. /

Berdinskikh, V. A., & Menkovsky, V. I. (2017). GULAG: ideologiya i ekonomika podnevolnogo truda v XX veke [GULAG: ideology and economy of the slave labour in the 20th century]. Syktyvkar: Izd-vo IYaLI Komi NTs UrO RAN.

Статья написана по материалам книги В. А. Бердинских, В. И. Меньковского «ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке» (Сыктывкар, 2017). Репрессивная политика советской власти по отношению к собственному народу рассматривается в контексте задач формирования мощнейшего в мире военно-промышленного комплекса, выдвинутых партийным руководством страны под названием «программа индустриализации». Создание ГУЛАГа и наделение его как государственного субъекта территориально-хозяйственной деятельности, конкретными производственными заданиями предопределило необходимость столь же планового пополнения его подневольным «рабочим фондом». Рассмотрена предыстория формирования структур принудительного труда в СССР в виде трудовых армий.

Ключевые слова: ГУЛАГ; НКВД; ВСНХ; военно-промышленный комплекс; индустриализация; коллективизация; трудовые армии; шарашки; экономика в СССР. /

The article is based on the book by V. A. Berdinskikh and V. I. Menkovsky (Berdinskikh & Menkovsky, 2017). The repressive policy of the Soviet government toward the Soviet people is viewed in the context of the aim to form the most powerful military and industrial complex set by the party leaders under the name of “Industrialization Program”. As a state entity of the territorial and economic activity, GULAG was committed to certain production tasks, which caused the necessity to provision it with a slave “labour fund”. The prehistory of the formation of the slave labour structures in the USSR in the form of labour armies is also viewed in the article.

Keywords: GULAG; NKVD; Supreme Council of National Economy; military-industrial complex; industrialization; collectivization; labour armies; sharashkas; economy in the USSR.

Советская индустриализация и ГУЛАГ / The Soviet Industrialization and GULAG

текст
Марк Меерович /
text
Mark Meerovich

В середине 1920-х годов партийное руководство СССР выдвинуло цель – формирование самого современного в мире, самого мощного военно-промышленного комплекса (ВПК). Именно программа ускоренного формирования ВПК получила наименование «индустриализация». Ее приоритетными задачами стали: 1) развитие современной военной индустрии, а также, неразрывно связанное с этим: 2) расширение добычи природных ресурсов для советской тяжелой промышленности и их экспорта за границу, для того, чтобы было чем рассчитывать с зарубежными торговыми партнерами за приобретение передовых производственных технологий и, в частности, для того, чтобы сделать Европу зависимой от советского сырья; 3) формирование единой общегосударственной энергетической инфраструктуры для обеспечения расширяющегося промышленного военно-производства электроэнергией; 4) развитие единой транспортной структуры для обеспечения связности в цепочках производственных процессов и переброски грузов, а также живой силы к намечаемым театрам военных действий.

Требование быстрого рывка в индустриальную эпоху на фоне хронического технологического отставания страны от западных государств, давно и успешно этот рывок осуществивших, вынуждало советское руководство избрать путь, давший Стране Советов разовый эффект, зато потом на долгие годы погрузивший ее в трясины «догоняющей экономики» – вместо того, чтобы терять время и силы на самостоятельное изобретение конструкций и материалов для военной техники (танкеток, танков, тягачей, самолетов, орудий и проч.) и соответствующих конвейерных технологий их производства, советское руководство пошло более быстрым и эффективным путем – покупки за рубежом передовых знаний, опыта, производственного оборудования, проектов, консультаций, технических решений, готовых агрегатов и образцов изделий.

Руководство страной громогласно вещало о повышении благосостояния советского народа. А на практике, в рамках программы индустриализации, в планы первой пятилетки закладывалось повышение «душевых норм потребления» всего лишь шести позиций: 1) сахара, 2) мыла, 3) обуви, 4) хлопчатобумажных тканей, 5) шерстя-

ных тканей, 6) галosh [1]. Потребление сахара планировалось поднять с 7,7 кг в 1927/28 до 11,9 кг по отправному и 13,9 по оптимальному варианту в 1932/33 г; мыла с 0,94 кг до 2,36/2,60 кг; обуви с 0,4 пары до 0,65/0,74 пары; хлопчатобумажных тканей с 15,2 м до 20,3/21,3 м; шерстяных тканей с 0,48 до 0,84/1,17 м; галosh с 0,22 до 0,31/0,39 пары [1, с. 106].

Только шесть позиций «народного потребления»! Все! Больше никаких иных «товаров для населения» первый пятилетний план развития народного хозяйства – не предполагал.

Зато в программу индустриализации было заложено многое другое – технический прогресс представлялся в виде непрерывно сходящих с конвейера бесконечных верениц танков, самолетов, пушек, пулеметов и т. п.

Программа индустриализации воплощала планы руководства СССР по выпуску силами ассимилированного военно-гражданского производства широчайшего спектра военных изделий. Промышленность изготавливала на основе закупленных за рубежом технологий «Интернационал», «Катерпиллер» бронированные трактора; производило танкетки на Ленинградском и Нижегородском (Горьковском) автомобильных заводах, используя для этого автомобильные базы, двигатель, узлы и агрегаты грузового автомобиля «Форд-АА»; воспроизводило на Харьковском паровозостроительном заводе закупленный танк «Кристи» (советское маркировка – «БТ»); на заводе им. Ворошилова в Ленинграде – танки «Виккерс» («Т-26»); Харьковском тракторном – средние танки; на заводах «Экскаватор» (на Урале), «Большевик», № 147 им. К. Е. Ворошилова – тяжелые; на Ярославском и Московском (АМО) автомобильных заводах – танки прикрытия; на заводе «Большевик», Сталинградском тракторном – малые танки; на Челябинском тракторном, Харьковском паровозостроительном, Ижорском заводах – корпуса; на предприятиях Авиапрома – двигатели; на Выксунском заводе дробильно-размольного оборудования – бронетранспортер БА-20 и т. п. При этом, постоянно заменяя в ходе адаптации закупленные за рубежом детали на узлы и агрегаты собственного изготовления, приспособливая их к отечественным условиям, видоизменяя конструкции, приводя к советскому уровню качества, к советским условиям труда и будущего использования, а также разраба-

таявая на основе исходных (зарубежных) собственные модели.

Огромные средства, необходимые для этого, извлекались не только от продажи зерна за границу (даже в неурожайные годы, несмотря на массовую гибель советских людей от голода), но также и от экономии денег и материалов на том гигантском объеме и спектре работ, который осуществлял ГУЛАГ контингентами подневольного труда.

Один из главных вопросов советской историографии заключен не в том, чтобы определить количество лиц, подвергшихся репрессиям и обреченных на уничтожение в результате нещадной эксплуатации в системе гулаговского принудительного труда, а в выявлении подлинной, детализированной картины устройства военно-производственной, хозяйственно-экономической системы сталинизма, в которой репрессии и рабский труд являлись неотъемлемой частью этого устройства.

В советской системе существовало всего лишь три государственных «субъекта», которые являлись ответственными за освоение территорий, за строительство промышленных, транспортных, энергетических объектов, поддержание функционирования индустриальных моногородов. Их деятельность планировалась и организовывалась на государственном уровне в рамках общегосударственной промышленной политики, финансировалась государством, регулировалась через распределение лимитов стройматериалов и трудовых ресурсов. В распоряжение этих трех «государственных хозяйствующих субъектов» советское государство, фактически, передало отдельные сферы производственной (хозяйственно-экономической) деятельности, связанные с реализацией планов индустриализации, а также крупные фрагменты территории страны, на которых эти планы должны были воплощаться (вместе с существовавшим здесь или перемещаемым сюда населением) [2]. Это: 1) ВСНХ, 2) НКВД, 3) ГУЛАГ.

ВСНХ (Всесоюзный совет народного хозяйства – управляющий суперорган, объединяющий все промышленные наркоматы). Он отвечал за формированием военно-промышленного производства (за все промышленные новостройки), посредством персональной (личной) ответственности «красных директоров» и профильных

наркомов. ВСНХ было законодательно передано строительство жилья и объектов социального, культурного, медицинского и проч. обслуживания на промышленно осваиваемых территориях [3]. В любом строящемся советском моногороде, основная часть жилищного фонда находилась в руках руководства ведомственного градообразующего предприятия. Например, в Магнитогорске в 1930-е годы. Магнитогорский металлургический комбинат владел 63,5 % жилой площади, а еще 18 % обладали другие заводы. Итого, 81,5 %¹.

НКВД, в лице Главного управления коммунального хозяйства, ведал развитием существовавших городов (ремонтom жилого фонда, возведением нового, городским транспортом, инженерной инфраструктурой, городскими электростанциями, очистными сооружениями, скотобойнями, спортивными сооружениями и проч. – всем тем, что именовалось «коммунальным хозяйством»).

ГУЛАГ. 11 июля 1929 СНК СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», по которому содержание всех осужденных на срок три года и больше передавалось в ОГПУ. В 1930 году Госплан издает инструкцию, где говорится о необходимости более полного включения в плановую экономику труда лиц, лишенных свободы, а с апреля 1930 г. для планового использования труда заключенных формируется сеть исправительно-трудовых лагерей ОГПУ и создается специальное Управление исправительно-трудовых лагерей [5]. 1 октября 1930 года Улаг ОГПУ преобразовывается в Главное Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ².

В сталинской системе «народного» хозяйства именно ГУЛАГ обеспечивал основные объемы работ по обустройству территорий ресурсного освоения силами «мобильных трудовых армий принудительного труда»: осуществлял добычу полезных ископаемых, необходимых ВПК и промышленному производству в целом, вел строительство коммуникаций, объектов энергетики и всех видов жилищного и культурно-бытового строительства на осваиваемых им территориях. В последующие годы «рабочий фонд» ГУЛАГА, постоянно увеличиваясь, расширяет участия подневольного труда в решении производственных задач, обеспечивая основу для функционирования ключевых отраслей «народного» хозяйства.

1. Рассчитано Е. В. Кобышевой по данным, приведенным С. Коткиным [4].

2. 10 июля 1934 года, после создания Народного комиссариата внутренних дел СССР, Главное управление лагерей (ГУЛАГ) в составе пяти главных управлений вошло в его структуру.

> Прибытие партии заключенных в Соловецкий лагерь особого назначения

> Норильлаг в 1950-е годы

Если мы сопоставим карту промышленных строек первой пятилетки с отмеченными местами расположения всех мало-мальски значимых новостроек советской программы индустриализации, и сравним ее с местами расположения лагерей, колоний, лагпунктов ГУЛАГ, то увидим, что они практически совпадают. И это совпадение расположения объектов ГУЛАГ и мест размещения промышленных новостроек, возводившихся ВСНХ в рамках программы индустриализации, способно кардинально изменить наши представления о «добровольном и радостном созидательном труде советского народа, возводившим светлое будущее страны победившего социализма».

Монография В. А. Бердинских, В. И. Меньковского «ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке» систематизирует информацию о ГУЛАГ – важнейшем субъекте советской хозяйственной системы, который с началом развертывания программы индустриализации, все в большей степени, становился становым хребтом развития советской экономики.

Формат «мини-монографии», как определили жанр своей работы авторы, абсолютно подходит для исследования, которое покоится на монбланах предшествующих научных трудов – противоречащих друг другу, построенных на различных исследовательских методиках, исходящих из разноаспектных предметных парадигм. И этот формат абсолютно соответствует духу времени, давно ожидающему внятного и сжатого обобщения накопленных знаний.

Мини-монография состоит из краткого введения «О рабском труде заключенных», заключения под названием «...плюс гулагизация всей страны» и двух основных разделов. Первый раздел – «ГУЛАГ как объект исследования классической англоязычной историографии» – демонстрирует эволюцию методологических подходов в аналитической работе англоязычных исследователей, дававших крайне неоднозначные, подчас кардинально различные оценки и делавших подчас противоположные выводы. Второй (основной) раздел – «Лагеря и советская экономика 1930-х годов» – разбит на пять тематических блоков: «Особенности эксплуатации заключенных и основные отрасли советской промышленности»; «Проблемы стимулирования труда заключенных»; «К вопросу

о «целесообразности и эффективности» подневольного труда»; «Подневольный труд как наркотик для советской промышленности»; «Негативные последствия подневольного труда и кризис лагерной системы в СССР».

Этот раздел сжато и кратко очерчивает место ГУЛАГ в системе советского «народного хозяйства», характеризует его взаимоотношения с ведомствами, входящими в систему ВСНХ, оценивает причины низкой механизации ручного подневольного труда, раскрывает ключевую роль в добычи стратегических ресурсов и освоении территорий.

Некоторые положения монографии В. А. Бердинских, В. И. Меньковского, являющиеся последовательным обобщением материалов предшествовавших научных трудов, все же представляются спорными. «Лагерно-хозяйственная деятельность НКВД обретает планомерный, крупномасштабный и четко выраженный военно-промышленный характер» [6, с. 36] не с конца 1930-х годов, о чем пишут авторы, а с начального момента создания Главного управления лагерей в 1929 году. Собственно, для обеспечения программы формирования ВПК и создавался сначала УЛАГ ОГПУ, затем реорганизованный в ГУИТЛАГ ОГПУ, переросший потом в ГУЛАГ. Он не сразу превратился в «огромный комбинат, который строил, добывал, производил, выращивал, конструировал и т.д.», но очень быстро стал именно таковым. Производственная деятельность ГУЛАГа имела военно-мобилизационное значение не только в конце 1930-х – начале 1940-х годов [6, с. 38], но изначально, не всегда напрямую, часто косвенно, но всегда неизменно. Именно поэтому, наряду с промышленным производством, важнейшим элементом лагерной системы являлось капитальное строительство [6, с. 37]. В 1940 году на долю НКВД приходилось 11% всех капитальных вложений СССР.

Масштаб и объемы присутствия принудительного труда в структуре советской экономики, приводимые авторами, потрясают: «На 1 января 1949 года в системе МВД насчитывалось 67 самостоятельных ИТЛ с почти 30 тыс. лаготделений и лагпунктов и 1,734 колонии. Общее количество заключенных достигло 2 356 685, из них трудоспособных – 1 963 679 (83,3 %). Более половины (55,8 %) составляли молодые люди в возрасте от 17 до 30 лет, почти четверть (22,1 %) – женщины» [7, 8]³.

При этом сотни лагерей и колоний на просто «органически вписывались в систему директивного советского «народного хозяйства», основанного на административно-командном планировании, внеэкономических методах принуждения к труду и уравнительном распределении общественного продукта [6, с. 32] – они слагали основание системы советского тоталитаризма, начавшей формироваться еще в самом начале 1920-х годов, в период военного коммунизма в форме трудармий – детища Л. Б. Троцкого. С первых же дней своего существования, советская власть поставила вопрос об использовании труда подчиненных контингентов населения. В тот период – солдат Красной Армии. Это решение в глазах власти являлось экономически целесообразным и, безусловно, моральным. Если уж «внеэкономическое принуждение к труду во всех его формах» предполагалось, по замыслу основоположников марксизма-ленинизма В. И. Ленина и Н. И. Бухарина, применять к свободным гражданам, то что ж говорить о мобилизованных на армейскую службу в условиях отсутствия военных действий. 17–18 января 1920 года – через два с небольшим года после прихода к власти большевиков, Политбюро ЦК РКП(б) принимает решение о целесообразности создания нескольких трудовых армий – в Советской России создается довольно своеобразная разновидность производственно-бытовых коллективов – «армейско-производственные» соединения [9]. Формируются: 1-я Революционная армия труда, Украинская советская (из войск Юго-Западного фронта) трудовая армия; Кавказская (бывшая 8-я армия Кавказского фронта); 2-я особая железнодорожная (бывшая 2-я армия Кавказского фронта); Петроградская Революционная (бывшая 7-я армия Западного фронта); 2-я Революционная армия труда (бывшая 4-я армия Туркестанского фронта). В декабре 1920 года образовывается Донецкая, а в январе 1921-го Сибирская трудовые армии.

Целью этого решения было приспособить армейские подразделения к трудовым задачам, не разрушая при этом командного аппарата армии, с тем, чтобы они в любой момент могли быть снова переведены в боевой режим [10]. «Необходимо выделить значительное число командиров, комиссаров и рядовых коммунистов для работы в деле целесообразного проведения трудовой повинности на местах. На военных работников, привыкших руководить массами в самых трудных условиях, возлагалась значительная часть работы по организации и трудовому применению мобилизованных девятнадцатилетних» [10]. В результате формирования трудовых армий только в первой половине 1920 года на работах по восстановлению народного хозяйства СССР участвовало 2,5 млн красноармейцев. Позднее точно такое же количество принудительной рабочей силы ежегодно требовалось ГУЛАГ, чтобы выполнять поставленные перед ним производственные задачи, пополняя текущую убыль трудовых ресурсов в результате смертности: «среднегодовое пополнение» лагерей и колоний колебалось в пределах 1,5–0,8 млн чел. [6, с. 43].

Использование в 1920-е годы составленных из военнослужащих армий труда для производства гражданских работ в конечном счете все же оказалось не слишком продуктивным. Но партийно-государственное руководство не забыло об опыте принудительной организации труда в трудармиях: с началом подготовки сталинской индустриализации идея принудительного формирования трудовых контингентов, связанных воедино полуармейской дисциплиной и трудо-мобилизационными обязательствами, при условии их насильственного удержания в местах обитания, обрела второе дыхание.

Нельзя не согласиться с авторами в том, что производственная сфера НКВД – МВД, основанная преимущественно на тяжелом физическом труде, действительно отторгала технический прогресс [6, с. 53]. «Кирка, тачка, лопата и другие примитивные орудия труда представ-

ляли высшему советскому руководству максимально эффективными» [6, с. 35]. Однако нужно отдавать отчет в том, что технический прогресс в системе принудительного труда был власти абсолютно не нужен. Советское руководство не стремилось с помощью примитивных средств труда «догнать и обогнать» передовые страны мира по уровню промышленного производства, оно довольствовалось киркой, тачкой и лопатой потому, что они давали гигантскую экономию средств в тех видах работ, которые из-за своей многотрудности требовали повышенных расходов на зарплату, спецоборудование, относительно комфортное размещение вольнонаемных.

Авторы справедливо отмечают тот факт, что широкое применение подневольного труда тормозило развитие производительных сил, отрицательно сказывалось на внедрении достижений технического прогресса, на применении новых технологий и т. п. [6, с. 31]. Но ставило ли советское правительство в эти годы задачу повсеместного развития в народном хозяйстве новых технологий, повышения производительности труда за счет механизации трудоемких процессов (в том числе в земледелии)? Или это его абсолютно не интересовало, потому что по итогам намечавшейся войны центры агропромышленного производства в новых границах советской империи со значительно большей эффективностью могли бы разместиться в плодородных районах юга Франции и севера Италии, а высокотехнологичное индустриальное производство – в традиционно промышленно развитых центрах Германии. При этом богатые полезными ископаемыми Урал, Сибирь, северные территории СССР, в этой новой конфигурации советского «народного» хозяйства, продолжали бы выполнять ту же самую роль, которая уже итак была за ними закреплена – добыча сырья, силами контингентов принудительного труда. И теми же самыми средствами – принудительным подневольным трудом заключенных с киркой, лопатой и тачкой. Ведь, как справедливо отмечают авторы, «лагерная система ... на практике демонстрировала свои очевидные «преимущества»: быстрое сосредоточение в нужном месте значительных контингентов рабочей силы, возможность эксплуатации заключенных в любых условиях, не считаясь с потерями» [6, с. 32].

Монография не оставляет без внимания и феномен «инженерно-изобретательского и научного рабского труда» – «шарашек» – подразделений системы ГУЛАГ, в которых использовался не физический, а интеллектуальный труд заключенных [6, с. 40–42]. Казалось бы, творчество – это всегда свободный порыв, самовыражение при создании качественно новых культурных, материальных, духовных ценностей, радостное воплощение идеи, не омраченной тяготами бытия... «Любой без вины репрессированный человек, находясь в противоестественных условиях несвободы, униженный и унижаемый, переживший личную и семейную катастрофу, просто физически не может работать, а тем более творить в полную меру своих возможностей» [6, с. 51]. Однако советской власти очень быстро удалось опровергнуть это суждение. Причем сделать это практически, доказав, что угроза смерти является значительно более мощным стимулирующим фактором ударного, самоотверженного интеллектуального труда (в том числе научного, опытно-конструкторского, инженерного), чем материальные поощрения.

Кстати, пополнялись «шарашки» «научной рабочей силой» точно так же планомерно, как и стройки пятилетки, – по разнарядке. Монография приводит один из таких исторических примеров: когда власти потребовалось резко продвинуть вперед развитие авиационной отрасли, «ведущие специалисты авиационной промышленности были арестованы <...> и направлены в Особые конструкторские бюро НКВД, даже не будучи формально осужденными. И лишь в мае 1940 года 307 авиаконструкторам и инженерам задним числом через Особое совещание

3. Кроме того, на учете МВД находилось более 2 млн 550 тыс. спецпоселенцев, а в системе ГУПВИ (Главного управления по делам военнопленных и интернированных) – около 1 млн чел. [6, с. 39].

> Норильлаг. Добыча руды

> За время строительства на Беломорканал было отправлено свыше 250 тыс. чел.

при НКВД СССР было «оформлено» лишение свободы на сроки от пяти до десяти лет [6, с. 42].

Авторы обоснованно пишут о том, что высокие производственные показатели в системе ГУЛАГ основывались не только на уничтожающем людей подневольном изнурительном труде, но и на прямой лжи, приписках, обмане, очковтирательстве. «Туфта» – термин, обозначающий «липу», работу, сделанную лишь для видимости, заведомо ложные показатели в официальном отчете. По легенде, которую упоминают авторы монографии [6, с. 51], он произошел от аббревиатуры ТФТ (тяжелый физический труд). Однако существует и иная версия, кажущаяся более правдоподобной: «туфта» – аббревиатура от выражения «труд, учтенный фиктивно».

Монография В. А. Бердинских, В. И. Меньковского очерчивает целостную объемлющую картину гулаговской экономики – губительной для человека и природы. Нельзя не согласиться с ее заключительными словами, которые могут стать эпитафией советскому прошлому и эпиграфом к анализу ситуации в современной России: «экологические и социально-демографические последствия этой деятельности на региональном уровне болезненно ощущаются уже сегодня и, видимо, приобретут еще большую остроту в будущем. От системы, где не представляет никакой ценности человеческая жизнь, по меньшей мере наивно было ожидать щадящего, рачительного, бережного отношения к природе, органичной частью которой, собственно, и является человек» [6, с. 59].

Литература

1. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. – 2-е изд. – М., 1929. – Т. 1. – С. 104–105.
2. Меерович М. Г., Коньшева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 270 с. – (История сталинизма).
3. Меерович М. Г. Расселенческая доктрина России: сегодня и сто лет назад. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014 – 227 с.
4. Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. – М., 2001.
5. СУ СССР. – 1930. – № 22. – С. 248.

6. Бердинских В. А., Меньковский В. И. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. – Сыктывкар: Изд-во ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. – 132 с.

7. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. – М., 2003. – С. 79, 167.

8. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. – М., 2001. – С. 303–306.

9. СУ РСФСР. – 1920. – № 3, ст. 15; 1920. – № 4–5, ст. 26, 27.

10. Троцкий Л. Задачи 1-й Армии Труда [Электронный ресурс]. – <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl566.htm>.

References

Berdinskikh, V. A., & Menkovsky, V. I. (2017). GULAG: ideologiya i ekonomika podnevolnogo truda v XX veke [GULAG: ideology and economy of the slave labour in the 20th century]. Syktyvkar: Izd-vo IYaLI Komi NTs UrO RAN.

Chernaya kniga kommunizma. Prestupleniya, terror, repressii [The Black Book of Communism. Crimes, terror, repressions]. (2001). Moscow.

Kotkin, S. (2001). Zhilishche i subiektivnyi kharakter ego raspredeleniya v stalinskuyu epokhu [The dwelling and the subjective nature of its distribution in the Stalin era]. Zhilishche v Rossii: vek XX. Arkhitektura i sotsialnaya istoriya. Moscow.

Meerovich, M. G. (2014). Rasselencheskaya doktrina Rossii: segodnya i sto let nazad [The resettlement doctrine of Russia: today and one hundred years ago]. Irkutsk: Izd-vo IGU.

Meerovich, M. G., Konysheva, E. V., & Khmel'nitskiy, D. S. (2011). Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932) (Istoriya stalinizma) [The cemetery of social cities: urban planning policy in the USSR (1928–1932) (The history of Stalinism)]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond "Prezidentskii tsentr B. N. Eltsina.

Pyatiletnii plan narodno-khozyaistvennogo stroitelstva SSSR [The five-year plan of the national and economic construction of the USSR]. (1929). (2nd ed.). Vol. 1 (pp. 104–105). Moscow

SU RSFSR. [The RSFSR Code of Justice]. (1920). 3, art. 15; 4–5, art. 26, 27.

SU RSFSR [The RSFSR Code of Justice]. (1930). 22, 248.

Trotsky L. Zadachi 1-i Armii Truda [The tasks of the 1st Army of Labour]. Retrieved from: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl566.htm>.

Zemskov, V. N. (2003). Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960 [Special settlers in the USSR. 1930–1960]. Moscow.

Вытаскивая из плотной ткани советской истории 20–30-х годов XX века ниточки белого или черного цвета, которые были сотканы временем перемен в причудливый, далеко не черно-белый, абсурдистский узор, мы получаем упрощенные модели процессов реальной жизни с ее сложностями и противоречиями. На основании таких упрощенных моделей утвердилось мнение, что авангардное искусство и архитектура 20-х годов имели мощную поддержку в постреволюционном обществе, волюнтаристский поворот к «освоению классики» был непоправимым злом, а поворот к модернизму в 60-х годах XX века был запоздалым и потому архитектура этого периода вторична. Отказ от упрощенных моделей в трактовке истории советской архитектуры и искусства давно назрел.

Ключевые слова: история советского искусства и архитектуры; черно-белые модели; абсурд послереволюционной действительности; противоречия; несоответствие существующих исторических моделей реальной жизни. /

While taking black or white threads from the fanciful, absurdist and far from black-and-white pattern woven by the time of changes into the strong fabric of the Soviet history of the 1920s-30s, we get simple models of the real life processes. Basing on such models, we get an opinion, that avant-garde art and architecture of the 20s had a great support in the post-revolutionary society, the voluntary twist toward "implementation of classics" was irreparably wrong, and the twist toward modernism in the 60s was too late, that is why architecture of that period was secondary. The refusal of these simple models in interpretation of the history of Soviet architecture and art is a matter of course. **Keywords:** history of Soviet art and architecture; black-and-white models; absurdity of the post-revolutionary reality; contradictions; discrepancy of the existing historical models with the real life.

О «живых лисах в меховом магазине», пролетарской культуре и мещанском быте / On the "Alive Foxes in a Furrier's Shop", Proletarian Culture and Petty-Bourgeois Households

Сдвоенный журнал «Современная архитектура» № 1–2 вышел в 1930 году с черно-красной траурной обложкой. Красно-черным будет впоследствии и памятник на могиле Владимира Маяковского работы скульптора Александра Кибальникова. На первом развороте этого журнала стихи Маяковского «Радоваться рано» («...Белогвардейца найдете – и к стенке. А Рафаэля забыли? Растрелли забыли вы?..») и фотография поэта. Маяковский, скорее всего, сфотографирован на набережной Сочи в июле 1929 года, когда он там был вместе с Вероникой Полонской и «Сочи сочилось Маяковского счастьем». На снимке он стоит на фоне пальмы, листья которой образуют фонтан над его головой (композиция фотографии чем-то напоминает проект памятника Колумбу Константином Мельниковым). Рядом классическая ваза. Маяковский в аккуратном костюме с жилеткой и галстуком, трагически мрачный. Правда, для мрачности в июле 1929 года, казалось бы, оснований не было. Хотя если припомнить события предшествующего десятилетия и разочарование поэта в миссии, которую он для себя избрал... К тому же политический горизонт уже затянули мрачные тучи. До рокового выстрела оставалось совсем немного... Поэт застрелился 14 апреля 1930 года. Журнал «СА» пережил его на несколько месяцев.

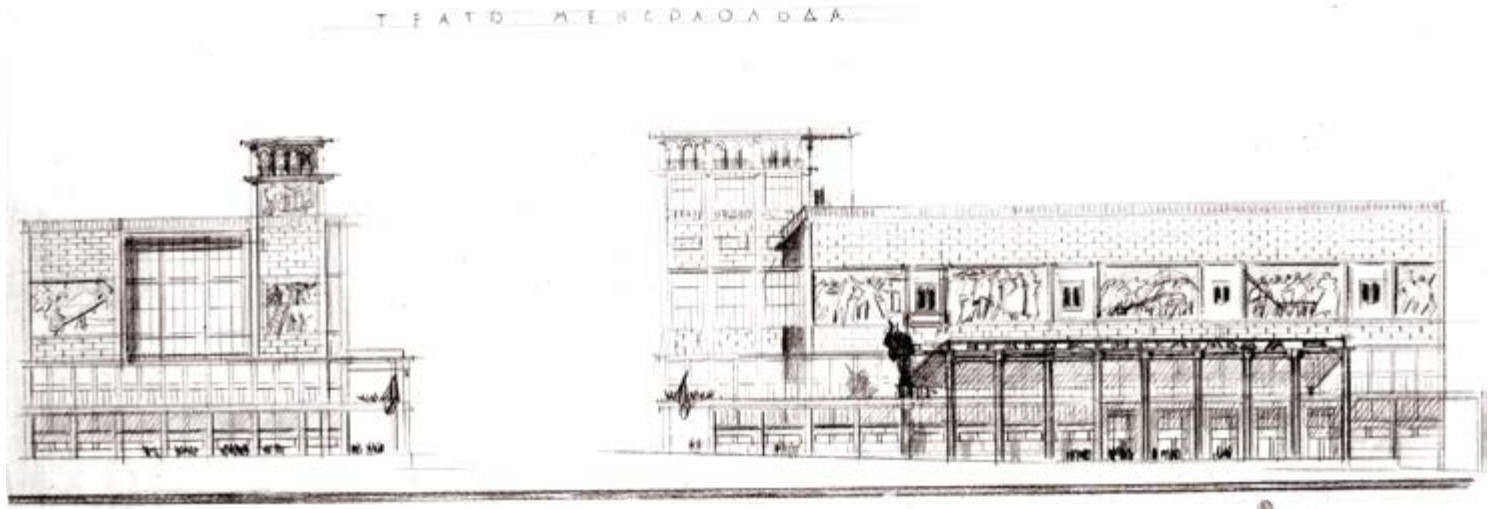
Резкие полемичные строки стихов в журнале «СА» с прямым призывом к отказу от всех достижений мировой культуры и построению нового быта и нового искусства никак не вяжутся с идиллическим пейзажем и вполне буржуазным, добротным костюмом поэта. Редакция журнала этого противоречия не заметила. Случайно ли это? Одно дело – стихотворные декларации. Другое дело – жизнь, с ее радостями, горестями, заботами, модными костюмами, любовными переживаниями, поездками за рубеж и к морю, ресторанными куплетистами, походами в Театр Вахтангова на «Турандот» и «Зойкину квартиру», бытом коммунальных квартир, а еще Торгсином, Моссельпромом, ОГПУ, делом промпартии, Бухариним, Троцким, ЛЕФом, ОБЭРИУ, ОПОЯЗом, АСНОВА, ВХУТЕМАСом и ВХУТЕИНОм...

Это ведь преувеличение, что голос Маяковского гремел и все его слышали. И парадоксальные тексты членов ОБЭ-

РИУ не так уж волновали читающую публику. Преувеличение и то, что новая конструктивистская архитектура изменила облик городов СССР в конце 20-х годов XX века и ее принципы были повсеместно приняты профессионалами, что все как один... А потом по велению партии и правительства ростки нового искусства были задушены, и опять все как один... А если упорствовал кто-то в своих конструктивистских или рационалистских заблуждениях, то дело кончалось плохо. Чем больше публикуется новых архивных материалов, чем пристальнее историки

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

вглядываются в эту непростую эпоху, тем примитивнее кажутся сегодня труды и учебники по истории советской архитектуры, написанные в 70–80-е годы XX века, в которых авангард трактуется как прогресс, резкий поворот к «освоению исторического наследия» – регресс, реабилитация авангарда и советский модернизм 60-х годов – победа разума.

Таким образом, вытаскивая из плотной ткани советской истории 20–30-х годов XX века нужные для той или иной модели ниточки, которые на самом деле были сотканы в причудливый абсурдистский узор, исследователи нередко забывают, что в этом узоре к 1930 году мечтателям-утопистам: конструктивистам, рационалистам, футуристам, абсурдистам и прочим энтузиастам – места уже почти не было. Едва родившись, гасли звезды на левой стороне небосклона искусства. И не только потому, что власти к ним не благоволили и что-то резко запрещалось, хотя и это было. Возможно, левое искусство и архитектура исчерпали за десять лет энергию революционного подъема, а в широких массах населения, поддержки они не имели изначально и за 10 лет так и не нашли. Поэтому столь часты в конце 20-х годов самоубийства писателей, поэтов, художников, режиссеров... Безусловно, силен был и идеологический пресс. К 1930 году были обречены обэриуты (А. Введенский, Д. Хармс, К. Вагинов, Н. Заболоцкий), подвергались гонениям опоязовцы (В. Шкловский, Р. Якобсон, Ю. Тынянов, Р. Эйхенбаум), перестал существовать ЛЕФ В. Маяковского, закрылся журнал «Современная архитектура». А приспособившиеся к новым условиям жизни авангардные писатели, художники, философы, архитекторы могли о себе сказать словами Виктора Шкловского: «Я чувствую себя как живая лиса в меховом магазине». Формальные эксперименты с рифмой и ритмом, цветом и светом, массой и пространством были признаны ненужными для пролетарской культуры.

Казалось бы, авангардисты могли проанализировать политическую ситуацию в СССР. До 1930 года еще можно было уехать за рубеж. Но они верили, вероятно, что не представляют для власти ни интереса, ни опасности, что за невинные научные или псевдонаучные изыскания в области поэтического слова или формы в архитектуре

их никто не тронет. «У вас армия и флот, а у нас четыре человека, так чего же вы боитесь?» – сказал однажды Шкловский дискутирующим с ним марксистам (см.: Гинзбург Л. Претворение опыта. Рига, 1991. С. 146). Вероятно, оппоненты Шкловского интуитивно понимали, что роль личности в истории огромна, а роль художественной личности опасна и непонятна.

Лев Троцкий, полемизируя с Виктором Шкловским еще в 1923 (!) году, писал: «Было бы ребячеством думать, будто каждый класс полностью и целиком из себя порождает свое искусство и, в частности, будто пролетариат способен создать новое искусство через замкнутые художественные семинарии, кружки, пролеткульты и пр. Вообще, творчество исторического человека есть преемственность. Каждый новый восходящий класс становится на плечи своих предшественников. Но это преемственность диалектическая, т. е. находящая себя путем внутренних отталкиваний и разрывов. Толчки в виде новых художественных потребностей спроса на новый литературный или живописный подход даются экономикой через новый класс или – меньше толчки – через новую установку того же класса – под влиянием роста его богатства, могущества культуры. Художественное творчество есть всегда сложная перелицовка старых форм под влиянием новых толчков, исходящих из области, лежащей вне самого искусства. В этом широком смысле искусство служебно. Это не бесплотная стихия, сама себя питающая, а функция общественного человека, неразрывно связанная с бытом и укладом его. И как характерно – в смысле доведения каждого «социального предрассудка» до абсурда, – что Шкловский додумался до идеи абсолютной независимости искусства от социального уклада в такой период нашей русской истории, когда искусство, с большей обнаженностью, чем когда-либо, обнаружило свою духовную, бытовую и материальную зависимость от определенных общественных классов, подклассов и групп!» (см.: Троцкий Л. Д. Литература и революция. 1991. С. 135–145). Стоило бы увидеть в заключительных строках этой статьи тень будущих репрессий: «Формальная школа есть геллертерский препарированный недоносок идеализма в применении к

< Габричевский, Виноградов, Щусев, 1940-е

вопросам искусства. На формалистах лежит печать скороспелого поповства. Они иоанниты: для них «в начале бе слово». А для нас в начале было дело. Слово явилось за ним как звуковая тень его».

Хармс, Шкловский, Гинзбург, Ладовский, Флоренский в 1923 году были «очарованными странниками», ищущими глубинные закономерности беспредметного формообразования. Обвинения в формализме еще не были тогда чреватые оргвыводами. К 1929 году с «формалистами» уже не дискутировали – их уничтожали, как уничтожали политических оппонентов любых мастей. Обвиняли, правда, вовсе не в приверженности к формализму, а в шпионаже или контрреволюционной деятельности. Лев Троцкий в 1927 году был снят со всех постов и в 1929 году выслан за пределы СССР. Дальнейшая его судьба известна. Отец Павел Флоренский в 1928 году был сослан в Нижний Новгород. Мог бы эмигрировать в Прагу. Остался в России. С этого момента начинаются его хождения по мукам. И Бог весть, что его заставило, находясь в заключении, написать работу «Предполагаемое государственное устройство в будущем», где наилучшим государственным строем признавалась тоталитарная диктатура, а Гитлер и Муссолини трактовались как несовершенные вожди, прообраз будущих вождей. Вероятно, то же самое, что заставило Шкловского написать несколько глав в коллективном труде о Беломорканале. В 30-х годах В. Олтаржевский, М. Крюков находились в лагере в Воркуте. Олтаржевский вышел и успел поучаствовать в строительстве высоток, Крюков, первый президент Академии архитектуры, там и умер. М. Охитович был расстрелян. Примерам репрессий среди деятелей культуры несть числа. Те, кто прошел лагеря и выжил, прежними уже быть не могли. Так А. Г. Габричевский после лагерных мытарств – навсегда замолчал. Это и понятно. Психика «живых лис в меховом магазине» получает необратимые деформации, когда в таком магазине им приходится жить.

Журнал «СА» в 1931 году уже не выходил. В шестом номере подведены итоги за пять лет. Других достижений уже не будет. Не помогли сохранить журнал ни лозунги на обложках типа: «Сметем вредителей всех мастей с пути победоносного пролетариата, строящего социа-

лизм», ни уверения в следовании марксистско-ленинской идеологии.

Так что же нужно было властям предрержащим? Верность курсу партии редакция «СА» демонстрировала неукоснительно. Может быть, нужно было тоньше чувствовать реальные вкусы и потребности заказчика? Легче всего назвать заказчиком, конечно, Иосифа Виссарионовича. Но, вероятно, все было гораздо сложнее. В обществе, которое было слишком далеко от левых экспериментов в живописи, скульптуре, литературе, архитектуре, вкусы были весьма консервативные. Даже в доме Константина Мельникова его жена пыталась выстроить быт в понятных ей формах – кружевные занавесочки на шестигранных окнах, тяжелый буфет, патриархальный стол. Привычные вещи небогатой мещанской среды были чужими в этом доме. В отличие от райтовских особняков, гармонии в доме Мельникова между вещами и архитектурой не было.

Конструктивисты были романтиками (но считали сами себя прагматиками). А романтики плохо ориентируются в изменениях реального политического курса: их мысли были устремлены в будущее, которое представляется прекрасным и гармоничным, как парад физкультурников, бодрым и веселым, как песни Лебедева-Кумача. А сегодняшнее еще не «окаменевшее дерьмо» предстояло разгрести «в сплошной лихорадке буден». Романтики перешагивали через него, не морщась от запаха, и не видели классических ваз на программной фотографии пролетарского поэта. Их интересовали не вазы и пальмы, а сам красавец Маяковский. А может быть, он сам выбрал фотографию, где запечатлен счастливым.

Вряд ли та новая архитектура, о которой, не переставая говорили лидеры архитектурного авангарда, могла прижиться в послереволюционной России. Такая архитектура противоречила всему, что ощущалось большинством как ценность.

В 20-е годы XX века еще ощутимо было дыхание XIX века. Предметы быта – тяжелые буфеты и столы с точеными ножками, самовары, кузнецовский и гарднеровский фарфор, вышитые салфетки – они никуда не делись. Они были и в цилиндрическом доме Константина Мельникова,

ТЕАТР НА ПЛОЩАДИ МАЯКОВСКОГО В МОСКВЕ.
ПЕРСПЕКТИВА. 1934 г.

и в домах братьев Весниных. Не все вазы были перебиты революцией, не все традиционные ценности были вытравлены из сознания обычных людей, далеких от изысканных гостиных, где зарождался футуризм. Эпатаж позволяла себе в основном интеллектуальная элита круга Мережковского и Зинаиды Гиппиус. Презирать условности могла себе позволить чета Бриков.

Закономерно, что редакторы журнала ОСА не увидели противоречий в фотографии Маяковского, хотя на ней

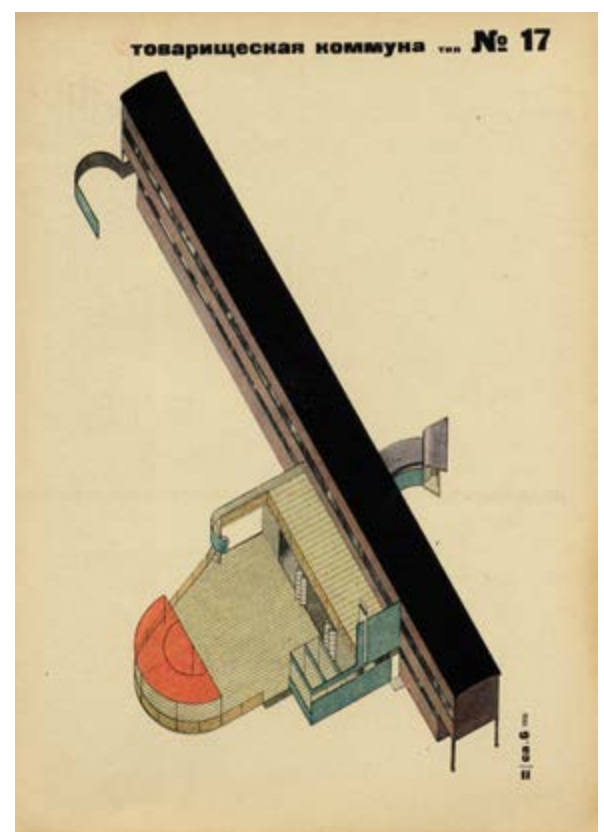
запечатлен мир, абсолютно чуждый декларациям и поэтам, и журнала «СА».

У Маяковского «любовная лодка разбилась об быт». О быт разбилась и лодка русского авангарда. Идеальные представления о «новом социалистическом быте», «пролетарской культуре» и «новом человеке» не выдержали испытания реальной жизнью. Многие пламенные революционеры сражались на самом деле за уютные особняки, дачи, мягкие диваны, коврики и герань. Им вовсе не хотелось жить в двухуровневых минималистических ячейках Моисея Гинзбурга. И дворцы они воспринимали совершенно иначе, чем рисовали архитекторы-авангардисты. В их мечтах они, скорее, были похожи на то, что делал Растрелли.

И не была ли травля Ивана Леонидова, которого редакция журнала «СА» пыталась защитить в 1930 году, последним звонком. Занавес сцены, на которой разыгрался последний акт трагедии русского авангарда, опускался медленно, но неуклонно, начиная, вероятно, с 1928 года. Согнать «всю эту сволочь» в единый творческий союз, упразднив располагавшиеся в соседних комнатах ОСА, АСНОВА, ВОПРА, было делом не быстрым и не легким. Одним приказом обойтись было невозможно. Потребовалось несколько лет.

4 июля 1932 года решено создать единый Союз архитекторов СССР, в правление которого вошли представители всех творческих направлений. Тогда же учрежден оргкомитет по проведению Первого съезда Союза советских архитекторов. Председателем оргкомитета выбрали Александра Веснина. В 1934 году А. Веснин назначается первым президентом Академии архитектуры и председателем оргкомитета становится Каро Алабян, который параллельно является и вице-президентом Академии архитектуры. Первый съезд Союза архитекторов проводится только в июне 1937 года.

Семь лет прошло с момента закрытия журнала «СА» до Первого съезда Союза советских архитекторов. И каких

В прошлом номере нашего журнала были опубликованы фрагменты статьи в газете «Восточно-Сибирская правда» за 1982 год (Лидин К. Л. Такие разные звезды // Проект Байкал. 2027. № 52. С. 126–127). Публикация вызвала живой интерес читателей. По их просьбам мы публикуем эту старую (но актуальную!) статью полностью. / Some fragments from the article published in Vostochno-Sibirskaya Pravda in 1982 were presented in the previous issue of Project Baikal (Lidin, K. (2017). Such Different Stars. Project Baikal, 14(52), 126-127). The article aroused a keen interest among readers. At their request, we publish the full text of the old (but presently topical) article.

Последнее время редакционная почта все чаще приносит письма, в которых читатели высказывают беспокойство о судьбе архитектурно-исторического облика Иркутска. Медленная реставрация памятников истории и культуры, появление рядом с памятниками новых, громоздких зданий, разрушающих историческую среду, отсутствие видимых признаков работ по реконструкции ценных жилых построек прошлого века, слабая забота об увековечивании памяти исторических и культурных событий и имен. Причин для озабоченности иркутян достаточно. Одно из таких писем за подписью ветерана Великой Отечественной войны, в недалеком прошлом учителя, Иннокентия Васильевича Рябова мы решили взять за основу для разговора за круглым столом, пригласив на него председателя Иркутской организации Союза архитекторов РСФСР, члена центрального правления СА РСФСР В. А. Павлова, главного архитектора города В. Ф. Буха, ответственного секретаря областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) Н. Ф. Салацкого, лауреата Государственной премии СССР писателя В. Г. Распутина, поэта, председателя секции пропаганды областного отделения ВООПИК М. Д. Сергеева, председателя секции архитектуры областного отделения ВООПИК В. Т. Щербина и автора письма.

«Лица необщим выраженьем» / “Uniqueness of the Face”

И. В. Рябов. На мой взгляд, и об этом я тоже написал в своем письме, архитекторы в нашем городе занимают довольно странную позицию – они не информируют иркутян, чем занимаются, что и где планируют строить что у них получается, а что нет. Отсюда и недоразумения – иркутяне ставят пред фактом, когда в той или иной части старого города (а именно она – главная забота тех, кто радеет за сохранение неповторимости лица нашего города) появляются новые постройки, а то и меняется облик целых улиц или кварталов. Тут и начинаются нападки на местных архитекторов, возможно, часто и не по адресу. Но все это идет от отсутствия достоверной и постоянной информации.

Такая резкая общественная реакция вполне объяснима. Вспомните, в свое время безликими домами был испорчен ансамбль предместной площади – этот парадный въезд в центр города со стороны вокзала. «Провалы» в архитектуре испортили площадь Кирова. Со всех сторон впритык позастроили польский костел. Можно и еще найти примеры. Неужели они ничему неучат? Теперь мы свидетели – на самых видных местах появляются появляются новые, чаще всего крупномасштабные и высотные здания, которые разрушают старые ансамбли. Хотя есть и пример бережного отношения к старине – создание мемориала «Декабристы в Сибири». Значит, работает архитектурная мысль этом плане. Но как и где? И что ждет Иркутск в ближней и дальней перспективе?

В. Ф. Бух. Я расскажу, как обстоят дела с охраной памятников истории и культуры в проектом плане. Действующий сейчас генеральный план застройки был утвержден в том же году, когда Иркутск был отнесен к историческим городам, – в 1970. Поэтому он сейчас корректируется с учетом необходимости охраны памятников, составляется проект охранных зон и зон регулирования застройки центральной части Иркутска, охватывающей Кировский район, часть Куйбышевского и Октябрьского районов. Работу по кодификации памятников истории, архитектуры и культуры проводят сотрудники факультета архитектуры Политехнического института. А сам генеральный план, охранные зоны и другие проектные работы ведет Московский ЦНИИПГрадостроительства.

Отличительной чертой этой работы, на наш взгляд, очень существенной является то, что проекты детальной планировки и охранных зон разрабатываются одновременно, т. е. в будущий облик города входят основные составляющие все охранные мероприятия: обе эти составляющие вытекают друг из друга и влияют друг на друга принципиальным образом.

Корр. За эти двенадцать лет в городе немало сделано, а вроде бы получается, все делалось без соответствующих на то документов?

В. Ф. Бух. Обстоятельных документов, действительно, не было. Но все-таки в городе давно уже определены заповедные зоны, которые не подлежат новой застройке, это и комплекс декабристов, квартал по улице Халтурина между улицами Декабрьских Событий и Каландаришвили, зона, примыкающая к Крестовоздвиженской церкви. Окончательная корректировка проектов должна быть закончена в конце этого года. В их согласовании принимает участие широкий круг организаций — Общество охраны памятников, управление культуры, архитектурный совет города. Будут привлекаться творческие союзы. Все названные градостроительные документы станут обязательными для всех, кто занимается строительством, реконструкцией, ремонтом, всем городским хозяйством.

В. Т. Щербин. Мне пришлось быть на Всесоюзном совещании, названном «Сохранение историко-архитектурной среды советских городов», которое проводили Союз архитекторов СССР и ВООПИК. Так вот, в резолюции совещания было сказано, что мы уже пережили тот этап, когда занимались охраной и реставрацией отдельных памятников, теперь необходим новый этап – реконструкция. Речь шла о создании среды, развитии архитектурно-художественного своеобразия городов.

Иркутску в этом плане должно быть уделено особое внимание: здесь из 96 уже охраняемых сооружений – 52 деревянных. Архитекторы в своих проектах застройки старых уголков нашего города должны это принимать со вниманием, потому что «иркутское дерево» неповторимо.

Корр. По-видимому, обществу охраны памятников, и в первую очередь архитектурной секции предстоит сказать свое слово в этом плане при утверждении документов,

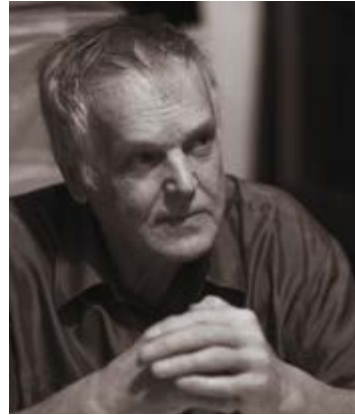

^ В. А. Павлов

^ В. Г. Распутин

^ В. Т. Щербин

^ Н. Ф. Салацкий

Но нужно помнить, что архитектор решает одновременно две проблемы: необходимо «давать» квадратные метры или «делать» красивую архитектуру. И нам кое-что удастся в этой ситуации. Об этом свидетельствует интерес к Иркутску, и не только к его старой архитектуре, но и к новой. Иркутск сегодня – рекордсмен среди городов Сибири по публикациям о его облике. (В. А. Павлов познакомил участников круглого стола с целым рядом публикаций в профессиональных центральных изданиях, среди которых особый интерес представляют журналы «Архитектура СССР» (№ 8 за 1981 г.; № 2 за 1980 г.)

И. В. Рябов. Все это интересно, и, наверное, необходимо знать каждому иркутянину. Но почему все это в центральной прессе, а не в нашей?

М. Д. Сергеев. Я думаю, это упрек больше в адрес самой прессы и общественности города, так или иначе принимающей участие в решении всех этих вопросов: она могла бы выносить эти вопросы на всеобщее обсуждение. Ибо, когда волевым усилием ставятся новые дома в старых, любимых уголках, тогда и возникают болезненные явления – в городе асинхронность, а у иркутян неодумение и недовольство. Об этом свидетельствует и письмо Иннокентия Васильевича.

По-видимому, все, что делается архитекторами, надо выносить на суд самих иркутян, тогда всем будут ясны и проблемы, над которыми они работают, и заботы, и споры, которые они решают.

И все-таки нужно сказать, что за последние по крайней мере пять лет выработалась более общая, чем раньше, линия у тех, кто охраняет памятники, и у тех, кто строит и планирует город. Мы стали лучше понимать друг друга, но многое из того, что делается, тревожит. Вот появился на улице 5-й Армии новый кирпичный дом. Он хорошо вписывается в городскую среду.

В. А. Павлов. Кстати, об этом доме писали старые иркутяне: «он портит наш город». А сегодня это здание попало в такое количество публикаций, что стало своего рода архитектурной эмблемой города.

М. Д. Сергеев. Но беспокоит улица Карла Маркса: все время возникают новые проекты строительства на ней. Беспокоит Крестовоздвиженская церковь: она внесена

в архитектурные справочники мира, но не потеряет ли она свой облик, если ее обступят суперсовременные дома? Почему так много разговоров о доме Кирова? Есть закон, не разрешающий вырывать памятник из его среды, и все-таки этот район перестраивается. Чтобы быть до конца справедливым, нужно сказать, что многое, о чем пишет в своем письме Иннокентий Васильевич, уже обсуждалось. Кстати, не так давно в горисполкоме с привлечением общественности обсуждалась генеральная схема художественно-монументального и декоративного оформления города, которая в течение ряда лет готовилась архитекторами Иркутскгражданпроекта. В него входят схемы памятных мест, установление мемориальных досок, реставрация уже имеющихся и создание новых памятников и т. д. Проект этот лет на пятьдесят.

Корр. Как все это впишется в то, что делают москвичи для Иркутска?

В. Ф. Бух. Эта работа входит в генеральный план города в качестве одного из его разделов.

В. А. Павлов. Любопытная ситуация: на защиту памятников встают все, хотя сегодня уже никто не спорит – надо сохранять. Никто не выступает против однообразных панельных микрорайонов: все понимают, что они необходимы. Но стоит появиться новому, нетиповому сооружению – отрицательная реакция мгновенная. Так было с ДК профсоюзов, с ДК в Шелехове и другими чаще всего недостроенными домами. Нет ни одного мало-мальски интересного объекта наших архитекторов, который бы не подвергался критике. Почему? Всегда ли верно общественное мнение, всегда ли оно компетентно?

В. Г. Распутин. Мне кажется, мы говорим на разных языках. Да, по улице Халтурина и около Троицкой церкви в свое время по незнанию или по недосмотру была допущена ошибка. Но где же были архитекторы? Они-то первые должны были профессионально оценить эти памятники. Но сегодня они оправдывают свои же ошибки чужими подписями. Как будто они посторонние люди, не живут в нашем городе, не ходят по его улицам, не дышат его воздухом. А ведь для каждого из нас и в домике Кирова, и в Троицкой церкви, и в уничтоженном уже «горбатом» доме – выражение народной памяти. Для

^ В. Ф. Бух

^ М. Д. Сергеев

нас это связь с теми поколениями, которые жили здесь в прошлом и позапрошлом веках. А вы рассуждаете с точки зрения профессионала, а не как житель города.

Мне очень понравилось, что Иннокентий Васильевич в своем письме ставит вопрос о восстановлении Московских ворот на берегу Ангары. И говорит об этом заинтересованно, как о своем кровном деле.

Существует такое понятие – культурно-историческое достоинство города. Оно включает в себя не только сохранность культурных и исторических памятников, но правильное использование их, будь то собор или деревянный жилой дом. Кстати, я уверен, я знаю, что жители деревянных домов с удовольствием остались бы в них жить, если бы эти дома были благоустроены и внутри, и снаружи. Наверное, в таком доме уютнее и теплее жить, душой теплее, чем в панельном доме. Но мы их строим, так как это просто необходимо. Стоит ли об этом говорить? А вот о том, что нельзя живое тело старого города резать геометрическими линиями проспектов и магистралей, надо говорить, так как эти линии не соответствуют сути русского характера. И надо помнить, что по старым иркутским улицам и переулкам ходили Волконский и Трубецкой, Чехов и Гончаров. По ним ходили наши предки. И эту живую связь поколений, живую память нельзя сбрасывать со счетов. Нельзя о будущем города рассуждать холодно и профессионально-расчетливо.

Так, может быть, вопрос ставить иначе: не как нам приспособить старый город к новым нуждам и запросам, а как нам приспособиться к городу, особенно к его исторической части?

В. А. Павлов. Ну что же, я с вами согласен. Более того, скажу, именно иркутские архитекторы отстаивали в нелегкой борьбе старый абрис улицы Степана Разина. Они же исправили проект производственного корпуса института «Промстройпроект» около Троицкой церкви. Поверьте, и мы, сухие профессионалы, любим и любимы иркутским деревом, великолепным сибирским деревянным урбанизмом, будь то старый жилой дом или усадьба на 47-м километре. Но в сохранении и восстановлении иркутского дерева есть одна немаловажная проблема – хозяйственная. Как при нашем дефиците жилья и финансирования на

строительство реализовать наше общее, я подчеркиваю, общее желание – реставрировать старые дома? Ведь они по квартирной отдаче в 3–4 раза дороже новых домов. Пойдут ли на это подрядчики и строители?

В. Ф. Бух. Надо еще помнить, что в Иркутске при всей важности этой проблемы до сих пор нет специалистов по реконструкции,

Н. Ф. Салацкий. Да, это важнейший вопрос: где найти силы и средства на такие работы: 96 памятников зарегистрировано, 167 еще выявлено, из них 146 деревянных. От их-то сохранения и будет зависеть исторический облик Иркутска. За счет чего сохранять? В городе острая жилищная проблема – отсюда средства брать нельзя. Но есть один источник: в горисполкоме есть средства на ремонт домов. В 1980 и 1981 годах план горжилуправления по ремонту не был выполнен. Теперь, когда определены заповедные зоны, составлены списки домов-памятников, надо, чтобы их проектировали в первую очередь и в первую очередь вели комплексный ремонт-реконструкцию. Это дорогое дело, но если мы хотим сохранить облик Иркутска, этим делом надо заниматься. Недавно общество охраны с Кировским райисполкомом уточнило списки памятников, чтобы вынести на утверждение сессии. И управление культуры принимает меры к укреплению специальных научно-реставрационных мастерских – они должны задавать тон в этом деле. Дело теперь за поддержкой руководства города и общественности.

И. В. Рябов. Но при этом все-таки остается открытым вопрос о строительстве отдельных домов в черте старого города. Эта практика наталкивает на мысль, что архитекторы мыслят категориями «своего» дома, а его окружение их не касается. Это грозит городу потерей своей уникальности.

В. Ф. Бух. Иркутску ищут исключительную судьбу в городах Сибири и в стране, как будто ошибки совершаются только здесь. Недовольства практикой архитектурной и строительной мы можем высказать во сто крат больше. Но, во-первых, нельзя архитектору запретить творить хорошо или плохо, как и писателю писать книги хорошие или плохие. И я считаю, нельзя в иркутской практике не видеть положительных примеров, о них не говорят, как будто их совсем нет.

В. А. Павлов. Кроме того, нельзя забывать, что город развивается в силу хозяйственных и исторических задач и функций, а не потому, что он исторический. Этапы развития Иркутска легко проследить в самой его истории. Сегодня город в силу экономической политики в области и регионе, когда бурно развиваются молодые города, оказался в противоречивой ситуации: культурно-исторический багаж не находит должного применения. И получилось, что архитектурная мысль не может найти выражения, хотя Союз архитекторов считает потенциал Иркутска настолько высоким, что оставлять его втуне было бы, с точки зрения народнохозяйственной, неэкономично. Так вот, наверное, куда надо направить острие общественного мнения.

В. Г. Распутин. Наверное, так, но было бы неверно это же общественное мнение укорять в том, что оно придумывает для Иркутска особую судьбу. Она есть, особая судьба. Во-первых, потому, что мы здесь живем, а во-вторых, потому, какую роль играл Иркутск в судьбе этого края. Мы в праве считать, что это особый город, со своим «лицом необщим выраженьем». И он обязан оставаться таковым. Вот почему для нас, иркутян, очень важно, кто застраивает этот город, – люди, которые смотрят на него как на строительную площадку, на полигон, где проверяются их идеи, или патриоты этого города.

Беседу за круглым столом записала Б. Преловская

Статья посвящена истории строительства гостиницы «Сибирь» (Иркутск) в сложный период становления строительной индустрии в СССР в 1930-х годах. Раскрываются характерные черты провинциальной постройки, присущие краткому, но яркому периоду доминирования конструктивистского стиля.

Ключевые слова: архитектура; строительство; конструкция; конструктивизм; гостиница. /

The article is devoted to the history of construction of the Hotel Sibir in Irkutsk in the hard formative period of the USSR building industry in the 1930s. It reveals the features of the provincial building inherent in the hard, but very bright period of domination of the constructivist style.

Keywords: architecture; building; structure; constructivism; hotel.

< Строящееся здание гостиницы. 1930-е годы

Гостиница «Сибирь» («Центральная») / Hotel Sibir (Tsentralnaya)

текст
Василий Лисицин /
text
Vasili Lisitsyn

До революции в Иркутске насчитывалось шестнадцать гостиниц общей площадью 29 тыс. кв. м, но к началу 1930-х работало всего одиннадцать. Число приезжающих в Иркутск ежедневно росло, а потребность удовлетворялась лишь на 75–80 % при условии дополнительно приставленных коек [1]. Для исправления ситуации горкомунотдел Иркутска запланировал в 1932 году постройку гостиницы площадью 4938 кв. м, вместимостью на 400 человек, стоимостью 765 тыс. руб. [1].

Участок под застройку отводился в центре города на месте, пустующем после выгоревших при пожаре в 1879 году усадеб Самсонова и Бузолина, так и не освоенном до 1930-х (22-й квартал, в границах улиц Ленина, Свердлова и пер. Канадзавы). Проектирование гостиницы было поручено инженеру-архитектору К. В. Миталю.

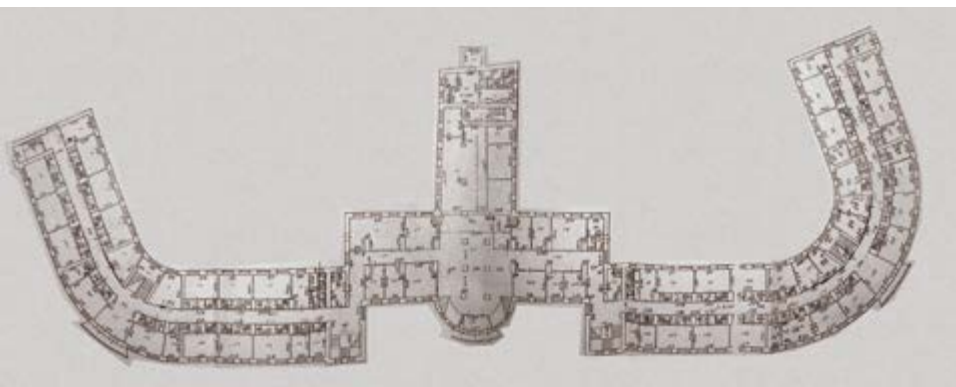
Гостиница «Сибирь» (годы строительства 1931–1933, начало эксплуатации – 1934, первоначальное название – «Центральная») – удачное в архитектурно-планировочном отношении сооружение, которое представляло собой многосложную комбинацию разновеликих объемов. Поскольку в начале строительства гостиницы в стране господствовал конструктивизм, то и Миталь предложил общее объемно-конструктивное решение здания выдерживать в этом стиле.

Центральный Т-образный объем с переменной этажностью был несколько отодвинут от красной линии ул. Ле-

нина и образовывал своеобразный курдонер. К параллелепипеду главного пятиэтажного объема был пристроен с тыльной стороны двухэтажный объем, в котором размещались ресторан, административные и подсобные помещения. Крайние С-образные объемы занимали угловые пространства на перекрестке улиц Ленина и Свердлова и пер. Канадзавы. Центральный двухэтажный цилиндрический объем был врезан в центральный параллелепипед, выходил на главную улицу и служил основной входной группой. В уровне кровли находился балкон-терраса, концепция которого была созвучна принципу Ле Корбюзье и трактовалась как функциональная плоская крыша. Кровля основных объемов – двускатная с вальмой на торцах, кровля лестничных пилонов – плоская.

Во входной группе были расположены: просторный холл, зона приема гостей и криволинейная парадная лестница с зеркальным, от главного входа, расположением перехода на уровне второго этажа и, соответственно, в центральные марши пилонов лестничных клеток для дальнейшего движения по направлению к номерам, расположенным в боковых крыльях гостиницы. Помимо центрального, имелись еще по два входа с двух сторон в торцевой части и на углу перекрестка крыльев гостиницы и один со стороны служебного входа с крыльцом в административный блок (со двора).

в Гостиница «Сибирь»,
план второго этажа

Здание было абсолютно лишено фасадного декора, но имело возвышающиеся над общим силуэтом пилоны лестничных площадок, что придавало всему строению характерную для конструктивизма динамику объемов. Также были применены распространенные конструктивистские приемы: полуцилиндр объема парадного входа врезался в основной прямоугольный объем, торцы парапетов боковых стен были приподняты в уровень конька крыши, что давало ощущение плоской кровли.

Железобетонная конструктивная стоечно-балочная система позволяла установить перегородки минимальной толщины. Вертикальное остекление пилонов гармонично перекликалось с окнами фасада и задавало индивидуальный ритм всему фасаду. Проемы между несущими конструкциями заложены кирпичом и оштукатурены для имитации «под бетон». Выделение цветом межоконных простенков давало ощущение сплошного остекления, характерного для данного стиля. Пожалуй, гостиница – одно из немногих зданий, наиболее точно выразившее идеи конструктивистского стиля в архитектуре Иркутска.

Это строение несет в себе неоспоримую ценность для нашего времени в качестве образца иркутского конструктивизма. Невхождение этого объекта в государственный реестр объектов культурного наследия регионального значения неминуемо приведет к его исчезновению, как это уже случилось с уникальными зданиями, которые не

в Гостиница «Сибирь» после пожара 1995 года [2]

охранялись государством. К сожалению, центральный объем и левое крыло утрачены в результате сокрушительного пожара 1995 года.

Вопрос дальнейшей судьбы гостиницы «Сибирь» решается до сих пор – от проекта восстановления ее в первоначальном виде до полного разбора и постройки на этом месте нового здания.

Литература

1. Контрольные цифры по коммунально-жилищному хозяйству на 1932 г. // ГАИО. – Ф. Р-1733. – Оп. 3. – Д. 3.
2. Пожар в «Сибири»: 20 лет спустя... [Электронный ресурс]. – http://firestation27.ucoz.ru/publ/pozhar_v_gostinice_sibiri_20_let_spustja/1-1-0-37

References

Kontrolnye tsyfyry po kommunalno-zhilishchnomy khozyaistvu na 1932 g. [Key figures of the social housing services as of 1932]. The State Archive of the Irkutsk Region. Fond R-1733, inv. 3, file 3.

Pozhar v "Sibiri": 20 let spustya [The Fire in "Sibir": 20 years later]. Retrieved from http://firestation27.ucoz.ru/publ/pozhar_v_gostinice_sibiri_20_let_spustja/1-1-0-37

в Реконструкция гостиницы «Сибирь»

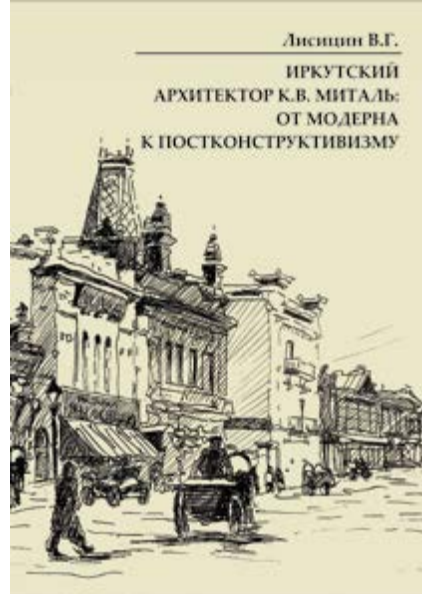

В монографии В. Г. Лисицина «Иркутский архитектор К. В. Миталь: от модерна к постконструктивизму» впервые предпринята попытка комплексного исследования профессиональной деятельности иркутского архитектора Казимира Войцеховича Миталья, прослежен его жизненный и творческий путь, атрибутированы и подробно описаны все его постройки и проекты. Показаны особенности становления и развитие в Иркутске основных архитектурных стилей (модерна, эклектики, конструктивизма и постконструктивизма). Проанализированы особенности принудительной трансформации профессиональной деятельности провинциального зодчего в период 1932–1938 годов. Исследование предназначено как для узких специалистов, так и для широкой аудитории, интересующейся историей отечественной архитектуры первой трети XX века.

Ключевые слова: Казимир Миталь; Иркутск; модерн; постконструктивизм; советский архитектурный авангард. /

The monography by V. G. Lisitsyn "The Irkutsk architect K. V. Mital: from modernism to postconstructivism" presents the first overall study of the professional activity of the Irkutsk architect Kazimir Voitsekhovich Mital, traces his life and creative activity, as well as attributes and thoroughly describes all his projects and realizations. The monography features the establishment and development of the fundamental architectural styles in Irkutsk (modernism, eclectics, constructivism and postconstructivism). It analyses the peculiarities of the forced transformation of the provincial architect's professional activity in the period from 1932 to 1938. The research is intended for dedicated specialists as well as a wide audience interested in the history of Russian architecture of the first three decades of the 20th century.

Keywords: Kazimir Mital; Irkutsk; modernism; postconstructivism; Soviet architectural avant-garde.

Лисицин В. Г. Иркутский архитектор К. В. Миталь: от модерна к постконструктивизму : монография. – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2016. – 172 с. / Lisitsyn, V. G. (2016). Irkutskii arkhitektor K. V. Mital: ot moderna k postkonstruktivizmu: monografiya [The Irkutsk architect K. V. Mital: from modernism to postconstructivism: monography]. Irkutsk: Izd-vo IRNITU.

О человеке, который построил «Сибирь» / About the Man Who Built "Sibir"

ТЕКСТ
Марк Меерович /
text
Mark Meerovich

Есть личности, которые, пройдя по жизни, оставляют в ней осязаемый вещественный след своего бытия; след, запечатлевающий не только личностные особенности их частного существования, но и выражающие само время, его дух. В архитектуре, которая, по словам Гюго, есть «великая книга человечества», можно найти страницы, отразившие «переломы эпох» – «всплески на вязкой и неспешной реке времени», когда люди отбрасывают устоявшиеся каноны и традиции, очищают свой разум и чувства для сотворения того, чего еще не было в истории. Таким всплеском, взлетом фантазии и рациональности к неизведанному стал в середине – конце 1920-х годов советский архитектурный авангард, и в частности архитектурный конструктивизм, до сих пор притягивающий интерес и внимание исследователей, пленяющий воображение неофитов, дающий до сих пор не утратившие своего креативного импульса толчки к погружению в существо идеологии и методологии функционального подхода.

Архитектурный конструктивизм не обошел и город Иркутск. И проявил себя в довольно самобытной манере. Одним из его ярчайших его представителей здесь, в Сибири, был гражданский инженер Казимир Войцехович Миталь, человек удивительной судьбы, трагическим образом оборвавшейся в 1938 году в застенках местного НКВД.

Наследие этого человека – здания в разных стилях, сменявших друг друга в течение его творческой жизни: модерн, эклектика, конструктивизм и, наконец (после запрета конструктивизма), постконструктивизм, долгие годы, несмотря на усиливающееся внимание исследователей к отечественной истории периода 1930-х годов, не изучалось, и до недавнего времени как его имя и особенности проектной и административной деятельности, так и объекты, принадлежащие его авторству, оставались известными лишь нескольким специалистам.

Монография кандидата исторических наук, доцента кафедры архитектурного проектирования Иркутского национального исследовательского технического университета Василия Геннадьевича Лисицина «Иркутский архитектор К. В. Миталь: от модерна к постконструктивизму» восполнила этот пробел локального архитектуроведения. В этом труде вполне успешно осуществлена

попытка комплексного исследования профессиональной деятельности одного из ранее малоизвестных иркутских архитекторов, причем его жизненный и творческий путь прослежен на фоне тех революционных перемен в культурной, социальной, политической жизни России, который она пережила в начале XX века. Формирование творческой личности Казимира Миталья, его искреннее желание соответствовать духу времени, его представления о предназначении и профессиональном долге, его проекты и постройки проанализированы на фоне процесса становления советской архитектуры в провинциальных городах, на фоне и самостоятельной, и принудительной трансформация содержания деятельности зодчего под влиянием веры в социально преобразующую силу Архитектуры, а также в связи с усилением партийного давления на архитектурно-градостроительную сферу деятельности в целом и стилеобразование в частности.

Исследование В. Г. Лисицина ставит ряд общекультурных вопросов, не только связанных с проблемой архитектурной деятельности в начальный период советской истории, но и судьбой существующих построек того периода, которые сегодня постепенно утрачивают свою художественно-эстетическую привлекательность и, лишённые охранного статуса памятников историко-культурного наследия, необратимо разрушаются.

Сегодня, потеряв здания (гостиницу «Сибирь», дом работников НКВД и др.), построенные архитектором К. Миталем, мы утрачиваем уникальные объекты – плоды творчества мастеров, созидавших в короткий, но блистательный период расцвета советского провинциального архитектурного авангарда.

Монография В. Лисицина рассказывает нам об этом времени, выявляя особенности иркутского конструктивизма и давая оценку роли К. В. Миталья в формировании облика Иркутска. Книга несет непривычный для традиционных исторических архитектуроведческих исследований ракурс рассмотрения исторических событий, под влиянием которых в советский период происходила трансформация творческой личности талантливого мастера дореволюционной выучки. Но именно этот ракурс ставит исследование иркутской архитектуры Г. Лисицина в ряд ценных интеллектуальных ресурсов местного краеведения.

v Казимир Войцехович
Миталь

Вроде бы пришло понимание важности истории и самобытности, так что в будущее пойдём вместе со своим архитектурным и историческим наследием. Иркутск – с уникальными деревянными кварталами своего исторического центра. Но это в целом, на уровне идеологии. А когда дело касается конкретного участка конкретного собственника, все не так просто.

Как организовать обновление, ремонт и реставрацию наследия так, чтобы обеспечить наибольшую достоверность, подлинность? Возродить школу мастеров по дереву, воссоздать добычу традиционных материалов – песчаника, натурального камня, заново создать производство красок для исторических кварталов на основе природных пигментов Приангарья?.. Обо всем этом и о том, как выйти на отражение культурных кодов в новой архитектуре Иркутских кварталов идет речь в очередном дискуссионном клубе Иркутского дома архитекторов.

Елена Григорьева

выгодное наследие / profitable heritage

It seems that the awareness of the importance of history and identity has come to us, so we'll move to the future together with our architectural and historical heritage. Irkutsk – with the unique wooden quarters of its historical center. But it is on the general level of ideology. However, when it comes to a certain plot of a certain owner, it is not that simple.

How to arrange heritage renovation, repairs and restoration so as to ensure the highest authenticity? To revitalize the woodcarving school, to restore mining of such traditional materials as sandstone and natural stone, to renew manufacturing of colours for historical quarters based on natural colours of Priangarie...

The above-mentioned issues, as well as the issue of how to reflect cultural codes in the new architecture of Irkutsk quarters, are discussed at the regular Discussion Club meeting held at the Irkutsk House of Architects.

Elena Grigoryeva

^ Так выглядели кварталы у перекрестка ул. Подгорной, Перовской и Борцов революции в 2013 году

Авторы, участники проекта и экспертное сообщество анализируют проблемы, возникающие при реализации масштабной для Иркутска концепции обновления исторического центра «Иркутские кварталы». Обсуждаются вопросы о сохранении деревянной архитектуры города, об изменении социальных функций территории, о включении новейших архитектурных объектов в структуру территории. Ставятся проблемы туристической функции территории, сохранения аутентичного колорита центра Иркутска.

Ключевые слова: Иркутск; «Иркутские кварталы»; исторический центр; туризм; деревянная архитектура; социологические исследования; топонимика; культурные ресурсы; идентичность. /

The authors and participants of the project and the expert community analyze the problems related to the realization of a big-scale concept of renovation of the historical center “Irkutsk Quarters”. They discuss preservation of wooden architecture of the city, changes in social functions of the territory, inclusion of the new facilities in the fabric of the area, as well as the problems of the territory’s tourist function and preservation of the identity of Irkutsk downtown.

Keywords: Irkutsk; “Irkutsk Quarters”; historical center; tourism; wooden architecture; social research; toponymics; cultural resources; identity.

Дискуссионный клуб «Выгодное наследие» / Discussion Club “Profitable Heritage”

текст

Марина Ткачева /

text

Marina Tkacheva

Иллюстрации

предоставлены Сибирской лабораторией урбанистики

16 августа в Доме архитектора в рамках темы «Выгодное наследие» состоялось обсуждение проекта «Иркутские кварталы» авторами и участниками проекта и членами редколлегии журнала «Проект Байкал». В обсуждении принимали участие: один из авторов, главный архитектор проекта Елена Григорьева; директор АНО «Иркутские кварталы» Сергей Маяренко; научный директор АНО «Центр независимых социальных исследований – Иркутск» Михаил Рожанский, архитектор, председатель Иркутского отделения ВООПИК Алексей Чертилов, социальный психолог Константин Лидин.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Инициатива обсуждения принадлежит Сергею Маяренко и мне. Общение между непосредственными участниками проекта позволит увидеть, что у нас получается в точном соответствии с концепцией, что не получается, почему не получается, а что, может быть, мы неправильно предвидели даже в концепции, и это требует вмешательства и корректировки. Членам редколлегии журнала «Проект Байкал» интересна судьба этого проекта

СЕРГЕЙ МАЯРЕНКОВ Я готов начистоту говорить о нескольких проблемах в Иркутских кварталах, к которым есть некоторые подходы, и мы их осуществляем. С точки зрения сохранения памятников у нас все понятно: есть законы, мы можем процесс регулировать, мы пошли в суды, и уже около 30 судебных дел готовится, процесс идет и понятен. Но в отношении объектов, которые не стоят на охране, ситуация более шаткая: нет правовых механизмов для сохранения объектов, и мы несколько объектов в Иркутских кварталах уже потеряли и потеряем еще. В отношении тех объектов, которые являются средовой застройкой, ситуация отличается от ситуации с памятниками, и непонятно, как ее решать, хотя тоже есть некоторые предложения. Следующий момент – городская и областная администрация имеют разные точки зрения на проект, что не позволяет нам задействовать федеральные и региональные ресурсы на всю мощность. Несмотря на это, даже при поддержке только муниципальных сил, можно сказать, что проект, скорее всего, состоится. Мы уже поправили и градостроительную документацию, и

проекты. У нас на сегодня готово девять объектов общей площадью почти 4 тыс. кв. м. На стадии проектирования находится почти 100 тыс. кв. м – 16 объектов. И еще почти 100 тыс. кв. м находится в стадии подготовки. Строится Иерусалимская лестница и сквер около Крестовоздвиженской церкви. В этом году мы планируем при помощи акции «Фасадник» привести в порядок около 50 домов. На повестке дня стоит вопрос: каким будет новое строительство, которое мы решили осуществлять? Я занимаю более гибкую и компромиссную, «пробизнесовую» позицию. У кого-то в отношении сохранения памятников формирования общественных пространств, этажности она может быть более радикальной. Это хотелось бы обсудить. И важно понять: что хотим строить на этой территории с точки зрения архитектуры и функции, которая там будет? Как вменить собственнику ту функцию, которую мы хотим? Это непростой вопрос. А второе: какими архитекторами будут делаться объекты? Будут ли они учитывать «код места», который мы делаем, или не будут? Мы уверены, что этот проект украсит лицо Иркутска, проявит его аутентичность. Перед нами стоит задача организовать проект так, чтобы в нем появились шедевры архитектуры XXI века.

Далее, как расселять жителей из этих объектов? Например, из памятников, не входящих в программу ветхого и аварийного жилья? Мы придумали несколько ходов расселения из памятников. Возможно ли дополнить проект «Иркутские кварталы» новыми объектами культурного наследия, чтобы это было выгодно и собственникам? Следует переосмыслить и опыт 130-го квартала. К сожалению, у проекта безграничные возможности. Бюджетных денег в проекте сейчас нет, мы зарабатываем просто на сопровождении объектов собственников, а это очень маленький процент от общего объема инвестиций. Состав команды в «Иркутских кварталах» – пять человек, включая помощников, инженера, заместителей; – это небольшой ресурс. Вынужден признать, что администрация может принимать и неблагоприятные для нашего проекта решения, каждый отдел решает свои задачи и не может быть управляемым на сто процентов. Например, мы не смогли предотвратить появление оранжевых заборов на центральной улице проекта при ее реконструкции. Тем не

^ Нынешнее состояние ул. Софьи Перовской

^ Объемная модель части 109-го квартала, прилегающей к ул. Горной. Торговый путь – новый пешеходный бульвар Иркутска, имеющий исторические корни (см. ПБ 46 КВАРТАЛЫ, с. 74-88)

менее администрация остается нашим главным помощником.

ЕГ Вопросов много. Послушаем Михаила Рожанского, мы вместе начинали работу над концепцией с интервью с собственниками. На чем сейчас сконцентрировано внимание социологов?

МИХАИЛ РОЖАНСКИЙ Мы начали работу три года назад. Сейчас вернулись туда командой, вели полевые наблюдения, разбив всю территорию на секторы, и выявили какие-то вещи, которые важны при последовательном движении всего проекта.

Но я все-таки начал бы с того, чем закончил Сергей: уроки 130-го очень важны не только как уроки управленческие, о которых в свое время говорили, но и того, как функционирует 130-й сейчас. Как и почему образуются мертвые зоны, как меняются смыслы, как одни смыслы наезжают на другие и разрушают какие-то перспективы 130-го. После того, как будет реализован проект Иркутских кварталов, 130-й, естественно, будет видоизменяться. Первое, что бы я отметил в Иркутских кварталах как серьезную проблему, от которой во многом будет зависеть расширение центра Иркутска – проблема достижения полистилизма. В проекте было заложено, что он продолжает и развивает культурное разнообразие Иркутска, что он радикально полифункционален, по сравнению, скажем, со 130-м кварталом. В Иркутских кварталах есть факторы, которые этому могут сильно противостоять. Надо смотреть, какие кластеры там развиваются и будут воспроизводиться. И наиболее мощный кластер связан с мечетью и базаром. Мечеть и базар – это мощная связка для воспроизводства жизни, деятельности, экономики, связанной с мигрантами из Средней Азии. Причем это неустраняемый фактор. Если мечеть и базар рядом, то этот кластер будет не просто воспроизводиться, он будет мощным, он будет доминирующим. И тут в развитии проекта должна быть заложена, во-первых, минимизация рисков, связанных со стихийным развитием кластера, работы с ним, а во-вторых, поддержка альтернатив. Пример такой альтернативы – это поток, связанный с трафиком из Иркутской области, из ближайших районов. Сейчас трафик связан с автостанцией, Центральным рын-

ком. Например, когда первоначально проектировалось общественное пространство около экобазара и рядом, здесь предполагалась деятельность, ориентированная на область. Была идея разных продуктовых фестивалей, недельных ярмарок районов – вот конкретный пример, где возможна и необходима поддержка для того, чтобы все-таки иркутское разнообразие не было представлено более всего Центральной Азией.

ЕГ Для меня очевидно, что должны быть исследования, и вестись они должны параллельно реализации большого проекта. Что касается места, которое мы тогда придумали возле сквера «Сибирь», возле экорынка, оно трансформировалось из-за вмешательства третьих сил и частных

интересов. Оно уже, к сожалению, планировочно не считается так, как мы его придумывали.

МР Наша главная идея – развитие проекта должно опираться на исследования, на мониторинг социальной ситуации, социальных факторов, тех, которые могут быть ресурсами, и тех, которые являются рисками. Экобазар – пример такого ресурса. Это небольшой, но перспективный кластер, на который можно опереться. Значит, нужно думать, что и как планировать, чтобы он расширился, взаимодействовал с окружением, иным по стилистике, по культуре. Возможные конфликты – это, конечно, главный фактор риска. Территория Иркутских кварталов очень разнообразна, но практически все районы распределены четко по кварталам. Они не просто автономны, а совершенно отвернуты друг от друга, между ними нет трафика, взаимодействие дольше протекает. Для того чтобы его наладить, открыть локусы друг другу, чтобы автономия была в необходимой мере и совмещалась с необходимой открытостью, естественно, тоже нужно постоянное отслеживание. Я думаю, все присутствующие так или иначе ходили по этой территории и обратили внимание, сколько заборов, какие заборы, какую роль играют заборы, почему они возникают и будут возникать и как происходит борьба за территорию. Например, по недельному циклу хорошо видно, как вокруг управляющего офиса и «Карамели» (между улицами Карла Либкнехта и Партизанской) в пятницу вечером местные жители, прежде всего дети, начинают как бы возвращать себе эту территорию и дороги. По крайней мере летом.

Еще один фактор, на который можно и нужно обратить внимание, – это абсолютная отгороженность тех культурных и образовательных учреждений, которые существуют на этой территории. Там совершенно четко: это театральное училище, Академия медицинских наук, 3-й лицей – они за пределами своих зданий вообще не существуют, хотя это тоже ресурс.

ЕГ К сожалению, согласно нынешним нормам, у школ по безопасности такие инструкции, что они закрыты абсолютно.

МР Я не призываю ликвидировать заборы, но когда мы думаем об общественном пространстве, о том, каким смыслом придать импульс, на какие ресурсы опираться, то вот они, эти ресурсы. Они здесь рядом, они существуют, но сейчас они существуют виртуально.

ЕГ Не являются ресурсами для ближайшего будущего.

МР И конечно, такой мощный и важный ресурс, как уже существующие конкретные территориальные группы, у которых есть позитивно направленная солидарность, в которых что-то происходит, которые что-то высаживают, что-то продолжают выращивать и так далее, то есть явно не собираются покидать эти территории, а собираются каким-то образом взаимодействовать с этим пространством, работать с ним.

ЕГ Я вижу два таких узла, которые уже частично преобразились и будут изменяться в ближайшее время. Это улица Горная напротив «Карамели», частично благоустроенная территория (к сожалению, пространство для экорынка резко видоизменилось, но то, чем оно заместилось, хотя бы внешний вид имеет пристойный). И Иерусалимская лестница, которая будет в этом сезоне благоустроена. Задача управляющей компании – в первую очередь организовать застройщиков, владельцев участков вокруг деревянной площадки для того, чтобы они своими проектами выходили на подобающий месту уровень. С появлением этих двух сред нового качества произойдут ли социальные изменения в потоке посетителей, пользователей этих пространств?

МР Произойдут безусловно. Мы разработали техзадание на эти два участка, они там территориально смыкаются. Сейчас это очень важно, потому что здесь образуется территориальное ядро проекта, от которого очень многое может зависеть. И это первый необходимый шаг исследования, непосредственно работающего на проект.

СМ То, что мы обнаружили в квартирах деревянных домов, достаточно тревожно: здесь практически не живут коренные жители, а их арендуют люди разных национальностей. Они совершенно не смотрят за этими домами, фасады их не волнуют. Полная безответственность! Они группами начинают собираться в разных зонах и собой отгораживают пространство, там с вечера пятницы трудно постороннему человеку пройти... Есть риск, что в новых пространствах практики поведения не изменятся. И как это социально простроить? Мы сейчас делаем лестницу, это большое, ответственное пространство; хотелось бы сразу встроить в лестницу опорные точки, инструменты, чтобы было комфортно той группе, для которой мы это и планировали. Такая задача с Михаилом Яковлевичем обсуждалась. И мы начали изучать социологию этого места.

МР Задача стоит минимизировать конфликты.

ЕГ Иерусалимская лестница, площадь у ее подножья и верхняя у входа в мемориальный парк должны насыщаться какими-то акциями, мероприятиями, чтобы определенные городские сообщества чувствовали себя там как дома.

МР Первоначально в проект была заложена идея превращения этой площади в своеобразный центр для туристического трафика по деревянному Иркутску: расположение информационной службы, фонтан, оформленное публичное место и сама лестница удобная, и обзор исторического Иркутска сверху... Надо привязать к этому вещи образовательно-культурного характера, образовательно-культурные функции, в то же время ориентированные на Иркутск, историю Иркутска, возможно, имеющие акцент на вечернее время, предусмотреть недельный и годичный циклы.

СМ Мы обсуждали две задачи. Одна – сегодняшние процессы на этой территории, включающие и недавнее прошлое. А вторая – как старые процессы могут повлиять на развитие и как пространству, которое мы можем строить, можно сразу задавать некоторые формы поведения людей, которые будут в этом месте.

КОНСТАНТИН ЛИДИН Я предлагаю модель, которую можно применить сейчас. Она простая, но очень эффективная: исследовать общие экономические процессы, разделив их на три таких зоны: белая зона (законопослушный, открытый, прозрачный бизнес), серая зона («слегка» законная) и совсем черная. Каждому типу экономики достаточно жестко соответствует определенный тип городской среды. Когда проектировался 130-й, он проектировался под белую зону, то есть это проточная система, и практически все учреждения повернуты фасадами в поток. Причем в поток спонтанный, люди, которые никак не фильтруются. Такое пространство нормально функционирует только в случае, если у нас бизнес прозрачный, белый. К сожалению, Россия – один из лидеров в области серого бизнеса; у нас в районе более половины всего бизнеса – серый. В 130-м мы наблюдаем вот такое противостояние белого и серого. Серому присуща совершенно другая структура: это сложная, запутанная, лабиринтного типа застройка, в которой может передвигаться только свой, а чужому там хода нет. Серому бизнесу чужие люди опасны. Соответственно, попытка застроить сквозные проходы в 130-м оправдывается выходом торговых площадей – это неправда, потому что

веранды в значительной степени пустуют. Это предлог. На самом деле это борьба образов, белого и серого. У Иркутска, к сожалению, очень мощные традиции серого и черного бизнеса, у нас, в общем, на этом месте еще совсем недавно была совсем уж сверхплотная застройка, в которой надо было протискиваться. И в такой среде, почти непроницаемой, как раз черный бизнес себя очень хорошо чувствует. Это очень опасно, потому что туда правоохранительным органам доступа нет, просто физического доступа нет, разве что на бронетехнике. Мне кажется, что эта работа не проведена в проекте торговых кварталов, по крайней мере я ее не вижу. Где там белая зона, где серая? Они все равно там будут, и та, и другая.

ЕГ Мне кажется, что Иркутские кварталы, родившиеся от торговой оси, они сориентированы нами на светлую сторону...

КЛ Они не могут все быть белыми... У нас все равно будет серый бизнес, он никуда не денется. Вопрос, как их, так сказать, разделить, чтобы они не пытались захватить территорию друг друга. Может, как-то обозначить эти территории, потому что, с точки зрения белого бизнеса, памятники – это выгодно. Прозрачный бизнес уже умеет монетизировать...

СМ Это на самом деле вопрос серьезный: как на памятнике зарабатывать?

ЕГ В поддержку того, что сказал Константин Львович, обращаю внимание, что есть в кварталах камень преткновения, с которым мы не можем справиться: здание в проекте планировки ошибочно, вопреки воли авторов, нарисовано прямо на центральной торговой оси...

КЛ Ну, не ошибка это...

СМ Это дискуссионный объект, и мы даже обсуждали решение по нему, оно было несколько другое.

ЕГ Как один из идеологов проекта, пользуясь случаем, я еще раз обращаю внимание ваше и всех, кто занимается этим пространством, на недопустимость таких пресечений главного потока. Можно допустить такие вещи во второстепенных потоках. Но главная – трансгородская! – торговая ось в этом месте идет по неразграниченной территории, которая была одной из предпосылок траектории торговой оси именно в этом месте. И когда появляется какими-то таинственными путями в проекте планировки здание, стоящее прямо на торговой оси, – это грандиозная ошибка. Надо ее исправлять сейчас, когда будут вноситься изменения.

СМ Для бизнеса это решение даже невыгодное: когда мы нарисовали объект ближе к улице Байкальской и высвободили центральную часть оси, то объект получался в два раза больше по площади застройки. И все-таки посчитали с точки зрения скорости и других факторов: им выгоднее сместить объект прямо на центр торговой оси. И в самый последний момент, минуя наши документы, инвесторы обосновали и внесли это изменение в проект планировки, при согласованиях внутри городской администрации. Они это обосновали так: маленький объект ставим, пусть даже посередине, с двух сторон организуем входы, а благоустроенная площадь получается в два раза крупнее, чем в нашем варианте, и общественное пространство увеличивается. К тому же объект имеет входы со всех сторон окружности.

КЛ Извлечь выгоду бизнес сможет из чего угодно, он достаточно гибкий для этого, по крайней мере мелкий и средний бизнес.

СМ Вы говорите, что, возможно, некоторые зоны надо оставить более закрытыми, и будет бизнесу там определенного типа комфортней?

КЛ Серые зоны будут, и их будет по крайней мере половина, но их надо разделить, потому что они все время

пытаются залезть на территорию белого. Для представителей серого бизнеса сквозные оси выглядят дико и неестественно, они совершенно искренне считают, что это плохо. Точно также представителю прозрачного бизнеса кажется диким и нелепым, когда эти оси перегораживаются. Вопрос-то идеологический, люди совершенно искренне борются за свое мировоззрение. Конфликты неминуемо будут, но нельзя, чтобы они приняли крайние формы, хотя возможность такая есть.

СМ Исторически на месте нашего проекта была Шанхайка, полностью серая зона. Вынули ее полностью, ее там нет теперь. И мы стремимся, чтобы его все белее и белее делать. И делать, чтобы центр города был прозрачен, и навигация чтобы была прозрачна по всех территории. Это вопрос общей безопасности на территории кварталов. И сообщества меняются, приспосабливаются...

КЛ Вы же привели несколько примеров: заборы ставят, на корточки садятся, перегораживают линии...

СМ А вы посмотрите: была Шанхайка в 108-м квартале. А сейчас на площади Павла Чекотова те же самые китайцы, только торгуют уже в более цивилизованных условиях. Я сторонник того, что мы средой можем менять и форму торговли.

ЕГ Да, проект построен на проницаемости: главная торговая ось (променада) и второстепенные ходы, перпендикулярные главной... Постепенное проникновение проницаемости в эту погубленную для города территорию серого и черного бизнеса. Понятно, что люди сразу не изменятся. И мы знаем, год назад у нас была такая эйфория: одного из самых серо-черных собственников перевели на светлую сторону, а потом оказывается, что ничего подобного не произошло. Наш проект уникален не только в части ПЗЗ, которые сейчас в Москве приводят в пример другим городам, но и как социальный эксперимент. Кстати, почему быстро не решается вопрос о рекламе, хотя ПЗЗ утверждены и правилами реклама не разрешена, могут быть только вывески?

СМ У городской администрации сложность: теми ресурсами, которыми она располагает, невозможно оперативно привести в порядок весь город. Мы в Иркутских кварталах все посчитали: у нас 243 фасада зданий, из них 66 объектов имеют некачественную завершенную рекламу. Многое уже исправили, но 66 остались; по каждому объекту своя программа действий – от мягких мер (почетные поручения мэра) до заявлений в суд. 50 фасадов переделаем акцией «Фасадник». Там 12 рекламных больших щитов, один из которых мы уже убрали, и мэр города Д. В. Бердников поставил задачу снять остальные 11. Более того, в Иркутских кварталах появилась возможность и ресурс завести специальную бригаду, с помощью полицейских, департамента контроля, мы своей командой с лестницами, инструментами наведем порядок с рекламой. Думаю, что мы до конца сентября все уберем. С главным архитектором мы обсуждали вопрос о том, что размещение рекламы возможно только для тех фасадов, для которых согласованы паспорта и только в том случае, если там есть место для рекламы. Я предложил продвинуться дальше и разрешать рекламу только там, где здание приведено в соответствие с паспортом фасада. Довольно радикальное решение.

ЕГ В Иркутских кварталах, согласно утвержденным ПЗЗ, рекламы нет, есть информационные конструкции.

СМ Если ваш паспорт фасада не предусматривает место для размещения рекламы и не соответствует тому, что мы нарисовали, значит, ее не будет, ее негде будет нарисовать.

ЕГ Есть еще проблемы другого рода: мы запроектировали площадь с деревянным мощением, тротуары,

скверик. В связи с этим, конечно, надо привлекать квалифицированных специалистов по работе с деревом, с пропитками и так далее. Одна из серьезных задач – поставить на более цивилизованную основу проектирование общественных пространств. Это ответственное дело, и надо выполнять проект в полном объеме, а не рисовать эскизы «на коленке».

АЛЕКСЕЙ ЧЕРТИЛОВ Я услышал разговор про общественное пространство. Я согласен с Константином Львовичем, что это действительно очень опасный путь в смысле социальных отношений и конфликтов. Собственники, которые уже появляются, будут стремиться жить так, как им кажется удобным. Есть, например, жилая усадьба. Собственник точно отгородится, и никакие общественные вещи ему неинтересны. Получается, надо очень жестко планировать зонирование для того, чтобы были не только чисто коммерческие, смешанные общественно-деловые зоны, должны быть и чисто жилые, спокойные для индивидуального проживания зоны. И это надо регулировать именно на стадии ПЗЗ и градрегламента для того, чтобы не было некомфортного жилья.

ЕГ Алексей Константинович, так это и сделано. Выделены жилые зоны.

АЧ Я к тому говорю, что комфортно жить в сродной среде. Если, например, я купил жилую усадьбу, я должен быть уверен, что завтра сосед не поменяет функцию и она не перестанет быть жилой... Это экономическая сторона недвижимости и интересы собственников: если я сегодня купил задорого усадьбу, а рядом потом что-то изменится, то я уже эту усадьбу дорого не продам. Она потеряет в своей стоимости, и останется только продавать ее под коммерческое использование... Весь мир так живет. Я знакомился с этими зонированиями, и европейскими, и американскими. У них это жестко делается, мы к этому еще не пришли, мы так не умеем. Второй момент. Хороший опыт Томска: учить жителей коммунальных домов, собственников квартир в больших домах, даже особняках эксплуатировать эту недвижимость. В России маленькие объекты вообще выпали из зоны внимания всех – и законодателей, и эксплуатационников, и строителей. Мне кажется, что если ваша компания будет сопровождать, создаст отдел, консультационный центр по эксплуатации...

ЕГ Хотелось бы это выделить в отдельный пункт. Абсолютно согласна. Опыт есть не только в Томске, я приведу в пример Кулдигу, маленький городок в Латвии. Там муниципалитетом и сообществами был создан такой центр, который снабжал красками; там учили красить, помогали советами, предоставляли станки, на которых люди чинили свои наличники, и так далее. На улице Подгорной, в самой середине, есть в муниципальной собственности усадьба, она была предложена под музей дерева, а внутри этой усадьбы мы предложили разместить мастерские, которые как раз и представляют муниципальный или «Иркутскими кварталами» курируемый центр обучения жизни в деревянном доме, деревянной усадьбе. Мастеров можно нанять, у них научиться; это школа жизни в деревянном городе. Это предложение зафиксировано в граддокументации, и важно его не потерять. И, Сергей Юрьевич, это стоит продвигать.

СМ Это реально сделать при Иркутских кварталах. Если нам ресурсы позволят на следующий год, можно попробовать сделать такую мастерскую и всех жителей туда направить. Мы им поможем документы по памятникам подтянуть, проект сделать, например, или ремонт чего-то минимального; поможем обследовать, что у них где не так и где какая опасность в доме. Это вообще интересная тема. «Вот, смотрите, – говорит бабушка, – я живу в этом доме, у меня крыша бежит. Я пошла разбираться, как

мне ее отремонтировать, а мне сказали, что надо сделать проект реставрации. Выставили два миллиона за проект, а потом два миллиона за ремонт». Пенсионерка не может позволить себе такие траты и ремонт не делает, а дом гниет. И это серьезная проблема. А большинство собственников говорит: вы знаете, у нас дом-памятник, нам сказали, что с ним делать ничего нельзя. У них, конечно, не хватает даже знаний, что с ним можно делать. И они просто его не трогают. В одной из усадеб в прошлом году рухнули ворота. Ворота красивейшие, у нас таких красивых ворот в Иркутских кварталах больше не осталось. Мы за свой счет в прошлом году уже сделали их обмеры. Мы смогли их быстро отснять, чертежи сделали и аккуратно сложили ворота, чтобы никто на дрова не попил и не унес. У собственников стратегия – чем хуже их дом выгладит, тем больше шансов на расселение; от этого унас центр как после бомбежки.

ЕГ Как выходить из положения в таких ситуациях?

СМ Сейчас будем разбираться. Эту ситуацию мы узнали, только когда «Фасадник» провели. Выяснили, что красить можно, все согласовали со Службой охраны.

АЧ Чтобы этот центр работал достаточно плодотворно, надо сделать несколько затратных для вашей компании вещей; жители это не потянут. Надеюсь, что и вторая, архитектурная часть состоится. Надо делать по территории кварталов подборку исторических аналогов малых фасадных архитектурных форм: наличники, декоративное оформление. И для них использовать типологию по практическому каталогу. Главное – пропаганду надо вести на уровне практики: не только наличники, но и ворота, ограждения. Типаж этот сложно выстроить, так как мало информации. Если специалисты начнут прямо сейчас, то каталог этих форм можно составить буквально до нового года. Для всего города это пока нереально, а для этих кварталов можно: поднять старые фото, проекты реставрации, обмеры – это реально. И сделать для жителей такую информационную базу. Если эту работу осуществить, то вы намного быстрее будете определять с жителями, что делать. Это и доказательная база, для Службы охраны памятников. Главное – информация будет открытой, доступной для всех.

СМ С помощью этой информации можно процентов 50 вопросов снять.

МР Я считаю важным вопрос о жилых зонах. Там есть один момент, который надо предусматривать и закладывать. Это пространство планируется как зона туристического внимания и туристического тракта. Это тоже конфликтотенная тема. Когда мы говорим об информационной поддержке мастерских и так далее, это может быть реальным инструментом влияния на ситуацию. Я уже говорил, что необходима какая-то мера автономии и в то же время инструмент открытости. Прежде всего речь идет о жилых зонах, дворах, усадьбах, которые сейчас отгорожены огромными заборами, которые нервно реагируют на всякое внимание: когда мы ходим, наблюдаем, а тем более – если будут туристы.

ЕГ Да, и учитывая тот прогноз, который сегодня по телевизору прозвучал, это будет миллион туристов. В основном – китайцев. Это ресурс, но только если это не спровоцирует конфликты.

МР Там замечательная была идея в самом начале, отличающая от 130-го квартала, что строится не объект туристического внимания, не визитка, а расширение части центра города. И повседневная иркутская жизнь, и туризм будет развиваться уже на этой основе, на этом фоне.

КЛ Вряд ли вы, наверное, согласитесь, чтобы через ваш двор проходило каждый день три тысячи человек. Это

надо разделять, иначе действительно будут конфликты, причем вплоть до крайних каких-то форм. Нельзя заставлять людей менять образ жизни.

ЕГ Все жилые зоны изолированные, они даже замкнуты абсолютно. А о том, что через усадьбу жилого дома кто-то проходит, речи вообще нет.

КЛ Тогда и рассматривать надо две разные задачи. Одна – фасадная – для туристов образ формировать. Другой образ мы формируем для жителей. Я, конечно, при любом удобном случае высказываюсь по поводу покраски фасадов. В этой области сложилась ситуация совершенно, мне кажется, нелепая. По регламенту закладываются цвета в виде напечатанных на бумаге, полиграфическим образом. Ну в самом крайнем случае акварелькой покрашено; это принципиальная ошибка, это антинаучный подход.

Я предлагаю вводить в регламенты не оттенки по бумажке, а состав краски. Хотя бы основного пигмента. Это пигменты, которыми красился Иркутск на протяжении трехсот лет, пока сюда «Тиккурила» не пришла. Это охранительная, железистоокисная красная, он же гематит. А то, что сейчас красится, человеку, который более-менее с глазами, очевидно: грубая подделка. Чем покрашен фасад в туристическом маршруте – очень важно.

СМ Я не хочу заниматься производством красок: я хочу просто купить краску и использовать. Если мне нужна краска – обеспечьте меня сейчас. Может же получиться ситуация – сейчас зашьем ее в документы, а купить не сможем нигде, и что тогда? Безответственно.

АЧ Здесь изначально методически неверный подход. Фасадное цветовое решение улицы должно базироваться на общем проекте, а не на частном доме. Насколько я знаю, в Иркутске было всего два больших проекта: по улице Карла Маркса занималась Ольга Железняк, делала концепцию цветового решения, но она делала художественную концепцию, не историческую, не реставрационную. И второй раз, опять улица Карла Маркса, это делала фирма «Традиция». Регламент был утвержден Городской думой. Там как раз научный подход: были сделаны зондажи зданий, выявлена первоначальная покраска. Это не очень сложная, быстрая и недорогая работа. Дома вообще некоторые не красились. В паспортах памятников есть методологические, методические ошибки. Потому что люди, которые сейчас делают это, – неподготовленные специалисты. Их надо готовить, им надо рассказывать, как дома эти красились или не красились, почему не красились. Это важный момент. И цветовая гамма. На наличниках цвета не использовались. А сейчас наличники многокрасочные, многотональные, красят их в яркие цвета. Это наносит вред Иркутску как историческому городу. Не было такого никогда! Они были или чисто белые, ну все равно маленько серенькие, или, например, голубоватые, зеленоватые...

ЕГ Алексей Константинович, а в сообществе архитекторов, лицензированном Министерством культуры, которое занимается памятниками, есть колерная книжка, основанная на исторических колерах? Именно местного происхождения?

АЧ Да нет, конечно. Такую работу надо проделать единую по территории.

ЕГ Сергей Юрьевич, мне кажется, это тоже стоит учесть...

СМ Да, но если я буду всю систему разделения труда производства старых материалов восстанавливать, я не справлюсь.

АЧ Почему не делались эти колерные книжки, эти каталоги? Служба охраны памятников сегодня, или

общество охраны памятников, нищие. А это деньги. И программа реставрационных работ издание таких каталогов не предусматривает, а надо бы. Хотя Служба охраны памятников заинтересована в том, чтобы город приводился в порядок, хотя бы в части памятников. Надо издавать такие каталоги для открытого, а не ведомственного пользования.

СМ Хотите, я выступлю везде и всем буду рассказывать, что нужны прииски? Только вы теперь скажите, будут ли у этого бизнесмена, который этим займется, будущие продажной продукции достаточными, чтобы получать необходимую прибыль?

ЕГ Мы не собираемся все это остановить, но возродить технологии надо, тем более при работе с реставрационными памятниками. От нас требуется, чтобы мы это вынесли на повестку.

КЛ По-моему, я единственный, кто понимает, о чем речь. Технологически ничего здесь сверхъестественного нет.

СМ Теперь прикладной вопрос. «Фасадник» у нас через месяц. Что делаем? Чтобы честными быть перед всеми, мы будем красить. Цвета подберем, переделаем.

АЧ Я еще раз хочу обратить внимание, что не все дома красились.

СМ Мы красим только те, которые крашенные.

АЧ И тогда не надо бояться «черного» дома: он не черный, а благородный естественно серый, цвета старого дерева. Технологи-деревянщики скажут, что разные деревья ведут себя по-разному в городских, в деревенских, в горных условиях. Получается, надо подобрать обшивочный материал. Это можно задать в колористическом проекте фасадов. Это не реставрация даже, а ремонт. Пропитки сейчас позволяют любого тона дерева добиться. Специалисты должны просто дать технологическую карту: какая фирма-производитель пригодна ли для того-то... У меня еще один вопрос. Считаю, что настало время Иркутским кварталам заняться топонимикой, в ваших интересах. У вас уникальная территория, где максимально в процентном соотношении сохранились улицы с родными названиями. Завтра выдаем первый раздел исторический, там уже есть короткие справки про историю названия улиц. Городская комиссия по топонимике ждет не дожидается, когда будут обращения, чтобы с этим работать. Пока никто не обращается. Если будет инициатива, можно попросить историков сделать расширенные справки уже по улицам.

ЕГ Упомяну о новой топонимике. Вот-вот настанет время, когда наш пешеходный бульвар начнет как-то называться у народа. Мы в свое время создали список с двадцатью вариантами названий для этого важного участка торговой оси от улицы Тимирязева до «Карамели» и далее до Советской. Сейчас самое время закрепить названия за нашими новыми скверами, сквериками и бульварами пешеходными.

Как называть сформировавшуюся вокруг Шанхай-сити зону – Китай-город, Чайна-таун или Мандарин? Эта тема становится еще более важной в связи с грядущим нашествием китайцев, миллиона китайских туристов. В каких объемах продвигать нашу китайскую тему? Тут быгодились исследования и прогнозы: что интересно, что нужно китайским туристам, что нужно другим туристам, что, может быть, им покажется привлекательным. Конечно, мы делаем центр для иркутян, но прятать голову, как страус, не обращая внимания на набирающий темп туризм, нельзя.

АЧ Исторически название Иерусалимская гора – не первое. Первым было Крестовая или Крестовская гора,

потому что в начальной истории Иркутска на выезде из города в сторону Байкала в конце Заморской (Ленина) улицы появился поклонный крест. Иерусалимской (уже третье название) она стала называться по имени Входа-Иерусалимской церкви, Иерусалимского кладбища, то есть историческое название за почти три века крепко приросло. Поэтому наименовывать заново эту местность будет неправильно.

ЕГ В литературе названия Иерусалимская лестница я нигде не нашла.

СМ Оно хорошо приклеилось.

ЕГ Важно и другие места сейчас не упустить. Нижняя площадь тоже требует топонимического решения; у нас было условное название в пояснительной записке – Подгорная площадь. Потом мы стали ее часто называть Деревянная площадь. Надо обсудить, потому что как начнем, так и продолжится. Не будем повторять ошибки: 130-й квартал – странное название.

АЧ Историческое название – Подгорная. Но Подгорные улицы есть везде и всюду. В архивных документах эта часть города называлась Подгородно-Иерусалимская или Подгорно-Иерусалимская. Да, слишком длинное...

СМ Но если чуть-чуть пододвинуться в Матрешинскую зону? Может, они дадут нам названия общей территории? Чувствовалось, что там была очень живая деятельность, такой местный Лас-Вегас... Горная – это по профилю деятельности жителей?

ЕГ По рельефу.

АЧ Получается, что сегодняшняя территория тоже особенная. Это была жилая зона с маленькими лавками, торгующими мелочью.

ЕГ На 1917-м история не заканчивается. Сейчас вся промзона перепрофилировалась в торговлю: «Меркурий», «Сезон», «Карамель», ТЦ «Иркутский». И это – Торговый путь. Неплохое название, надо подумать...

Проект рассчитан на долгие годы, и на повестку выйдут долгосрочные вещи: историческая идеология должна распространиться на производство материалов (песчаник), красок, основанных на местных пигментах. Давайте сигналы потенциальным местным производителям пигментов или песчаника, что они будут востребованы вот в таких-то объемах.

СМ Согласен. Причем мы достаточно прилично красок закупили бы на «Фасадник»... Предполагается тысяч на триста.

ЕГ Устроить между ними конкуренцию: кто быстрее развернет производство, тот и выиграет...

СМ На самом деле у меня даже есть свое производство, но оно пропиточное: огнезащита и биозащита. Может, на его базе можно сделать, но это совсем другой проект.

ЕГ Стоит вернуться к вопросу, связанному с социальной динамикой места и с новыми общественными пространствами, которые уже готовы или вот-вот будут готовы. Вы говорили о создании фокус-групп, о мозговых штурмах, которые подскажут, как функционально насытить эти территории.

СМ Видны две очевидные «развилки» для этого пространства. Одна часть населения стареет, и хотелось бы на территории квартала для стареющей группы населения что-то свое и им удобное, комфортное сразу зашивать. А другая группа – это молодежь, которая модель поведения постоянно меняет и которой нужно дать такие знаки на территории, чтобы они эту территорию считывали как свою и осваивали.

ЕГ Такое можно сделать вокруг, например, Иерусалимской лестницы.

СМ На Иерусалимской уже сейчас нужно делать.

МР Это заложено в техзадание – определения функций Иерусалимской. Они, конечно, связаны с тем, что надо проводить фокус-группы с возможными акторами, которые могут стать ресурсом. Группы, которые собирать надо в ближайший месяц...

СМ Попробуем. У нас есть сеть, возникшая на форуме городских сообществ. Там были всякие битбоксеры, современные ребята, и можно было поработать с теми группами, которые сейчас заявляются.

МР Но при этом сохранить идею лестницы как нешумного места, иначе смыслы этого пространства войдут в конфликт с парком, который акцентируется и будет акцентироваться как место памяти. Хорошая идея – образовательно-культурные истории.

СМ Была нереализованная версия театра на основе постоянно действующего городского, может, модерировать ее?

КЛ А за счет чего территория жить будет?

СМ Она муниципальная, обслуживается муниципалитетом.

КЛ Городские сообщества могут за это заплатить...

СМ За что платить? Это муниципальная собственность, она встанет в программу обслуживания горзеленхоза и автодора...

КЛ А муниципалитету это надо?

МР Надо, это публичное пространство, если оно будет активно работать на экономику города.

ЕГ Сюда будут приходить со своими акциями и те, кто способен заплатить за услугу. Доход с этой территории тоже можно получить.

СМ А это тоже обсудить надо. Может быть, АНО «Иркутские кварталы» могли бы сдавать рекламные площади в аренду? А эти средства пустить на содержание общественного пространства; это продуктивное предложение, его надо обсуждать.

ЕГ Ну и пиар...

СМ ...Несколько щитов. Можно было бы какие-то аккуратные вещи вставить в рекламу, а на эти деньги на лестнице же и устраивать события, реализовать какую-то окупаемую модель.

ЕГ Поговорим о культурных кодах.

СМ Мы не коснулись новой архитектуры, какая она должна быть.

ЕГ Я могу сказать о своем видении того, как их выявить, как культурные коды могут отразиться в современной архитектуре. В Иркутских кварталах, на пересечении Карла Либкнехта и Горной, сформировалась такая зона, где крупный и продвинутый заказчик, у которого хороший вкус и прогрессивное стремление к качественной архитектуре. У него непростой объект там предполагается непростые соседи. Я предлагаю на эту территорию объявить архитектурный конкурс, пригласить к участию зарекомендовавших себя успешными объектами иркутских архитекторов, а можно и не только иркутских. И в задание включить все, что мы знаем про эту территорию, что выявлено в результате исследований Алексея Чертилова. В задании же отметить, что архитектура этого нового комплекса – современная, но архитектор может показать, как в современной архитектуре отражаются культурные коды этой замечательной территории. Не объясняя, не запрещая, не ограничивая. И мы получим от пяти, например, участников пять разных векторов, увидим каким образом культурные коды отражаются в современной архитектуре в пяти вариантах. То, что мы могли себе

позволить отразить в ПЗЗ, мы отразили. Когда мы начали писать про то, что современная архитектура не должна имитировать старую, мы столкнулись сразу с юристами, потому что это невозможно сформулировать. Предлагаю эмпирическим путем выйти на перспективные направления – через конкурсы

АЧ Исторические коды появятся во втором разделе.

СМ Я кратко скажу, какие ходы возможны в отношении памятников. Например, собственник имеет земельный участок с некоторыми ограничениями в центральной части города, но хочет построить объект, превышающий параметры градплана. Ему предписана неплотная застройка – 30 % или 40 % (я бы, кстати, даже ограничил под эту задачу на некоторые части регламент процента застройки, ужесточил). И ему говорят: привози, восстанавливай исторический памятник; ставишь его на фронте улицы – и получаешь на заднем дворе большую плотность застройки. Это один ход. Второй ход. Если на территории частного дома собственник приютит и правильно расположит памятник, то бизнесу делается предложение: на этом земельном участке размещаете объект-памятник; осуществите перенос за свой счет – и собственнику, который дал под это свой земельный участок, объект остается. Так можно попробовать даже расселять жителей из памятников в многоквартирные дома. Может быть, надо по-иному ставить вопрос и о ценности памятников. Условно говоря, бабушка владеет памятником, и у нее сразу – два миллиона крыша, два миллиона проект. Если государству, городу или бизнесу памятник ценен, то надо сверхдоплату за то, что это памятник и за его содержание, включать в какую-то схему софинансирования. Собственник платит за ремонт традиционной суммой, как если бы это был обычный дом и ремонт кровли стоил бы 200 тысяч рублей. А сверхдоплата за то, что это памятник, идет из каких-то специальных фондов. С точки зрения собственности, мы вмешиваемся в дела собственника: если я – собственник, то с собственностью делаю, что хочу. Но у меня и ограничения. Условно говоря, если вы хотите, чтобы я эти ограничения держал, и вам это ценен памятник – помогайте тогда. И в этом есть рациональное зерно.

ЕГ А вы сотрудничаете с Министерством культуры? У них каждый год выделяются небольшие средства на дотацию по ремонту памятников. Я с этим сталкивалась, когда требовал помощи федеральный памятник.

АЧ Юридически это возможно.

СМ Плюс консалтинг этих бабушек и всех собственников. Плюс какие-то недорогие оптовые решения: если одна фирма берется, мы ей подбираем не один дом, а сразу десять, и цена покупки материалов или услуг оказывается в разы дешевле. Оптовые варианты – это тоже выход. Возможна и такая схема: мы ставим не расселенный на сегодня дом посередине 130-го квартала, то есть полностью готового, раскрученного проекта с трафиком, новой городской средой, доходным бизнесом. Можно предварительно заложить в строительство Иркутских кварталов такой механизм, что по мере реализации территория будет повышаться в цене и дойдет до такого состояния, когда памятник станет экономически целесообразно расселить. Вот это тоже наш механизм ответа на восстановление среды и решение вопросов расселения граждан без бюджетных средств из ветхого фонда.

АЧ Насчет компенсационных – это правильный совершенно и законный путь, потому что законом федеральным это предусмотрено, но рамочно. Но Федерация может финансировать только памятники федеральной собственности (а не федеральной охраны) и не имеет права финансировать объекты ниже статусом.

СМ Мы про частных говорим.

АЧ Разработку и утверждение компенсационных механизмов на местах (на уровне субъектов Федерации и муниципалитетов) в соответствии с законодательством имеют право делать сами субъекты и муниципалитеты.

СМ Возможно городу направить...

АЧ Можно налоговыми льготами пользоваться, там тоже запретов нет.

СМ А теперь про капитализацию территории. Если мы ищем деньги внутри территории, то, скорее всего, они будут маленькие, и непонятно, сколько иркутянин готов доплатить (условно), посещая как бы аутентичное, историческое место и сделать выбор, при прочих равных, в его пользу. Вот этот момент непонятен мне. Но мне понятен механизм, когда люди едут посмотреть то, чего нет больше нигде в мире. Когда с БГУ мы делали этот расчет, мы посчитали, что при прошлогоднем и существующем турпотоке и примерных тратах туриста за один день (в среднем) на проживание в городе, на гостиницу, на сувениры, на еду и т. п., то получается 7,5 млрд внутренней выручки в экономику города. Если мы мультипликацию раскрутим от этого, проект может приносить до нескольких десятков миллиардов рублей оборота внутри города. И это серьезные деньги, они везде, на каждом шаге пополняют муниципальный, региональный, федеральный бюджеты. Такие условно-экспортные, туристические деньги – они качественно другие. Эти экспортные деньги можно замкнуть на то, что надо поддержать реставрацию деревянных памятников Иркутска как элемент общей капитализации, тогда этих экспортных денег станет еще больше. Это еще один механизм, который мы попробуем сейчас разработать. Тогда уникальность, аутентичность станут способом привлечения международных денег, а наша программа станет серьезным обоснованием не только бюджетной эффективности, но и возможных компенсаций. И тогда она будет интересна всем.

АЧ Нет, частнику от этого никак не перепадет...

СМ Мы сейчас думаем еще над одним механизмом: как придавать историческим территориям некоторый общий экономический контекст, типа «микроэкономической зоны», и для нее устанавливается внутренний налог-сбор, как бы внутренняя плата на поддержание общей инфраструктуры, например, исторических объектов.

АЧ Торговая наценка.

СМ И мы, отвечая за модерацию и привлечение туда какого-то трафика посетителей, подобно работе оператора в торговом центре, делая эту работу, с этого трафика чуть-чуть получаем доход и на это реализуем проект. Это еще один механизм. Но пока он, если хотите, фантастический, хотя у него есть экономическая основа для жизни.

АЧ В России в определенных зонах уже такие наценки есть.

СМ Мы прорабатываем немного другую схему. Если нам удастся продемонстрировать, что наша работа приносит прибыль, она стоит денег, и каждый инвестор от этой работы получил дополнительную капитализацию на свой квадратный метр, увеличил количество покупателей на свои услуги, например, за счет правильной навигации. Конфликтов на территории нет, преступности нет; посчитали экономические эффекты от нашей работы – и разумно какую-то часть этих денег направить на реализацию проекта, заплатить нам за работу. Тогда будут средства на продолжение проекта, его эксплуатацию и развитие. А еще заплатим за то, что создает среду-синергию и т. п. Много идей в этом направлении, но как это сделать, я пока не до конца понимаю. Очевидно, что экономические

> ^ Объемная модель части 109-го квартала, примыкающей к ул. Горной. Торговый путь – новый пешеходный бульвар Иркутска, имеющий исторические корни (см. ПБ 46 КВАРТАЛЫ, с. 74-88)

основания для этого все есть, все «кубики», из которых можно реализовать схему, есть. Осталось завершить разработку и сделать. После этого можно с инициативами выходить на Минстрой, на федерацию. Надеюсь, реализуем замысел.

АЧ Кроме России, все сначала считают экономику, потом про памятники говорят, а не наоборот.

СМ Если экономику памятника считать собственнику на своем земельном участке, памятник проигрывает обычному зданию – он дороже во всем. А если мы считаем экономику помасштабнее и дотягиваем эти расчеты до размера города, то памятник становится жемчужиной, которая другие процессы запускает и усиливает. Только теперь давайте на этот памятник привлечем средства, с этих масштабов городской экономики, придумаем механизм как например от доходов с туризма направить часть средств на культурное наследие. Понимаете?

ЕГ Стоит вспомнить и об инженерии. При всех выявленных минусах 130-го, он имел еще одну инновационную для Иркутска вещь: проходной тоннель. К сожалению, это первый и последний такой прогрессивный опыт в регионе. Все-таки надо в Иркутских кварталах вести разговоры о прогрессивных решениях по сетям. Когда приводят в порядок общественные пространства, электрические провода и столбы тоже убирают, закапывают в землю.

СМ Можем ли мы влиять на них через ПЗ? Иркутскэнерго пообещало спрятать, но ничего не сделали пока.

ЕГ Архитекторы Сибирской лаборатории урбанистики сейчас прорабатывают улицу Подгорную. Там фонарные бетонные столбы стоят, совершенно не сомасштабные деревянным домам.

СМ Муниципалитет не очень заинтересован в индивидуальной программе по каждому объекту: мосты, столбы и заборы делаются без привязки к конкретному месту, причем в такие сроки, что изменить уже ничего нельзя.

ЕГ Я это понимаю, но надо добиваться четкого взаимодействия.

СМ Я рассчитываю, что хорошо прозвучит, когда мы сейчас эту 3D-модель доделаем и можно будет погулять-

по будущим Иркутским кварталам. Мы ее опубликуем, и там можно будет сразу снять весь срез обратной связи, всех, кто увидит себя в этой территории, они могут нам сказать что мы не учли. Мы в этой цифровой модели попробуем зафиксировать то, что хотим строить и показать горожанам, инвесторам. Можно сейчас уже с помощью цифровых технологий предьявлять то, что мы будем делать завтра. Заранее, а не тогда, когда уже построили.

ЕГ Я поделюсь одной своей идеей по поводу подземной урбанистики.

СМ Это очень интересная тема.

ЕГ Всем нам известно, что в Иркутске есть не только легенды, мифы, но и реальные доказательства того, что существовали подземные ходы. В городской газете «Иркутск» сейчас публикуется цикл по этому поводу. То есть существуют исторические предпосылки объединения нашей подземной урбанистики хотя бы в наиболее коммерчески выгодных зонах в единую сквозную систему. Сделать более удобную эксплуатацию и одновременно создать еще один поток. Для достижения этого – грамотнo поработать с инженерными сетями, прокладываемыми под улицами и внутри кварталов.

СМ Это дополнительные коммерческие площади, скрытый резерв.

ЕГ Это не только площади. Маркетологи правы в том, что торговая площадь работает, когда через нее проходит сквозной поток. А нижняя, подземная, входов практически не имеет, это тупиковый уровень. Таких идей в градостроительном плане я еще не встречала. Это была бы тоже инновация. Причем с готовой легендой, иркутской идентичностью.

СМ Даже в Иркутских кварталах, где была валяльная фабрика, Арсенальская площадь, легенда гуляет, что там тоже были поземные ходы. Говорят, что асфальт положили, а он на полметра ушел в землю; там есть следы подземелий. Это можно использовать...

ЕГ От Арсенала подземный ход идет, но в другую сторону... Это неважно: если даже ничего не было, то мы создадим такой миф. Но для этого нужно с сетями поработать.

СМ А там нет больших сетей. Их сейчас нет, отсутствие этих сетей нам на пользу оказалось. Есть еще идея. Можем ли мы несколько объектов соединить воздушным мостом, чтобы можно было погулять по верху? С видом на всю эту красоту. Я имею в виду, что четырехэтажные дома, по крышам, может, можно связать пешеходными переходами?

ЕГ С этим надо быть очень осторожным, потому что даже просто переход надземный сразу сбивает масштаб. Не убить бы масштаб, если рядом есть малоэтажная деревянная застройка.

Это вопрос уместности. Можем, но там, где уже повышенная этажность. Или подходящий рельеф. На пересечении Байкальской мы проработали такой решение выше Подгорной.

СМ Выгода от таких решений получается какая-то другая; мы еще не научились ее использовать... Вот европейцы научились руководствоваться социальными технологиями, там они развиты довольно серьезно. И они так закладывают эту культуру, что в конце потом приходит очень крупный бизнес, все это по-серьезному осваивается и возвращается в бюджеты страны через проекты, образуя длинные нити инвестиций. Мы на это еще неспособны. У нас и власть меняется каждые три года. Вот если длинную цепочку инвестиций мы сможем протянуть от культуры, архитектуры и истории, а на ее конце появится крупный бизнес со своими проектами – рабочими местами, то появятся экономические основания реализации подобных проектов. Пока этой связи нет. Тогда в таких проектах появится культуре свое место, искусству, архитектуре, городским общественным пространствам, исследованиям территории, философиям и т. п.

АЧ Один момент можно продумать. Согласятся оба настоятеля – Входа-Иерусалимской и Крестовоздвиженской церкви – по графику пускать на колокольню, это дополнительные деньги для них будут. А вам это действительно показ панорамы.

СМ Я когда-то услышал детский рассказ, как девочка путешествовала по крышам. А почему нет такого

специального маршрута путешествия по крышам у нас? Представляете, как круто!

ЕГ Сегодня уже дроны запускаются как самоуправляемые автопилотные такси. Туда человек садится, и по заданному маршруту дрон его ведет. И новые здания теперь проектировать надо так, чтобы площадка для посадки дрона была предусмотрена.

СМ Хотелось бы кварталы делать с учетом новых требований и технологий, на уровне XXI века. В городах реализуется много новых технологий, все хочется применить в Иркутских кварталах. Если получится, наш опыт может стать экспериментальным полигоном для новых городских бизнес-проектов.

в Фото с натуры: часть пешеходного пространства в районе ул. Горной

^ Квартал 130 имеет традиционную для иркутских деревянных кварталов достаточно плотную структуру застройки, не требующую дальнейшего уплотнения

По правилам / Under the Rules

текст

**Марк Меерович
Елена Григорьева /
text
Mark Meerovich
Elena Grigoryeva**

Необходимость в разработке Правил землепользования и застройки (ПЗЗ) для 130-го квартала, которые смогли бы регулировать деятельность на территории ее собственников, была осознана авторами и девелоперами в самом начале разработки проекта планировки квартала. К моменту завершения работы над планировочной схемой квартала, когда в документах проекта планировки были точно зафиксированы границы каждого из лотов – фрагментов территории с восстанавливаемыми деревянными историческими зданиями, находящимися в частной собственности, были установлены красные линии, формирующие границы муниципальной территории и определены проценты застройки территории, озеленения, мощения и проч., вопрос о разработке ПЗЗ встал с особой остротой. Потому что только этот документ способен однозначно и жестко задать правила совместного использования территории, препятствующие своевольному захвату общественных пространств, размещению на территориях общего пользования временных сооружений, самовольному изменению внешнего вида капитальных строений за счет появления пристроев, уничтожению зелени и так далее.

В тот период директору управляющей компании Ю. А. Перельгину удалось объяснить важность этой работы мэру Иркутска В. И. Кондрашову, и мэрия в августе 2010 года объявила тендер на разработку ПЗЗ для 130-го квартала. Мы, авторы проекта, подготовили все необходимые материалы. И даже встретились по просьбе заказчика с юристами из Питера, специализировавшимися на разработке ПЗЗ и планировавшими принять участие в тендере, провели с ними серию переговоров, разъясняя и обсуждая заложенные в проекте ключевые принципы средовых решений, которые и призваны были закрепить Правила.

В частности, мы разъясняли, что территории лотов, несмотря на то что они находятся в частной собственности, являются элементами общественных пространств, так как призваны обеспечивать беспрепятственные поперечные пешеходные связи на всем протяжении главной оси квартала. Эти поперечные связи формируют приток (а также возможность стремительного оттока в случае чрезвычайной ситуации) людей со стороны улиц Седова

В статье описывается история разработки правил землепользования и застройки (ПЗЗ) для территории комплексной регенерации исторической застройки 130-го квартала в Иркутске. Раскрываются содержание Правил и описываются проблемы хозяйственного использования территории, возникшие в предыдущие годы в условиях отсутствия Правил. Дается характеристика современного этапа эксплуатации реновированного квартала и ограничения, которые наложит на дальнейшее использование территории разработка ПЗЗ.

Ключевые слова: правила землепользования и застройки; Иркутск; комплексная регенерация; историческая застройка; 130-й квартал. /

The article describes how the land use and development rules were worked out for the area of complex regeneration of the historic development of the 130 Quarter in Irkutsk. The article presents the content of the rules and describes the problems of economic use of the territory that arose in the previous years, in the absence of the rules. It also features the current stage of operation of the renovated Quarter and the restrictions imposed by the new land use and development rules.

Keywords: land use and development rules; Irkutsk; complex regeneration; historic development; 130 Quarter.

и 3-го Июля. Таким образом, посетитель, благодаря сетке этих мелких, но частых пешеходных связей, проложенных через участки периметральной застройки, имеет возможность практически в любой точке войти в квартал и выйти из него. Эта «потребительская проницаемость» является основой пешеходного каркаса общественных пространств квартала. Она обеспечивает максимальную наполняемость и активную мобильность посетителей, что, собственно, и является залогом коммерческого функционирования размещенных здесь объектов обслуживания, развлечения и досуга...

Было понятно, что, поскольку основой проекта комплексной регенерации исторической среды являются исторические объекты и их усадьбы, ПЗЗ должны быть не стандартными, а инновационными, применяющими новые формы градостроительных регламентов, с подробной проработкой, обеспечивающей индивидуальный подход к каждому лоту.

Однако по неизвестным нам причинам тендер так и не состоялся. В итоге реализация пошла своим чередом, без какого-либо внешнего законодательного регулирования, что привело к множеству как мелких, так и серьезных нарушений исходного проекта планировки.

Были практически полностью уничтожены крупные деревья, целенаправленно сохраненные в проекте. Как нам, авторам, объяснили, для удобства подрядчиков в целях ускорения процесса строительства. Эти вековые деревья в проекте планировки составляли важнейшую часть зеленого каркаса квартала. Был снят и выброшен практически весь плодородный слой земли, который предполагалось сохранить и бережно перенести в формируемые зеленые зоны квартала. В предъюбилейной спешке и при невозможности поставки традиционного для Иркутска отделочного материала – песчаника – отдельными собственниками были применены самые разные, зачастую некачественные китайские материалы для облицовки цоколей, что, естественно, вызвало раздражение как специалистов, так и горожан – ценителей старины.

Сразу после сдачи объектов в эксплуатацию, то есть начиная с сентября 2011 года, в квартале появилась дикая, никем не регулируемая реклама: разномастные, пестрые, иногда гигантские вывески. А года через два,

Правила землепользования и застройки 130-го квартала в границах улиц Седова, Кожова, 3-го Июля

заказчик

АНО «Иркутские кварталы»

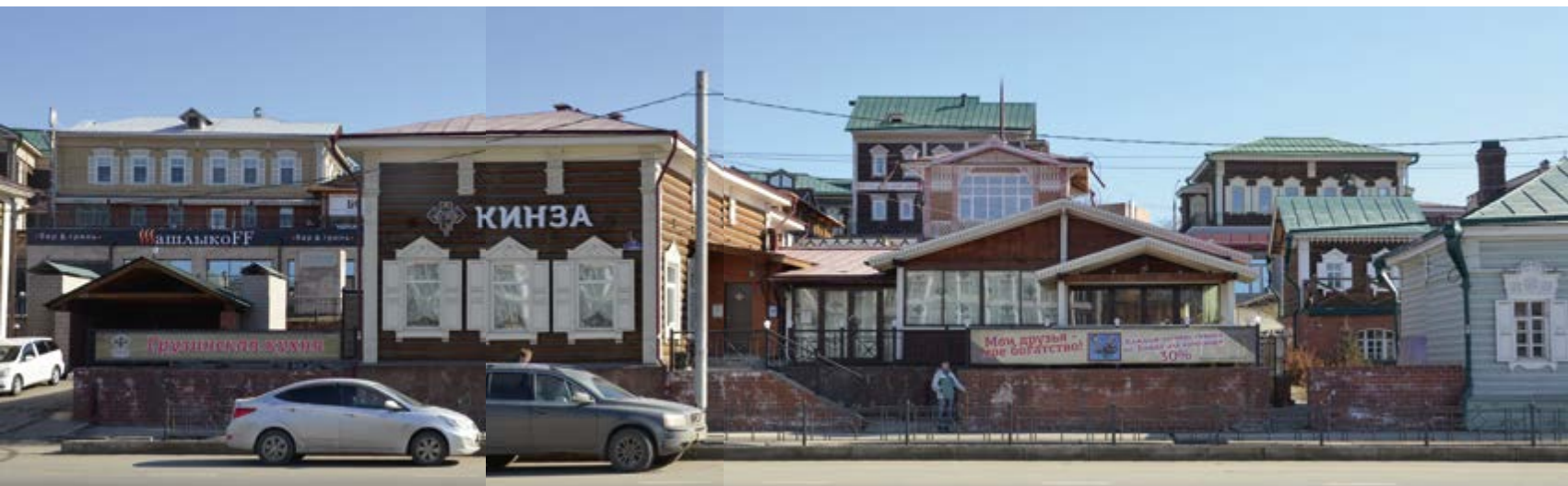
разработчик

ООО «Градостроительная мастерская "Линия"»

авторский коллектив

Руслан Хотулев
Елена Григорьева
Марк Меерович
Сергей Муллаяров
Вера Хотулева
Ксения Ковшарова
Анастасия Богданова

когда квартал набрал популярность и стал приносить собственникам приличные прибыли, массовым образом возникли стихийные самострои в виде всевозможных пристроек, беседок, веранд, часто самых что ни на есть капитальных сооружений. Среда кардинально менялась, фасады ценных деревянных зданий с их резьбой и неповторимой фактурой бревенчатых стен закрывались вторжением бездарного самодеятельного творчества. Местами застройка из дисперсной превращалась фактически в непрерывную, что недопустимо для деревянной застройки, в первую очередь с точки зрения пожарной безопасности. Из общения с собственниками и арендаторами стало ясно, что некоторые готовы покрыть весь свой участок сооружениями на 100 %. А ведь при регенерации были сохранены и восстановлены не только сами здания, но и исторические пропорции пространств между ними, характерные для иркутских деревянных кварталов. Стало очевидно, что дальнейшее существование квартала без правил просто становится опасным, а кроме того, ведет к уничтожению основы его благополучия – художественно привлекательной, исторически правдоподобной среды.

После целого ряда круглых столов в Иркутском доме архитекторов, публикаций, встреч и совещаний в городской администрации, консультации с юристами и специалистами комитета по градостроительной политике и комитета по городскому обустройству решение о необходимости разработки Правил землепользования и застройки было принято.

Правила землепользования и застройки призваны при полном сохранении свободы функционально-коммерческого использования собственником территории обеспечить художественно-образное единство облика квартала. Потому что посетители квартала – горожане и туристы – приходят сюда, прежде всего чтобы получить эстетическое удовольствие от приведенной в порядок деревянной застройки, воссоздающей историческую среду.

Правила призваны воспрепятствовать «лоскутному» использованию территории, когда собственник до предела заполняет свой участок временными строениями, заливает асфальтом, уничтожая газоны и любую зелень, лишь бы извлечь максимальную прибыль. Без какого-ли-

бо учета окружающих пространств, без комплексного представления о градостроительной ситуации в целом, игнорируя интересы других собственников. Не понимая при этом, что тем самым ухудшает общую привлекательность территории и в конечном счете уменьшает, а не увеличивает поток посетителей, потому что у населения все меньше и меньше возникает желания приходить на эту «досуговую шанхайку».

Вот один из совсем уж вопиющих случаев – в качестве примера. Владелец участка своевольно, без какого-либо согласования, поставил «временную» деревянную постройку – «веранду» своего ресторана – прямо на канализационный колодец, полностью перекрыв доступ к нему. И, когда в соседнем здании возникли проблемы с канализацией и нужно было для их устранения попасть в колодец, он отказался разбирать веранду.

ПЗЗ возвращают в квартал зелень, регламентируя процент озеленения и прописывая количество крупномерных деревьев. Предвидя неизбежный ремонт и возможную замену некачественных облицовочных материалов цоколей, приводят перечень допустимых отделочных материалов и рекомендуемых колеров.

Правила также призваны регулировать внешний вид квартала, препятствуют появлению «визуального мусора» – хаотичной рекламы, не учитывающей окружение и стремящейся выделиться на фоне соседей, «передавив» их; временных торговых киосков, которые внешним видом часто представляют собой примитивные сараи; попыток навесить на торговые киоски самодельный декор в виде примитивных деревянных накладок, ничего общего с историческими прототипами не имеющих, по мнению малообразованных владельцев «украшающих», а на самом деле уродующих внешний облик квартала в целом.

Правила землепользования и застройки являются механизмом, обеспечивающим успешное будущее этой городской территории, ставшей после регенерации визитной карточкой Иркутска, особо ценной и в переносном, и в прямом смысле. ПЗЗ призваны стать гарантией того, что коммерческая выгода не подавит смысловую и имиджевую значимость места, снизив или даже отравив от него общественный интерес.

^ Владелец «Кинзы», в которой уже случился пожар два года назад, продолжает эксплуатацию самовольно возведенного здания (на развертке – справа от основного здания). Площадь «временного» сооружения в два раза больше площади основного здания, пристрой занимает всю территорию участка. Полное отсутствие зелени. Неуместная реклама

Мы продолжаем публиковать мифы 130-го квартала. Их рассказывает заслуженный баюн, собиратель современного городского фольклора Козьма Кварталов. Просим не относиться к его байкам как к историческим свидетельствам. Это скорее сказки, где историческая правда переплетена с современным вымыслом. Появление таких мифов – признак живого интереса и развития города. Или хотя бы одного квартала.
 Ключевые слова: Иркутск, 130-й квартал, мифология, современный фольклор, социальная психология, урбанистика./

We continue to publish the myths of the 130 Quarter. They are told by an honored crooner, collector of the modern city folklore Kozma Kvartalov. Please do not treat his stories as historical accounts. They are more like fairy tales where the historical truth is interlaced with contemporary fiction. The occurrence of such myths evidences a vivid interest and development of the city. Or at least a city quarter.
 Keywords: Irkutsk; 130 Quarter; mythology; modern folklore; social psychology; urbanistics.

< Старушка-весна. Серия «Иркутские листочки»

Мифы 130-го квартала. Продолжение /

текст
Козьма Кварталов
 графика
Яна Лисицина /
 text
Kozma Kvartalov
 graphics
Yana Lisitsyna

Зубы

Один из подвалов старых домов на 25-го Октября сгорел еще до сноса. Да и до этого пустой стоял. Так, ночевали время от времени в нем какие-то бедолаги. Но вот дождался домик, пришли его сносить.

Люди пришли тертые. Сначала почистили маленько, потом взялись подпол искать. Нашли медную баранку, поднатужились – открыли! И зарадовались: подпол что надо, можно вшестером гулять не пригибаясь. Засветили фонари, полезли по крепкой закаменевшей лестнице.

На полках – не пойми что: банки старого стекла. Все, как назло, с намертво застывшими крышками. В углу – кошачий скелетик и какое-то полуизгнившее барахло, среди которого ясно виднелась только одна ценность – годная на вид зингеровская швейная машина.

Машинку вытащили. Над скелетиком поржали. Удивились отсутствию мышей и сухости подвала. Нашли еще какие-то непонятные, но красивые железные и медные инструменты, маленькие весы с хорошенькими крохотными гирьками и совсем свалявшиеся журналы и газеты на трех языках.

Все, что показалось годным и продавабельным или хотя бы потешным, извлекли и прибрали в грузовик. Банки сначала хотели на месте бросить: кому они нужны с мертвыми-то крышками! Но кто-то предложил, интересу ради, хотя бы одну банку кокнуть.

Выбрали потяжелее. С размаху, с молодецким уханием – ха! – об пол...

А оттуда ка-ак посыпались такие маленькие, страшненькие... зубы человеческие! Да много, много!!

Мужики с перепугу – бац! – следующую банку, а из нее клыки собачьи и когти.

Они, уже на автомате – бац еще! – лапочки лягушьи, сушеные.

Говорят, даже бычьи яйца сморщенные нашлись.

И тут, как положено в такие моменты, начальство заглянуло. Картина чудная: работники по колено в колдовских причиндалах, лица у всех ошалелые, в руках еще пара банок, целых...

Начальство, ясно, мать поминает и требует прекратить цирк. Мужички рады, что думать прям сейчас ни о чем не надо – надо дом досносить.

Просят только разрешения последнюю баночку того, напоследок...

Начальник горестно машет, мол, дети малые, бейте уже, и за работу!

Банка об пол – грох! А там – ничего, даже пыли. Только по всему паленому разваленному дому вдруг смех зазвучал. Да такой жуткий, старушечий, хриплый. Мужики рванули, чуть друг друга не подавили. И начальник с ними. Еле в грузовичке все поместились.

Говорят, чтобы доснести дом, пришлось новую бригаду нанять, которую клятвенно просили ничего не брать себе и не портить – только расчистить. Напуганные рабочие завалили страшный подвал обломками дома, заровняли площадку и поспешили убраться.

А новый дом, что на этом месте построили, постоянно теперь меняет арендаторов.

Никто там не приживается. Даже самые неверующие. Вроде бы до сих пор в какой-то фазе луны раздаются в доме звон разбитых склянок и долгий, леденящий душу хохот.

А еще иконы со стены падают и свечи гаснут.

От напасти этой есть верное средство: собрать в новолуние в этом доме двенадцать человек и сделать так, чтобы они пели и хохотали до рассвета. Тогда ведьмин дух натешится, нахохочется и отлетит куда следует. Да еще, ежели сильно доволен останется, может оставить подарок с юмором. Например, у всех, кто на ту вечеринку расхрабрится, зубы до самой старости болеть не будут.

Myths of the 130 Quarter (Continued)

Заговоренный

Сто раз уж всякие писатели в разных поэтических формах предупреждали народ, что взятый без нужного слова клад – верная погибель. Что не дураки были те, которые клады зарывали. Ежели сокровища в земле или еще где оказались не случайно – не бери голыми руками, обожжешься!

Но – нет, лезут, как необразованные, ни разу сказок не слушавшие.

Вот последний случай: одному уважаемому горожанину (видному чиновнику, человеку солидному и по брюху, и по пиджаку) подбросил некто прям в служебную почту конвертик с интригующей письмухой и картой. Написал, будто дед (или как бы ни прадед его) закопал в кованом сундучке золота самородного и драгоценных камней немало и царских облигаций впридачу. Закопал надежно – под старым колодецем на склоне, ведущем к реке. Благодарный потомок по счастливому стечению обстоятельств карту обрел, теперь чаёт семейные сокровища из земли достать.

И карта рукописная прилагается. По карте выходит, что старый колодец был на будущей стройплощадке уже огороженного участка. Некто пишет, что лезть с лопатой на охраняемую стройплощадку страшится. А потому просит чиновника маленько злоупотребить своим служебным положением, придумать повод и откопать вожделенный сундучок. Затем встретиться с автором письма в условленном месте и благодарно сокровищами наследными поделиться.

Чиновник (будем называть его Ф) как человек образованный знал, что в любом приличном городе должны быть закопаны клады, а указывать их местонахождение самым достойным людям – долг каждого горожанина. Поспешил пошевелить мозгами, измыслил способ временно заменить живую охрану сигнализацией и – вперед. Укрыв свое благородное лицо от резкого осеннего

ветра, Ф с помощью старой карты, компаса и портновского метра довольно ловко определил, где там был когда-то колодец. На это место указывала и противная глинистая лужа неопределенной глубины.

Ф решительно, не брезгуя лужей, вкопался в родную почву. Копать пришлось долго, утомительно. Но смелый чиновник ни на секунду не усомнился, что дело верное. И был вознагражден победным скрежетом лопаты по старому сундуку.

Здоровенный такой сундук! Наш Ф даже маленько задрожал от волнения: столько всего можно туда натряпать! Крышку – долой. Фонарь поближе. Что там?

Страшная, нечестивая вонь осквернила ночной воздух. К ужасу и омерзению копателя сундук оказался до краев наполнен нечистотами из выгребной ямы! А тут еще и дождь пошел.

Оскальзываясь и помяная всех чертей и автора письма лично, злополучный чиновник побросал инструменты в машину и был таков.

До сегодняшнего дня его кабинет время от времени без всякой причины наполняется жутким запахом нечистот. И пока он шесть раз не зевнет и не прочитает про себя на латыни «Отче наш» (это ему по секрету бабка одна присоветовала) запах не проходит. Вот какое было на том клade крепкое заклятие!

А что самое обидное, автор письма и карты (по слухам) на рассвете пришел на раскоп, нашел золото и драгоценные камни и облигации царские (целую пачку), закопал яму, чтоб снова на простую лужу походила, все следы смазал и сбегал куда-то из Сибири в теплые края. Заклятие-то на одну головушку было!

Так порой несправедлива судьба: одному – большие неудобства в работе, другому – прадедушкины сокровища и счастливый билет.

Впрочем, многие утверждают, что Ф еще легко отделался. Слыхали про внезапные беспричинные аресты и немилости к чиновникам? То-то!

Другим-то еще круче приходится.

4. Разумеется, граница между «ландшафтными единицами» не всегда четко очерчена – зачастую она размыта и находится в переходной зоне. / Obviously, the edge between 'landscape units' is not always abrupt and 'hard': it is often blurred and situated within a transition zone.

ТЕКСТ
Фабио Тодескини
Лиана Янсен /
text
Fabio Todeschini
Liana Jansen

Implications for the Detailed Method Employed in this Project

The project has entailed two parallel processes of spatialised enquiry, one mapping the landscape features, the other mapping the cultural and historic 'layers' present in the study area. Obviously, the two have been, and are, strongly inter-related.

The study area is complex and comprises many components. As landscape features themselves (e.g. rivers, peaks, passes) may possess heritage significance, thorough analysis is being undertaken as part of the overall evaluation process which is defining 'landscape types' (Winter, S and Oberholzer, B: 2014) and areas and more specific 'landscape units' defined by the presence of particular 'landscape character'. 'Landscape character', in turn, is definable in terms of objective dimensions, such as: view-shed, grain, patterns, coherence and authenticity, cultural layering and edges⁴. Heritage significance assessments may therefore contain

appraisal of individual components, as well as evaluation of overall landscapes and 'landscape units' of which they are comprised. The significance of the landscape reflects not just the sum of the individual parts, but rather landscapes as integral wholes. It is the nature of the relationship between features, and between these features and the broader landscape setting that is important.

Indeed, conceptually and methodologically, the key that links heritage significance and management is landscape character via appropriate definition of 'landscape units'. Hence, for example, if development proposals would have the effect of materially changing the character of a 'landscape unit', and potentially impacting negatively on the prevailing character therein, logical and practical management protocols that prevent or temper such developments can, and should, be applied in the public interest.

What is also important is the development of understanding about how these landscapes have been produced. In

Наследие и развитие города Стелленбос (Западный Кейп, ЮАР) Продолжение. Начало в ПБ52 /

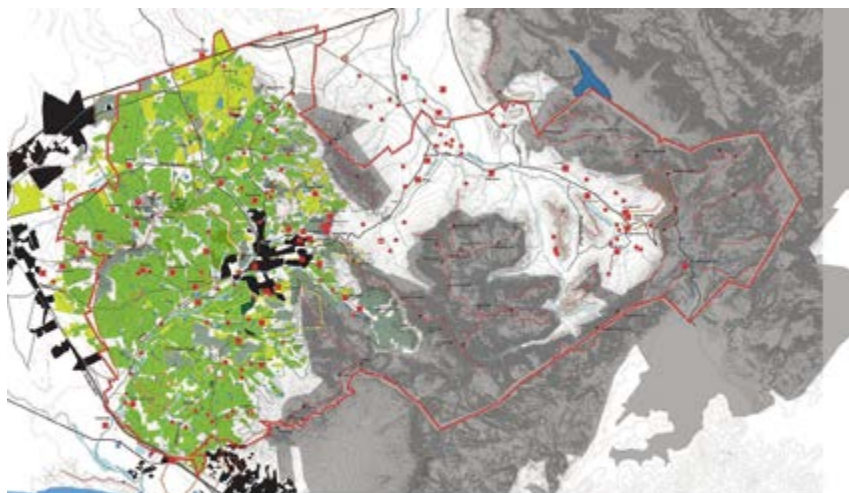

Figure 4.5
DEVELOPMENT OF THE CULTURAL LANDSCAPE: 1979 - 1983

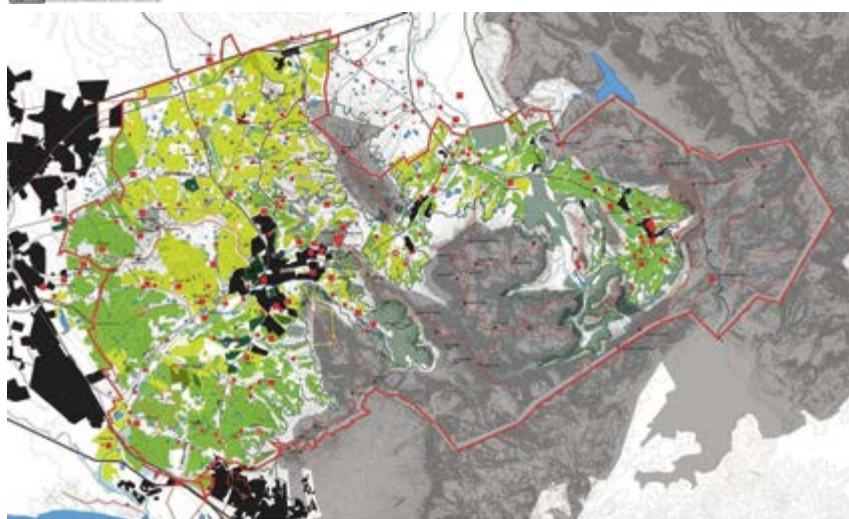

Figure 4.6
DEVELOPMENT OF THE CULTURAL LANDSCAPE: 2000

Задачи детальной методики, используемой в данном проекте. Проект включает в себя два параллельных процесса изучения пространства: нанесение на карту элементов ландшафта и нанесение на карту культурных и исторических «слоев», присутствующих на данной территории. Разумеется, оба процесса тесно взаимосвязаны.

Изучаемая территория сложна и многокомпонентна. Поскольку сами характеристики ландшафта (реки, горы, дороги) могут иметь культурно-историческое значение, проводится тщательный анализ в рамках общей оценки, определяющей «ландшафтные типы» (Winter & Oberholzer, 2014) и зоны, а также более специфические «ландшафтные единицы», которые характеризует наличие особого «ландшафтного характера».

«Характер ландшафта», в свою очередь, определяется такими объективными параметрами, как панорама, структура, рисунок, связность и аутентичность, культурные слои и границы⁴. Поэтому определение значения наследия может включать оценку отдельных компонентов, а также оценку целого ландшафта и «ландшафтных единиц», из которых он состоит. Значение ландшафта подразумевает не просто совокупность отдельных частей, но, скорее, ландшафт как единое целое. Важен характер отношений между самими компонентами ландшафта, а также между этими компонентами и ландшафтной средой.

Действительно, в концептуальном и методологическом смысле связующим звеном между значением наследия и его управлением является правильное определение характера ландшафта и «ландшафтных единиц». Тогда, к примеру, если проекты развития будут фактически изменять характер «ландшафтной единицы» и в перспективе оказывать негативное влияние на ее преобладающие черты, логичные и практические протоколы управления, предотвращающие или сдерживающие подобное разви-

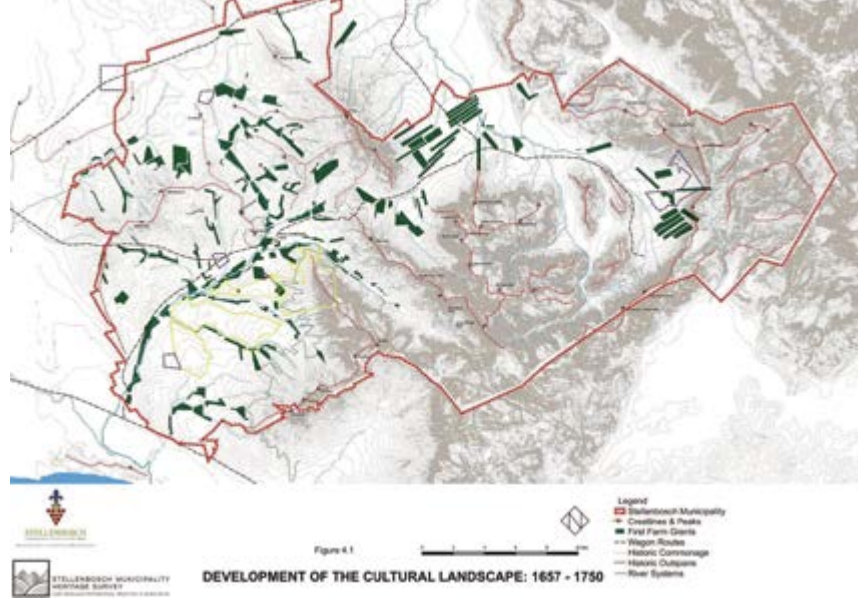
< Рис. 4.5. Развитие культурного ландшафта с 1979 по 1983 гг. Прим.: для этого временного периода топографические и кадастровые данные для г. Франсхук отсутствуют. / Figure 4.5: Development of the cultural landscape: 1979-1983. Note: No Topocadastral data was available for Franschhoek during this time sequence

< Рис. 4.6. Развитие культурного ландшафта в 2000 г. / Figure 4.6: Development of the cultural landscape: 2000

other words, it is essential that the physical informants and historical events that gave structure, form and character to the landscape features are understood and appropriately interpreted with regard to heritage significance. Our historical archaeology, historian, as well as agricultural and tourism economics consultants, have been a great help in developing a well-researched narrative in these regards. What is obvious from even a cursory examination of the figure 4 sequence (figs. 4.1 to 4.7) is that urban and sub-urban developments since WWII, and particularly in recent decades, are transforming the landscape.

Since this overall landscape approach forms the basis of the project method, figure 2 is a good way to start understanding the study area in terms of its spatial extent and enormous variability. The fundamental components of the study area are many valleys, which are subsets of the two main river basins: the Berg River to the north and east and the Eerste River to the west and south, both enclosed

^ Рис. 4.1. Развитие культурного ландшафта с 1657 по 1750 гг. / Figure 4.1: Development of the cultural landscape: 1657-1750

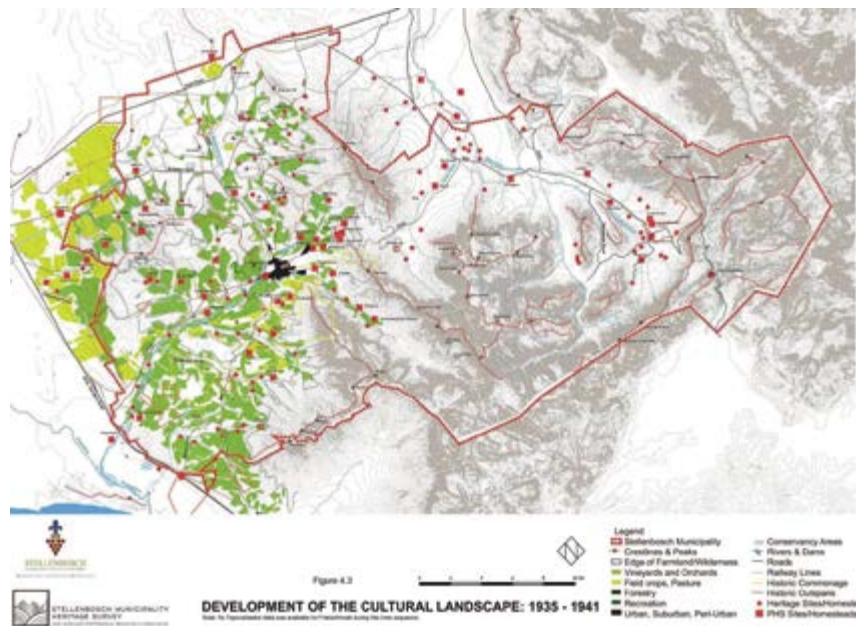
Heritage and the Development of Stellenbosch, Western Cape, South Africa Continuation. Beginning in PB 52

тие, могут и должны применяться в интересах общества.

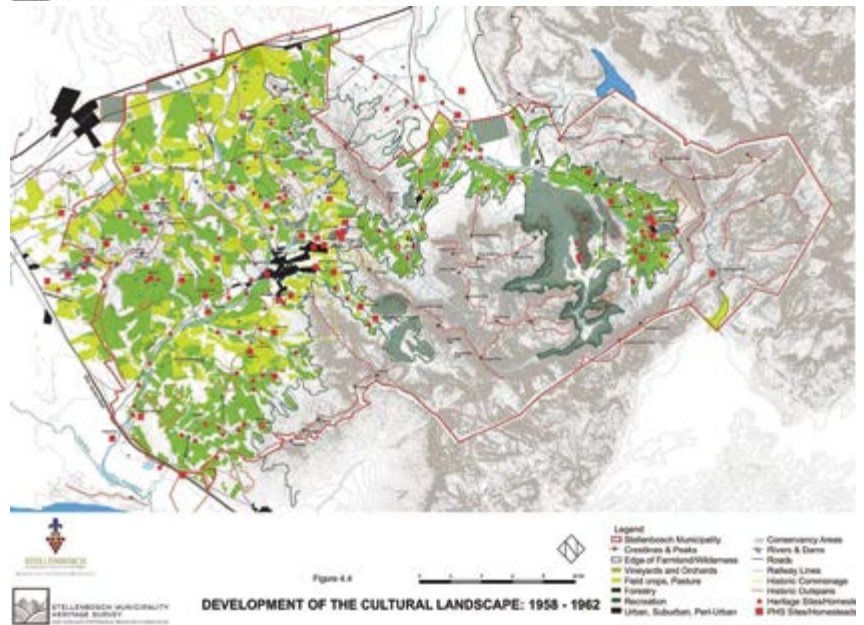
Еже одним важным аспектом является понимание того, как были образованы изучаемые ландшафты. Другими словами, необходимо правильное толкование историко-культурного значения материальных источников информации и исторических событий, которые создавали структуру, форму и характер ландшафтных компонентов. Наши консультанты в сфере археологии, истории, сельского хозяйства и экономики туристической индустрии во многом помогли провести подобную исследовательскую работу. Даже при беглом ознакомлении с рисунками 4.1-4.7 отчетливо видна трансформация культурного ландшафта, на которую влияло развития города и пригорода со времен Второй мировой войны, и особенно последние десятилетия.

Поскольку такой всеобъемлющий подход формирует основу методологии проекта, рис. 2 помогает начать изучение территории с осмысления ее пространственной протяженности и огромного разнообразия. Основопологающими компонентами изучаемой территории является большое количество долин, входящих в бассейны двух главных рек (реки Берг на севере и востоке и реки Эрсте на западе и юге), окруженных скалистыми горами разной высоты (на западе река Эрсте более открыта, ее долина сливается с равниной Кейп-Флэтс, которая является частью агломерации Кейптауна).

Описание и анализ ландшафтов и культурной адаптации можно построить, исходя из их скелетного каркаса. С одной стороны, этот каркас состоит из элементарных видов, а с другой стороны, из особых традиций (или протоколов), при этом многообразие видов имеет некоторые топологические и пространственные наложения⁵. В таких областях, как проектирование, планирование и культурное наследие этот подход, насчитывающий уже несколь-

> Рис. 4.3. Развитие культурного ландшафта с 1935 по 1941 гг. Прим.: для этого временного периода топографические и кадастровые данные для г. Франсхук отсутствуют / Figure 4.3: Development of the cultural landscape: 1935-1941. Note: No Topocadastral data was available for Franschhoek during this time sequence

> Рис. 4.4. Развитие культурного ландшафта с 1958 по 1962 гг. / Figure 4.4: Development of the cultural landscape: 1958-1962

– The synthesised Natural Constraints (fig. 3.7).

4. Cultural Layers and Formative Adaptive Features

Amongst the inter-related 'layers' comprised, are the following:

- The sequence of historic adaptations of, and to, the natural order (inter alia shown in (figs. 4.1, 4.3-4.7):
- The network of wagon routes and later roads, fords, bridges, gathering places, outspans and cattle-driving routes; and even later, of railways, stations and sidings;
- Favoured places for homesteads and larger settlement nodes and the broad patterns of land use, spanning: agriculture, forestry, mining and so on;
- Windbreaks, axial alignments, water reticulation and water storage dams and so on;
- Field / vineyard / orchard and planting patterns and the grain and orientation thereof;
- Internal settlement patterns and building types;
- The synthesised Cultural Heritage.

– предпочитаемые места для ведения фермерского хозяйства и размещения населенных пунктов, а также примеры использования земли, включая: сельское и лесное хозяйство, добыча полезных ископаемых и т.д.;

– ветрозащитные полосы, выравнивание осей, водораспределение и дамбы и т.д.;

– поля, виноградники, фруктовые сады, посадки зерновых культур и других насаждений и соответствующая ориентация.

2. Внутренние модели расселения и виды построек.

3. Синтез культурного наследия.

Общие предварительные результаты, текущее состояние проекта и промежуточные выводы

Чтобы свести воедино направления изучения «природного» и «культурного» аспектов, требуется не только совместить полученные пространственные данные, но и провести очень тщательную работу на местности всем членам рабочей группы совместно с консультантами, организовать обсуждения с коллегами, представителями общественных организаций и экспертами (например, с Доктором Хансом Франзеном, признанным специалистом в области культурного наследия г. Стелленбос и других городов, деревень и фермерских хозяйств провинции Западный Кейп (Fransen, 2009)), а также провести обзор текущей «классификации» значимости объектов наследия (HWC, 2016) и их охраны.

На рис. 2 (а также на рис. 3.2, 3.4 и 5) четко видны различные долины, находящиеся в пределах изучаемой территории. Эти долины – целые «миры» (или обширные пространства), территориально ограниченные горными склонами и зачастую отличающиеся видами растительности, поселений и человеческой деятельности. В свою очередь, как уже отмечалось, более мелкие составляющие – «ландшафтные единицы» - определяются с использованием наших концепций, методов и сбора данных на местности.

Кроме вышеизложенных природных характеристик и культурных элементов ландшафта, существует целый ряд факторов, который говорит о значимости объектов наследия и включает в себя (Overstrand Heritage Landscape Group, 2009):

5. Preliminary Integrated Findings, Current Status of the Project and Interim Conclusion

To bring together the strands of the 'natural' and 'cultural' enquiries undertaken has involved far more than simply overlaying the respective spatialised information gathered. It has, and is, involving: very considerable fieldwork by all members of the core professional team and some consultants; consultation with colleagues, consultants and representatives of public groups; as well as consultation with others, such as Dr. Hans Fransen, an acknowledged authority on historic Stellenbosch and the towns, villages and homesteads of the Western Cape (Fransen, H: 2009); and the review of current heritage significance 'gradings' (HWC: 2016) and protections in place.

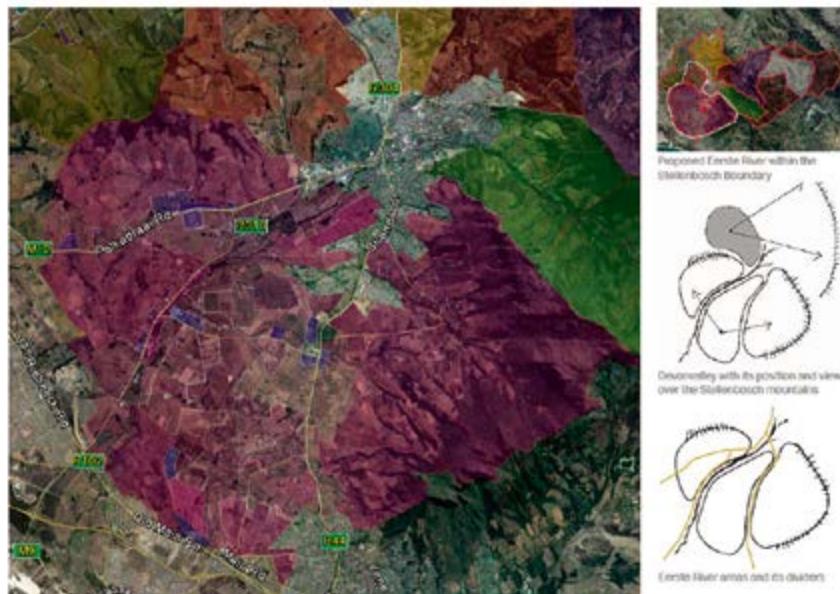
Figure 2 (augmented by figures 3.2, 3.4 and 5) clearly illustrate the various valleys within the study area. These valleys are 'worlds' (or large 'rooms') that are spatially defined by mountain slopes and often each features different

– Территории, имеющие пейзажную ценность, где соединение и взаимосвязь природных характеристик усиливают их пейзажную и природную значимость как объекта наследия.

– Сельскохозяйственные земли, придающие особый характер и атмосферу территории муниципалитета Стелленбоса и имеющие историческое значение, связанное с возникновением первых поселений в регионе. Примечательно, что эти сельскохозяйственные зоны, сложившиеся на плодородных почвах, – практически точное отражение зон выветривания гранитных и глинистых пород у подножия гор.

– Природные заповедники, которые, благодаря своему статусу охраняемых объектов, усиливают значимость природных и пейзажных характеристик территории. Территория муниципалитета Стелленбоса находится внутри Капского флористического царства – объекта Всемирного наследия, имеющего международный статус и включающего в себя ряд небольших особо охраняемых зон.

в Рис. 6б. Зона ландшафта С (река Эрсте). Исследование выявило три различные долины, находящиеся внутри большой долины, каждая из которых подразделяется на еще более мелкие ландшафтные единицы / Figures 6b: Detail of Landscape Character Area C – Eerste River. The study identified three distinct valleys within the larger valley, each containing even smaller distinctive Landscape Units.

vegetation types, settlement patterns and human activities. In turn, as already indicated, smaller constituent 'landscape units' are being defined by our concepts, methods and fieldwork.

Over and above the natural landscape features and the cultural attributes identified in the foregoing, there is a further range of factors that add to the heritage significance of the resources, including the following (Overstrand Heritage Landscape Group: 2009):

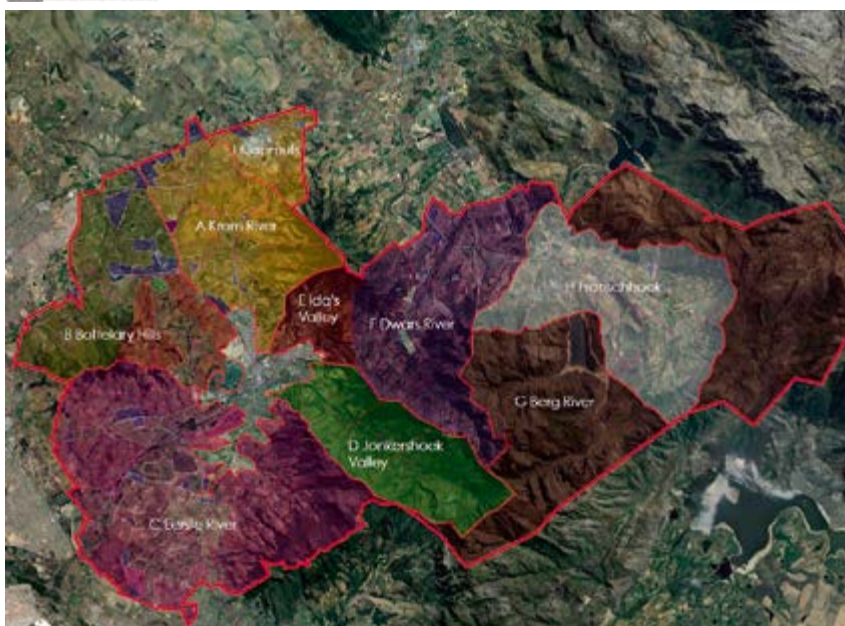
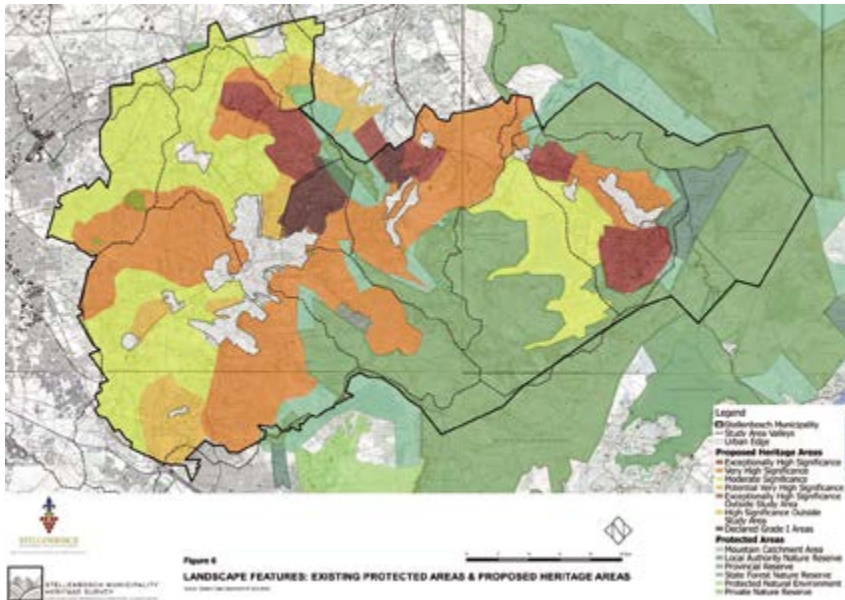
- Areas of scenic value, where the juxtaposition and combination of the natural features in relation to each other increases their scenic and natural heritage significance.
- Rural Farmland contributes to the particular character and ambience of much of the Stellenbosch Municipal Area and has historical meaning relating to the origins of settlement in the region. Significantly these pockets of farmland on productive soils almost exactly mirror the areas of weathered granites and shales in the foothill zones.

– Nature reserves, which because of their protected status, increase the significance of the natural and scenic resources of those areas. The Stellenbosch Municipal Area falls within the Cape Floristic Kingdom World Heritage Site, which has international status, and includes a number of smaller reserves and conservancies.

– Scenic corridors occur along scenic routes, and have particular significance where these interfaces with areas of high scenic value. The routes tend to have regional or local significance.

In turn, and as a consequence of quite a number of draft iterations, all these considerations and evidence have led to further examination of the relevant data. In particular, we have closely scrutinised the synthesised information emerging from the spatial overlay of:

- The Natural Constraints (fig. 3.7);
- Development of the Cultural Landscape 2010 (fig. 4.7);
- Sense of Place (fig. 5).

– Ландшафтно-маршрутные коридоры особого значения, взаимодействующие с зонами высокой пейзажной ценности. Маршруты обычно имеют региональное или местное значение.

Вследствие большого количества предварительных проектных доработок возникла необходимость дальнейшего изучения соответствующих данных. В частности, мы более внимательно исследовали синтезированную информацию о пространственном наложении:

- естественных ограничений (рис. 3.7);
- развития культурного ландшафта в 2010 году (рис. 4.7);
- атмосферы места (рис. 5).

Результаты, полученные к январю 2017 года, учитывающие все соответствующие критерии согласно Закону о национальном наследии и рекомендациям ЮНЕСКО (UNESCO, 2015), приведены на рис. 6, где обозначены географические зоны, имеющие ценность с точки зрения наследия. Мы предложили включить эти территории в список охраняемых объектов, а следовательно, и в список объектов наследия, как показано на рисунке. Это предложение было одобрено Управлением объектами наследия провинции Западный Кейп.

Сейчас мы занимаемся более детальным обзором всей территории муниципалитета, включая городские исторические центры, и планируем завершить составление реестра объектов наследия к сентябрю 2017 года. Сбор данных на местности модернизировался благодаря разработке мобильного приложения, которое члены команды стали использовать для загрузки важных элементов объектов наследия напрямую в проект ГИС. Кроме

< Рис. 6. Ландшафтные характеристики: существующие охранные зоны и предложенные зоны охраны объектов наследия. Источник: Департамент сельского хозяйства Западного Кейпа / Figure 6: Landscape features: existing protected areas & proposed heritage areas. Source: Western Cape Department of Agriculture

< Рис. 6а. Зоны ландшафта. Примечательно расположение зоны С (река Эрсте) / Figure 6a: Landscape Character Areas – note the location of Area C - Eerste River

Our findings, as at January 2017 applying all the relevant criteria in terms of the NHRA and the UNESCO guidelines (UNESCO: 2015), are illustrated in figure 6, which indicates those geographic areas that are significant in terms of their heritage value. We have proposed that these areas should be protected, hence their inclusion in the Heritage Areas, as shown in the figure. Such protection has been approved by HWC.

We are busy with the more detailed surveying of the entire municipal area, inclusive of the urban nodes, and we plan to complete the heritage inventory by September of this year. The detailed fieldwork has been streamlined by the development of a mobile tablet application operated by team members: it has been designed to capture the essential elements of heritages sites and feeds the information directly into the project GIS. Furthermore, the scope of public participation has been broadened to include an online Google Map based survey designed to encourage members

of the public to submit information about sites of cultural significance. Current work in regard to the spatial definition of and landscape character description of 'landscape units' is suggested in figures 6a-6c.

Subsequent to the conclusion and submission of the heritage inventory, we will prepare an appropriate management plan and train municipal staff in the utilisation and up-dating of the fully digitized GIS database, so that development proposals may be properly considered into the future. We see the project as contributing to international best practice in heritage and development planning.

того, масштаб общественного участия расширился и стал включать онлайн-опрос на основе карты Google, участники которого могут добавлять информацию об объектах культурного значения. На рис. 6а–6в представлена текущая работа над пространственным определением и описанием характеристик «ландшафтных единиц».

По завершению составления реестра объектов наследия мы подготовим план управления и проведем обучение служащих муниципалитета навыкам использования и модернизации полностью цифровой базы данных ГИС, чтобы в будущем можно было правильно учитывать предложения по развитию. Мы считаем, что проект внесет существенный вклад в международную практику охраны наследия и планирования развития.

Литература / References

Fransen, H (2009) Old Towns and Villages of the Cape, Balkema, Cape Town.

Heritage Western Cape (2016) Grading: Purpose and Management Implications, approved by HWC Council, 16 March.

Jackson, JB (1997) Landscape in Sight: looking at America edited by HL Horowitz, Yale Univ. Press.

Meinig, DW (ed)(1979) The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays, Oxford Univ. Press.

Moudon, Anne-Vernez (1994) "Getting to Know the Built Landscape: Typomorphology" in Franck, K A and Schneekloth, L H (eds) Ordering Space : Types in Architecture and Design, Van Nostrand Reinhold, N.Y. and London.

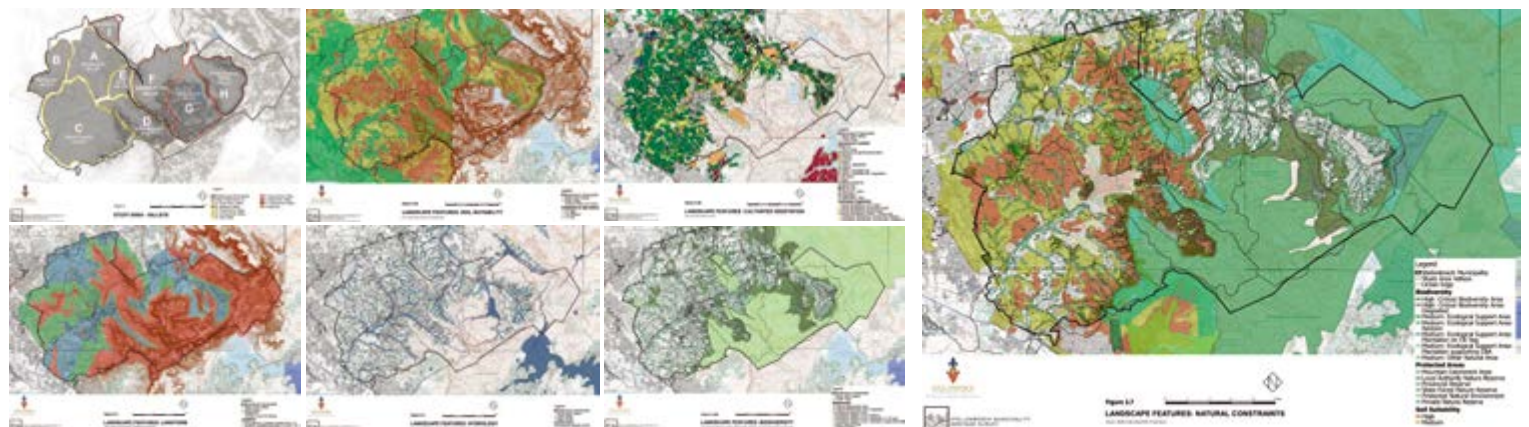
Todeschini, F (2014) Identity Construction through Landscape Modification at the Larger Scale: some enquiries and several issues of method, paper presented at the ICOMOS Shared Built Heritage Florence Workshop, Max-Planck Institute (based on a paper presented at UCT in 2002).

UNESCO World Heritage Centre (2015) Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention, UNESCO, Paris, France.

Winter, S and Oberholzer, B (2014) Heritage and Scenic Resources: Inventory and Policy Framework for the Western Cape: A Study prepared for the Western Cape Provincial Spatial Development Framework, prepared for the Provincial Government of the Western Cape Department of Environmental and Development Planning in association with Setplan. Unpublished Document.

^ Рис. 6с. Эскиз, демонстрирующий определение ландшафтной единицы (гора Хельдерберг) / Figure 6с: Illustrative sketch relating to Landscape Unit definition (Helderberg)

в Рис. 2, 3.2, 3.36, 3.4, 3.56, 3.66, 3.7 / Figure 2, 3.2, 3.36, 3.4, 3.56, 3.66, 3.7

Рассказывается о пользе городских деревьев. Ставится вопрос о том, сколько стоят зеленые насаждения в наших городах, какую работу они выполняют и сколько мы теряем каждый раз, когда бездумно уничтожаем или неправильно ухаживаем за ними. Ключевые слова: городские леса и насаждения; загрязнение воздуха; улучшение качества воздуха; экологическая польза. /

The article tells about the benefits of city trees. It tells how much urban greenery costs, how trees work for us, and what loss we have when we thoughtlessly annihilate them or treat them in a wrong way.

Keywords: urban forests and greenery; air pollution; improving the air quality; ecological benefit.

Кому выгодны деревья? / For Whose Benefit Are the Trees?

текст
Анастасия Заступенко /
text
Anastasia Zastupenko

Деревья в городе часто становятся яблоком раздора. Из курса природоведения все помнят, что деревья – это вроде бы хорошо, но вот на практике оказывается, что тут они загораживают свет, а тут – рекламу, тут слишком близко к стене, а здесь разрослись над дорожкой. Здесь неплохо было бы на их месте стоянку сделать, а там ларек поставить. От этих пух и страдания для аллергиков, а вот те по осени просто засыпают все листвой, утраивая нагрузку на дворников. Претензии к деревьям множатся, начинается уже казаться, что мы что-то не так поняли на уроке природоведения, и зелень в городе – это зло, от которого надо избавляться или хотя бы его минимизировать. Спрос рождает предложение, и вот уже повсюду появляются объявления с услугами обрезки деревьев в любое время в любом месте. И пара работяг с циркулярной пилой и «воровайкой» мнят себя если не дендрологами, то как минимум арбористами, готовыми за умеренную плату «привести в порядок» ваши деревья вплоть до уничтожения. Услугами таких «спасателей» зачастую пользуются частники, коммерсанты и даже управляющие компании, в результате чего количество и качество деревьев в городе снижается. Иногда к ним присоединяются муниципальные предприятия зеленого строительства в виде многочисленных полчищ с пилами, проводящих непрофессиональную, но хорошо оплачиваемую «омолаживающую» обрезку, после которой большинство «омоложенных» деревьев умирает за пару лет.

Возникает закономерный вопрос: есть ли хоть какая-то реальная польза от городских деревьев или это просто неизбежное зло, которое приходится терпеть и по возможности уменьшать? Оказывается, польза есть! Причем польза эта настолько велика, что некоторые города, рассчитывая денежный эквивалент для тех услуг, которые оказывают их зеленые насаждения, получают довольно впечатляющие цифры. Например, Торонто оценивает экологические услуги, оказываемые своими городскими лесами, не менее чем в 60 млн долл. в год, а Нью-Йорк – почти в 110 млн.

Что же такого особенного делают городские леса и зеленые насаждения, что их заслуги оцениваются так

высоко? В последнее время часто можно наблюдать, как после ливня появляются огромные лужи. Это связано в том числе и с тем, что в городе стало гораздо меньше зеленых насаждений, которые оказывают такую услугу, как регулирование дождевого стока. Через всасывание корневой системой, транспирацию и испарение деревья уменьшают резкое затопление при ливнях и эрозию почв, а заодно и снижают нагрузку на ливневую канализацию. Кроме того, деревья с развитой кроной перехватывают значительное количество осадков, которое не достигая земли испаряется с кроны. В результате объем стока уменьшается, и время пикового потока задерживается.

Зрелое лиственное дерево может вот так задержать три тысячи литров воды в год, а хвойное – больше шести. В Нью-Йорке, например, оценили эту услугу своих городских лесов и зеленых насаждений почти в 11 млн долл. в год.

Деревья экономят энергию для отопления и охлаждения зданий тем, что затеняют их и ослабляют ветра. В Нью-Йорке эту услугу по энергосбережению оценили в 85 млн, в Торонто – в 10 млн долл. в год.

Загрязнение воздуха является серьезной угрозой здоровью многих горожан, вызывая астму, кашель, головные боли, респираторные и сердечные заболевания и рак. Городские леса и зеленые насаждения помогают и здесь: они поглощают газообразные загрязняющие вещества (озон, диоксид азота и диоксид серы) через листовые поверхности, абсорбируют взвешенные частицы (пыль, золу, пыльцу, дым), выделяют кислород через фотосинтез. Кроме того, они испаряют воду и затеняют поверхности, что уменьшает температуру воздуха и снижает уровень озона. Это также сокращает потребление энергии, что снижает выбросы загрязняющих веществ от электростанций, включая оксиды азота и серы, твердые частицы и летучие органические соединения.

Нью-Йорк оценил услуги по удалению атмосферных загрязнений в 6, 5 млн долл. в год, а в Торонто городские леса и зеленые насаждения работают по улучшению качества воздуха на сумму более 16 млн долл. в год.

Стоимость некоторых подобных услуг посчитать пока довольно сложно, но тем не менее это важные функции, выполняемые городскими зелеными насаждениями. Сюда относится, например, поддержание биоразнообразия. При полноценном здоровом росте и развитии всех частей (прежде всего кроны) деревья обеспечивают местобитание и питание для разнообразных видов живых организмов (в первую очередь птиц).

Зрелые деревья в городе снижают шумовое и вибрационное загрязнение, ослабляют ветра, создают тень, смягчают перепады влажности и температур и в целом создают более благоприятный для жизни микроклимат. Кроме пользы для физического здоровья человека, деревья также создают более комфортную психологическую среду. Фрактальный рисунок кроны, микродвижения ветвей и листьев, оптимальный диапазон шума ветвей и листьев успокаивают, снимают напряжение, снижают агрессивность, повышают эстетическую и рекреационную ценность ландшафта. Научные исследования доказывают, что вид нормальных здоровых деревьев положительно влияет на самочувствие людей, повышает их иммунитет.

Принимая во внимание, какую огромную работу производят городские деревья, в Торонто решили посчитать, сколько стоят все их зеленые насаждения как экономический актив. Получилось 7 млн долл. И это отличный повод задуматься, сколько стоят зеленые насаждения в наших городах, какую работу они выполняют и сколько мы теряем каждый раз, когда бездумно уничтожаем или неправильно ухаживаем за ними.

v Инсталляция, посвященная эвкалипту. Сетки коридора с одной стороны наполнены его ветками, с другой к ним приколоты листья эвкалипта. Такая вот странная поэма

Симбиоз приятного и приятного / Symbiosis of the Pleasant and the Pleasant

В солнечной Калифорнии много виноградников. И соответственно, много виноделен. По выходным проходят даже винные туры: американцы ездят по винодельням на специальных винных автобусах и дегустируют вина. Ну и, естественно, приобретают, ежели что понравилось.

И я в качестве гостя своих родственников несколько раз за несколько лет была возима в несколько виноделен. Каждая имела свой шарм, свою изюминку. В какой-то водили экскурсии по винным подвалам. В какой-то в торговом зале был целый музей приколов на

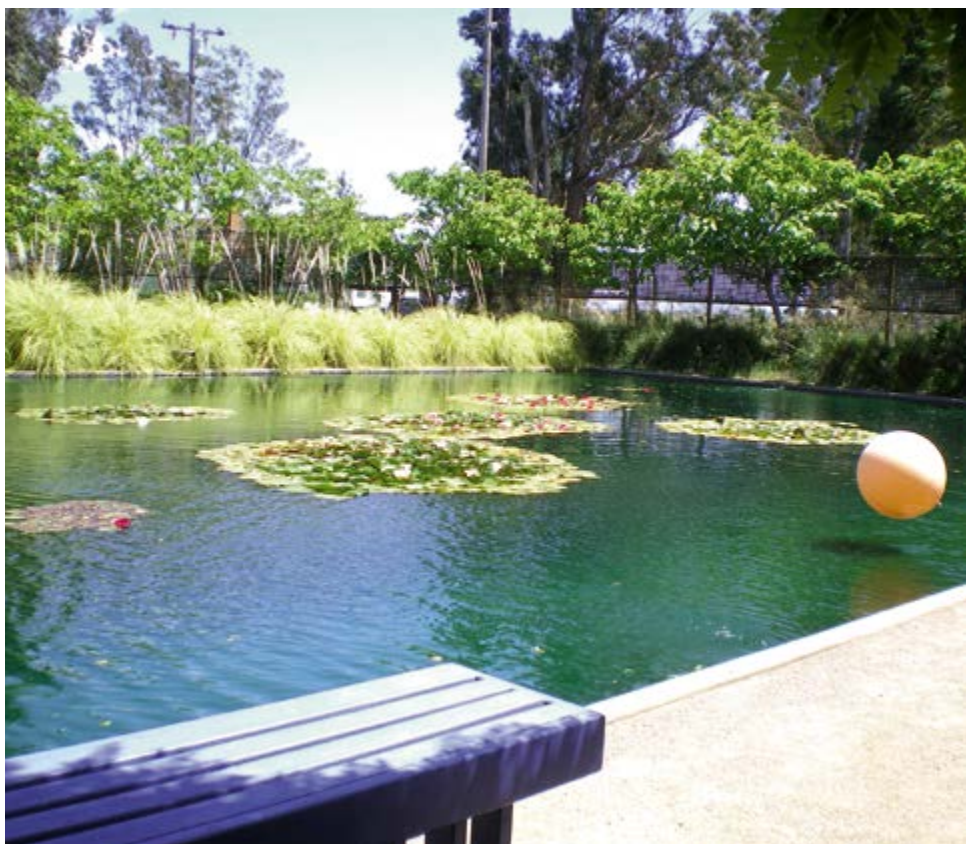
тему вина. В какой-то здания были сделаны так, что производили впечатление замка невероятной старины, которой на самом деле нет да и не может быть в Америке.

А та, о которой я хочу рассказать, запомнилась особенно сильно. Потому что при ней был парк инсталляций. Как мне рассказали, владельцы наняли много дизайнеров, выделили каждому по участку, и те сделали там, что умели. Место называлось Айсбери-Крик. И мы туда поехали специально ради того, чтобы посетить этот парк.

^ Одна из мобильных скульптур у входа в парк. Лопасты скульптуры вращаются в разных направлениях.

текст
Ольга Смирнова /
text
Olga Smirnova

v Водоем в парке в процессе подготовки к проведению свадьбы на его берегу

^ Детский домик среди виноградника

> Звучащая инсталляция.
Металлические листочки
звонят на ветру

Позже видела, что у этой винодельни есть сайт, через который хозяева продают скульптуры и инсталляции из своего парка. На фото я даже узнала и сами скульптуры, и антураж.

Не могу вам сказать, получили ли владельцы от этого парка дополнительную материальную прибыль, лучше

ли стало после строительства парка продаваться у них их вино, успешно ли продаются их скульптуры через интернет. Просто, простите, не поинтересовалась. Помню только, что провели мы в этом парке замечательный выходной, ну а потом уж, конечно, и вино у них купили.

> Лихие ножницы

< Груша, покрытая крышечками от бутылок. Она выставлена в помещении, которое дополняет парк

< Дерево желаний. На пластиковых ленточках, тут же лежащих в рулонах, люди маркером пишут свои мечты и цепляют к конструкции. Все звенит под ветром и сверкает

v Поскольку в Калифорнии летом дождей нет, дизайнеры придумали инсталляцию «Дождь»

В продолжение темы интеграции архитектуры и природы, начатой в ПБ 49–51, рассматривается принцип использования природных форм, показана история возникновения и современное состояние идей и приемов, основывающихся на копировании и изображении природных форм в архитектуре. Анализируются естественные основы применения ортогональной геометрии в архитектуре, дается широкий обзор применения нелинейной геометрии с элементами случайности в мировой и отечественной практике.

Ключевые слова: интеграция с природой; копирование и изображение природных форм; биотек; ортогональная геометрия; нелинейная архитектура. / As a follow-up to the theme of integration between architecture and nature started in the previous issues of Project Baikal (PB 49, 50, 51), the article reviews the principle of using natural forms and also features the history and the current state of the ideas and practices based on imitation and representation of natural forms in architecture. The author analyses the natural basis for using of orthogonal geometry in architecture and reviews utilization of nonlinear geometry with the elements of randomness in the world and national practice.

Keywords: integration with nature; imitation and representation of natural forms; Bio-tech style; orthogonal geometry; nonlinear architecture.

^ Доходный дом церкви Троицы на Грязех, Москва, арх. Л. Л. Кравецкий, П. К. Микини. 1908–1909

От «зеленого строительства» к природоинтегрированной архитектуре. Принцип использования природных форм /

Предыдущие части статьи В. Логвинова см.: Проект Байкал. 2016. № 49. С. 60–72; № 50. С. 52–59; 2017. № 51. С. 136–147.

Парадокс: вся история человечества есть история создания своей, отделенной от природы искусственной среды жизнедеятельности, лучшие образцы которой называются АРХИТЕКТУРОЙ. Вся история архитектуры есть история формотворчества, вечным, неиссякаемым источником которого всегда была и будет ПРИРОДА [1].

Человек, отнимая у природы ресурсы, необходимые ему для созидания своего искусственного мира, всегда учился у естественной природы формотворчеству. Использо-

вание природных форм в архитектуре существует на разных уровнях, с точки зрения как масштаба (деталь – целое сооружение), так и глубины проникновения в сущность био-геоморфологии. Здесь широчайший диапазон использования: буквальное цитирование, декоративный прием, использование форм подобных природным, заимствование конструктивных принципов, универсальных алгоритмов построения, попытки создать здание, функционирующее подобно живому организму.

Источником вдохновения служит как органический, как и неорганический мир, тем более что некоторые законы формообразования являются для них общими. Образцом для подражания становятся как микро-, так и макроструктуры (молекулы, клетки, кристаллические решетки – деревья, животные – горы, облака, планеты).

Изображая, украшаем

Имитация и изображение объектов природы прослеживается на протяжении всей истории человечества, начиная с наскальных рисунков эпохи палеолита (30–35 тыс. лет назад).

Природа, вернее природные формы, всегда были первоосновой понятия о совершенстве и красоте, признавались их эталоном. Изображая природу, человек украшал любые произведения своих рук (одежду, керамику, утварь, стены жилища), признавая тем самым несовершенство искусственного и необходимость приблизить его к естественному.

Орнамент – древнейший изобразительно-декоративный прием – подразумевает изображение растений, животных и других природных форм на фасадах и в интерьерах зданий. Живопись, скульптура, мозаика — исторически сложившиеся способы изображения, применяемые по сей день.

Помимо декоративной составляющей, изображения часто несли символический смысл, что особенно ярко выражено в традиционной (солярные и земледельческие

v Национальный музей шейха Зайед в Абу-Даби, арх. Н. Фостер. 2011

^ Ажурный дом, Москва, арх. А. К. Буров, худ. В.А.Фаворский. 1940-е

^ Жилой комплекс «Гранатный-б», Москва, арх. бюро SPEECH. 2010

From “Green Building” to Architecture Integrated with Nature. The Principle of Using Natural Forms

символы, животные – покровители рода) и культовой архитектуре (изображения языческих богов, животных и растений на средневековых соборах). Но этот прием нередко встречается и в постройках иного типа, где декор мог отражать статус владельца, либо функциональное назначение того или иного помещения или здания целиком.

В 1908 году Адольф Лоос провозгласил смерть орнамента, объявив его детской болезнью человеческой культуры и рудиментом прошедших диких эпох, вроде татуировки. «Подлинно современный человек... с уважением относится к естественно создавшимся орнаментам прошлых времен. Он уважает вкусы отдельных людей и народов, не достигших еще уровня нашего культурного развития. Но ему самому орнаментика не нужна», – писал он [2].

В середине XX века эта точка зрения, казалось, победила в архитектуре окончательно. В индустриально возводимых зданиях места орнаменту не нашлось. Но орнамент, потерявший уже первоначальную связь с природой, остался феноменом культуры. Ведь источником декоративных форм может служить как непосредственно природа, так и ее изображение в искусстве предыдущих веков. Эволюцию этого явления можно рассмотреть на примере трех жилых домов в Москве начала, середины XX и начала XXI века, декоративное оформление которых отсылает к искусству Древней Руси, в частности к Дмитровскому собору во Владимире.

Владими́ро-сузда́льский био- и зооморфный декор сто лет назад вдохновил московских архитекторов на создание доходного дома церкви Троицы на Грязях на Чистопрудном бульваре. При этом в доходном доме эпохи модерна древнерусский мотив служит лишь отправной точкой для фантазии, фигуры животных и растений подчеркнута укрупнены и гротескны [3].

Близкое декоративное решение, на этот раз выполненное индустриальным методом, можно найти и в советской архитектуре – в Ажурном доме Бурова. Типовые бетонные блоки в виде цветущих растений в вазонах ограждают пространство лоджий.

В Византийском жилом комплексе бюро SPEECH орнамент покрывает дом везде, где только можно,

^ Стволы деревьев: жилой дом – апартаменты, Москва, Брюсов пер., арх. «Алексей Бавыкин и партнеры». 2006

v Жилой комплекс The Mountain, Копенгаген, Дания, арх. BIG. 2005–2008

^ TattooHouse, Северный Фицрой, Австралия, Austin Maynard Architects. 2007

^ Московский театральный центр «Вишневый сад», арх. Творческая мастерская Д. С. Солопова и «Театрпроект». 2016

– снаружи и внутри. Растительный декор нанесен на каменную облицовку, стеклянные парапеты, чугунные решетки ограждений, дубовые двери входов в подъезд, стены лифтов. В разных корпусах цитируются конкретные византийские (XII–XIV века), владими́ро-суздальские, балканские и раннемосковские мотивы [4], но уже без всякой стилизации, гротеска и иронии. Декор с упрощенными растительными формами используется здесь не как средство интеграции с природой, а как символ, отражающий статус элитных

владельцев, желающих, чтобы в их доме все выглядело «богато».

Основные задачи, решаемые при помощи изобразительного приема в наше время, помимо чисто декоративных, – вписывание здания в окружение, зрительное привнесение живой природной составляющей в городскую среду (некая альтернатива фасадному озеленению), дематериализация объема.

Наиболее популярные мотивы – стволы, ветви и листва деревьев, но встречаются и более экзотические

и символические составляющие. Например, уменьшенное во много раз перфорированное изображение Эвереста, закрывающее этажи с парковкой, превращает жилой комплекс, имеющий террасную структуру, в своеобразную гору посреди абсолютно плоского датского ландшафта – «гору жилья на вершине храма автомобильной культуры» [5].

С развитием технологий, уже в XXI веке, появились новые способы изображения: шелкография, наклейка стикеров, перфорация,

выполняющие, по сути, те же задачи, что и традиционные графические, живописные и скульптурные изображения природных форм в архитектуре.

Одним из первых опытов применения этих технологий в крупных масштабах в России было шелкографическое изображение деревьев на всю высоту стеклянных фасадов здания «Афимолл-Сити», построенного в 2012 году. Задача гуманизации сверхурбанизированной среды комплекса зданий «Москва-Сити», в котором практически нет деревьев, таким образом, в определенной мере решалась, хотя, конечно же, плоское изображение растений никак не могут заменить настоящие живые деревья.

В этой связи особо стоит отметить более естественный и органичный новый прием ОТРАЖЕНИЯ в зеркальном стекле со скрытыми переплетами. Этот прием родился в урбанизированной среде Нью-Йорка в 80-х годах прошлого века для отражения исторических элементов города, но со временем стал применяться и в естественной природной среде, где раскрылся полностью его природоохранный, экологический потенциал.

Прием отражения принципиально отличается от остальных тем, что природа не изображается, а отражается, причем не какая-то абстрактная, а конкретная, относящаяся к этому месту. Такой

< Невидимый дом (Casa Invisible), Альпы, Delugan Meissl Associated Architects. 2014

< Вытяжные шахты Каса Мила, Барселона, арх. А. Гауди. 1910

фасад живет жизнью естественной природы, меняясь в зависимости от погодных условий, времени года и суток.

Впервые прием отражения природы в России был предложен в конкурсном проекте архитекторов А. Барклянского и В. Тарасенко для пристройки к зданию Пермского театра оперы и балета в 2006 году. В результате применения зеркального стекла на боковых фасадах пристройки новый объем просто дематериализовался, полностью растворившись в природной среде сквера вокруг театра, заодно сняв проблему стилистического сочетания пристройки и исторического здания.

v Reflective house, Московская обл., Истринский район, архитектурная студия MOPS. 2016

Получив первую премию, этот замечательный проект так и не был реализован, но В. Тарасенко удалось воплотить эту идею в другом пермском проекте – здании для пчеловодческой компании «Тенториум», где, кроме зеркального структурного остекления, применен еще один прием использования природных форм: витражи имеют расшивку в форме пчелиных сот.

Существуют также примеры симбиоза двух приемов – зеркального фасада и скульптурного изображения стволов деревьев, что позволяет не только «растворять» здание в окружении, но и создавать новую, сюрреалистическую реальность.

Вдохновляться, не копируя

Прием подражания природным формам наглядно иллюстрирует легенда о появлении коринфского ордера, описанная Витрувием: коринфская капитель была «срисована» с корзины на могиле молодой девушки, накрытой черепицей и оплетенной молодыми листьями аканта, на корень которого поставили корзину [6].

Колонны и капители, подражающие природным формам, можно встретить и в архитектуре Древнего Египта (папирус-, лотос- и пальмовидные). Фигура человека также могла выступать в роли колонны (атланты, кариатиды). В форме живых существ или растений могли выполняться отдельные элементы сооружения – завершения коньков крыш, водосливы, дверные ручки, позднее – вытяжные шахты, вентиляционные отверстия.

Скульптуры животных и людей были неотъемлемой частью архитектурных сооружений в разные эпохи. А вот прием, когда здания целиком стали создаваться по образу и подобию представителей животного или растительного мира, достаточно нов и появился он только в XX веке.

Однако подавляющее большинство подобных зданий в форме атомов, молекул, яйцеклеток, цветов, уток, слонов и т. д., по сути, архитектурой не являются и представляют собой полые скульптуры, которых со времен Колосса Родосского было в истории достаточно много. Но ведь никто не считает архитектурой статую Свободы или

^ Египетские колонны

v Колонна коринфского ордера

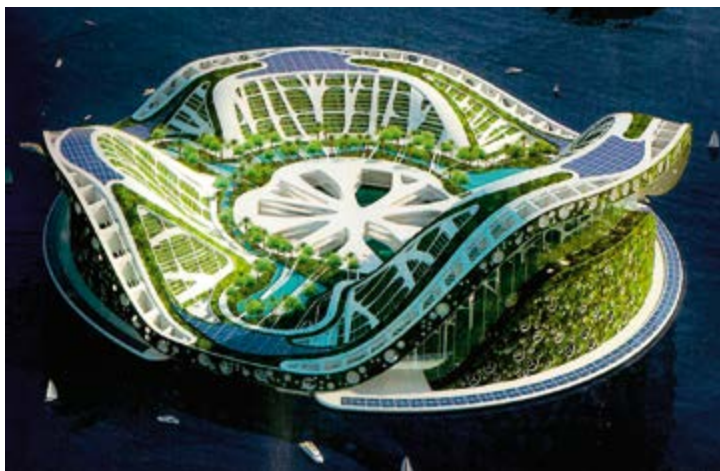

^ Водосток в виде головы дракона. Запретный город, Китай. XV век

v Стиль биотек: характерные проекты 2010–2016 годов

Будды только из-за того, что можно войти внутрь этих скульптур.

Примеров удачного подражания биоформам в архитектуре, в которой форма не вступает в неразрешимое противоречие с функцией, не так уж много. К ним можно отнести терминал аэропорта Кеннеди в Нью-Йорке, напоминающий взлетающую птицу, храм Лотоса в Нью-Дели. Однако здесь уже не прямое копирование природных форм, а использование в архитектуре их творчески переосмысленных образов.

Говоря об изображении природных форм в архитектуре, нельзя

обойти самое новое явление, базирующееся, с одной стороны, на тяге людей ко всему естественному и природному, а с другой – на вере в возможности современной техники, которая позволяет реализовать практически любую форму. Направление это еще не сформировалось как стиль, но оно уже получило несколько названий – биотек (по аналогии с хай-теком), зоотек (здания-животные), экотек.

Проекты этого направления, имитируя формы природы (фантастических цветов, кактусов, змей и даже молекулы ДНК), фактически изображают только внешнюю

^ Терминал Trans World Airlines, аэропорт Джона Кеннеди в Нью-Йорке, арх. Ээро Сааринен. 1962

v Храм Лотоса, Нью-Дели, Индия, арх. Ф. Сахба. 1978–1986

< Концептуальный проект «Аэротель», арх. А. Асадов. 2008

v Центр альпинизма, Полур, Иран, New Wave Architecture. 2013

оболочку архитектурного объекта. При этом детализация таких проектов, как правило, не доходят до планировки внутреннего пространства и конструктивных схем, что не дает возможности оценить функциональные, конструктивные и экономические качества архитектуры этого стиля, а следовательно, и его перспективность и реалистичность.

Авторы этих ярких зелено-голубых проектов-манифестов в большинстве случаев не имеют цели построить здание по этим проектам, декларируя новый «экологический»

подход к формам, используемым в архитектуре, противопоставляя его формам традиционных стилей.

Кроме природоподобных форм (с округлыми криволинейными поверхностями), биотек максимально использует тему озеленения. Еще одна особенность биотека – масштабность. Все подобные проекты имеют масштаб крупного комплекса или целого города, для которого на земле просто не хватает места, и поэтому объект выплывает на воду или взлетает над городом в небо.

Это обстоятельство дает возможность характеризовать данный

стиль как разновидность архитектурной фантастики, которое, подобно «бумажной архитектуре», может стать своеобразной виртуальной лабораторией для исследования внешних форм «природоподобной» архитектуры.

А впрочем, грань между фантазией и реальностью со временем стирается. Ведь совсем недавно проекты Кена Янга или Захи Хадид представлялись ненаучной фантастикой, а до этого фантастичным выглядело (и выглядит до сих пор) даже простенькое озеленение кровли. Вероятно, сегодня вопрос

не в возможности реализации, а в ее нужности и цене.

Не остается от этого движения в стороне и Россия, примером чего может служить дюжина работ династии «зеленых» архитекторов Асадовых и уже упоминавшийся проект «Ковчег» А. Ремизова [10].

Значительно проще и реалистичнее использование в архитектуре более свободных природных неорганических форм. Например, уже описанные дома-пещеры, дома-коньоны, дома-холмы [7], и даже дома – искусственные горы, крыши которых используются как настоящие горы, т. е. для горных видов спорта. Здесь образ, форма и функция неразрывно связаны.

К этой группе можно отнести проект комплекса «Земля Олонхо» [8], а также упоминавшийся конкурс «Загородный дом», в котором три из десяти проектов использовали идею дома-холма, а один из них (арх. Юдинцева) даже предлагал использовать крышу дома в качестве индивидуального горнолыжного спуска.

Продолжая перспективную тему дома-горы, можно привести в пример еще один нереализованный проект. В 2007 году долину реки Язу предполагалось очистить от множества гаражных кооперативов, оказавшихся на особо охраняемой природной территории. По одному из таких проектов на месте 800

< Центр всепогодных видов спорта, Москва, арх. И. Васильевский, М. Хазанов и др., констр. Н. Канчели. 2007

< Конкурс «Загородный дом», арх. В. Юдинцев. 2005

v Культурно-развлекательный центр в долине реки Язуы, ТМА Логвинова. 2007

железных гаражей предполагалось строительство здания культурно-развлекательного центра. Гаражи по проекту опускались под землю, а на поверхности надо было разместить «инвестиционную составляющую» – здание театра-кабаре.

Экологи ограничили высоту здания 10 метрами, и было предложено сделать это здание в виде холма, благо зал круглой формы идеально вписывался в его форму. Однако круговое фойе зала под землю убирать негуманно, и родилась идея открыть витражи фойе на долину, а на его крыше поднять прогулочную дорожку, с которой открывались

дальние виды на всю парковую зону реки Язуы.

Достаточно крупное здание просто растворялось в парке, подчиняясь его искусственному рельефу, что дало возможность авторам проекта поэкспериментировать с еще одним приемом природоинтегрированной архитектуры – сложными криволинейными поверхностями.

Угол или овал?

«Я с детства не любил овал! Я с детства угол рисовал!» Извечный конфликт этих противоположностей, выраженный в поэтической форме Павлом Коганом в 1936 году, в действительности является глав-

ной коллизией развития архитектуры на протяжении тысячелетий. Но для понимания этого противоречия, вероятно, надо в первую очередь осознать, чем отличается искусственное от естественного? Провести между ними границу, или, наоборот, установить, что жесткой границы нет и она подобна проницаемой мембране живого организма.

В обыденном и в профессиональном архитектурном сознании эта граница, очевидно, пролегает в геометрии и изменчивости. Искусственный мир человека, архитектура – прямоугольный, жесткий, заверченный и неизменяемый;

естественный мир – криволинейный, живой, растущий и изменчивый. Но здесь все не так просто.

Человек – единственное живое существо на планете, тело которого (в бодрствующем состоянии) занимает в пространстве строго вертикальное положение и имеет, в отличие от пингвина или морского конька, явно выраженное фронтальное строение. Человек – существо ортогональное, с четко выраженным ортогональным расположением в пространстве: верх – низ, вперед – назад, справа – слева [9].

Символом, квинтэссенцией искусственного считается квадрат, символом естественного признается круг (солнце). Но и то, и другое есть основа пропорций тела человека, который как бы объединяет два мира. И быть может, в этом разгадка загадки Леонардо да Винчи, зашифрованной им в «Витрувианском человеке».

Более того, не осознавая этого, мы живем в мире с четко выраженными ортогональными осями космического масштаба, продиктованными пространственным расположением Солнца и нашей планеты: небо – земля, север – юг, восток – запад.

Опять парадокс. «Искусственный» прямоугольный мир, не имеющий аналогов в природных формах, основывается на естественных, рождается природой антропологических особенностях самого человека и на устройстве солнечной системы.

< Сиднейский оперный театр, арх. Йорн Утсон. 1959–1973

v Ортогональные оси человека и «Витрувианский человек» Леонардо да Винчи

В. Шукшин писал: «Человек – нечаянная, прекрасная, мучительная попытка природы осознать самое себя». Искусственное не противопоставлено естественному, природному. Благодаря человеку, оно становится органичным, естественным продолжением самой природы, так же как сам человек является ее творением и продолжением.

Но для того чтобы осознать свою природу, человечеству понадобились сотни тысяч лет. Надо было пройти долгий исторический путь от круглого жилища всех кочевых народов к прямоугольной архитек-

туре оседлых земледельцев [10]. Прямой угол – одно из величайших открытий Человека Разумного, сделавших мир более разумным, упорядоченным и рациональным, чем могла «придумать» сама природа!

Архитектура не изображает и не отражает действительность – она ее преобразует. И для того чтобы интегрировать мир архитектуры в мир природы вовсе не обязательно копировать, изображать природные формы. Связь между архитектурой и природой более тонкая и глубинно сущностная, что доказывает вся история архитектуры, хотя в этой увлекательной истории были самые различные эксперименты, находки новых перспективных путей и тупики развития.

С доисторических времен рациональный «прямой угол» целенаправленно наступал на «кривой овал», но упрямая кривая все время уворачивалась и «вывозила» архитектуру на новые горизонты.

Вся архитектура древнего мира, неосознанная естественность средневековых замков Европы, барокко и рококо, орнаменты Салливена и модерн, экспрессионизм и не вмещающиеся в классификацию стилей неповторимые образы Антонио Гауди – все эти направления и стили, провозглашавшие возвращение к природе, были моментами победы живой кривой над скучной геометрией прямой линии, скульптурности над ортогональностью.

К середине XX века казалось, что ортогональная геометрия окончательно вытеснила естественную кривую из архитектуры индустриальной эпохи.

Но она опять неожиданно проросла, как трава сквозь асфальт, в капелле в Роншане, в мягких линиях зданий Алвара Аалто, экспериментах П. Л. Нерви и Э. Сааринена с железобетонными оболочками.

Настоящим прорывом стало самое известное здание современной архитектуры, в котором не было ни одного прямого угла – Сиднейский оперный театр, давший, несмотря на трагическую историю своего строительства, мощнейший стимул развитию криволинейных форм в архитектуре и ставший через пятьдесят лет прообразом произведений Ренцо Пиано и Нормана Фостера.

Это этапное произведение еще до осознания природоинтеграционного потенциала нелинейности в архитектуре, задолго до появления «зеленых» зданий, идейно вдохновило целое поколение архитекторов конца XX – начала XXI века. В этом поколении – имена Франка Гери, Сантьяго Калатравы, Захи Хадид и многих других, свободно творящих архитектурные формы по своей сложности и неоднозначности приближающиеся к природным формам.

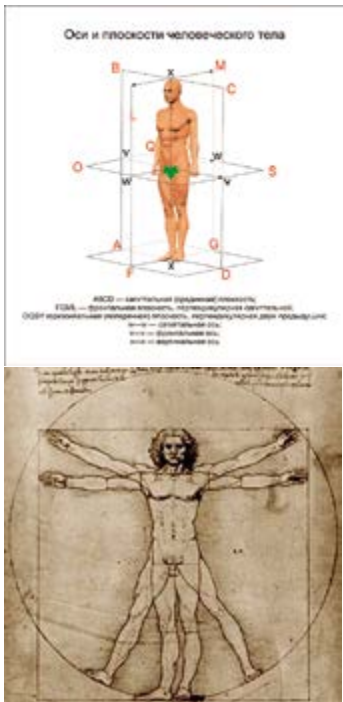
И решительное влияние на распространение нелинейной геометрии в архитектуре оказал переход на компьютерное проектирование, без которого просто невозможно расчертить, рассчитать и построить здания такой геометрической сложности. Будь у Утсона такой инструмент как компьютер, он, вероятно, избежал

бы большинства неприятностей, связанных с реализацией своих идей и сделал бы ту архитектуру, которую задумал. Наверное, Йорн Утсон слишком обогнал свое время, задумывая архитектурные формы, для реализации которой еще не было технических возможностей.

Параллельно со свободой формообразования развивалась и подсмотренная у природы идея незавершенности элементов искусственной среды, на которую обратили внимание еще полвека назад японские метаболисты. Здания уже не рассматривались как завершенная и застывшая на века вещь в себе, прочно стоящая на мощном цоколе и завершенная не менее мощным карнизом. Метаболисты научили смотреть на здание как на незавершенную, живую, растущую структуру, открыв тем самым путь к сближению среды искусственной с естественной.

Применение сложных криволинейных форм не приводит автоматически архитектуру к интеграции с природой. Произведения прошлого века, признанные самыми лучшими и гармонично связанными с природой, к примеру Дом над водопадом Ф. Л. Райта, выполнены на традиционной ортогональной сетке осей. Но сама по себе нелинейная или дифференциальная геометрия невольно сближает архитектуру с природой даже тогда, когда здание находится не на природе, а в сверхурбанизированной среде.

В этом феномен самого известного архитектора начала нашего века – Захи Хадид, которая никогда

^ Культурный центр имени Жан-Мари Тжибау, Новая Каледония, арх. Ренцо Пьяно. 1989

^ Эскиз Музея Гуггенхайма в Нью-Йорке, арх. Ф. Л. Райт

не ставила перед собой задач интеграции с природой, но не сходит со страниц книг и журналов по зеленой архитектуре. Бесконечные, волнообразные, перетекающие поверхности ее зданий невольно пробуждают образы барханов родной для Захи пустыни, создавая иллюзию почти природного ландшафта, хотя сама Хадид, по ее словам, вдохновлялась совсем другими образами, например, линиями подписи Эльдара Алиева, при проектировании центра его имени.

В определенной степени это справедливо и для других мастеров нелинейной архитектуры (деконструктивизма, параметризма, гиперсупрематизма), которых кривая линия и поверхность привлекают не близостью с природой, а необычностью, авангардностью и откровенной эпатажностью, ведущей к известности и к коммерческому успеху [11].

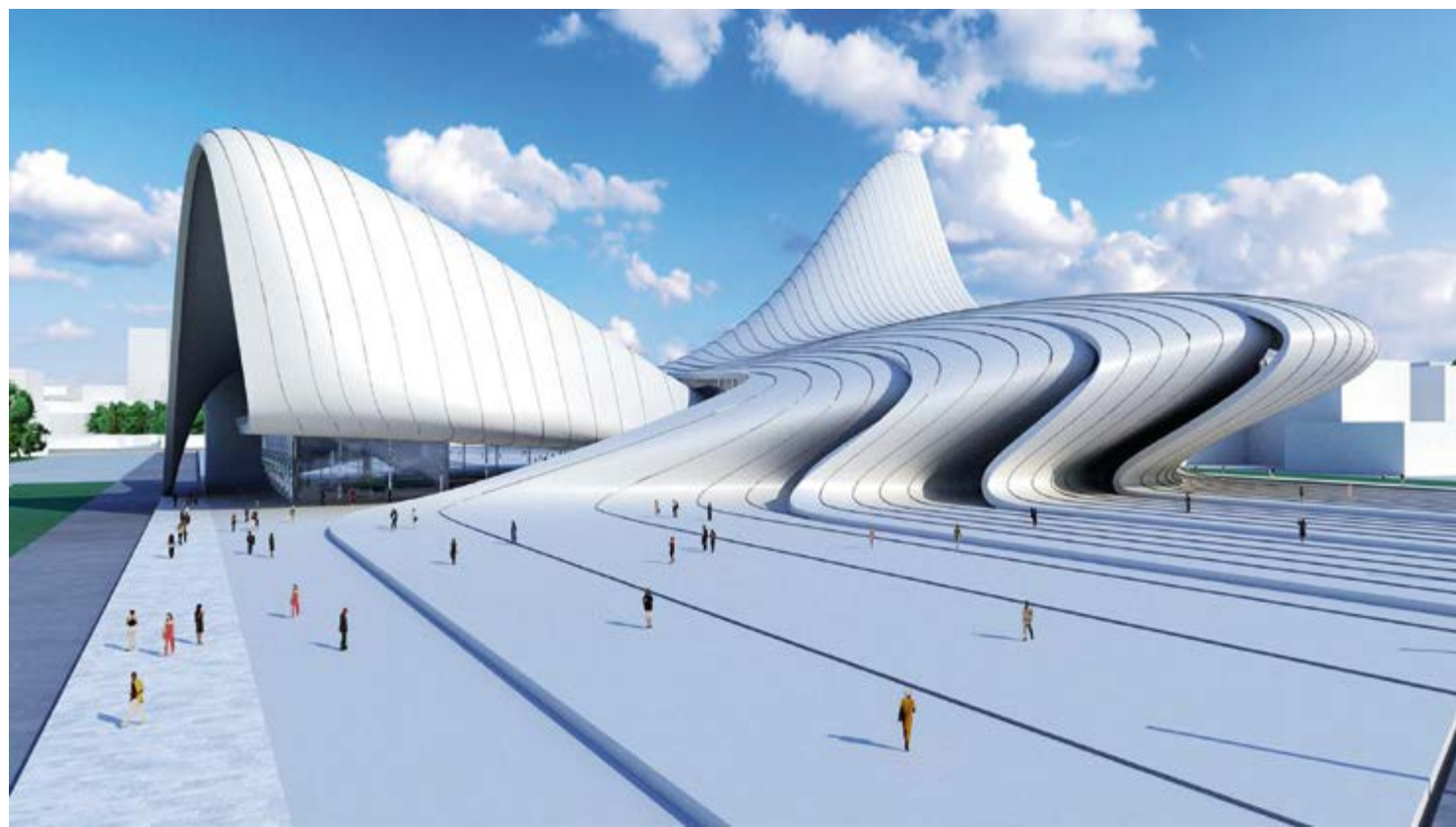
Но на этом пути последователей всех разновидностей нелинейной архитектуры ожидают сложности

v Центр Гейдара Алиева в Баку, арх. Заха Хадид. 2012

и опасности. Нелинейная архитектура и рациональная коммерция – вещи трудно сочетаемые, если не взаимоисключающие.

Неслучайно все наиболее яркие произведения деконструктивистов и гиперсупрематистов – общественные здания: музеи, театры, культурные центры, спортивные сооружения, в которых престижность важнее экономичности. Жилых домов у Захи Хадид нет вообще, а у других архитекторов этого направления они крайне редки.

Исключения, вроде Танцующего дома Фрэнка Гери в Праге, не отличаются удобством, экономичностью и рациональностью использования площадей. Закономерно, что проектируя даже имиджевую коммерческую архитектуру, например бизнес-центр «Доминион-Тауэр» в Москве, Заха ограничилась весьма скромной сдвижкой этажей и закруглениями на подоконных стенах, переходящих в ограждения балконов. При этом (о ужас!) у здания прямоугольный план.

^ Бизнес-центр «Доминион-Таур», Москва, арх. Заха Ходид. 2016

^ Жилой комплекс на Карамышевской набережной, ТМА Логвинова. 2000–2003

Поэтому в обычных коммерческих жилых и офисных зданиях приемы нелинейной архитектуры применяются весьма ограниченно, а эффекты значительно менее ярки, чем и объясняется непопулярность этого направления у инвесторов и девелоперов России. Ничего подобного центру Гейдара Алиева в России не построено, но нелинейная архитектура постепенно входит и в российский практику.

Начиная с дома Мельникова и его полукруглого гаража, в 80-е годы в Москве появилось несколько спортивных сооружений сложных криволинейных форм, типа велотрека и Ледового дворца в Крылатском или комплекса зданий Олимпиады-80 на одноименном проспекте, задавшего тему для всей застройки в этом зеленом районе.

Преодолевая «прямоугольность» типовой индустриальной застройки, в 90-е и нулевые стали появляться жилые дома и офисные центры с круглым, полукруглым или овальным планом, с внутренним двором или без него, переменной этажности или обрезанные «под карниз». Крупнейшим таким жилым зданием стал уникальный во многих отношениях жилой комплекс на Карамышевской набережной, о котором можно рассказать немного подробнее [12].

Этот комплекс задумывался одновременно со схожим по форме комплексом «Лесная спираль» в Дармштадте, о котором тогда в России не было известно ничего [7]. Профессиональная пресса и сейчас не балует вниманием проекты и по-

стройки Ф. Хундертвассера, сегодня всемирно известные, а в конце 90-х он считался не иначе как маргиналом – любителем, ниспровергавшим все устои профессионализма.

Сложная овальная форма плана была выбрана не только из желания экспериментировать с плавными линиями на границе городской и природной среды на извилистом берегу Москвы-реки, но и из-за сложной формы самого участка. А вот криволинейность по вертикали продиктована программной разноэтажностью, заданной требованиями понижения этажности в сторону берега, на котором стоит небольшая церковь Троицы Живоотворящей XVII века.

Для укрупнения масштаба внешних фасадов перепады этажности объединены мощной кривой глухого парапета переменной высоты. А вот на дворовых фасадах перепады этажей не только выявлены, но и подчеркнуты террасами на кровле. Этот прием придает внутреннему двору, в центре которого расположен одноэтажный детский сад (полукруглой формы), более уютный и сомасштабный человеку характер, несмотря на то что размер двора значительно больше футбольного поля.

Круглая в плане 19-этажная башня появилась как необходимый градостроительный акцент, видный за несколько километров и с проспекта Маршала Жукова, и с Крылатских холмов. Так что кажущаяся случайность непривычно скульптурных форм и даже их незавершенность продуманы и обоснованы.

Кроме нелинейной геометрии с элементами случайности, в проекте использовано еще несколько приемов интеграции архитектуры в природу. Здесь применены зеленые кровли над гаражом во дворе и на приквартирных террасах, зимние сады на верхних этажах, понижение этажности и уменьшение масштаба при приближении к парковой зоне. Для реализации принципа открытости [10] – специальная двухквартирная секция с вынесенным за внешний контур лифтом. Эта уникальная секция дала возможность открыть большинство квартир на главную ценность этого места – дальние виды на пойму Москвы-реки. А не применявшиеся ни в одном другом жилом доме Москвы панорамные лифты обеспечили возможность не терять визуальной связи с внешней средой даже на пути в квартиру. Сам этот путь, с постепенно раскрывающимся видом, дарит новые ощущения связи с природой в процессе движения ввысь (как на колесе обозора).

Этот не имеющий аналогов жилой комплекс так и остался «белой вороной» – невостребованным экспериментом природоинтегрированной архитектуры в море коммерческой застройки Москвы. Однако нелинейная архитектура стала естественным образом быстро развиваться в самой подходящей для нее области строительства – в транспортных и спортивных сооружениях, чему способствовали зимняя Олимпиада в Сочи в 2014 году и Чемпионат мира по футболу 2018 года.

Здесь функция и конструкции не вступают в противоречие с нелинейной формой. В этих стоящих среди зелени на фоне зеленых гор открытых во внешнюю среду сооружений естественным образом реализуются идеалы интеграции архитектуры и природы. И здесь российская архитектура имеет явные успехи мирового уровня.

Обширнейшую тему использования в архитектуре природных форм и закономерностей их построения невозможно исчерпать в одной статье. О том, чем полезны архитектуре науки биоморфологии и бионика, – в следующем номере.

Виктор Логвинов
Ирина Пономарева/
Victor Logvinov
Irina Ponomareva

Продолжение следует.

Литература

1. Логвинов В. Н. Природоинтегрированная архитектура: практика, приемы и принципы // Архитектура и природа. Природа и архитектура : сб. науч. трудов. – М. : Изд-во РААСН, 2009.
2. Иконников А. В. Мастера архитектуры об архитектуре. – М., 1986.
3. Рикверт Дж. Коринфский ордер. Происхождение, символика, легенда [Электронный ресурс]. – http://kannelura.info/?page_id=698
4. Смирнова Т. Дом со зверями. Чистопрудный бульвар, 14, стр. 3 [Электронный ресурс]. – http://um.mos.ru/houses/dom_so_zveriyami/

^ Жилой комплекс на Карамышевской набережной, ТМА Логвинова. 2000–2003

v Вокзал «Олимпийский парк» в Сочи, арх. «Студия 44». 2013
v Олимпийский стадион «Фишт» в Сочи, «Моспроект-4», бюро POPULOUS. 2013

5. Тарабарина Ю. Византийский дом [Электронный ресурс]. – <http://archi.ru/russia/5350/vizantiiskii-dom>

6. Карелин В. Восторженные архитекторы готовят студентам клетку для учебы [Электронный ресурс]. – <http://www.membrana.ru/particle/1266/>

7. Логвинов В. Н. От зеленого строительства к природоинтегрированной архитектуре. Принцип регенерации // Проект Байкал. – 2016. – № 49. – С. 60–71.

8. Логвинов В. Н. От зеленого строительства к природоинтегрированной архитектуре. Принцип сохранения места // Проект Байкал. – 2016. – № 50. – С. 52–59.

9. Павлов Н. Л. Архитектура. Введение в профессию : уч. пособие для вузов. – М., 2017.

10. Логвинов В. Н. От зеленого строительства к природоинтегрированной архитектуре. Принцип взаимосвязи сред // Проект Байкал. – 2016. – № 51. – С. 136–147.

11. Воличенко О. В. Концепции нелинейной архитектуры [Электронный ресурс]. – http://archvuz.ru/2013_4/3

12. Логвинов В. Н. Жилой дом и административно-деловой центр на Карамышевской набережной // Технология строительства (спецвыпуск). – 2007.

References

Ikonnikov, A. V. (1986). *Masters arkhitektury ob arkhitekture* [Masters of architecture about architecture]. Moscow.

Karelin, V. (2006, August 11). *Vostorzhenneye arkhitektory gotovyat studentam kletku dlya ucheby* [Enthusiastic architects are preparing

a cage for students to study in]. *MEMBRANA*. Retrieved from <http://www.membrana.ru/particle/1266/>

Logvinov, V. N. (2007). *Zhiloi dom i administrativno-delovoi tsentr na Karamyshevskoi naberezhnoi* [A residential building and an administrative and business center on Karamyshevskaya embankment]. *Tekhnologia stroitelstva (special ed.)*. Kachestvennaya arkhitektura.

Logvinov, V. N. (2009). *Prirodointegrirovannaya arkhitektura: praktika, priemy i printsipy* [Architecture integrated with nature: practice, techniques and principles]. *Proceedings from Arkhitektura i priroda. Priroda i arkhitektura*. Moscow: Izd-vo RAASN.

Logvinov, V. N. (2016a). From “Green Building” to Architecture Integrated with Nature. *Place Preservation Principle*. *Project Baikal*, 13 (50), 52-59.

Logvinov, V. N. (2016b). From “Green Building” to Architecture Integrated with Nature. *Regeneration Principle*. *Project Baikal*, 13 (49), 60-71.

Logvinov, V. N. (2017). From “Green Building” to Architecture Integrated with Nature. *The Principle of Environmental Interconnection*. *Project Baikal*, 14 (51), 136-147.

Pavlov, N. L. (2017). *Arkhitektura. Vvedenie v professiyu* [Architecture. Introduction to the profession]. *Manual for institutions of higher education*. Moscow.

Rykwert, J. (n. d.). *Korimfsky order. Proiskhozhdenie, simvolika, legenda* [Corinthian Order. Origin, symbolics, legend]. Retrieved from http://kannelura.info/?page_id=698

Smirnova, T. (n. d.). *House with beasts*. 14/3 Chistoprudni Boulevard. *Discover Moscow*. Retrieved from <http://um.mos.ru/en/houses/house-with-beasts/>

Tarabina, J. (2008, March 5). *Vizantiyskiy dom* [Byzantine House]. *Archi.ru*. Retrieved from <http://archi.ru/>

russia/5350/vizantiiskii-dom

Volichenko, O. V. (2013, December). *Kontseptsii nelineinoi arkhitektury* [Concepts of nonlinear architecture]. *Architecton: proceedings of higher education*. Retrieved from http://archvuz.ru/2013_4/3

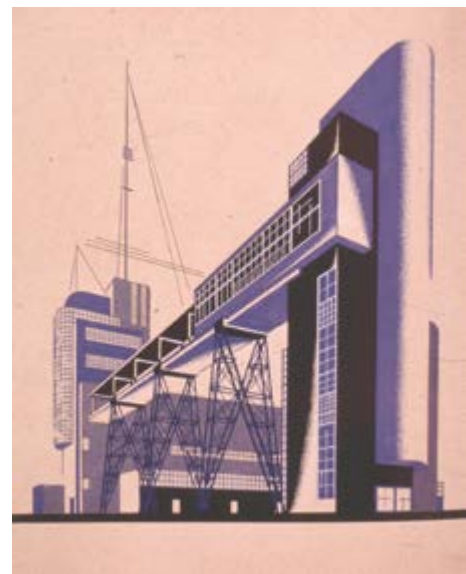

В статье представлена концепция современной архитектуры как воплощение новых архитектурных идей, основанных на стремлении к будущему, к новизне и прогрессу. Автор прослеживает развитие мировой архитектуры – от классического периода, постмодернизма, функционализма и минимализма до современной архитектуры. Принимая во внимание современное представление о стиле, красоте и гармонии, автор прогнозирует формирование нового («многостильного») этапа развития архитектуры, характеризуя его термином «постфункционализм». По мнению автора, одной из тенденций постфункционализма будет создание новых компактных городов со сложной внутренней пластикой.

Ключевые слова: современная архитектура; метаморфозы; «многостильный» этап развития архитектуры; постфункционализм. /

The article presents the concept of 'contemporary architecture' as an embodiment of new architectural ideas based on the movement towards the future, innovations and progress. The article studies development of world architecture from the classic period, through post-modernism, functionalism and minimalism and back to the classical elements and the contemporary architecture. Taking into account the remarkable extension of the contemporary idea of style, beauty and harmony, the author predicts the 'multistylistic' stage in the development of architecture described as postfunctionalism. The author assumes that the creation of new compact cities with complex inner plastics will be one of the trends within postfunctionalism.

Keywords: contemporary architecture; metamorphoses; 'multistylistic' stage of development of architecture; postfunctionalism.

^ Фантазия Якова Чернихова. Символ грядущей современной архитектуры 30-х годов

Современная архитектура и город / Contemporary Architecture and the City

В этой статье под современной архитектурой подразумевается то давнее ностальгическое понятие, которым мы пользовались почти весь XX век. Есть и другие названия этого явления: функционализм, интернациональный стиль или (более редкое) эпоха великих мастеров. Но, благодаря журналам «СА» и «L'architecture d'aujourd'hui», в русском переводе «Современная архитектура», этот термин более привычен для нашего слуха. Меня заинтересовало, насколько термин «современная архитектура» соответствует тому значению, которое он приобрел в начале прошлого века? Это рудимент или реальное живое понятие? И вообще, что происходит в наши дни с архитектурой и градостроительством?

История. Сто лет назад шла жестокая борьба новой, пуританской архитектуры за место под солнцем. «Современная» – это набор известных авторов, течений и пластических сочетаний. В ее материальной основе – металл, стекло и бетон. «Не современная» – это те или иные ордерные сочетания, модерн, эклектика и вообще любой историзм. Новый город – это широкие проспекты и дома, свободно стоящие под солнцем. Старое – это узкие улицы и темные дома колодцы¹.

Поначалу новый стиль формировался в Европе. Позже включилась Америка, а к 60-м – Япония и другие страны. Тогда «современную архитектуру» возглавляли четыре кумира, четыре великих мастера: Ле Корбюзье, Фрэнк Ллойд Райт,

Вальтер Гропиус и Мис ван дер Роэ. Новая архитектура призвала ценить не показную красоту, а зеленые просторы, солнце в окнах и свежий воздух в комнатах. Призывала строить много и быстро (население-то росло). Никаких портиков, фронтонов и каменных рустовок, собирающих грязь. Не дворцы, а дешевые дома для простых людей. Никакой пыли в интерьере! Никаких пуфиков и гардин. Какие невероятные перспективы сулил технический прогресс!

До этого, если у человека немного повышалось благосостояние, тут же возникала необходимость в уборщицах, поварах, экономках. А теперь стало возможным обойтись без прислуги. Появились холодильник, пылесос, газовая плита, стиральная машина. Жизнь стала более демократичной. В строительной области тоже рождались новые технологии: асфальтоукладчики, подъемные краны, бульдозеры, самосвалы. Интенсивно внедрялись сотни отделочных материалов, металлоконструкций, бетон, асфальт. Однако это было только начало.

Классический период современной архитектуры легко узнаваем благодаря стилю. Но архитектура великих мастеров породила не только стиль. Функционализм резко раздвинул диапазон пластических средств. Зодчие освоили неведомые доселе силуэты и формы зданий. Появились огромные стекла, новые виды поверхностей, раздвижные стены, открыто-закрытые пространства и т. д. Началось освоение подземного, надземного

и водного пространства, а потом и космоса. Всего этого ранее не существовало. «Музыка пространств» за этот период стала гораздо сложнее. Какая эйфория царил тогда среди приверженцев нового течения! Какой отсталой представлялась старая, классическая, архитектура

Ле Корбюзье (я буду часто упоминать это имя, поскольку он был первым среди великих), проиграв конкурс на Дворец Наций в Женеве, издевался над победителем Пьером Ваго. Он утверждал, что функциональное построение его дворца примитивно, а фасад, перегруженный украшениями, помпезен и некрасив. Толстые стены из камня дороги, затхлые интерьеры лишены света и солнца. Казалось, эти утверждения безукоризненно справедливы. Появилась уверенность, что новая архитектура, наконец, нашла свое русло. Но все оказалось гораздо сложнее.

Уже в 30-е годы началось расшатывание постулатов и понятий, содержащихся в многочисленных хартиях, декларациях, меморандумах и принципах, относящихся к современной архитектуре. Тезисы Финской хартии и лозунги SIAM, призывавшие вместо тесных кварталов в центре городов строить дешевые дома за городом, среди солнца и зелени, не оказались услышаны. Через десяток лет стоимость жилья в тесном городском центре стала выше, чем на периферии. Плотность социальных контактов оказалась предпочтительнее зеленых просторов.

Лозунги стандартизации (штамповать дома, как автомобили) тоже не вызвали энтузиазма. Знаменитый, штампованный поселок Пессак, построенный Ле Корбюзье, не выдержал испытания временем. Там все однотипные дома были перестроены под нужды владельцев. Дома, естественно, потеряли первоначальную стилевую элегантность, но никто, кроме историков функционализма, не увидел в этом ничего плохого.

Архитектура не могла стоять на месте. После снятия ордерных ограничений все силы зодчих были направлены на поиски новых пластических форм, идущих вразрез с манифестами ранних функционалистов. Даже тезисы Ле Корбюзье, превозносившие прямой угол «для людей», в противовес кривой дороге «для ослов», завершили его же «кривыми» произведениями. Появился «ленточный» проект нового Алжира, «нелинейный» павильон фирмы «Филиппс» и пластичная капелла в Роншане. В начале 60-х начал набирать силу «разгул» архитектурных форм. Каждая страна, каждый город, каждый архитектор пытались сотворить нечто особенное. В этой ситуации противопоставлять одну архитектурную форму другой не имело смысла. Стерильный функционализм стал терять свою силу. Побеждала «всеядность».

Современная архитектура начала ветвиться, превращаясь в некое раскидистое дерево. Внутри нее возникли самостоятельные стилистические течения. Стали сменять

^ Ле Корбюзье. Вилла Савой. Изысканный минимализм (20-е годы)

^ Ле Корбюзье. Часовня Роншан. Отказ от прямых углов (50-е годы)

друг друга неолиберти, футуризм, неопластицизм, архитектурный конструктивизм, неоклассицизм, органическая архитектура, метаболизм, новый брутализм и т. д. Чем больше появлялось «измов», тем более размытым становился привычный образ современной архитектуры. Можно сказать, что это направление «постарело» и потеряло определенность своего первоначального значения.

Еще одна потеря. Современная архитектура всегда базировалась на устремлении в будущее, к новизне и прогрессу. Но непрерывное производство «новизны» обесценило этот процесс, и он обернулся своей противоположностью – увлечением стариной. Появился интерес к охранительству, возникли ретростили, расцвели

идеи воссоздания утраченного, историзм, постмодернизм и т. д. Это был серьезный удар по современной архитектуре. Постепенно, получив историческую перспективу, функционализм, видимо, влился в единую историко-архитектурную реку, став предметом истории.

Взрыв. Вернемся в середину прошлого века. Тогда для фанатиков современной архитектуры каждое здание из стекла и бетона считалось событием. Еще в 60-е значимых построек было мало. Помню обложку «L'architecture d'au jourd'hui» 1960 года. На ней поместились все лучшие произведения предыдущего десятилетия. Это были постройки в Европе, США, Бразилии и Японии. Мы знали их «в лицо». Знали авторов. Но интернациональный стиль, как степной

пожар, распространился по всему миру. В строительной гонке стало участвовать огромное число стран, названия которых даже не всем известны. Сказывались различия в уровне развития строительных технологий, национальных традициях и авторских амбициях.

Количественный взрыв породил и другие проблемы. Прошло не более тридцати лет, и понятие «современная архитектура» разделелась на два основных потока. Поток Мис ван дер Роэ – это массовое, коммерческое строительство офисов, обычно в виде неких стеклянных небоскребов. Поток Ле Корбюзье – это поиски новых индивидуальных форм, заполняющих элитные журналы.

Начнем с небоскребов. Великие мастера возлагали на них большие

1. См. положения Афинской хартии.

надежды. Мис ван дер Роэ построил Сигрем-билдинг и жилые дома на Лейк-Шор-Драйв, определив на многие годы стиль высоток во всем мире. Ле Корбюзье проектировал жилые небоскребные центры в городе на три миллиона жителей. Их же он предлагал Парижу и Москве. Дезурбанист Фрэнк Ллойд Райт разработал город – дом в виде полуторакилометровой высотной башни. Небоскребы заполнили Манхэттен. Но время неумолимо мчится вперед, и эра небоскребов постепенно проходит. Если не считать странноватый деловой центр «Москва-Сити», высотки перестали «возбуждать» европейцев. В последнее время они перекочевали в Азию. Сегодня образ азиатских высоток далек от классической современной архитектуры. Пожалуй, одно из

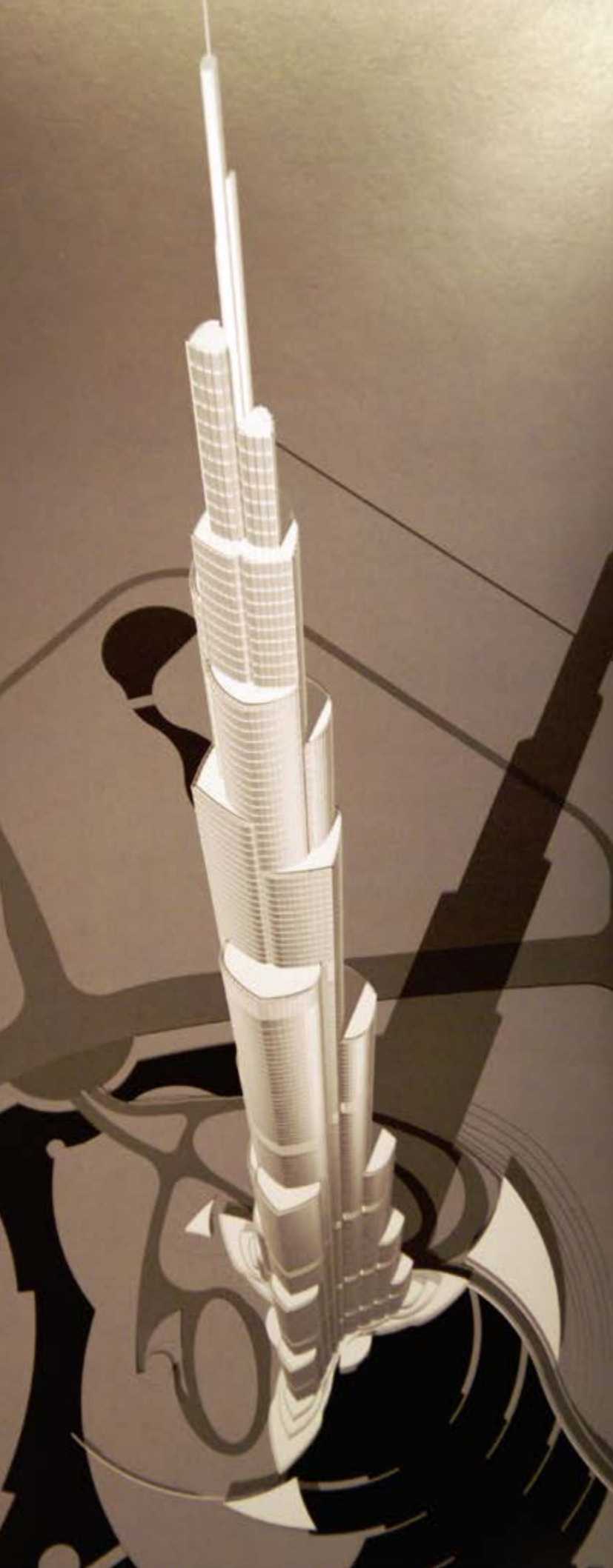

^ Ле Корбюзье. Линейный Алжир. Полный отказ от небоскребной сетки современного города (50-е годы)

^ Ле Корбюзье. Фрагмент макета небоскребного Парижа будущего (20–30-е годы)

^ Гонконг. Самый плотный небоскребный город

2. Авторы нового классицизма – Терри Фарел, Пауль Гибсон, Роберт Адам, Аллан Гринберг и др.

< Игла Ф. Л. Райта. Город на 10 тыс. жителей (50-е годы)

немногих мест, где небоскребы создают уникальную городскую среду, это Гонконг. В остальном Китае и Эмиратах «стекляшки» стали покрывать километровые пространства, превращаясь в заурядную фоновую застройку. Зрелище удручающее! Этокое царство скороспелок. Вот где традиционный интернациональный стиль, загнивая, доживает свой век. Даже в шанхайском Падунге, где все высоты демонстрируют индивидуальность, они выглядят как парфюмерные флаконы на полках универсама. Но что интересно, китайцы относятся к ним как к символам грядущей архитектуры. А что если они правы?

Теперь о линии Ле Корбюзье. Уникальные здания появляются постоянно. Среди них есть прекрасные работы. В то же время новизна все меньше интригует зодчих. Все чаще необычная форма воспринимается как рекламный акт или аттракцион. Например, «фаллос» в центре Лондона, «капельсин» напротив Кремля, «жуки» в Севилье или «факел» в Петербурге. В наше время о «сегодняшней» архитектуре издаются 1000-страничные книги, фильмы, диски, работает интернет, но весь этот информационный вал с трудом может охватить 10 % построенных объектов. Но даже среди этого множества интересных построек не больше 1%. В душе мало что задерживается. Все ждут откровений, но они появляются все реже и быстро надоедают. А это порождает профессиональное безразличие к новым формам.

Ордер. Как это ни странно, среди многообразных явлений современной мировой архитектуры значительную роль начинает играть, казалось бы, побежденный классический ордер. Это произошло после того, как выяснилось, что стекло и бетон не столь хороши, как ожидалось. Они не смогли претендовать на всепобеждающие материалы будущего, как прогнозировали классики современной архитектуры. В то же время традиционная «толстая» каменная стена, отделанная ордером, над которой так издевался Ле Корбюзье, не собиралась сдаваться. Во многих случаях эта система оказалась предпочтительнее стекла и бетона. В семидесятые классика вернулась в виде постмодернизма. Она не теряет своих позиций и по сей день. Элитные клубы, виллы, любая контекстуальная архитектура или воссоздание утраченного не обходятся без ордерных реминисценций, даже в одноэтажной Америке. В этом плане интересно проектирование и строительство Paternoster Square в Лондоне, выполненное, по мнению авторов, в стиле нового классицизма².

Следует вспомнить и невероятные метаморфозы, связанные с современной архитектурой, произошедшие в СССР. В начале прошлого века неожиданно сквозь господство Перетяповичей, Шехтелей и Рербергов пробилась ростки конструктивизма, и наша страна стала одним из мировых центров нового движения. Но в середине 30-х случилось неожиданное.

^ Мис Ван дер Роэ. Сиграм-билдинг. Один из первых стеклянных небоскребов, открывший эру нового небоскребо-строения

^ Кен Янг. Зеленый небоскреб

^ Шанхай. Новый центр Падунг

3. См. работы по семиотике Тартуской школы, в том числе Ю. Лотмана. Архитектурной семиотикой занимался Умберто Эко.

4. Взаимозависимость ордерных элементов хорошо демонстрирует Палладио в «Четырех книгах об архитектуре».

Конструктивизм был по приказу свыше заменен неким пролетарским классицизмом. Распространено мнение, что классицизм был любимой архитектурой Сталина. Думаю, дело в другом. Народ не понимал и не принимал эстетику и философию конструктивизма. Элегантные, летящие, пересекающиеся под прямым углом композиции, восхищали только архитектурную элиту. Кроме того, надо понимать, что архитектура двадцатых шла за некими социальными лозунгами. Призывы к обобществлению быта, к казенной предопределенности жизни и к вторжению государства в семью не вызывали в народе ничего, кроме глухого недовольства. В этой ситуации вождь сознательно стал потакать массам, прекратив сомнительные опыты «оголтелых троцкистов». Так родился ордерный пролетарский классицизм в архитектуре и социалистический реализм в искусстве, просуществовавшие не одно десятилетие. В нашей стране это был серьезный удар по интернациональному стилю. Однако трудно представить современную Москву без сталинской архитектуры

Тут уместно отвлечься и попытаться понять, почему именно античная ордерная система стала одной из альтернатив современной архитектуры. После очистительного дождя функционализма, смывшего классический ордер, могли возродиться другие стили и другие ордера. Почему, например, не возродился ордер египетский, минойский, персидский или майя?

Или еще более совершенный, готический. Попыток было много, но из них ничего значимого не получилось. А античный ордер не только жив, но и развивается. Десятки молодых зодчих заново исповедуют классику. Почему он оказался столь устойчив во времени?

Язык. Пора привыкнуть, что архитектура – это своеобразная знаковая система³. Мало того, она имеет признаки некоего языка. Язык – это не только то, чем мы пользуемся, читая и разговаривая. Вообще все, что человек видит – он «прочитывает». И так, если архитектура – это своеобразный язык, то любой развитый язык обладает грамматикой. Так вот античный ордер построен по четкой грамматической системе. Его элементы: пьедестал, цоколь, база, колонна, капитель, архитрав, фриз, карниз и, наконец, фронтон – подчинены строгой тектонической взаимозависимости³. Кроме того, фразы, написанные на ордерном языке могут передать сотни смысловых оттенков. Он бывает простым и сложным, спокойным или героическим. На фризе или фронтоне, как на картинке в книжке, легко изобразить любое событие или действие. Люди за сотни лет привыкли к ордеру и легко его читают.

Вспомним, как языковые свойства архитектуры использовались в советских городах. В них появились общедоступные дворцы с ритмами гигантских колонн и рустованными фасадами. Их фронтоны и фризы с бесконечными барельефами изображали будущую счастливую и бо-

v Норман Фостер. Фаллический символ в лондонском Сити

^ Сталинский классицизм. МГУ на Ленинских горах

^ Советские пятиэтажные города

v Высотный дом на Котельнической набережной. Наглядная демонстрация будущей счастливой жизни

гую жизнь. Людям это нравилось. А современная архитектура демонстрировала всего лишь стерильный минимализм, который «прочесть» (или хотя бы понять) мог только профессионал. Напомню, со времен иконоборчества простое и понятное изображение, как правило, побеждало абстрактную идею.

Деталь. Не только стремление к чистым формам, лишенным изобразительности, было ахиллесовой пятой функционализма. В нем отсутствовали детали. Известный конструктивист Михаил Барщ объяснял нам, студентам, что резкий переход от функционализма к сталинскому классицизму был основан не только на приказах свыше. Когда делегация советских архитекторов (конструктивистов по преимуществу) посетила Италию, стала ясна огромная роль детали в классической архитектуре, а современная архитектура детали не имела.

Видимо, Ле Корбюзье тоже понимал это. Изобретенная им измерительная система «Модульор», казалось, вводила деталь в современную архитектуру. Сотни архитекторов увлеклись «Модульором», надеясь на открытие у функционализма нового дыхания (я был среди них). Но этого не случилось и «модульные» поиски потеряли популярность. В СССР в тот период наблюдалось повальное увлечение «золотым сечением» применительно как к классике, так и к современной архитектуре. Есть люди, до сих пор ищущие тайну деталей в золотом сечении. Пока безуспешно.

Завершая рассуждения о советской архитектуре, нельзя не упомянуть и о том, что в России есть слой архитектуры, который вообще неизвестно как назвать. Со середины 50-х в СССР сталинский классицизм сменился неким хрущевским практицизмом, который просуществовал до 90-х. Появились хорошо знакомые панельные пятиэтажки, пилонады, облицованные отваливающимися каменными плитками, бетонные офисные коробки с унылым ритмом окон и бесконечные заводы с грязными стеклами. От западных строительных технологий мы были очень далеки. В СССР на использование каждого куска металла, стекла, камня и даже кирпича требовалось специальное разрешение. Трудно пока понять, что это была за архитектура. Тупик или странное ответвление от мировой линии. Во всяком случае, в СССР никому и в голову не приходило, считать этот минимализм современной архитектурой. Жалко, поскольку тогда в стране работали десятки прекрасных зодчих.

Но вот наступили 90-е, и каждое здание, построенное в России по зарубежным стандартам, воспринималось как прорыв к современной архитектуре. Мало кто замечал, что это были всего лишь коммерческие постройки средней руки. И опять-таки это не потому, что не было хороших зодчих. Во-первых, в России уровень строительства и особенно набор выпускаемых стройматериалов всегда был очень низок. И низок до сих пор. Во-вторых, нестандартные сооружения

^ Современная площадь Патерностер в Лондоне (80–90-е годы)

^ Япония, Иоккогама. Траволаторная улица будущего

всегда затратные, а поэтому «шедевры» у нас не культивируются. Экономика слаба. А окружающая нас архитектура и есть «застывшая экономика».

Постфункционализм. Если современная архитектура стала предметом истории, то архитектура сегодняшнего дня появляется повсеместно. Следуя логике данной статьи, для нее можно применить термин «постфункционализм». Кто же в мире является его лидером?

На этот вопрос молодой коллега, немного помедлив, перечислит: Химельблау, Эгерат, Фрэнк Гэри, Заха Хадид, Либескинд, Колхас, Питер Айзман и, конечно, Норман Фостер. Мало кому в голову придет назвать какое-либо азиатское или латиноамериканское имя (разве что Кен Янг). Это архитектура «не нашего круга», видите ли. А ведь именно там, в Азии, идет сейчас самое интенсивное строительство, и там можно ожидать рождения новых архитектур. Я имею в виду не только Японию, Сингапур или Гонконг, но и Корею, Индию, Индонезию, Малайзию, Китай и, конечно, Эмираты.

Прежде всего следует обратить внимание на Китай. Китай! Это другой мир, другая культура. Китайцы смотрят голливудские или гонконгские фильмы. У них своя музыка, литература, поэзия, живопись и, наконец, своя философия. Китай живет совершенно самодостаточной жизнью. У них есть все – от космических ракет до уникальной фармацевтики. Убеден, что

сотни миллионов простых китайцев не подозревают о существовании Европы. Так вот, там сейчас идет гигантское строительство. Причем речь идет не только о Пекине. Огромные небоскрежные районы появились в Шанхае, Ганьджоу, Сычуани. Город Шанжень буквально за 15 лет из бедного 40-тысячного городка превратился в 10-миллионный небоскрежный мегаполис, растянувшийся на 100 километров. А таких городов несколько. Пока там господствует довольно примитивные «стекляшки», но появляются уже очень интересные вещи. К этому следует добавить десятки парков развлечений, удивительных аэропортов и лучших в мире скоростных магистралей.

Фантастическое строительство ведется и в Эмиратах, и постоянно в массе новостроек появляется нечто новое и интересное. За несколько лет в голой пустыне выросли гигантские города. За то время, пока в Москве, надрываясь, пытались построить «Сити», в Эмиратах, как миражи, осуществились строительные фантазии, достойные Синдбада-морехода. Море небоскребов во главе с 800-метровым гигантом. Сотни гектаров зеленых рощ, орошаемых потоками пресной воды. Снежные трассы среди пустыни. Острова в виде пальм. Лучшие в мире курорты и много иных чудес. Сейчас там строятся огромные торговые центры. Это целые крытые города. В одном из таких центров сплошное стекло аквариума около 400 кв. м. Все общественные здания, построенные в этом регионе, могут быть

v Парфенон – символ непобедимости классики

охарактеризованы, как огромные климатроны. Там рождается новое отношение к архитектуре. Рождается новое понимание пространства. Там рождаются элементы того, что мы пытаемся назвать «постфункционализм».

Европа, не говоря о России, невероятно далека от подобных строительных масштабов. И мы стараемся их не замечать. Они же варвары, а архитектура их примитивна и безвкусна. То ли дело в Голландии. Но вспомним, не так ли Европа воспринимала американскую архитектуру до 50-х годов прошлого века? «Город желтого дьявола». «Варварская демонстрация денег». Однако эти «варвары» дали миру десятки великих зодчих, не говоря о сотнях элитных построек. Сейчас Америка стала фактически лидером мировой архитектуры. Не по такому ли пути идет Азия, постоянно генерируя новое. И не только Азия. А Южная Америка?!

Стиль и красота. Небольшое отступление. Речь пойдет о стиле и красоте. Мы привыкли к тому, что архитектуру характеризует смена стилей. Их изучают. О них пишут книги. Как-то одна богатая заказчица пыталась у меня выяснить: «А скажите, чем ар-деко отличается от ар-нуво?» Интересовались и корреспонденты: «А что за стиль в лужковской Москве?» Стыдно признаться, что нет больше привычных стилей, а новые «этикетки» еще не навешены. Их и вешать некуда. Раньше две-три страны формировали стиль. Да и появлялись они как-то синхронно, друг на друга похожие. Например: ар-нуво, сецессион, модерн, югендстиль, стиль либерти. По традиции, функционалисты тоже формировали свой интернациональный стиль, легко узнаваемый и сегодня. Но продержался он недолго. Возможно, формируется новый этап развития архитектуры – «безстильный» или

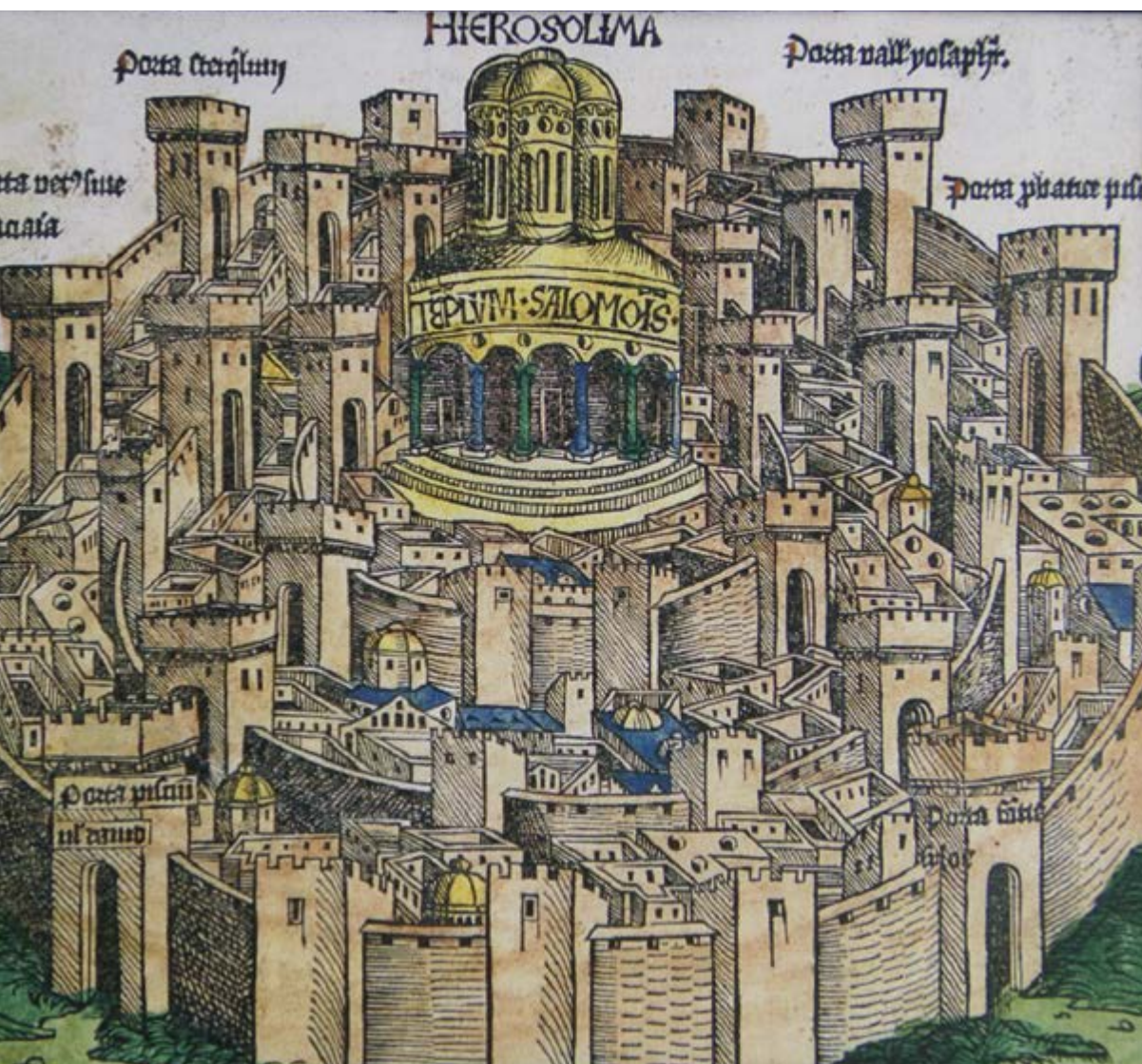
^ Идеальный город Ренессанса

^ Роб Крие. Пешеходное жилое образование, спроектированное «на манер» средневекового городка

^ Тенистая пешеходная улица Масдара. Машины и инфраструктура внизу под семиметровой плитой

^ Целостный и неделимый город Средневековья

«многостильный» (что, в сущности, одно и то же).

Меняется и представление о красоте. Развенчан миф о том, что есть хорошая и плохая, красивая и некрасивая архитектура. Мы начали понимать, что всеобщей, универсальной красоты не существует! Человек воспринимает красоту только так, как он воспитан. Мы видим только то, что знаем и понимаем. Так японец собирает ничего не значащие камни. Ставит их на распаханный гравий и получает сад камней – место медитации и эстетического любования. Но для русского крестьянина это просто делянка для выращивания капусты, а камни – досадная помеха. Господство в последние годы инсталляционного искусства вообще обесценило само понятие красоты (не говоря уже о стиле). Теперь эстетизировать можно любую среду: разваливающиеся города, покосившиеся здания, ржавые лестницы, кирпичные стены, покрытые осыпающейся штукатуркой, металлоконструкции столетней давности... Таким образом, исчезает грань между архитектурой и не архитектурой. Наступает новая эра, где представление о красоте настолько расширилось, что начинает терять всякий смысл.

Выяснилось, что вообще любые оценки не стабильны. То, что сегодня выглядит красиво, завтра может стать уродливым, и наоборот. Вспомним резкие повороты в отношениях к конструктивизму, русскому модерну или сталинскому ампиру за последние десятилетия. В этом нет ничего удивительного.

^ Инфраструктура, основа любого современного поселения, особенно актуальна в исторических городах

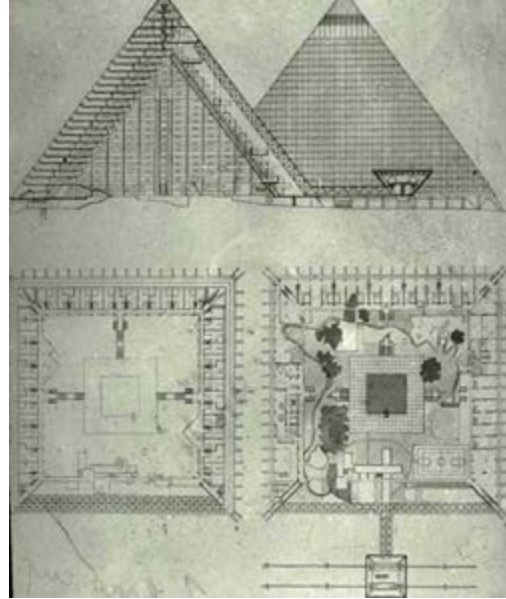
Известный шотландский философ Дэвид Юм предупреждал: «Прекрасное не есть качество, существующее в самих вещах; оно существует исключительно в духе, созерцающем их, и дух каждого человека усматривает иную красоту. Поиски подлинно прекрасного или подлинно безобразного... бесплодны» [1]. Ему вторит Умберто Эко: «Наши представления о красоте меняются не только в зависимости от исторической эпохи. Но даже и внутри одной эпохи, и даже внутри одной страны могут быть разные эстетические идеалы» [2].

Но и это еще не все. Города непрерывно растут. Количество зданий претендующих на высокое архитектурное «звание» стремительно увеличивается. Даже профессионалы не успевают их фиксировать, не говоря о простых жителях. Отдельные сооружения перестают волновать. Конечно, иногда строятся уникальные объекты. Но если раньше они долго служили маяками современной архитектуры, то теперь их трудно задержать в сознании. Все чаще вчерашние шедевры начинают раздражать, и их без сожаления сносят, как, например, снесли знаменитый Дом политпросвещения на Трубной площади.

Города. Итак, расширяются привычные представления о стиле, красоте, гармонии и даже о целях архитектурного творчества. Архитектура в определенной мере насытилась бесконечным количеством форм и стилей. Кроме того, путь от рисунка к постройке стал много

короче. Гармоничная пропорциональность, необычность формы или ее притязательность перестают нас волновать, поскольку построить можно что угодно. В этой ситуации меняется сама парадигма архитектуры. Становится важной не форма сооружения, а то, как оно включается в городскую среду. Только системы зданий, объединенные в улицы, комплексы, центры или моллы, способны вызвать интерес. Это уже не та архитектура, к которой мы привыкли. В зодчестве начинает лидировать не здание, а предельно созданный «городской интерьер». Изменились и масштабы строительства, и их сроки. Вспомним десятиллионный китайский город Шанжень, построенный за полтора десятилетия. Поэтому, скорее всего, основой грядущего постфункционализма станет не сооружение, а интегрированная городская среда. Вспомним, что еще Н. Ладовский утверждал: «... материал архитектуры это пространство, а не камень». Сегодня это пространство города [3].

Город – это комплексное явление, состоящее из массы разнообразных объектов. Поскольку советские города всю вторую половину прошлого века на архитектурные шедевры не претендовали, наши рассуждения о значимой городской среде касались лишь городов исторических. Нечто похожее происходило и на Западе. Так появились первые пешеходные улицы, «скорректированные» Бакемой и ван ден Бруком. Так в Сингапуре среди небоскребных скелетов

^ Компактный крытый город для сибирских сырьевых разработок

возникли великолепно отреставрированные трехэтажные кварталы. Люди старались не разрушать уникальный облик Венеции, Брюгге, Вены или Флоренции. Разрабатывались сложнейшие процедуры, контролируемые появление в этих городах новых объектов. Но есть и другие города. Города, не имеющие лица. Таких в России тысячи.

Как ни странно, большинство крупных городов обладают уникальным свойством – «всеядностью». Со временем они «пожирают» и «переваривают» любые объекты. Отторжения довольно редки. При этом новые здания не всегда подчиняются окружению. В городской среде они могут как «лидировать», так и «диссонировать». Центр Москвы изобилует подобными ситуациями. Тут соседствуют ампир, эклектика, модерн, русский стиль, конструктивизм, пролетарская классика, хрущевский примитивизм и лужковские башенки. Все это и создает неповторимую городскую среду Москвы. Но новые города, видимо, будут иными.

В будущем нам все чаще придется создавать новые города со сложной внутренней пластикой⁵. Это будет не только подражание старым образцам. Новые и сверхновые градостроительные идеи могут воплощаться в иные формы. Видимо, одно из направлений будущего постфункционализма – это город как единое сооружение с бесконечным перетеканием интерьеров в экстерьеры. Нечто подобное уже начинает появляться. Это небольшие города, построенные как еди-

5. Новые города России будут появляться не только ввиду роста населения, но и из-за катастрофического старения жилого фонда и растущей нормы квадратных метров на человека.

6. В последнее время появились экогорода Хамерби в Швеции и Куритиба в Бразилии.

ное сооружение. Так, Бофил и Крие проектируют и с успехом строят поселения, используя градостроительные стандарты лучших городов прошлого. Но есть города новой генерации.

В Эмиратах, в Абу-Даби, вблизи международного аэропорта, строится по проекту Нормана Фостера город будущего – Масдар (в пер. с араб. «источник») [4]. Университетская его часть уже построена. Город рассчитан на 50 тысяч постоянно населения и 100 тысяч дневного. Город очень плотный. Этажность средняя. Улицы узкие и прохладные. Часть центра перекрыта панелями с солнечными батареями. Рядом, в пустыне, сооружены целые поля солнечных батарей, дающих городу электроэнергию. Город построен из материала экологически безопасного. Кроме того, Масдар полностью пешеходный. Это достигается тем, что он построен на плите, поднятой на 7 м над землей. Под ней расположен транспорт, как личный, так и общественный, включая метро, связывающее его с городом. Там же находится единая инфраструктура, регулирующая потребление городом воды, тепла и энергии. Она контролирует все виды выбросов, в том числе и в атмосферу. Это тот случай, когда город не изолируется от природы, а напротив, пытается спасти природу от своего воздействия.

По функции это знакомый нам с советских времен наукоград, построенный, однако, по технологиям XXI века. Масдар не только экологически совершенный город⁶ – он

^ Берлин. Площадь Сони-Центра

7. СЖО (система жизненного обеспечения) – термин, применяющийся при постройке обитаемых космических станций. Системы инженерного оборудования современных суперзданий по своей сложности приближаются к космическим образцам.

позиционируется как всеарабский центр изучения экотехнологий. Изучая тенденции архитектуры XXI века, нам следует обратить особое внимание на этот город (было бы полезно сравнить его со Сколково). Прежде всего, это компактное городское образование. Компактность была вызвана не только климатом. Мощный инфраструктурный подиум требовал компактности. Перекрытые пространства, наряду с пешеходностью города, также требовали плотности. Традиционное скопище домов, рассыпанных, как овцы по лугу, не подходило для новой высоко технологичной городской застройки. Не следует думать, что подобные плотные города – явление уникальное. Вспомним самодостаточные античные города (Апамея, Пальмира, Герасса и Лептис-Магна), города Средневековья или Ренессанса (Пальмира Нуова). Вспомним советские проекты «алмазных» городов шестидесятых (Якутская стеклянная пирамида архитектора А. И. Шипкова) или заполярный «золотой» город вблизи Билибино. Элементы нового градостроительства можно найти в современных хабах. Аэропорт Хитроу, например, пропускает до 150 тысяч пассажиров в день. Это гигантская многоуровневая структура со своим обслуживанием и уникальным внутренним электротранспортом. Моря бороздят десятки экологически чистых круизных лайнеров, вмещающих более 10 тысяч пассажиров. Это фактически модели экогородов. Наконец, современные небоскребы.

Их обслуживают мощные инженерные структуры, контролирующие все системы СЖО⁷. К ним близки и суперсовременные промышленные предприятия. Характерно, что почти все перечисленные выше объекты предельно компактны, и развиваются они только до определенных пределов. Сложная инженерная суперсистема, их обслуживающая, не в состоянии непрерывно менять параметры. Если современные города растут как плесень, стихийно захватывающая окружающие территории, то города нового поколения, скорее всего, будут компактными и размножаться станут единицами, как развиваются более совершенные живые существа.

Образ таких городов будет, видимо, для нас не вполне привычен. Это будет единый организм, где роль и место каждого элемента заранее определена. Это город, в котором возобладают крытые, пассажные улицы и площади (например, крытая площадь Сони-центра в Берлине). Это город экстерьеров и интерьеров, перетекающих друг в друга.

Естественно, в огромной России это не станет единственной формой расселения. Мегалополисы, накопившие многовековые традиции, будут развиваться по своим законам. Останется и будет совершенствоваться такая уникальная, типично российская форма поселений, как дача. Будут совершенствоваться и сельские населенные пункты. Но следует уяснить, что мировая, и особенно российская, архитектура никогда не станет прежней. Надо

осознать это. Надо принять это. Надо целенаправленно и углубленно, в виде построек, статей, исследований или пластических фантазий, прогнозировать будущую среду обитания. Мы прогнозируем развитие военной техники, автостроения или авиации на десятилетия вперед. Странно, но в архитектуре, от которой зависит наша жизнь, мы этого практически не делаем. Не делаем даже, если речь идет о перспективе развития городов. А следовало бы. Если мы хотим выжить в этом быстро меняющемся мире, то нужно активизировать в этом направление весь наш технический и интеллектуальный потенциал.

Не следует уповать на Запад. У России в последнее столетие была уникальная история, уникальная экономика, уникальное градостроительство. Территория России огромна. В результате у нас сложилась совершенно особая система расселения. Следует осознать, что российские города всегда будут иными, чем города в Нидерландах, Тироле, Огайо, Сычуани или Эр-Рияде. Если мы не будем искать свой путь, как бы ни пришлось в скором времени унижено подражать высотным «дезодорантам» из Шанхая, «раковинам» из Дубая или «архитектурным имитациям» из Лас-Вегаса!

Илья Лежава / Ilya Lezhava

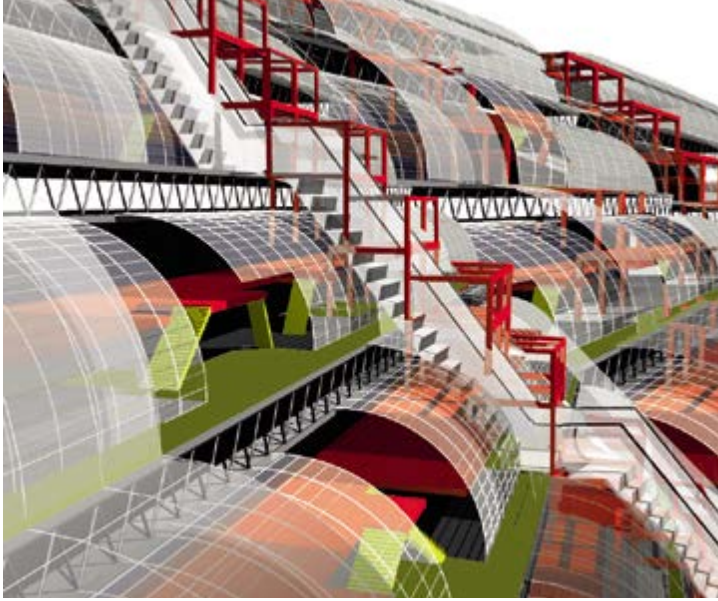
Литература

1. Юм Д. О норме вкуса. – М. : Эстетика, 1979. – С. 27.
2. История красоты / под ред. У. Эко. – М. : Слово, 2007. – С. 246.
3. Современная архитектура. – 1929. – № 4. – С. 143–144.
4. Бабуров В. Город солнца // Галерея недвижимости. – 2013. – № 5 (113). – С. 31–35.

References

- Baburov, V. (2013). Gorod solntsa [Sun City]. Galereya nedvizhivosti, 5 (113), 31–35.
- Eco, Umberto (Ed.). (2007). Istoria krasoty [History of beauty]. Moscow: Slovo.
- Hume, D. (1979). O norme vkusa [Of the Standard of Taste]. Moscow: Estetika.
- Sovremennaya arhitektura. (1929), 4, 143–144.

^ «Дышащие» жилые структуры города будущего

^ Современные пешеходные пространства

v Современная транспортно-пешеходная среда

We are publishing here a fragment from the book by Georgi Stanishev, Bulgarian architect, and architecture critic (Stanishev, G. (2016). *Architectural theory in monologues 1985-2015*. Sofia: Iztok-Zapad).

The book features the development of architectural concepts in the transitional period at the edge between the 20th and the 21st centuries through the discourses and thoughts of the most prominent architects in these times. Originally, some part of the texts included in the book were in the form of dialogues or interviews with architects taken by Georgi Stanishev. From 1987 to 1997, Stanishev directed and

produced the section "Concept" for the *World Architecture* magazine (London), where these interviews were published initially. Then the author continued to enlarge his collection thanks to his meetings and even collaborative work with several prominent architects of the 21st century. The book being prepared, Stanishev decided to exclude his own questions from the interviews and convert the architects' discourses into monologues.

The monological genre gives a manifestation tone to the texts and addresses the text directly to the readers, implying an immediate communication with them. The

collection of monologues thus forms a text field, where architects not only develop their concepts of the space, the world structure, culture and architecture, but also enter into dialogues and debates between each other in the reader's mind. The chronological order of the texts gives a sense of the progress of time with the changing focuses, topics of discussions and terminologies.

The book includes the texts based on the interviews with 25 leading architects taken by the author within the last three decades: Charles Jencks (1987), Yuri Lotman (1988), Zaha Hadid (1990), Adriaan Geuze (1992),

Paolo Soleri (1993), Shizuo Harada (1994), Kai Wartiainen (1995), Andrew Yeoman (1995), Toyo Ito (1995), Marc Hawker (1996), Lebbeus Woods (1996), Hani Rashid and Lise Anne Couture (1997), Kiyonori Kikutake (1997), Rudy Ricciotti (1997), Frank Gehry (1998), Peter Zellner (1998), Jean Nouvel (1998), Gavin Robotham (1998), Winka Dubbeldam (1999), Riichi Miyake (2000), Alvaro Siza (2010), Fumihiko Maki (2012), Andrey Chernikhov (2014), Hans Ibelings (2015).

At the present time, Georgi Stanishev is a professor of University of Architecture, Construction and

Заха Хадид: между визионерным и прагматическим / Zaha Hadid: Between the Visionary and the Pragmatic

Публикуемый текст – фрагмент книги Георги Станишева, болгарского архитектора, теоретика и критика архитектуры (Станишев Г. *Архитектурни теории в монолози 1985–2015*. София: Изток-Запад, 2016). Книга представляет собой панораму развития архитектурных концепций рубежа XX и XXI веков, представленную через речь и размышления наиболее ярких архитекторов этого переходного периода. Первоначально тексты, входящие в книгу, выглядели как диалоги, интервью Георги Станишева с архитекторами. В 1987–1997 годах Станишев был директором и продюсером самостоятельной рубрики *Concept*, которую он вел для журнала *World Architecture*, (Лондон), и часть интервью были первоначально опубликованы именно там. В дальнейшем автор продолжил и расширил свою коллекцию, благодаря встречам и совместной работе с рядом известных архитекторов XXI века. Затем возникла идея – убрать из текстов его вопросы и превратить речь интервьюированных архитекторов в монологическую.

Монологический жанр придает тексту манифестационное звучание и подразумевает прямое обращение персонажа к читателю, непосредственный разговор с ним. Собрание монологов образует текстовое поле, в котором архитекторы не только развивают свои представления о пространстве, устройстве мира, культуре, архитектуре, но и – в сознании читателя – вступают между собой в диалоги, спорят. Расположение текстов по хронологической оси создает ощущение хода времени: меняются акценты, темы дискуссий, терминология.

В книге собраны тексты, основанные на интервью, взятых автором у 25

ведущих архитекторов в разные годы последнего тридцатилетия:

Чарлс Дженкс, 1987
Юрий Лотман, 1988
Заха Хадид, 1990
Адриан Гюзе, 1992
Паоло Солери, 1993
Шизуо Харада, 1994
Кай Вартиайнен, 1995
Андрю Йоман, 1995
Тойо Ито, 1995
Марк Хокер, 1996
Лебус Удс, 1996
Хани Рашид и Лиз Ан Кутюр, 1997
Кийонори Кикутакэ, 1997
Руди Ричиоти, 1997
Франк Гери, 1998
Питер Зелнер, 1998
Жан Нувел, 1998
Кевин Роботам, 1998
Винка Дублдам, 1999
Риичи Мияке, 2000
Алvaro Сиза, 2010
Фумихико Маки, 2012
Андрей Чернихов, 2014
Ханс Ибелингс, 2015

В настоящее время Георги Станишев – профессор Университета архитектуры, строительства и геодезии в Софии и один из ведущих архитекторов в Болгарии. Работает также и со всемирно известными архитектурными компаниями Foster and Partners и Libeskind Architects. Мы рады, что можем назвать Георги Станишева большим другом нашего журнала. К сожалению, журнальный формат не позволяет полностью опубликовать его книгу в переводе на русский язык. Мы планируем перевести и опубликовать лишь некоторые монологи в серии материалов, которая открывается в этом номере.

Geodesy in Sofia and one of the leading architects in Bulgaria. He also works with internationally known companies Foster and Partners and Libeskind Architects (Milano offices). We are glad to call Georgi Stanishev a good friend of our journal. Unfortunately, the journal format restricts us from publishing the full Russian translation of his book. We are planning to translate and publish only several monologues in the series launched in this issue.

Despite the untimely death of its founder and leader, Zaha Hadid Architects remains one of the most active studios in London, producing designs all over the world. But in the early 1990s, when this interview was being held in her studio on 10 Bowling Green Lane in London, Zaha Hadid was mostly famous for her 'quazi visionary' projects with magnificent presentations that resemble abstract works by Kandinsky and Malevich rather than architectural designs of buildings and complexes...

Since the establishment of partnership between Hadid and Patrik Schumacher, the studio had focused on computer and parametric planning strategies. The Parametricist Manifesto (2008) became

the culmination of that direction. The parametric design guides Zaha toward searching for new relations between architecture and modeling of forms of field conditions, force lines and fluid processes in nature. Computer mathematics models evolutionary processes of the occurrence of natural forms in the living and non-living environment... Within the last decades, influenced by Schumacher's parametric ideology, Hadid's projects have more and more imitated the natural processes of creation of spatial and formal models resembling the organic world. The text given below, however, reveals the roots of Zaha's architectural ideology, that developed at the edge of the 1980s and 90s on the basis of Russian

avant-garde art and architecture, and partially hidden resonances with the inner world of the East.

...It is believed that when architects work on innovative projects, they create something new that have never existed before. At the same time, you would probably agree, that any architectural creation - even the most original, the most unusual - inevitably corresponds with some tradition within architectural culture. Most of these correspondences remain obscure for the architect. They appear as unconscious images, almost dreams. That is why it is difficult to define the sources of the architecture... In the beginning I was influenced by Malevich, then the works of El Lissitzky

Несмотря на преждевременную смерть своего основателя и лидера, студия «Заха Хадид Архитектс» продолжает быть одним из самых активных бюро в Лондоне, рассеивая свои проекты по всему миру. Но в начале 90-х годов, когда состоялся этот разговор в ее студии на 10 Bowling Green Lane в Лондоне, Заха Хадид была известна в основном своими «квазивизионерскими» проектами с великолепными презентациями, напоминающими больше абстрактные картины Кандинского и Малевича, чем архитектурные проекты зданий и комплексов...

С начала партнерства Хадид с Патриком Шумахером профиль работы в студии меняется в сторону компьютерной и параметрической стратегии проектирования. Кульминацией этой линии стал Манифест параметризма (2008). Параметрическое проектирование направляет поиски Захи в сторону связей архитектуры с моделированием форм полевых состояний, силовых линий и текущих процессов в природе. Математика вычислительных машин моделирует эволюционные процессы возникновения естественных форм в мертвой и живой природе... В последние десятилетия под влиянием параметрической идеологии Шумахера работы студии все более подражают естественным процессам образования пространственных и формальных моделей, похожих на органический мир. Приведенный ниже текст тем не менее раскрывает корни архитектурной идеоло-

гии Захи Хадид, развивающиеся на рубеже 80–90-х годов прошедшего века на почве русского живописного и архитектурного авангарда, и частично скрытые резонансы с внутренним миром Востока.

Считается, что когда архитекторы занимаются новаторством, они всегда изобретают нечто новое, ранее не существовавшее. В то же время вы, наверное, согласитесь, что всякий архитектурный проект, даже самый оригинальный, неизбежно соотносится и перекликается с бесчисленными типами уже существующих традиций в архитектурной культуре. Многие из этих переключек остаются скрытыми для самого архитектора, появляясь как бессознательные образы, почти на уровне мечты. Поэтому бывает трудно определить источники, которые могли повлиять на то, что делается... Но в самом начале для меня было вполне осознанно влияние Малевича, произведений Эль Лисицкого и Леонидова. Чуть позже я познакомилась с работами Мельникова и Чернихова, хотя каждый из них принадлежит к очень разным, особым типам мышления. Двадцатые годы двадцатого века в России в настоящее время рассматриваются в качестве лабор-

> Рис. 1. Супрематический мост: отель на мосту «Ньюбери» над Темзой в Лондоне. Студенческий проект Захи Хадид, 1978 / Suprematist bridge: hotel on the Newberry Bridge over the Thames in London, Zaha Hadid's student project, 1978

and Leonidov and after that there was Melnikhov and Chernikhov, although these were not from the same school of thought. The whole period of the 1920s in the USSR was seen as a laboratory for novel architectural ideas; in that age, there was no precedent, the Russian avant-garde stood alone. That period was for us, as students, a kind of mystery. It presented a change in history of art and in my own history, and though avant-garde of the early 20th century was not at all popular in the 1970s, but my work did in fact begin with reflections on Malevich. Our intention was to examine the ideas that were not and could not be embodied in architecture. This intention came not out of some

concrete book or personality. Everything began with Malevich himself and with the imaginary universe, embodied by his work.

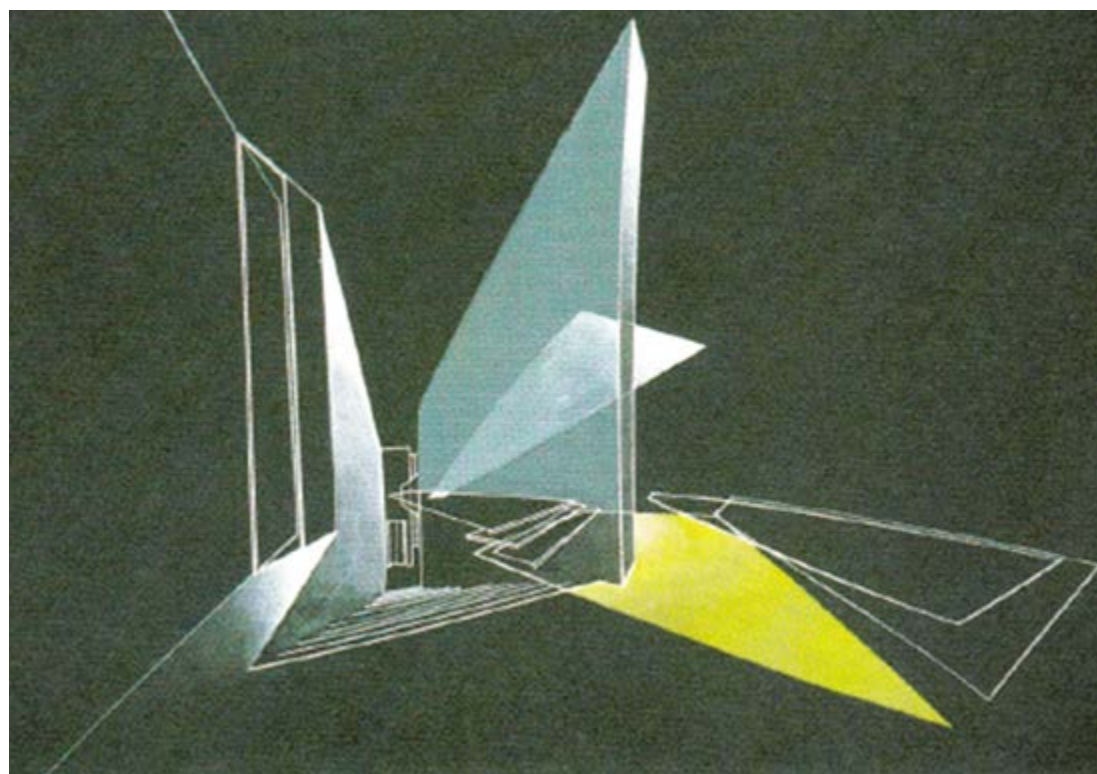
Russian experience.

The experimentation of the Russian avant-garde at the beginning of the century was never finished... Its leading proponents succeeded only in laying a kind of conceptual foundation for different architectural vectors of development, all of them oriented towards the transcendence of the boundaries and limits of architecture. I don't know whether my work can be considered an authentic continuation of it, but it is exactly this foundation that became the starting point for my own line of

development and experimentation, and this particularly concerns suprematism. What struck me about the suprematists was the fact that they would paint things while thinking of them as large-scale projects. It drastically enlarged our comprehension of architecture. And, at the same time, their achievement was never translated into architecture, with the possible exception of Leonidov.

I was attracted above all by the fact that the ideas, the projects of this period, had never been realised in practice. In part, some of the ideas had been realised in Manhattan by Rem Koolhaas, though never in Europe. For me, the heritage of the 1920s was a means of self-education in search of my own way.

I wouldn't say that my bias towards Russia of the early 20th century had any ideological basis... It was an instinctual attraction by the new expressive "architectons" of Malevich, by Lissitzky PROUNs, and other works... This had to do with the incredible architectural optimism of that period; and that optimism is something which today simply does not exist. I believe that the existence of this spiritual upsurge was very important for Russia. I saw it as important for us to understand the reasons for this spirit. I appreciate the enormous importance of the political situation, but I believe that behind it stood the aspiration to change the world through architecture. And this is

^ Рис. 2. Офисное здание «Адзабу Джу-бьян», Токио, 1988 год. Концептуальные эскизы дизайна и строительство / Azabu – Juban Office Building, Tokyo, 1988. Design concept sketches and building

ратории инноваций и новаторских архитектурных идей. Надо сказать, что в то время русский авангард был независимым, не имеющим ни одного прецедента. Для нас, студентов, этот период русской культуры был абсолютной загадкой. Он изменил историю искусства, но и мою собственную историю, и хотя авангард начала XX века вовсе не был популярной темой в 70-е годы, моя работа действительно началась под сильным влиянием Малевича. Наше намерение состояло в том,

чтобы исследовать его идеи, даже те, которые не были – и не могли быть – воплощены в архитектуре. Эта мысль выросла не из отдельной книги или человека. Для меня все началось с самого Малевича, но и со всей вселенной, выстроенной его творчеством, – всего, что было олицетворено его творчеством.

Русский опыт

Но эксперимент русского авангарда так и не был завершен... Ведущим его приверженцам удалось лишь

построить концептуальную основу для различных архитектурных линий развития, каждая из которых ориентирована в направлении, трансцендентном к границам архитектуры. В связи с этим я не знаю, могу ли я считать себя аутентичным продолжением начатого ими. Но именно эта основа и была началом моего развития – исследований и экспериментирования в русле супрематизма. В супрематизме меня поразил тот факт, что, рисуя композиции, они сразу мыслили их в качестве масштабных проектов. Это было радикальное расширение наших представлений об архитектуре. И все же их достижения не были переведены в реальные архитектурные проекты, за исключением, может быть, некоторых работ Леонидова.

Меня привлекло то, что идеи 20-х годов никогда не были реализованы и применены в реальности. В частности, некоторые из этих концепций были рассмотрены в книге Рема Колхаса о Манхэттене, но, несмотря на это, они никогда не были по-настоящему поняты в Европе. Для меня наследие модернизма 20-х годов было этапом самообразования в поисках собственного пути.

Я бы не сказала, что у моих страсти по отношению к России начала двадцатого века была некая идеологическая основа... Это было скорее инстинктивное влечение к новой выразительности, которая просто фонтанировала из архитекторов Малевича, из «проунов» Эль Лисицкого и других работ...

extremely important. During the 1970s and the 1980s this kind of aspiration to change the world disappeared – it is not an attribute of architects working in the office of today. You know, it was not a question to produce some beautiful colour schemes and form elaborations. The architects's work was seen as an aftermath of a certain programme, which came out as a new space types, catalyzing the changes in a city fabric, i.e. a process of a totally different scale, spirit and intention.

What is also important is the way that plans can change architecture itself. Furthermore, the plans which could be generated from this kind of architecture have to have a new kind of

script, inner intention and scale.

Speaking of the artistic ideology of Kasimir Malevich, you can suggest my attempt to translate his artistic language into that of my architecture. As a student at the Architectural Association (in London) I worked in the group of Rem Koolhaas and Elia Zenghelis. We then were attracted by the works and artistic language of Malevich, and none of us understood what we could get out of all that. The answer to that came out of one of his plastic works. This, we saw could be made into architecture, and then we started to research the possibilities of such translation. First, we analysed his "non-objective" tectonics expressed in so-called "architectons"

and thought about how to make this into architecture. Then we started thinking of how to evolve the spatial organism, and of how we would work out the plans as if the "architecton's" organism were a building. I worked a long time on this, and after a while I came to the conclusion that there are various ways of translating it into the language of architecture. In this way, in 1976, there came into being a project-interpretation of one of Malevich's "architectons"; it was something like a bridge over the Thames having a hybrid form that combined a role of an engineering and communication construction with many other public functions - a club, a parking space etc. At the same time, we

were very much impressed by the bridge over the Seine in Paris by Konstantin Melnikov.

Gravity models.

The notion of freedom or liberation in the Russian culture of the early 20th century was very clear, very adamant for me. It could be grasped as liberation from gravity and this immediately implies the breaking of formal and tectonic norms, or, one can get this out of Malevich, "standing on the verge of time". I think that he was trying to tell us that we are very dependent on the Earth's gravity, being Earth creatures, and how strong is the desire for liberation from it's force.

The Revolution then seemed to

Мое влечение было также связано с невероятным архитектурным оптимизмом того периода – тем, что сегодня просто уже не существует. Я считаю, что такой духовный подъем, взрыв имел решающее значение для России. Важно найти причины этого духа. Я ценю огромное значение политической ситуации, но я считаю, что за этим стоит внутреннее отношение и стремление изменить мир через архитектуру. Это чрезвычайно важно. В 70–80-х годах это стремление – изменить мир – исчезло, оно вовсе не присуще современным практикующим архитекторам. Знаете ли, тогда ведь вообще не шла речь о каких-то красивых цветных схемах и формах. Работа архитекторов была следствием определенной программы, нового отношения к профессии, и отсюда – этот новый тип программ и пространств. Если бы кто-то превратил их в своего рода социальных инструментов, они могли бы радикально изменить архитектуру и город. Другая важная вещь – это путь, в котором новые методы проектирования могут изменять архитектуру. Кроме того, городское планирование, которое должно было быть порождено этим типом архитектуры, имело бы совершенно новый дух и внутреннее намерение, новый масштаб.

Что же касается художественной идеологии Казимира Малевича, вероятно, вы могли бы говорить о попытке превращения его художественной системы в моем творчестве в чистую архитектуру, о своеобразном переводе Малевича

на мой собственный архитектурный язык. В качестве студента Архитектурной ассоциации в Лондоне я работала в кругу Рема Колхаса и Элия Зенгелиса. Когда мы были увлечены работами и художественным языком Малевича, никто из нас не знал, что может выйти из такого перевода и вообще как это сделать. И вот, ответ на этот вопрос пришел от одной из его пластических работ. Что-то мне подсказало: «Из этого можно сделать архитектуру», – и мы начали исследование возможностей такой трансляции. Во-первых, мы проанализировали его беспредметную тектонику, выраженную в так называемых архитектонках, и стали обдумывать, как превратить ее в метод проектирования. Тогда мы начали думать о том, как создать пространственный организм и делать планы – если представить себе, что организм архитектора является строением, зданием.

Я работала над проектом длительное время, а затем пришла к выводу, что существуют различные способы ретранслировать беспредметную тектонику на язык архитектуры. Так в 1976 году появился новый проект – интерпретация одного из архитектонков Малевича. Проект был что-то вроде моста через Темзу, но моста, представляющего

> Рис. 3. Токийский офисный строительный проект, 1989. Макет / Model of the Tokyo office building project. Tokyo, 1989

embody and to realise this idea of liberation. There is no revolution now and that's the basic difference. But the architecture then does show a different way of touching the ground, it is lighter. I think, the Russians have it in their culture... The feeling of levitation, the organic feeling of weightlessness is even inserted in their classical ballet.

No, my contacts with the heritage of the Soviet avant-garde don't boil down to leafing through albums and going to museums. I have visited Russia dozens of times, first incognito, and then invited by my friends. Nobody knew me ten or fifteen years ago, but it is at that time that I decided that if a woman wants to continue her education in the field of

modern architecture, then she had better study the main cultural currents of the twentieth century. And this is how it all started. It was important to see the Russian achievements – on paper, and on the spot.

For me, Moscow was fantastic. I think that the idea of liberating space continues to exist. The fantastic thing about Moscow was that, as you stand on the Lenin mausoleum, you feel as if the whole city is bending. And you feel tangential in relation to the spherical surface of the ground. I think that the spirit of Moscow is the spirit of space.

That spirit of the city and its synthesis with Cosmos, makes the works of the Russians more comprehensible.

It's quite overwhelming. You see the Sputniks everywhere, on toothpaste, on souvenirs, on toys. This is the incredible spirit you start to feel as you walk about Moscow. I really felt, for the first time ever, as if I was free from the ground. To make this kind of architecture, embodying the notion of liberation from gravity and from Earth, is another obsession of the Russians. They feel the Cosmos, and this gives birth to a new kind of spatial organisation.

Indeed, in a number of my projects one can feel the absence of gravity pull, or rather, its transcendence. But this idea is not only related to the influence of Moscow. I had the idea, even before I went to Moscow, that the way modern

buildings touch the ground is different from the old ones... My buildings tend towards lightness, as if they are made of glass and air. They are lighter than stone. They touch the ground like a Russian dancer who steps only to fly up again, whereas the English dancer seems to be firmly rooted, like a plant...

Of course, there is a common denominator between architectural culture in Russia and America... A lot of ideas happening in Russia were later translated to America, but not fully. Europeans tend to reach for the clouds and beyond them, whereas Americans go for the sky – hence the skyscrapers. As for the Russians, they reach for the stars. Their ceiling is higher, they are

с собой гибридную форму, сочетающего в себе роль инженерного и коммуникативного сооружения, со многими другими общественными функциями: клуба, парковки и т. д. Параллельно мы тогда были увлечены еще одним проектом – моста через Сену в Париже Константина Мельникова.

Модели гравитации

Вы знаете, понятия «свобода», «освобождение» в русской культуре в начале XX века для меня было наиболее понятным через

представление об освобождении пространства... Оно может быть принято как освобождение от гравитации, и это сразу же подразумевает нарушение определенных формальных и тектонических норм или даже моделирование «состояния на краю времени», что характерно для Малевичем. Я думаю, что он пытался сказать нам, насколько мы как земные существа зависим от гравитации и насколько сильно желание избавиться от нее. Революция появилась как воплощение и реализация этой идеи

свободы. В настоящее время не происходит никакой революции, и это главное отличие того времени от нашего. В тот период архитекторы сознательно занимались поисками способов, по которым их здания касаются земли, так чтобы добиться ощущения невесомости. Я думаю, что у русских есть это в их культуре... Даже в их классический балет встроено чувство левитации, органическое чувство отсутствия веса.

Нет, мои контакты с наследием социалистического авангарда не

могут быть сведены к листанию альбомов и блужданию по музеям. В последние годы я посетила Россию десятки раз – сначала инкогнито, а затем по приглашению друзей. Никто не знал обо мне десять или пятнадцать лет назад, но как раз в тот период я поняла, что если женщина хочет продолжать развиваться в области современной архитектуры, она должна изучить основные культурные течения XX века. Так все это и началось. Было важно увидеть достижение России – как на бумаге, так и на земле.

less inhibited, more adventurous. I think that people in America and Russia are very alike, not just because their mentality related to large-scale spaces is similar. Americans tend to be guided by a kind of Anglo-Saxon, or Germanic thinking, whereas the Russians think in a much more Eastern way. They are occupied by the same dimensions, but their limitations are different.

Reason and feelings.

As you know, in the architectural history of the twentieth century there is, in Western Europe, an avant-garde developing in parallel with the Russian one.

The European avant-garde starts with

Marinetti and futurism, and culminates in Le Corbusier, Mies van der Rohe, Gropius. But there is a fundamental difference between these two types of the culture here on the level of thinking. There are two kinds of minds in Western Europe: one is the emotional, the intuitive, and the other is the rational, based on logics. And they have never been able to understand that these two principles can exist in a kind of unity.

Intuitiveness is not simply based on the wish to do something in a certain way, it is grounded in a certain experience and understanding of the situation... Whereas in Russia, things are rather different. The emotional colour there is much more intense, and they

tend to overstep rules and regulations generally accepted in the West. On the one hand this transgression produces an uncomfortable feeling, and on the other it has to do with liberation... They live between transgression and its overcoming...

There are two things now, at the end of the twentieth century, that are of prime importance for architecture. One is to use the latest technology and make our lives easier without interfering with the environment. The other is to keep the notion of simplicity and easiness of relations. Today, at the edge of the century, it is harder to design a simple building than a complicated one. One reason that people are abandon-

ing Modernism is because it is not decorative, and it's so difficult to hide one's mistakes. It is easy to spot the mistakes in a simple building, and it is easy these days to camouflage mistakes in decorations – like decorating a cake. I began with the notion of abstraction – it is not for nothing that I have a degree in maths.

What is my internal, "ancestral" world-view connected with the East? I have lived abroad other than in Iraq where I was born. Of course, there are inherited things. But they are to do not so much with the East as such, but with the conditions of my upbringing, my origins, my family, my school in Iraq. It is hard for me to specify the leading one.

Для меня Москва была чем-то фантастическим. Я думаю, что идея свободного пространства там продолжает жить. Это невероятное ощущение, когда вы стоите у Мавзолея Ленина и чувствуете, как весь город сгибается и вы скользите по касательной к сферической поверхности Земли. Дух Москвы есть дух пространства.

Этот дух и синтез с космосом делают работу русских более масштабной. Поразительно, что вы видите везде спутник, на этикетке зубной пасты, на сувенирах в виде игрушек. Это невероятное чувство, которое возникает, когда ходишь по Москве. Впервые я почувствовала, как будто отрываюсь от Земли. Сделать такую архитектуру, воплощающую чувство свободы от тяжести, земной гравитации, определено было навязчивой идеей русских. Они чувствуют космос, и это приводит к порождению новой пространственной организации.

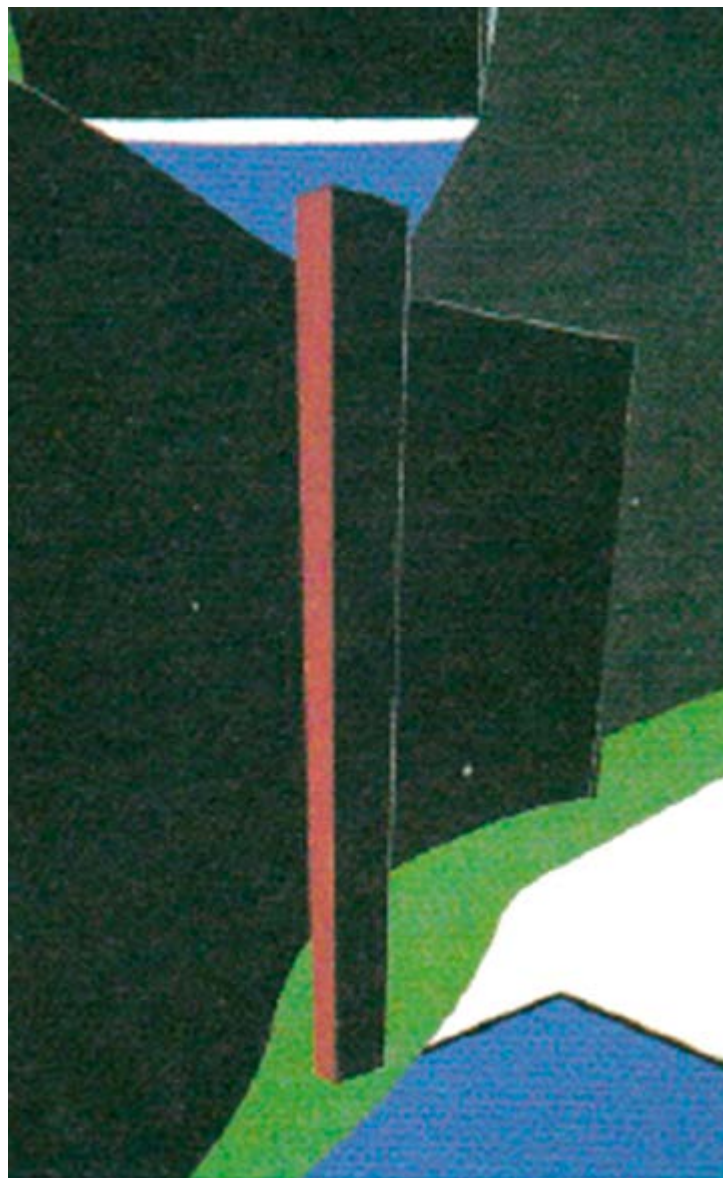
Действительно, во многих из моих проектов проблема противостояния гравитационному притяжению если и не лежит в основе, то по крайней мере присутствует в качестве доминирующей идеи. Но я бы не сказала, что с этой концепцией связана только русская культура. Я имела представление о том, что способы, которыми современные здания опираются на землю, отличается от того как это делалось раньше... Мои проекты стремятся к легкости... Здания как бы сделаны из стекла и воздуха. Они легче, чем камень. Они прикасаются к земле, как русская танцовщица, касаясь

ее, – только чтобы взлететь вновь, тогда как английский танцор кажется приросшим к поверхности, как растение...

Конечно, есть общий знаменатель между архитектурной культурой в России и Америке... Многие идеи появились в России, а позже они появляются в американском переводе, но не полностью. Европейцы, как правило, тянутся к облакам и над ними, как американцы, стремятся к небу – отсюда их небоскребы. Россияне обращаются к звездам. Для них потолок выше, у них меньше запретов и больше авантюризма. Я думаю, что люди в России и Америке очень похожи – не только из-за схожей ментальности, связанной с большими масштабами пространств. Американцы, как правило, руководствуются англосаксонским или немецким мышлением, в то время как россияне мыслят, следуя скорее восточным моделям. Они имеют дело с одними и теми же размерностями, только их ограничения различны.

Разум и чувства

Вы знаете, конечно, что в истории архитектуры XX века авангард в Западной Европе развивается параллельно с российским. Европейский авангард начинается с Маринетти и футуризма и достигает кульминации в работах Ле Корбюзье, Мис ван дер Роз, Гропиуса. Но есть фундаментальное различие между двумя типами этой культуры, и оно заключается в способах мышления. В Западной Европе существует два типа мышления: эмоциональный

Culture is interaction, history is interaction, our own build-up is the result of interaction, and it is difficult to point to one specific thing. There are, of course, degrees of morality, rules of ethics that are an integral part of my personality. But they are also a part of my education. My background is among the best – I have always been encouraged to think progressively and independently. All of these elements of culture are interconnected, and that's typical of the Middle East. My father was from the generation that fought the British Mandate and was against imperialism, and he was a socialist. He went to school here, as did my brothers, so my background is not

typically Middle East. And we travelled a lot when I was young. I always ask myself, to what extent I feel my consciousness connected with the East and whether this connection influences my projects or not... Some critics see a connection between my layouts and Arabic calligraphy... I don't know... Maybe they mean fluidity of the lines... Turning back to the field of architecture, I would say that the original conception undergoes serious conversion, before getting to the stage of this "calligraphy of the plan"...

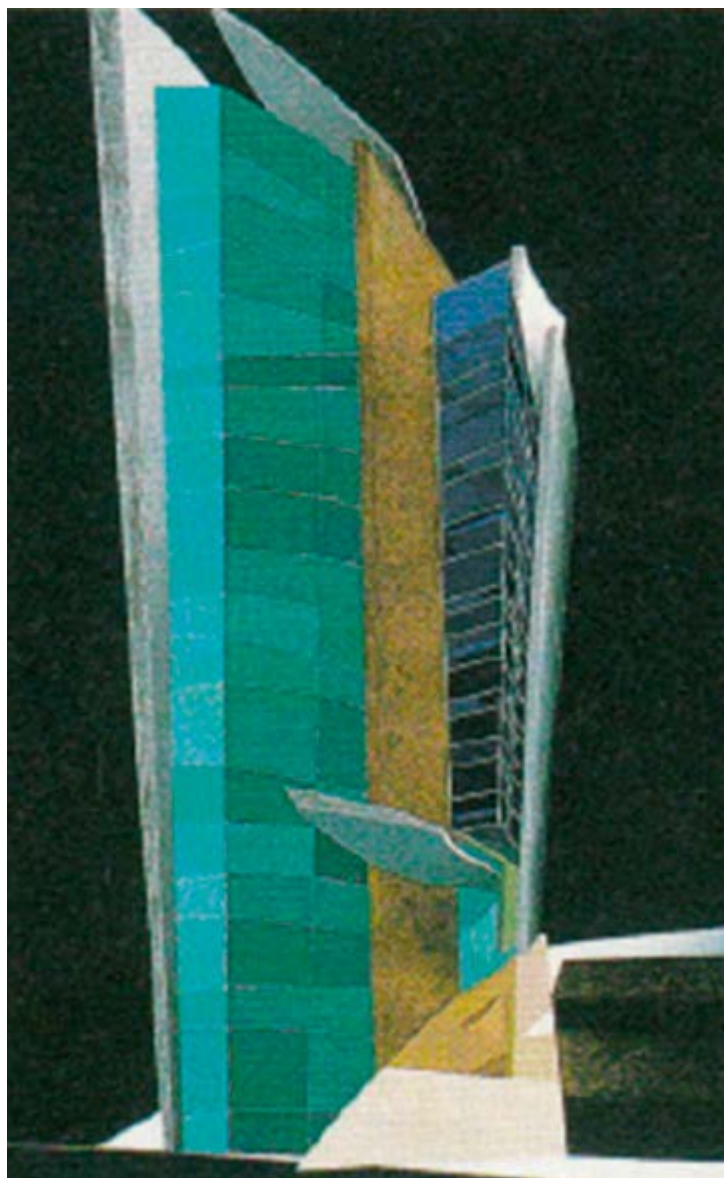
Drawing as a strategy.

On the whole, the project begins as a notion of abstract composition and its

fragmentation. The plan, whether it is an urban plan or an architectural plan of a building, is articulated and dissected. Then the analysis of its components serves as a basis for making conclusions about the synthesis of the new project. Some of its areas become energetic, and others are fluent. The plan then is refunctionalised by way of a series of metamorphoses. This was the way it started, this was the boom of my student years.

You can't start a new thing in the old way. The projections, the drawings, the studies could not be done in conventional terms. This was the breakthrough. Stuck together, these things made a

new mode and rhythm of work. Plus, they stimulated my constant desire to do something new, to make a new programme, a new architecture. As I have already said, my work is an attempt to reject conventional things... In fact, I cannot really present my project in conventional terms. It is important for me to see it in a different light. The stage of drawing is always the testing ground for my ideas. Thus, drawing in my work has a double or even ambiguous function, it is also an instrument for experiments and a final product of a new genre of making perspective architectures. I draw not to illustrate, but to check out ideas which I want to bring

(интуитивный, иррациональный) и основанный на логике. Западноевропейцы до сих пор не могут себе представить, что эти принципы могут существовать и в форме синтеза, то есть могут быть объединены.

Интуитивность не просто основана на стремлении делать вещи определенным образом, она рождается в определенном опыте и понимании ситуации. В России совсем другое. Эмоциональная окраска гораздо более интенсивная, как правило, она выходит за рамки общепринятых на Западе норм. С одной стороны, это нарушение правил создает неприятное ощущение, а с другой – оно имеет связь со свободой... Они живут между преступлением и его преодолением...

В конце XX века существуют две вещи, которые имеют большое значение для архитектуры. Одна заключается в том, что необходимо использовать современные технологии, чтобы сделать нашу жизнь проще, не повредив при этом окружающую среду. Вторая – в необходимости стремления к простоте и непринужденности отношений. Сегодня, на рубеже столетий, труднее спроектировать простое здание, чем сложное. Одна из причин, по которой люди отказываются от модернизма, состоит в том, что он лишен декоративности, так что чьи-то ошибки трудно спрятать. Они очень заметны в простом здании, но теперь их легко замаскировать украшением – поскольку мы украшаем здание, как торт. Я начала с концепции абстракции, и это не случайно: у меня есть диплом по математике.

Каково мое внутреннее, «наследственное» мировоззрение с Востока? Я жила в основном за границей, а не в Ираке, где родилась. Конечно, что-то я унаследовала. Но оно не связано с Востоком в целом, скорее с условиями моего образования, моего происхождения, моей семьи, моей школы в Ираке. Трудно определить, что из всего этого главное. Культура – это взаимодействие, история – это взаимодействие, наш собственный рост – результат многочисленных взаимодействий, поэтому трудно указать на одну конкретную вещь. Конечно, существуют моральные нормы, этические нормы, которые непреодолимо являются частью меня, моей личности. Но это тоже часть моего образования. Моя окружающая среда была очень хорошей: меня всегда учили думать современно и самостоятельно. Все эти элементы культуры взаимосвязаны, и это характерно для Ближнего Востока. Мой отец был из поколения, которое боролось с британской колонизацией, и он был против империи, он был социалистом. Он посещал школу здесь, в Лондоне, и мои братья тоже, поэтому мое прошлое не очень тесно связано с Ближним Востоком. Мы много путешествовали, когда были маленькими. Я всегда задавала себе вопрос, в какой мере и чувствую ли я вообще что-то связанное с Востоком и оказывает ли эта связь какое-либо подсознательное влияние на мои проекты?.. Некоторые критики находят резонанс между дизайном моих проектов

into architecture. I draw things which present the idea in its most naked form. These ideas stand divorced from the specifics of the functional task. From the objectness of the object – exactly like Malevich... Via a series of drawings and changing a viewpoint several times one can arrive at the nature of the object. Via drawing, the object unfolds, showing aspects that you'd never believe were there. The drawing is not only a means for presenting the object and its designing, but also an instrument for analyzing the architectural result. Even when the drawing becomes an object of art, like those you can see on the walls of my studio, it is only a procedure for

и арабской каллиграфией... Я не знаю... Может быть, они имеют в виду общую легкость линий... Возвращаясь к области архитектуры, я бы сказала, что первоначальная концепция подвергается серьезной конверсии, прежде чем она достигнет этапа «каллиграфии плана»...

Рисунок как стратегия

В целом проект начинается с идеи абстрактной композиции и ее фрагментации. Образ плана, будь то градостроительный или архитектурный план отдельного здания, артикулируется и расчленяется, чтобы затем, на базе анализа его составных частей, сделать выводы относительно синтеза нового проекта. Некоторые из частей плана становятся энергичными и напряженными, а другие – плавны и размыты. Полученный таким образом план рефункционализируется через серию метаморфоз. Так я начинала строить свой метод работы во времена бума моих студенческих лет.

Никакая новая вещь не может быть построена по-старому. Проекция, эскизы, учебные задания не могли быть выполнены в стандартных условиях. Это было для меня важным научным открытием. Все это создало новый формат и ритм работы... Они стимулировали мое постоянное стремление к чему-то новому, новую программу для новой архитектуры. Как я уже сказала, моя работа – это попытка отказаться от общепринятых, тривиальных вещей... На самом деле я бы и не смогла представить свой проект общепринятым способом. Для меня

revealing the nature of the design task. Although, yes, in some cases the drawing does take a life of its own as in the case of Peak Hong Kong – and it can tell whole stories too!

Changing the points of view

Actually, in some of my projects, my idea of the city is presented as an art composition depicted from above, as if someone is looking at the city from God's position. Yes, in this case I use the texture of the city as a canvas, in order to paint on it giant suprematist compositions... From a new point of view, drawing is a way of beginning a long conversation that is making a project. We draw a project, we draw the city, but

очень важно представить архитектурную проблему в другом свете, в новом ракурсе. Фаза рисунка и живописи всегда была испытательной площадкой для архитектурных идей, которые я хочу развивать в проекте. Таким образом, картина в моей работе имеет двойную, неоднозначную функцию, это также инструмент для экспериментов и конечный продукт нового жанра – создание перспективных архитектур. Я рисую не для иллюстрации, а для проверки силы идей, которые хочу ввести в архитектуру. Я рисую вещи, которые представляют концепцию в ее самой чистой форме. Это идеи, которые отстранены от специфики функциональной задачи. От предметности объекта – как у Малевича... Через серию эскизов и смену ракурсов можно достичь глубины предмета. Через рисунок объект раскрывается, демонстрируя новые аспекты, о существовании которых мы не подозреваем. Эскиз – это не только средство представления объекта и его дизайнера, но и инструмент анализа архитектурных результатов. Я могу сказать, что даже когда эскиз полностью становится живописным произведением – как те, которые вы видите на стенах моей студии, – он родится только как средство выявления сущности проектной задачи. Правда в некоторых случаях эскизы оживают, как в моем проекте для Клуба Пик в Гонконге, и они могут рассказывать целые истории.

Изменение точек зрения

Действительно, в ряде проектов моя

at the same time the drawing implies that the city depends on many external contexts and changes under their influence. In the process of drawing the abstraction we analyze the object and change the project. These days we see the world from different points of view. Even 200 years ago nobody could have seen a city from a bird's eye view. We can experience things from so many different angles these days – from a train, a car, an airplane – we have such a novel feeling of speed; does this not mean that, while making a project, we have to see the world from all these different viewpoints? We must use the situation that we are in, take advantage of all the

идея города представлена как превосходная живописная композиция, изображаемая сверху, как будто кто-то смотрит на город с позиции Бога. Соглашусь, что тут происходит использование текстуры города как своего рода холста, на котором я пытаюсь строить масштабные супрематические композиции... Рисование с новых точек зрения – это прием, который знаменует начало продолжительного диалога, который и есть создание проекта. Эскизный проект, зарисовки города, но в то же время процесс рисования показывает, что город зависит от множества внешних контекстов, что он меняется под их воздействием. В процессе эскизирования и абстрагирования определенных признаков объект анализируется, и проект изменяется. Сегодня мы видим город с разных точек зрения. 200 лет назад никто не имел возможности увидеть город с высоты птичьего полета. В настоящее время мы можем воспринимать вещи с разных точек зрения – из поезда, из автомобиля, из самолета – у нас такое необычное чувство скорости. Разве это не значит, что мы должны рассматривать мир со всех этих точек зрения в процесса проектирования? Мы должны воспользоваться ситуацией, в которой мы оказались, воспользоваться нашими достижениями и уникальностью этого исторического момента.

Как видите, в процессе проектирования у меня нет предварительно избранной методологии, не требуется заранее заданного баланса между интуицией и умозрительным

achievements and the uniqueness of this historical moment.

As you can see, in the process of designing I don't have any preliminary methodology, there is no need to set a balance between intuition and conceptual design beforehand. I begin with thought and image which define how the world should look after my intervention. This is what most architects do, they have an image in their head, and then they need a couple of hours for the design. In my case, I make experiment after experiment, trying to get at the target. At the same time, one must think about the rules, the restrictions – if you are doing a house you must not

дизайном. Я начинаю с идеи и картины, которая определяет, как все должно выглядеть в мире после моего вмешательства. Это делает большинство архитекторов, – если создается некий образ, а затем они нуждаются в нескольких часах для проектирования. В моем случае я делаю эксперимент за экспериментом, пытаюсь достичь цели. В то же время кто-то должен думать и о правилах, рестрициях, – если вы строите дом, не стоит забывать, что в нем будут жить люди. Затем интегрируйте изображение и процесс в космос, затем проверьте полученную идею в контексте среды и программы-функции. Все это должно происходить одновременно. Основная идея развивается в концепцию, концепция развивается в проект и, наконец, проект достигает уровня архитектуры.

Я не могу определить, является ли конечный образ объекта идеальным, ощущаемым и желаемым с самого начала. Заполняется ли он постепенно субъектом, сознанием, решается как конструкция и т. д. Или образ проекта подвержен эволюции проектного процесса: исследование, варианты, отказы, находка и детализация... Иногда картинка возникает с самого начала, а затем это просто вопрос упрощения и поиска технологий для ее производства в материале. Иногда образуются некие циклические траектории – у меня есть предварительный эскиз того, что, как мне кажется, нужно получить, но пока я работаю над ним, проект движется, уходит куда-то. Неред-

forget that people are going to live in it. So then you integrate the image and the process in space, after which you check out the completed idea in the context of the environment and the programme-function. All of this should be happening simultaneously. The basic idea develops into a concept, the concept is developed into a project and, finally, the project becomes architecture.

I cannot say whether the final image of the object is ideal, perceived and desired from the beginning. Whether it is gradually filled out by the subject, the conscious, worked out as a construction etc., or this image is subject to evolu-

tion in the process of the designing itself: research, variants, refusals, finding and detalisation... Sometimes, it comes to me very clearly at the beginning, and then it is matter of simplifying it and searching for technologies for its material production. Sometimes, some cyclic trajectories occur: I have a kind of preliminary sketch of what I think will happen, and then the project changes as I work on it. In the end of this hard travel I often come back to the original sketch, but even such kinds of trajectories are useful, because the project has to be tested and simplified and worked out until there is nothing unnecessary in it. When an idea is born, I sketch it,

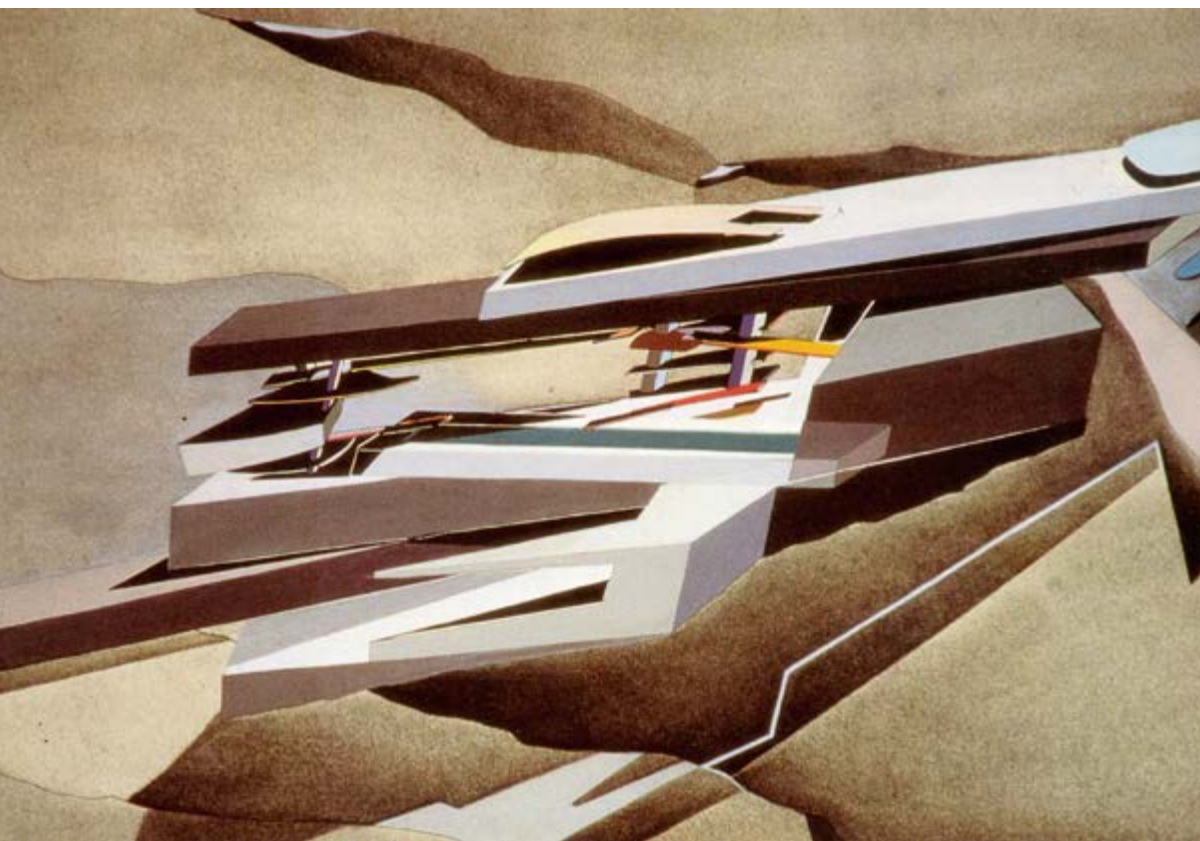
and then I do the diagrams and send them to my people. Then the idea starts going back and forth, then I check it and it begins to settle. All factors must work together, and not simply combine. When I was young I used to draw the same thing thousands of times to improve it, but it did not happen. Now my head is clear like a screen, and I draw on that. When my mind is clear, then I draw.

The new.

The young entering into architecture seems to have divided into two vectors: visionary and conceptual architecture, architecture of ideas on the one hand and practical architecture meant for construction on the other. However, I

think that what we try to do, really, is to maintain a laboratory for developing ideas to cover both the visionary and the pragmatic worlds. It's very important to do this, since without this synthesis you cannot develop an architecture. When you are actually building, there are so many limitations – not intellectual ones, but to do with regulations and that sort of thing.

Yes, today I absolutely believe that architecture which combines conceptualism and realism is more worthy than purely practical one. Although things become difficult when there's any degree of inventiveness. You know, people in the world these days, they

^ Заха Хадид, проект клуба «Пик» в Гонконге, 1982-1983 / Zaha Hadid. Hong Kong Peak, 1982-1983

ко после трудного путешествия я возвращаюсь к первоначальной концепции, но даже эти траектории никогда не излишни, потому что проект должен быть протестирован, упрощен и развит, пока в нем не останется ничего лишнего. Итак, когда идея рождается, я рисую ее, рисую диаграммы и отправляю ее своим людям. Затем идея начинает двигаться туда и обратно, затем

я проверяю ее, и она начинает устраиваться. Все факторы должны работать вместе, а не просто комбинироваться. Когда я была маленькой, я пыталась что-то улучшить, нарисовав одно и то же тысячу раз, но ничего не получалось. Теперь моя голова «чиста, как экран», и я использую ее. Я работаю над проектом только тогда, когда мой разум ясен.

Новое

Новое поколение, входящее в архитектуру, похоже, разделено на два вектора: визионерная и концептуальная архитектура, обусловленная идеями, – с одной стороны, и практическая архитектура, предназначенная для строительства, – с другой. Тем не менее я думаю, что мы пытаемся создать лабораторию для разработки идей, которые соединяют оба мира, визионера и прагматика. Крайне важно это сделать потому, что без такого синтеза мы не сможем развивать архитектуру. Когда мы строим, существует так много ограничений – не интеллектуальных, а связанных с правилами и ограничениями, и т. д.

Да, я сегодня защищаю позицию, что архитектура, сочетающая концептуализм и реализм, более ценна, чем чисто практическая архитектура. Я верю в это абсолютно. Тем не менее все становится исключительно трудным, когда архитектор предлагает нестандартный уровень инноваций. Вы же знаете, ведь люди сегодня просто покупают. Они покупают то, что они видят, и то, что они привыкли видеть. Если такое здание не было построено до сих пор, они не могут его понять и поэтому не могут рассматривать его как продукт. Архитекторы и девелоперы сами начинают стесняться проектировать и создавать вещи, не совсем узнаваемые и само собой разумеющиеся. Они избегают риска, часто отказываясь от своих идей. Мы говорим о людях, которые, если бы у них не было этой самоцензуры, могли бы сделать

just shop. They buy what they can see and what they get used to see. And if this building has not happened before, they cannot understand it, cannot see it as a product. Architects and developers became worried about building something that was not immediately obvious, and they abandon their ideas to avoid the risks – people who could have done wonderful innovative work if it was not for this self-censorship. And the building industry is also at fault. They want to maintain the existing system, while imposing strict requirements concerning certain ventilating facades, metal walls, angles acceptable for walls and that sort of thing. The minute you

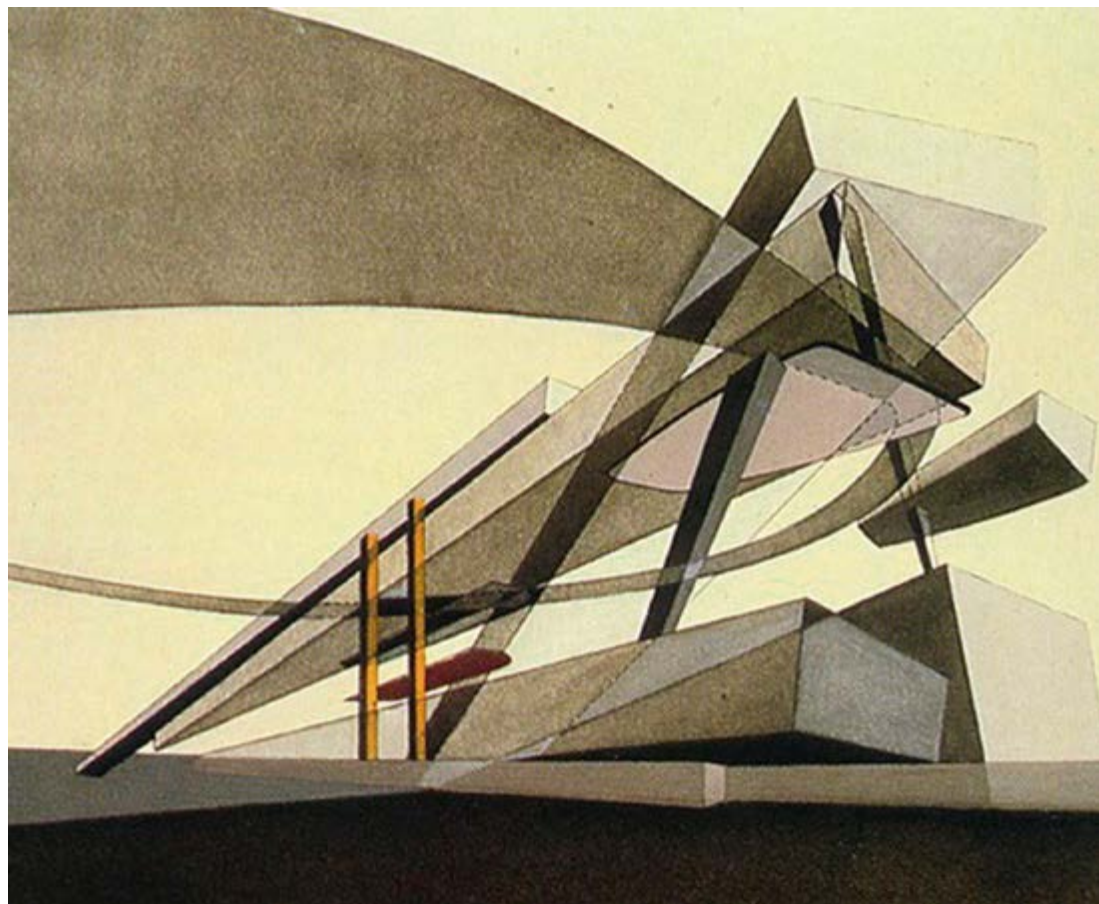
try to break these conventions, they double their risk and prices. And in this situation it becomes very difficult for someone young to do really innovative projects. The most conventional of all is the fact that they spend an hour on the design, and then a year planning the building. I think it happens when the people in charge don't understand that it does not all boil down to a nice elevation or comfort... That a building has to have an impact on the city. That's why the French are so fantastic with their far gone context projects financed by the government. They have an area consciousness, they realize that they should do more than just another build-

ing. I see the similar changes beginning to happen in Europe and America, because they are going to do very large projects, and they realize that for this they require some very strong ideas of a different scale to create integrity of the urban fabric. This will inevitably change the design of the buildings.

For us, the most important thing at the moment is to prove that what we do is real, that it is possible, and that a new architecture is possible and desirable, no weaker than the conventional architecture, and is going to have more impact on the development of the city. My main interest, possibly as yet subconscious, is how to make really major urban projects

that work as giant “spatial pictures” and present energies and vectors that form the dynamics of the city. Thus, I think we are gradually stepping out of the single building scale, looking at whole urban territories in search of new strategies for development of the urban fabric.

отличную инновационную работу. Строительство также ориентировано неверно. Они хотят обеспечить соблюдение всей существующей системы, предъявляя жесткие требования: какими должны быть вентилируемые фасады, какими должны быть стены, какие углы приемлемы для стен и все, тому подобное. В тот момент, когда вы пытаетесь нарушить эту конвенцию, они удваивают свой риск и, конечно же, цену на конечный продукт. В этой ситуации молодому человеку очень сложно создавать действительно инновационные проекты. Самое обычное дело, когда они хотят спроектировать все в течение часа, а затем позволяют себе угробить целый год на планирование строительства. Я считаю, что это происходит, когда люди, которые управляют процессом, не видят и недостаточно понимают, что понятие хорошего здания не сводится к красивому фасаду или комфорту... Что здание должно оказать влияние на город. Вот почему французы настолько фантастичны в отношении своих широкомасштабных контекстуальных проектов с государственным финансированием. Они имеют особую чувствительность к окружающей среде, они понимают, что нужно разработать нечто большее, чем просто обычное здание. Я вижу, что изменения происходят в одном и том же направлении – как в Европе, так и в Америке, потому что строятся действительно большие проекты, и становится понятно, что необходимы мощные идеи для организации целостности

городской ткани. Идеи с иным масштабом. Это неизбежно изменит дизайн зданий.

Для нас самое главное на данный момент – доказать, что то, что мы делаем, реально, что это возможно и что новая архитектура является возможной и желательной,

чтобы она не была более уязвимой, чем обычная архитектура, и все более влияла на развитие города. Мой главный интерес, который все еще находится на почти подсознательном уровне, – это большие урбанистические проекты, которые работают как колоссальные «про-

странственные картины» и которые представляют силы и векторы, образующие динамику города. Итак, мне кажется, мы постепенно покидаем объект единого здания и направляемся на исследование целых в поисках новых стратегий освоения городской ткани.

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Бержинский Юрий Анатольевич – руководитель отдела сейсмостойкого строительства Института земной коры СО РАН (Иркутск)

Боков Андрей Владимирович – действительный член Российской академии архитектуры и строительных наук, доктор архитектуры, народный архитектор РФ (Москва)

Булгакова Елена Александровна – зав. кафедрой архитектуры Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, кандидат архитектуры, профессор Российской академии естествознания, член Союза архитекторов России

Виноградова Ксения Сергеевна – соучредитель студии творчества «Дом Солнца», искусствовед (Курильск)

Гладкова Екатерина Андреевна – архитектор (Иркутск)

Головицкая Ирина – пиар-менеджер Союза архитекторов России, директор мастерской урбанистики свободного образовательного проекта «Летняя школа» (Москва)

Григорьева Анна Сергеевна – переводчик АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – заслуженный архитектор РФ, член-корреспондент РААСН, вице-президент СА России

Динара Ильина – архитектор (Иркутск)

Дружинина Инна Евгеньевна – главный архитектор ПАМ «Аллегро», доцент кафедры архитектурного проектирования ИРНТУ, член правления Иркутской региональной организации САР

Ефимов Андрей Владимирович – заслуженный деятель искусств России, доктор архитектуры, профессор, зав. кафедрой дизайна архитектурной среды МАРХИ

Железняк Ольга Евгеньевна – зав. кафедрой дизайна Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук ИРНТУ, кандидат искусствоведения, профессор, член Союза дизайнеров России, Союза архитекторов России, действительный член Международной академии наук о природе и обществе

Заступенко Анастасия Николаевна – координатор Красноярской региональной общественной организации «Экологическая ассоциация» (Красноярск)

Зыков Сергей Николаевич – председатель правления СРО «Ассоциация проектировщиков Кузбасса», председатель правления Кемеровской региональной организации Союза архитекторов России

Капустин Петр Владимирович – зав. кафедрой архитектурного проектирования и градостроительства Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, профессор

Кварталов Козьма – заслуженный урбанист и кварталовед, магистр современного фольклора, народный баюн Восточно-Сибирского федерального округа, генеральный директор Пробириной палатки при Общественной палате Иркутской области

Козлов Валерий Васильевич – кандидат архитектуры, профессор ИРНТУ

Краковцева Юлия – архитектор Иркутскжелдорпроекта

Лежава Илья Георгиевич – заведующий кафедрой градостроительства МАРХИ, вице-президент РААСН, доктор архитектуры, профессор, заслуженный архитектор РФ

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения

Лисицин Василий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры архитектурного проектирования ИРНТУ

Логвинов Виктор Николаевич – первый вице-президент Союза архитекторов России, член-корреспондент РААСН, руководитель мастерской «Архитектурный центр», заслуженный архитектор РФ

Меерович Марк Григорьевич – доктор архитектуры, доктор исторических наук, член-корреспондент РААСН, член-корреспондент МААМ, профессор ИРНТУ, заслуженный архитектор России

Наумова Надежда – архитектор (Иркутск)

Павлова Татьяна Федоровна – директор ОАО «Горпроект» (Ангарск)

Понамарева Ирина Николаевна – ведущий архитектор ООО «ТМА Логвинова» (Москва)

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член СМА, член Союза дизайнеров России (Латвия)

Смирнова Ольга Федоровна – главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды», член Союза архитекторов России (Красноярск)

Станишев Георги – архитектор, теоретик и критик архитектуры (Болгария)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета, сотрудник Центра независимых социальных исследований (Иркутск), член Союза журналистов России

Тодескини, Фабио – архитектор, градостроитель, специалист по охране объектов культурного наследия, почетный профессор Университета Кейптауна (ЮАР)

Фёдорова Ирина Николаевна – соучредитель студии творчества «Дом Солнца», педагог-художник (Курильск)

Янсен, Лиана – ландшафтный архитектор, специалист по охране объектов культурного наследия, член комитета ИКОМОС (ЮАР)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Yuri Berzhinsky – head of the department of antiseismic construction of the Institute of the Earth's Crust SB RAS (Irkutsk)

Andrei Bokov – academician of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), Doctor of Architecture, national architect of the RF (Moscow)

Elena Bulgakova – head of the Architecture Department at Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute, Ph.D. in Architecture, professor of Russian Academy of Natural History, member of the Union of Architects of Russia (UAR)

Ksenia Vinogradova – cofounder of the creative studio “Sun House”, art expert (Kurilsk)

Ekaterina Gladkova – architect (Irkutsk)

Irina Golovitskaya – PR-manager of the UAR, director of the urban studies department in non-commercial educational project “Summer School” (Moscow)

Anna Grigorieva – translator, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – honored architect of the RF, corresponding member of the RAACS, vice president of the UAR, IAAM

Dinara Ilyina – architect (Irkutsk)

Inna Druzhinina – member of the Board of the Irkutsk Organization of the UAR, chief architect of the personal architectural bureau “Allegro”, Ass. **Professor of the Department of Architectural Engineering of INRTU**

Andrey Efimov – honoured artist of Russia, Doctor of Architecture, professor, head of the Department of Design of Architectural Environment at MARCHI

Olga Zheleznyak – Professor, Ph.D. in Art History, head of the Department of Design at Institute of Fine Arts, Humanities and Social Sciences of INRTU, member of the Union of Designers of Russia, member of the UAR, full member of the International Academy of Nature and Society Sciences

Anastasia Zastupenko – coordinator of Krasnoyarsk Regional Public Organization “Ecological Association” (Krasnoyarsk)

Sergey Zykov – chairman of the Board of SRO “Association of Project Designers of Kuzbass”, chairman of the Board of the Kemerovo regional organization of the UAR

Petr Kapustin – head of the Department of Architectural Design and Town Planning at Voronezh State University of Architecture and Construction, professor

Kozma Kvartalov – honored urbanist and quarter lore specialist, master of modern folklore, national crooner of the East-Siberian Federal District, director general of the Assaying Tent affiliated with the Public Chamber of the Irkutsk Region

Valery Kozlov – Ph.D. in Architecture, professor of INRTU

Yulia Krakovtseva – architect, Irkutskzheldorproject

Ilya Lezhava – honored architect of the RF, doctor of architecture, professor, head of the Town Planning Department of MARCHI, vice-president of the RAACS (Moscow)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Vasili Lisitsyn – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor of the Department of Architectural Design of INRTU

Victor Logvinov – first vice-president of the UAR, corresponding member of the RAACS, director of the bureau “Architectural Center”, honored architect of Russia

Mark Meerovich – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, corresponding member of IAAM, Professor of INRTU, honored architect of the RF

Nadezhda Naumova – architect (Irkutsk)

Tatyana Pavlova – director of Gorproject OJSC (Angarsk)

Irina Ponomareva – leading architect of OOO TMA Logviovva (Moscow)

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Union of Moscow Architects, member of the Union of Designers of Russia (Latvia)

Olga Smirnova – chief architect of “Semiramida Gardens” Landscape Company, member of the UAR (Krasnoyarsk)

Georgi Stanishev – architect, architecture critic (Bulgaria)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at BSUEL, member of the Center for Independent Social Research (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Fabio Todeschini – architect, city planner, urban designer, heritage practitioner, emeritus professor at the University of Cape Town (RSA)

Irina Fedorova – cofounder of the creative studio “Sun House”, teaching artist (Kurilsk)

Liana Jansen – landscape architect, heritage practitioner, member of ICOMOS committees (RSA)

ЦЕНТР СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

г. Иркутск, ул. Ф. Энгельса 8, оф. 101
Тел: 8 (3952) 484-199
www.prostore.guru

Приглашаем к сотрудничеству архитекторов

КРОВЛИ И ВОДОСТОКИ

- КОМПОЗИТНАЯ ЧЕРЕПИЦА METROTILE (БЕЛЬГИЯ)
- ГИБКАЯ ЧЕРЕПИЦА TEGOLA (ИТАЛИЯ)
- ВОДОСТОЧНАЯ СИСТЕМА AQUASYSTEM (РОССИЯ)

ФАСАДЫ

- ФИБРОЦЕМЕНТНЫЕ ФАСАДЫ KMEW (ЯПОНИЯ)
- ФИБРОЦЕМЕНТНЫЙ САЙДИНГ CEDRAL (БЕЛЬГИЯ)
- ИСКУССТВЕННЫЙ ОБЛИЦОВОЧНЫЙ КАМЕНЬ WHITE HILLS (РОССИЯ)

КМЕШ
Кей Эм Ю

Вентилируемые
ФАСАДЫ
ИЗ ЯП●НИИ

Официальный дистрибьютор
фасадных панелей КМЕШ в России
Компания «Фасадные технологии»
г. Иркутск, ул. Ф. Энгельса, 8, оф. 302
+7 (3952) 484-184

Объект: Жилой комплекс
Baikal Residence,
Иркутский район пос. Листвянка
Архитектурное бюро: АСП ОСНОВА
Материал: фиброцементная
фасадная плита КМЕШ Ceradir 16 мм